

От автора бестселлеров
THE ONE. ЕДИНСТВЕННЫЙ
и **ПАССАЖИРЫ**

Д

ДОБРАЯ **САМАРИТЯНКА**

Этот приятный женский голос
из телефона...

Так звучит смерть.

ДЖОН МАРРС

Annotation

...Они в смертельном отчаянии. Звонят на телефон доверия «Больше некуда», потому что действительно больше некуда обратиться. Им нужен лучик надежды. Но если не повезет, на том конце линии окажется Лора Моррис. Которая не желает, чтобы они надеялись. Лора хочет, чтобы они лишили себя жизни. Жаждет услышать по телефону их последний вздох...

И уверена, что легко уйдет от ответственности – все продумано до мелочей. Но очередной обработанный «клиент» по имени Стивен просит Лору не просто слушать его смерть, а лично присутствовать при ней. Предвкушая чудесные мгновения, Моррис не знает, чем это обернется. Как и Стивен, не представляющий на что способна параноидальная «добрая самаритянка», у которой отняли любимую игрушку – наслаждение прощальным мигом другого человека...

- [Джон Маррс](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Часть I](#)
 - [Лора](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Райан](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
- [Часть II](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Часть III](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
- [Эпилог](#)
- [Благодарности](#)
- [От автора](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)

- [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
-

Джон Маррс

Добрая самаритянка

Служение другим – плата за проживание на земле.

Мухаммед Али

Если ищешь мести, рой две могилы – одну для себя.

Дуглас Хортон

John Marrs

THE GOOD SAMARITAN

Text copyright © 2017 by John Marrs. All rights reserved.

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

© Смирнова М.В., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

– Где вы? – негромко сказала я в трубку спокойным, размеренным тоном.

– Мое такси только что остановилось на парковке, и я пытаюсь избавиться от наличной мелочи.

– Зачем? – спросила я.

– Затем, что мне она не нужна.

– Понятно. – Я возвела глаза к потолку. Это казалось напрасной тратой времени, и меня тревожило то, что все может обернуться тактикой проволочек. Но давить на него нельзя. – Делайте то, что считаете нужным, и помните: я с вами на протяжении всего пути.

Я услышала, как он что-то пробубнил водителю, потом вылез и захлопнул за собой дверь. Предположила, что на улице идет легкий дождь, потому что, до того как такси отъехало прочь, каждые несколько секунд слышала скрип «дворников», стирающих воду с лобового стекла.

– Как у нас дела? – спросила я, намеренно используя оборот «у нас», а не «у вас», дабы подчеркнуть, что мы участвуем вместе – если не в материальном смысле, то хотя бы в духовном. Место выбирала не я, потому гадала, не передумает ли он, увидев, какая там высота. В таких случаях мне приходилось смиряться с решением клиента. Требовалось время, чтобы добиться нужного настроения, но теперь, когда удалось, я хотела, чтобы он сохранял настрой до конца. И я изо всех сил старалась напомнить ему, почему он там и как далеко мы зашли.

Он словно прочитал мои мысли.

– Не волнуйтесь, я не склонен менять решения.

Я с облегчением вздохнула.

– Это правда, – продолжил он. – Я в нужном месте и готов. Теперь, когда я здесь и вижу, что передо мной, на сто десять процентов уверен, что собираюсь поступить правильно.

Я верила ему. Не думала, будто он когда-либо лгал мне, потому что у него никогда не было на то причин. Он много раз говорил, что был со мной более честен, чем с кем-либо еще из тех, кого знал, – и я с гордостью выслушивала это.

– Уже видите ее? – спросила я. – Она за рулем красного «Воксхолла Астра», регистрационный номер ви-девять-восемь-семь...

– ...Ти-эйч-джи. Да, она только что помигала мне фарами. Такое

ощущение, будто мы в фильме про шпионов и вы дали мне задание передать ей секретные документы. – Он нервно засмеялся, и я притворилась, будто тоже смеюсь.

– Хорошо, давайте я позвоню ей. Пока что оставайтесь на месте. Мы не хотим пугать ее.

Первый звонок встал на удержание, когда я набрала номер. Она ответила после семи гудков – слишком большой промежуток, как мне показалось.

– Здравствуйте, – негромко начала я. – Как у нас дела?

– Не знаю, – ответила она. В ее голосе совершенно не было уверенности. Я сопровождала достаточно людей в подобной ситуации, чтобы различить в словах высокие нотки тревоги. Нужно продвигаться осторожно.

– Рада слышать вас, – успокаивающим тоном произнесла я. – Хорошо ли прошла поездка? Нравится это место?

– Приехала сюда час назад и выпила чашку чая в кафе чуть дальше по дороге. – Еще один красный флажок. У нее было свободное время на раздумья.

– Хотите поговорить еще о чем-нибудь, прежде чем мы приступим? – спросила я.

Она поколебалась.

– Мне очень жаль, но теперь, когда я здесь, начинаю думать, что, возможно, поступаю неправильно, – ответила она.

Я скрипнула зубами. Нельзя допустить, чтобы все закончилось вот так. Нужно подкрепить ее мотивацию.

– Это из-за ребенка, верно? – мягко спросила я.

– Да.

– Вы беспокоитесь о том, что принимаете эгоистичное решение?

– Да, – повторила она, на этот раз едва слышно.

Я откинулась на спинку кресла.

– Это совершенно понятно, но вам нужно осознать: так говорите не вы, а ваши гормоны. Они дают ложное ощущение, что у вас есть некие возможности, заставляют думать, будто в конце концов все может быть хорошо, если вы просто выждете какое-то время. Но послушайте человека, у которого есть опыт. Когда ребенок родится, для вас все станет только хуже – намного хуже. Вас станут лечить еще интенсивнее, из-за чего жизнь сделается еще более мутной, чем сейчас. Вы не сможете быть хорошей матерью, а препараты, которые вы принимали, уже сказались на вашем ребенке. Он вырастет точно таким же, как вы, с точно такими же

проблемами, с точно такими же страданиями. История повторится. Вы действительно хотите нести ответственность за это? В отличие от вас я ясно вижу ситуацию и знаю: именно так все и произойдет. У вашего ребенка нет ни единого шанса на счастье в этом мире. И в глубине души вы тоже это понимаете, верно?

– Вы правы, – всхлипнула она, уже не пытаясь бороться со слезами.

Я побыла злым копом, теперь снова нужно стать добрым.

– Знаете, я день и ночь думаю обо всех вас, – продолжила я. – Знаю, какой долгий путь вы проделали с тех пор, как нашли меня много недель назад. Горжусь вашей отвагой и силой. Вы ведь это знаете?

– Да, – ответила она, но в голосе не было той убежденности, на которую я надеялась. Пора переключать передачу.

– Я думаю и о вашей семье. Им повезло, что в их жизни есть такой человек, как вы, – такой отзывчивый и такой отважный. Это редкие качества, и я знаю, что сначала подобные вещи трудно понять, но со временем родные начинают осознавать, что вы любили их так сильно, что поставили их нужды превыше собственных. Вы много раз говорили мне, что никогда не станете той женой, что нужна вашему мужу. Но это не ваша вина, а его – в том, что он поставил вас на пьедестал. Это он сделал с вами. Просто продолжайте напоминать себе, ради чего вы вообще искали меня. Вместе мы исследовали каждую тропинку, прежде чем вы решили, что это единственный разумный путь. Вы двигаетесь вперед и позволяете всем, кого вы любите, делать то же самое. И я очень уважаю вас за это.

Я так долго повторяла эти слова, неделю за неделей, разговор за разговором, медленно укрепляя веру в то, что это единственный путь вперед. Однако на него потребовалось меньше труда. С ним не было никакой возможности компромисса. Белое либо черное – и никакого серого. Однажды он сказал мне, что я подобна веревке, вытаскившей его из зыбучих песков и поставившей на правильную тропу.

– Вы правы, – всхлипнула она. – Спасибо.

– Ну, хорошо. Что ж, высморкайтесь, сделайте глубокий вдох – и продолжим вместе. Для начала откройте дверь и идите к нему. – Я пыталась вообразить, будто нахожусь там вместе с ними. – Теперь подробно опишите то, что видите перед собой.

– Кажется, это он, ждет меня, – начала она. – Улыбается. А позади него солнце пытается пробиться сквозь тучи. Довольно холодно, но мороза нет.

Я слышала хруст гравия у нее под ногами, стук капель по плечам плаща, крики чаек в небе. Почти чувствовала запах соленого морского воздуха вокруг них. Переключила телефон на его номер.

– Еще раз здравствуйте, – произнесла я. – Она направляется к вам, но тревожится немного сильнее, чем вы. Вы ведь присмотрите за ней, да?

– Конечно, – ответил он таким уверенным тоном, какого я от него никогда не слышала.

Когда они впервые встретились лицом к лицу, я вообразила, как они улыбаются друг другу. Включила сразу оба звонка и услышала приглушенное шуршание ткани о ткань – как будто они обнимались. Я велела ей надеть достаточно просторный плащ, чтобы скрыть беременность. Менее всего мне нужно спугнуть его сейчас, когда мы были так близко к завершению.

Я ощутила, как горит кожа – адреналин растекался по всем шестидесяти тысячам миль кровеносных сосудов, даруя некое подобие эйфории.

«Жди своего часа. Крепко держи себя в руках, потому что слишком многое может пойти не так».

Я вообразила, как они стоят там – абсолютно чужие друг другу люди, которым не нужно говорить, чтобы пообщаться. Они объединены общей целью, и это я свела их вместе. Их жизни будут навечно связаны одна с другой благодаря мне. Я не знала, смеяться мне или плакать.

– Вы оба слышите меня? – спросила я их.

– Да, – в один голос ответили они.

– Если вас по-прежнему все устраивает, я хотела бы остаться с вами так долго, как это возможно. Так что когда будете готовы, сделайте глубокий вдох, потом возьмитесь за руки и начинайте идти. Неважно, как трудно это будет, какими тяжелыми покажутся вам ваши ноги, держитесь друг за друга в поисках поддержки. Не оборачивайтесь и не останавливайтесь. Мы можем сделать это вместе.

– Спасибо, – произнес он. – Спасибо за то, что поняли меня. Вы невероятный человек.

– Рада была помочь, – ответила я. В прошлом, достигая кульминации, я бывала намного сильнее. Но он стал слишком важной частью моей жизни, чтобы не чувствовать боль. Зная, что наш путь подходит к концу, я сжала кулаки. Теперь продолжать историю предстояло им.

Я крепко зажмурилась. Вдыхала и выдыхала воздух в такт их дыханию по мере того, как они уходили все дальше от автомобильной парковки. Гравий сменился травой, дождь усилился. Она начала всхлипывать, но я была уверена, что это слезы счастья. Я знала, что он чуть крепче сжал ее руку, делаясь с ней той силой, которую я так ценила в нем.

А потом... ничего.

Ничего, кроме последних звуков их дыхания и морского ветра, завывающего в телефонах, когда они падали с высоты в пятьсот тридцать футов в воду внизу. И когда их тела погрузились в море, а души взмыли в небо, я с силой прикусила нижнюю губу, ощутив привкус крови. Все кончено.

Я выждала некоторое время, прежде чем неохотно повесить трубку. Достав из ящика стола бумажные платочки, высморкалась, распрямила поджатые пальцы ног и стала думать о своем якорю, пока спокойствие вновь не воцарилось во всем моем теле.

Резко подняв голову, я окинула взглядом помещение, дабы убедиться, что никто за пределами моей выгородки не слышал меня.

– Ты в порядке? – раздался сбоку от меня слащавый голос Мэри, заставив меня вздрогнуть. Она прошаркала из кухни к моему столу, почувствовав, что что-то не так. Ее лицо явственно выдавало ее возраст. – Это был один из *тех* звонков?

– Да.

– Они ведь не сделали этого, пока ты говорила с ними, верно?

Я кивнула, и она похлопала меня по плечу. По коже побежали мурашки, как бывало всякий раз, когда кто-то без разрешения касался меня. Подобные жесты меня никогда не успокаивали.

– Мне очень жаль, – продолжила Мэри. – Когда они звонят, надеешься, что нужен лишь дружеский голос, готовый их выслушать, и тогда они на какое-то время передумают обрывать свою жизнь, да?

– Да, – солгала я.

– И я знаю, что мы не должны отговаривать их или даже предлагать варианты, но это тяжело, когда ты просто хочешь, чтобы люди поняли: их жизнь стоит того, чтобы жить.

– Тяжело, – согласилась я. – Я хотела бы, чтобы каждый мог увидеть красоту этого мира нашими глазами.

Это был напряженный день, и на линии не хватало волонтеров, поэтому Мэри направилась обратно в свой угол. Когда на моем телефоне замигал красный огонек, обозначая, что нам снова кто-то звонит, я откашлялась и ответила – согласно правилам, спустя пять гудков.

– Добрый день, – начала я. – Вы дозвонились в «Больше некуда», меня зовут Лора. Могу я узнать ваше имя?

Часть I

Лора

Глава 1

Четыре месяца после Дэвида

Поднимаясь по лестнице к двери, я слышала их приглушенные голоса. В рабочем помещении «Больше некуда» сейчас находились пять человек – все сидели в отдельных выгородках. Некоторые, облокотившись на столы, слушали звонящих через гарнитуры; другие небрежно откинулись на спинки кресел, держа трубку возле уха. Один лениво решал кроссворд в сегодняшней газете.

Я пришла раньше начала своей смены и радостно помахала рукой Кевину и Зою, которые вели беседу – каждый со своим клиентом. Указав на жестяную коробку с кексами, которую несла под мышкой, направилась в сторону кухни. Мэри, старшая из волонтеров нашего проекта, сидела в угловой выгородке первого ряда, ее спицы двигались быстро и почти бесшумно, в то время как она сама говорила что-то в гарнитуру. Сегодня шерсть, из которой она вязала, была такой же серой, как ее полуседые волосы.

Я добралась до жалкой пародии на офисную кухню и положила в холодильник контейнер с остатками вчерашней макаронной запеканки. Выкинув устрашающее количество бутылок из-под просроченного молока, сняла крышку с коробки, чтобы каждый мог попробовать мои свежее испеченные кексы с глазурью. Кексов было достаточно для каждого из дневной смены, а остатки могли поделить между собой вечерняя и ночная.

Я открыла створку окна, чтобы впустить свежий майский воздух и прогнать застоявшуюся духоту, царившую в помещениях второго этажа. Затем, вернувшись в рабочее пространство, достала из сумки блокнот и заняла свою любимую выгородку в дальнем ряду. Рабочие места не были официально закреплены за нами, поэтому мы не могли претендовать на тот или иной стол. Но существовала негласная иерархия, согласно которой тому, кто работал здесь долгое время, было позволено занимать ту выгородку, где он чувствовал себя наиболее комфортно. Я выбрала самое уединенное место возле заколоченного досками викторианского камина. Здесь, за перегородкой, мой негромкий успокаивающий голос, которым я говорила по телефону, не мог услышать никто из находившихся в комнате.

Мы никогда не признавались, что подслушиваем телефонные разговоры друг друга, но это нормально – иногда проявлять любопытство.

Вот уже четыре с половиной года я смотрела из этого окна на центральную часть Нортхэмптона и гадала, чей звонок сегодня приму первым. Обычно самые интересные вещи происходили во время более поздней – вечерней – смены. Когда сгущается тьма снаружи, то же самое происходит в душах наиболее уязвимых людей. Ночь – их враг, потому что чем меньше они видят то, на что можно отвлекаться, тем больше возможностей у них думать, какой безнадежной сделалась их жизнь. Именно тогда они ищут руку помощи.

Нам предлагалось отвечать каждому клиенту одинаково: с добротой, уважением и профессионализмом. То, что они услышаны, заставляло их чувствовать себя более нужными на этом свете, однако ожидать, будто ты можешь помочь всем, не приходилось. Как и того, что все придется тебе по душе. К некоторым мы мгновенно проникались неприязнью, как только они начинали перечислять своих врагов. В некоторых мы видели самих себя. Некоторых хотелось схватить за руку и глубоко, до крови вонзить ногти в кожу – чтобы заставить проявить хоть немного здравого смысла. Другим мы просто предоставляли плечо, в которое можно выплакаться и не подвергнуться осуждению.

Но если говорить коротко, почти каждый в этой комнате сидел здесь ради одной цели – быть тем, кому клиент может поведать о своих проблемах.

«А еще есть я. У меня своя задача».

– Ты принесла кексы! – с энтузиазмом воскликнул Кевин. Направляясь к моему столу, он сдирал бумажную обертку с одного из них.

– Напомни, прежде чем я уйду, принести твою рубашку из машины, – отозвалась я.

– Осторожней, а то о нас начнут сплетничать! – усмехнулся он, подмигивая мне. Я притворилась, будто смеюсь вместе с ним.

– Пришила пуговицу на манжету и накрахмалила воротник.

– Что бы мы без тебя делали, Лора?

– И не забудь, что в эти выходные – годовщина твоей свадьбы, поэтому купи открытку и цветов. И не ту дешевую дрянь, которую продают на заправке. Закажи букет через интернет.

– Сделаю. – Кевин чмокнул меня в щеку, и я притворно-чопорно закатила глаза. – Ты прямо наша офисная мамочка, – добавил он.

Мне нравилось, когда меня воспринимали как материнскую фигуру. Для них я была полезна, ненавязчива и незаменима, и это меня вполне

устраивало. Потому что если тебя не считают угрозой, тебе может сойти с рук намного, намного больше.

Глава 2

Первые тридцать минут четырехчасовой смены были относительно спокойными, поэтому я пролистала папку с фотографиями на своем мобильнике... с теми, которые мой муж Тони не позволил бы мне выставлять в доме.

Достав из сумки ручку с серебряным пером, открыла блокнот. Я использовала его, чтобы записывать основные подробности о каждом клиенте, включая имя, краткую сводку проблем и несколько вопросов, которые нужно вставить, если в разговоре наметится затишье. Разговор всегда был под контролем клиента – или, по крайней мере, так я им внушала.

Полномочия операторов «Больше некуда» были простыми и ясными, и это было одной из множества вещей, которые убедили меня, что следует тратить на это время. Здесь считается, что каждый имеет право жить или умереть на своих условиях. Мы уверены, что каждый сам должен решить, покончить с собой или нет – если, конечно, это делается не под угрозой и не вредит никому другому, – и не пытаемся отговорить человека от подобного шага. Нас обучают нужным эмоциональным приемам – как оставаться с этими людьми до последнего вздоха, буде таково их желание. Мы слушаем, но не действуем.

Красный огонек на моем стационарном телефоне лихорадочно замигал. Каждый раз, отвечая на звонок, я вспоминала, что говорила мне моя наставница Мэри во время вводного курса: «Твой голос может быть последним, что слышит этот человек в своей жизни. Дай ему понять, что тебе не все равно».

– Добрый день, вы дозвонились в «Больше некуда», меня зовут Лора, – начала я тем же самым дружелюбным тоном, что и бесчисленное количество раз до того. – Могу я узнать ваше имя?

Ответом мне оказалось молчание, но в этом не было ничего необычного. Клиент может обратиться с духом и набрать наш номер, но большинство не знает, что сказать, когда на звонок отвечают. Это мой долг: настроить их на разговор и вытянуть из них проблемы. Некоторым достаточно просто услышать мой спокойный голос, чтобы изложить свои страхи.

– Я вас не тороплю, – заверила я клиента. – Буду оставаться на линии столько, сколько нужно.

– Сейчас у меня все очень плохо, – начала она наконец. Голос был низким – такой бывает от многолетнего употребления крепких сигарет.

– Что ж, давайте поговорим об этом, хорошо? – предложила я. – Как я могу к вам обращаться?

Она помедлила достаточно долго, чтобы придумать вымышленное имя.

– Кэрол, – произнесла она. Из-за насквозь прокуренных связок определить ее возраст по голосу было невозможно.

– Хорошо, Кэрол, – продолжила я, записывая имя. – Когда вы сказали, что все ужасно, какой именно аспект своей жизни вы имели в виду?

– Деньги и брак, – сказала она. – Меня сократили в марте, и я не могу найти работу. Пособие на бирже труда едва покрывает расходы на еду, я четыре месяца не вносила плату за муниципальное жилье, а у мужа хроническое легочное заболевание, медленно убивающее его.

Я хотела бы спросить, сильно ли помогает легким мужа ее манера выкуривать две пачки в день, но должна была придерживаться сценария. Не то чтобы я была противницей курения – одной из множества вещей, которых не знали обо мне ни мои коллеги, ни мои родные, была привычка выкуривать сигарету по дороге домой со смены. Но я тщательно контролировала эту привычку.

Я делала краткие заметки о том, что говорила Кэрол. Больше всего мне хотелось узнать, как близко к роковому краю подтолкнули ее обстоятельства. Почему она звонит нам сегодня и как далеко зашла в поисках выхода? Однако я не могла вторгаться в ее личное пространство; ее требовалось поощрить.

– Звучит так, как будто в данный момент вам очень тяжело со всем справиться, Кэрол, – произнесла я. – Бывают времена, когда на нас сваливается слишком много испытаний, верно?

– Да, но я устала от всех этих испытаний. Мне нужен выход.

Мой интерес мгновенно вспыхнул, словно спичка.

– Какой именно?

Я слышала, как клацнуло колесико зажигалки, когда она прикурила сигарету.

– Чувствую себя полной сволочью из-за того, что говорю это вслух... – Она умолкла, чтобы затянуться сигаретой.

– Я здесь для того, чтобы слушать вас, а не для того, чтобы судить.

– Я только что дошла до точки. Больше так не могу. – Голос Кэрол

сорвался, и она разразилась хриплым грудным кашлем.

– Для начала скажите, что вы подразумевали, говоря «мне нужен выход»?

– Встретила другого человека и хочу бросить мужа, но не знаю, как это сделать.

Я закатила глаза; это все, что я могла сделать, дабы удержаться и не повесить трубку. Нам было позволено обрывать агрессивные, сексуальные или оскорбительные разговоры. К сожалению, банальности, подобные этой, не были достаточно веским поводом для его завершения.

Кэрол не хотела обрывать свою жизнь в физическом смысле; она хотела начать новую жизнь без багажа старой. На миг мне показалось, что я напала на золотую жилу, но получить звонок от случайного клиента, серьезно вознамерившегося умереть – это все равно что найти жемчужину в устрице. Мне поступало четыре или пять таких звонков в год – если везло, конечно, – но пока что этот год был на удивление урожайным. Однако Кэрол не была нужным мне человеком.

Я сделала то, чему меня учили, и позволила ей плакать и жаловаться, пока она не выговорила все, что у нее было на душе. В конце концов Кэрол повесила трубку – и, смею заметить, без единого слова благодарности.

Потом я стала терпеливо ждать следующего звонка – потому что следующий звонок бывает всегда. Кому-то где-то в этой стране всегда приходится хуже, чем тебе. Ожидание, восторг от того, что ты, снимая трубку, никогда не знаешь, какой оборот примет этот разговор, делает этот звонок невероятно важным.

«Я живу ради следующего звонка».

Глава 3

– Эй! – крикнула я, распахивая входную дверь и извлекая ключ из замка. – Кто-нибудь поможет мне с покупками?

Ответа не было, но это не означало, что никого нет дома. Упоминание о пакетах с покупками было не лучшим способом выманить из убежища мужа и двоих детей – если, конечно, пакеты были не из «Эйч энд Эм», «Зары» или спортивных магазинов.

Я сделала три ходки, прежде чем все покупки оказались аккуратно расставлены на деревянных столешницах в кухне. Каждый пакет стоял под подвесным шкафчиком или над ящиком, куда следовало убрать его содержимое. Кот Бибер, уродливое серо-белое создание с пышной мягкой

шерстью и манерой шипеть подобно рассерженной кобре, принадлежал моей младшей дочери Элис. Он лежал возле двустворчатой двери, вытянувшись под теплыми солнечными лучами, проникавшими сквозь стекло. Повернул голову, чтобы посмотреть, кто тревожит его сон, и, узнав меня, издал утробный рык. Я зарычала в ответ. Я кормила его и чистила его лоток, но этого было недостаточно, чтобы завоевать его уважение, и он по-прежнему презирал меня.

Убедившись, что одна в доме, я включила радио. Диджей объявил незнакомую песню, и я переключилась на канал, где играли только музыку восьмидесятых годов – времен моего детства. Несколько клиентов «Больше некуда» говорили, что мой голос похож на голоса ведущих ночных радиостанций, на чьих частотах передают только баллады. Очевидно, это означало «умиротворяющий».

Джордж Майкл сознавался в том, что его девушка целовалась с глупцом, потом Мадонна стала поощрять меня танцевать для вдохновения^[1]. Я почти никогда не вслушивалась в слова песен; фонового шума в пустом доме достаточно, чтобы помешать мне навещать темные уголки своего сознания – возвращение туда не приносило мне ничего хорошего.

Расставив банки и пакеты по шкафам – этикетками вперед, в строгом порядке от темных тонов к светлым, – я достала пакет с замороженными куриными грудками и сунула в битком набитый холодильник, чтобы они разморозились к завтрашнему вечеру. Потом развернула бисквит, сунула нож в банку с джемом и обмазала бисквит со всех сторон, затем посыпала сахарной пудрой – с левой стороны чуть больше, чем с правой, чтобы он не выглядел таким идеальным. Взяла в руки и осмотрела джинсы, принадлежащие Зои, одной из моих младших коллег, которая попросила меня заменить «молнию». «Нет проблем, – ответила я, – только дай мне пару дней».

Для всей команды «Больше некуда» я была суперженщиной, беззаветной матерью семейства, которая могла взяться за любую работу – от починки кармана на куртке до перетяжки обивки на кресле. Но я практически не умела готовить или шить – для этого есть супермаркеты и ателье. Однако никому из коллег не стоило знать, что все задачи я перепоручаю профессионалам.

Зевота застала меня врасплох – был только четвертый час дня, но казалось, что уже вечер. Дети должны были вот-вот прийти из школы, а рабочий день Тони заканчивался через пару часов. Поэтому я, пока была такая возможность, налила себе большой бокал красного вина, уселась в

кресло возле двустворчатой двери, выходящей в патио и сад, и стала смотреть на другую сторону лужайки, поверх клумб с яркими люпинами и пионами, в сторону деревянной ограды и ровного травянистого игрового поля за ней.

Когда два года спустя после нашей свадьбы на свет появился первый ребенок, Тони часто напоминал мне о том, что я должна выжимать максимум из своего личного времени, когда оно у меня выпадает. Теперь, когда дети подросли, у меня стало слишком много личного времени, особенно в этом доме, куда мы переехали по настоянию мужа. Меня и прошлый наш дом более чем устраивал, но Тони утверждал, что раз уж мы стали домовладельцами, нужно продвигаться наверх.

Я вдыхала цветочный запах, исходящий от жасминового ароматиффузора, и рассматривала огромную комнату с открытой планировкой. Мы объединили кухню, столовую и гостиную в одно большое помещение. Я присматривала за разбивкой сада, за внутренними переделками дома, за отделочными и малярными работами и знала каждый дюйм наших владений словно свои пять пальцев. Все здесь было так, как задумал Тони, однако мне это место по-прежнему казалось чужим.

«Мы останемся жить в этом доме всего на пару лет, – объяснял он. – После того как все работы будут закончены и мой бизнес начнет приносить прибыль, двинемся дальше».

Но мы никуда не двинулись. Прошло уже три года, а я так и сидела в этой громадной кухне-гостиной.

Допив вино, я с коварной улыбкой наступила коту на хвост, отчего он, заорав, убежал. Двери ванной и детских комнат на втором этаже были закрыты, и я распахнула их настежь. Все знали, что я не терплю в своем доме закрытых дверей.

Сначала заглянула в комнату Элис. Стены по-прежнему были оклеены розовыми бумажными обоями с блестками и увешаны плакатами с изображением поп-звезд и телезнаменитостей – как в большинстве комнат, принадлежащих девятилетним детям. Но Элис быстро выросла, и я уже чувствовала, как натягиваются завязки моего фартука, когда она начала отдаляться от меня. Пройдет совсем немного времени, и в голове у нее воцарится обычная для подростков грязь: мальчишки, макияж и одежда, облегающая самые неподходящие места.

Комната Эффи наглядно демонстрировала их разницу в возрасте. По краям зеркала торчали фотографии звезд «Ю-тьюба» и «Инстаграма», которых я даже не знала по именам; они же образовывали коллаж с внутренней стороны двери. Кроме того, Эффи распечатала фото со своими

друзьями – на всех красовались маленькие группки чрезмерно накрашенных девушек, втянувших щеки так, что те, вероятно, соприкасались в центре ротовой полости, и выпятивших губы, точно аквариумные рыбы. Животы тоже были втянуты, отчего девушки казались еще более тощими, чем обычно бывают четырнадцатилетние школьницы.

Эффи росла очень самоуверенной; она сознавала, что начинает притягивать взгляды парней-ровесников, а также мужчин, которым не следовало бы пялиться на несовершеннолетних девиц. Когда-то давно они так же смотрели на меня. Теперь же казалось, будто меня вообще не существует. Я чуть-чуть ненавидела дочь за это и ничего не могла с этим поделать. Она словно вампир высасывала из меня красоту и привлекательность и присваивала их себе.

Еще она хранила от меня разные секреты, и мне пришлось научиться узнавать о частной жизни дочери из других источников. Сев на ее кровать, я включила мобильник и вызвала на экран приложение «Фейсбука». Эффи так и не сменила пароль, поэтому я проверила ее входящие сообщения. Большинство были от друзей. Время от времени попадались имена парней, но темы сообщений были невинными – за исключением одного.

Похоже, Эффи выделяла парня по имени Том, который был сфотографирован за рулем маленькой синей машины – он явно тратил немало времени и денег, чтобы эта машина была похожа на спорткар. В другом сообщении Том прислал Эффи свою фотку с задранной футболкой, открывавшей живот. Я вспомнила времена, когда живот Тони был таким же плоским и гладким. Я смотрела, как он, одетый в плавательные шорты, стоит на мелководье школьного бассейна, и воображала, каково было бы провести кончиками пальцев по его коже. «Словно бархат». Заметив мои взгляды, Тони широко ухмыльнулся, и я быстро отвернулась, чтобы скрыть внезапно вспыхнувший румянец на щеках. Но то, как он тогда посмотрел на меня... то, как наклонил голову, как расширились его глаза, как изогнулись в улыбке его губы... Я поняла, что если буду терпелива, то он подойдет ко мне и в конце концов станет моим. Я всегда получала то, на что упал мой взгляд.

Эффи ответила Тому такой же фотографией, на которой из-под ее закатанной футболки выглядывал край лифчика. Я оцетинилась.

Дверь в третью комнату была единственной, которую я оставила закрытой. Когда-нибудь я, возможно, отважусь войти туда, но не сейчас. Еще не готова.

Я сменила юбку и блузку на джинсы и футболку. Эти джинсы я купила только недавно, и мне было трудно застегнуть их. Когда я все-таки сумела

это сделать, то с отвращением посмотрела на свой живот, торчащий над поясом, точно жирный голубь, прикорнувший на ветке. Занятия интенсивной йогой трижды в неделю и два сеанса плавания не сотворили с моей фигурой тех чудес, что были изображены на плакатах, висевших на стенах спортивного центра. Я гадала, считает ли Тони по-прежнему привлекательной хоть какую-то часть моего тела. Если и считал, то никогда не упоминал об этом.

Я бросила взгляд в зеркало, откуда на меня смотрела преждевременно постаревшая женщина. На волосах, осветленных до медово-белокурого цвета, уже начали отрастать темные корни; некогда выступающие скулы словно съехали вниз по лицу, образовав на щеках складки. Светло-карие глаза, все еще искрящиеся молодым блеском, казались чужими на этом лице.

Я надеялась, что рак яичников и последующая химиотерапия скажутся лишь на тех органах, которые не могут увидеть люди, но то был самообман. Я была мертва изнутри и разлагалась снаружи. Даже сейчас, более года спустя, эффект от всего случившегося по-прежнему проступал на моем лице. Пройдет совсем немного времени, и я буду вынуждена просить у гладеньких, как пластиковые куклы, мамочек, встречающих одноклассниц моей дочери у ворот школы, телефон той клиники, где они делали уколы ботокса и других веществ. Инъекции, зубные виниры и контактные линзы, компенсирующие близорукость, будут означать, что вскоре от изначальной меня останется очень мало. Но, может быть, для Тони это окажется предпочтительнее.

Я вытряхнула из флакончика из-под аспирина, который хранился в шкафчике в ванной, третью и четвертую таблетку на сегодня и проглотила, не запивая водой. Тони понятия не имел, что на самом деле лежало в этом флакончике: таблетки для похудения, не одобренные для продажи в Великобритании Агентством контроля лекарств и медицинских препаратов. Заказала их через интернет в одной из фармацевтических компаний Восточной Европы. Они сжигали жир и помогали быстро терять вес, но в качестве побочного эффекта давали сильные желудочные спазмы и маслянистый понос. Однако я считала эту цену совсем небольшой – ведь я хотела, чтобы Тони снова взглянул на меня так, как в тот день в школьном бассейне.

К тому времени как я спустилась вниз, почтальон сунул в наш почтовый ящик местную газету. Я поспешно пролиставала ее, пропуская новости и объявления о продаже недвижимости, пока не нашла искомую страницу.

Волоски на моих руках встали дыбом, когда я впервые увидела лицо Шантель. Она была похожа на тот образ, который мне представлялся, – плоская, тощая, угловатая фигура, волосы собраны на затылке и стянуты резинкой. Я вырвала страницу из газеты, мысленно пометила дату и сунула страницу в сумку. Потом налила еще один бокал вина и стала ждать, пока вернутся домой три человека, которых я почти не знала.

Глава 4

Четыре месяца и две недели после Дэвида

Я достала из своей сумки электронную читалку «Киндл» и положила на стол в своей выгородке.

Пролистала библиотеку, чтобы выбрать одну из десятка книг, которые я скачала, но пока не прочитала. Как правило, романы заставляли меня скучать. Сосредоточенность, требующаяся, дабы страницу за страницей запоминать, что есть что и кто есть кто, утомляла меня. Я предпочитала вместо этого скачивать на телефон телепрограммы и смотреть их. Но Джанин, менеджер нашего филиала, ругала нас за это – и таких мелких поводов для придирок она нашла великое множество за те семь месяцев, пока занимала свой руководящий пост.

Я едва успела прочесть пролог психологического триллера, прежде чем поступил мой первый звонок за эту вечернюю смену. Я откашлялась и вошла в нужный образ, словно актер, готовящийся выйти на сцену.

Очень многое можно выиграть или потерять посредством первых слов, которые услышит клиент. Проявишь чрезмерный энтузиазм – и тебя сочтут слишком жизнерадостной для сочувствия. Будешь говорить слишком уверенно – рискуешь показаться авторитарной личностью, готовой унижить. Мне нравилось думать, что я соблюдаю верный баланс.

Со мной говорила девушка-подросток; она поняла, что беременна, и понятия не имела, как сказать об этом своим родителям. Я сочувственно выслушивала, в нужные моменты задавала вопросы, не требующие однозначного ответа, и молча гадала, как бы я отреагировала, если б Эффи пришла ко мне с такой проблемой. Я бы настаивала на прерывании беременности, но она, вероятно, сохранила бы ребенка просто из вредности. Девушка на том конце линии тихо плакала. Я притворилась, будто мне есть до нее какое-то дело, и к завершению разговора она решила для себя, что осторожно прощупает семейную почву, рассказав о своем положении тете, с которой у нее хорошие отношения.

Затем настала моя очередь принять звонок от типа, которого мы прозвали Онанистом. Раз в неделю, обычно по четвергам, он звонил нам и громко самоудовлетворялся. Его не волновало, мужчина или женщина ему отвечает, потому что к тому времени, как мы снимали трубку, он уже был близок к оргазму. Предполагалось, что мы вправе повесить трубку, как только станет ясно, чем он занимается, но сегодня я была в хорошем расположении духа и потому сказала ему, как сильно он меня заводит, и позволила ему завершить дело, прежде чем пожелать доброго вечера и попрощаться.

Потом были два звонка со сразу же повешенной трубкой; приближалось окончание моей смены, и я уже предвкушала изнурительное занятие интенсивной йогой. Сначала был соблазн проигнорировать следующий звонок, потому что не хотелось опаздывать, однако я все равно сняла трубку.

– Никогда прежде не звонил в такие учреждения. Не знаю, с чего начать, – произнес мужской голос.

– Что ж, начните с имени. Как мне к вам обращаться?

– Стивен, – ответил он. Слишком быстро, чтобы это имя было вымышленным. Я записала его в блокнот. По голосу я дала бы ему двадцать с небольшим лет: говор был чистый, с местным акцентом. Мужчина почти не старался скрыть свое нервное состояние.

– Рада побеседовать с вами, Стивен. Могу я спросить, что заставило вас позвонить нам сегодня вечером?

– Даже не знаю. Я... мне кажется, что у меня... никого нет. Мне кажется, что я не хочу... не хочу больше... *быть здесь*.

Он заполнил графу номер один совершенно самостоятельно, что сделало мою работу немного легче.

– Что ж, хорошо, что позвонили. – Я дала своему инстинкту обычные пять минут на то, чтобы определить, был ли этот человек искренен или просто хотел внимания. – Расскажите о людях, которые вас любят, которым вы небезразличны. Кто в вашей жизни попадает в эту категорию?

Стивен выждал несколько секунд, чтобы подумать.

– Правда, никто, – с тяжелым вздохом ответил он. То, что он высказал это вслух, для него явно оказалось поворотным моментом. – У меня совсем никого нет.

– Есть ли кто-то, кого вы могли бы назвать своим другом?

– Нет.

Графа номер два заполнена.

– Уверена, что трудно жить, когда вы в мире совсем один.

– Это полное дерьмо, а не жизнь.

– Вы сейчас работаете? Есть ли у вас какая-то возможность выстроить личные отношения на работе?

– Едва ли. Иногда проходит день за днем, и вдруг я понимаю, что ни с кем по-настоящему не разговаривал почти целую неделю.

Графа номер три заполнена – чем меньше людей присутствует в его личной или рабочей жизни, тем лучше. Я была рада, что все же ответила на его звонок.

– Неделя – это долгий срок, чтобы ни с кем по-настоящему не разговаривать, – ответила я, подчеркивая его ситуацию и не давая уклониться от темы. – Вы обращались к врачу, чтобы рассказать о своих ощущениях?

– Да, она выписала мне курс антидепрессантов.

– И как они подействовали?

– Прошло уже четыре месяца, а я по-прежнему не понимаю, ради чего встаю утром с постели. Иногда я думаю, что лучше было бы сделать запас этих таблеток и... ну, вы понимаете.

– Иногда или часто?

– Часто, – прошептал Стивен так тихо, что я едва расслышала его. Он словно стыдился своих суицидальных мыслей.

Обычно требовалось намного больше времени, чтобы заполнить четвертую графу, и это, опять же, облегчило мою работу. «Возможно, здесь есть с чем поработать», – подумала я.

Обвела взглядом комнату. Зои играла на своем мобильном телефоне и одновременно разговаривала через гарнитуру. Санджай подергивал ногами, слушая клиента. Мэри пила из термокружки какой-то ядовитый супчик. Никто не обращал на меня ни малейшего внимания.

Из сумки я выудила второй блокнот, используемый только для тех клиентов, которым я могла помочь на свой уникальный лад. В него подробно записывалось все, что они мне говорили. Позднее я приводила эти подробности в разговоре, дабы подчеркнуть, что слушаю и понимаю. Я вывела на чистой странице имя Стивена и подчеркнула его.

– Вам не нужно стыдиться, Стивен. Все мы в тот или иной момент думаем о том, чтобы оборвать свою жизнь. Вы когда-нибудь пытались сделать это прежде?

– Нет. Но однажды планировал.

– Вы однажды планировали это? – Я старалась воспроизводить его реплики, чтобы дать ему понять, что воспринимаю его признания. – Могу я спросить, что у вас было на уме?

– Я распечатал свои банковские счета и отчеты и оставил их в конвертах на своем столе вместе с паролями от учетных записей и документами на квартиру, чтобы полиция могла их найти. Доехал до моста над железнодорожными путями, за городом, поблизости от Вулвертона... Знаете это место?

– Да, знаю.

– На одном пролете моста ограждение проржавело настолько, что можно проломить его и выпасть на рельсы. Я наполовину сломал перила и долго ждал поезда. Собирался спрыгнуть прямо перед ним, и все было бы кончено. Но поезда не было слишком долго, и я передумал.

– Понимаю. Пока вы ждали поезда, думали о том, как может ощущаться смерть?

– Никак, потому что после смерти ничего нет.

– Она даст вам покой?

– Жизнь не дала, поэтому могу только надеяться.

О чем бы я его ни спросила – Стивен уже задавал себе этот вопрос прежде. Он принял это решение отнюдь не в спешке.

В последнее время меня все сильнее раздражали нытики. Слишком многие из тех, кто нам звонил, небрежно разбрасывались угрозами самоубийства, но когда доходило до дела, им не хватало духу на то, чтобы что-то совершить.

Поэтому я решила надавить и заставить Стивена подтвердить серьезность его намерений. Этот прием психологи называют «страх и облегчение». Я понизила голос, поднесла трубку ближе к губам и начала хорошо отрепетированную, но редко используемую речь.

– Быть может, в глубине души вы не питаете серьезных намерений покончить с собой, – заговорила я. – Возможно, это крик о помощи? Я получаю множество звонков от людей, которые говорят, будто хотят умереть, но при тщательном разборе оказывается, что они просто-напросто испытывают жалость к себе. Может быть, вы один из таких людей, Стивен? Может, вы просто попались в ловушку жалости к себе? Может, настолько глубоко погрязли в этом, что не понимаете: ничего не изменится, пока вы не найдете в себе смелость сделать что-то самому? Потому что если вы не возьмете на себя ответственность, то всю оставшуюся жизнь – возможно, сорок или пятьдесят лет – боль, которую вы испытываете сейчас, боль, которая так нестерпима, что заставила вас позвонить мне, будет только усиливаться. Это – то, что вы чувствуете сейчас, – станет для вас наркотиком. Вы сможете так жить, Стивен? Я знаю, что сама не смогла бы.

Я использовала эти слова только при контакте с потенциальными

кандидатами, и моя прямолинейность часто заставляла их врасплох. Они звонили, ожидая, что я буду проявлять к ним сочувствие и, наверное, стану уверять их, что в конце концов все будет хорошо. Но я не такой человек. Я знала по личному опыту, что в конце концов ничего не будет хорошо, а скорее всего, будет куда хуже, чем есть теперь. И иногда это совершенно невыносимо. Но я могу прекратить это. Нужно только поверить мне.

– Я... я... я не просто так звоню, честное слово, – выдавил Стивен, застигнутый врасплох. – Это то, о чем я долго и напряженно думал, и я хочу этого – но если не смогу это сделать, то покажу себя трусом, верно?

– Нет, Стивен, вы не трус. Вы позвонили мне сегодня, и это показывает, насколько вы отважны. Может быть, вы просто выбрали неверный день для ожидания поезда... Так случается со многими людьми. Просто помните: мы здесь ради вас – в любом качестве, в каком вам нужны.

– Вы собираетесь выслушать меня?

Он почти попался. Я позволила обнюхать приманку – и отдернула ее.

– Если это все, чего вы хотите от меня, то да.

– Что, если... что, если мне нужно... что, если я решу... – Голос сделался тише, а затем совсем оборвался.

Стивену было нужно, чтобы кто-то сказал ему, что смерть – правильный выбор. Но сначала мне нужно было точно узнать, чего же он хочет от меня. Я не должна была завершать фразу за него, даже если точно знала, что он собирается сказать, однако для потенциальных кандидатов я делала исключения.

– Вы звоните, чтобы сказать мне, что хотите покончить с собой и ищите моей поддержки в этом деле?

– Я... полагаю, что да.

Как только кандидат думает, будто понимает меня, я сбиваю его с толку, вернувшись к тому же тону, которым разговаривала в начале нашей беседы. Не доверяю никому, пока не удостоверюсь, что он именно настолько отчаялся, насколько говорит.

– «Больше некуда» – беспристрастная организация, не выносящая суждений, – начала я. – Мы здесь для того, чтобы выслушать вас. Мы не пытаемся отговорить вас от того, что вы собираетесь сделать, – просто просим вас сначала поговорить с нами и рассмотреть все варианты, прежде чем сделать подобный важный шаг. Вы это понимаете?

– Да, – ответил Стивен. Между нами повисло неловкое молчание. – Но...

– Но? – переспросила я.

– Но если я... понимаете, если я хочу осуществить это, то станете ли

ВЫ...

– Стану ли я что, Стивен? Каких действий вы от меня ждете?

Он снова замолчал, и я ощутила его нарастающую тревогу.

– Извините, мне нужно идти, – произнес Стивен, прежде чем в трубке наступила тишина.

Я постучала пальцами по столу и стала изучать свои ногти. Темно-красный лак на указательном пальце слегка облупился. Нужно записаться к маникюрше, чтобы восстановить покрытие.

Я не беспокоилась о том, перезвонит ли Стивен. Конечно, он перезвонит, и когда снова будет искать разговора со мной, то покажет, что готов приложить некоторые усилия. Нельзя просто связаться с «Больше некуда» и попасть на мой телефон – у нас нет прямой линии. Нас девяносто четыре волонтера, все работаем в разные смены, и лишь дело случая, кто именно ответит на звонок.

Я вспомнила, как Дэвид постоянно названивал нам, пока не нашел меня. Как только мы установили контакт, я дала ему свое расписание, чтобы мы могли общаться более регулярно. Мы беседовали три или четыре раза в неделю, и не только относительно нашего соглашения; иногда обсуждали события в мире, нашу повседневную жизнь и страны, в которых хотели бы побывать.

И пока он говорил, я закрывала глаза и представляла, что мы сидим друг напротив друга за столиком в кафе где-нибудь за границей; целый день осматривали достопримечательности, а вечером решили насладиться мягкой средиземноморской погодой и поесть в бистро: отведать рыбного супа, выпить кьянти и по-дружески поболтать. Потом реальность вступала в свои права, и я осознавала, что ничто из этого не могло произойти. Никогда.

Спустя столько месяцев я все еще тосковала по звуку его голоса. Я гадала, пройдет ли это чувство когда-нибудь окончательно. Дэвид понимал меня так же глубоко, как я понимала его, – но моего присутствия в его жизни не было достаточно, чтобы побудить его остаться. Меня было недостаточно, чтобы заставить его выбрать жизнь.

Мой желудок стянулся узлом.

«Помни о якоре, Лора. Помни о якоре».

Я прикинула, чего мы со Стивеном можем добиться. Он строил планы. Приводил свои дела в порядок, выбирал место и уже побывал там. Все, что ему было нужно, – я. У меня было доброе предчувствие на его счет.

Хочу услышать, как он умирает.

Глава 5

Я дважды проверила время, указанное в рекламном объявлении, которое выдрала из местной газеты, потом посмотрела на часы. Было уже на десять минут позже заявленного времени. Я ненавидела такие неточности.

Мой беспокойный взгляд упал на группу молодых женщин, которые тоже ждали, пока откроются двери. Я разгладила складки на своем жакете, чтобы выглядеть более презентабельно. Не следовало беспокоиться – судя по их виду, я была единственной, кто приложил хоть какие-то усилия. И поскольку я не была одета в кроссовки или толстовку, то выделялась среди них, словно вывихнутый палец.

Я посмотрела в сторону своего «Мини Купер» и увидела чуть дальше по дороге знакомую фигуру. Он уместился на пластиковой скамье у автобусной остановки, рядом стояла бутылка.

– Олли... – начала я, приближаясь. Старый рюкзак Тони, который я отдала ему, был уже сплошь покрыт грязью настолько, что трудно было различить его изначальный синий цвет. Табак, алкоголь, моча и запах тех мест, где предпочитал спать Олли, смешивались воедино, создавая отвратительный смрад. Но я ничего не сказала на этот счет, лишь крепко обняла его. Это было все равно что обнимать мешок с костями.

– Привет, Лора, – пробормотал он, одарив меня слабой улыбкой. – Что ты здесь делаешь?

Обычно ему требовалось несколько минут для того, чтобы разобрать сквозь хмельной туман, кто я такая. Но в это утро он был относительно трезв, и в голове у него, видимо, слегка прояснилось. У нас с Олли была разница в возрасте всего в один год, но каждый раз, когда я видела его, этот разрыв словно увеличивался. Поредевшие грязные волосы доходили почти до плеч, сквозь дыры в ботинках виднелись носки. Борода длиной в дюйм уже начала сесть, а глаза потемнели, из тепло-карих сделавшись угольно-черными. В нем осталось очень мало от живого человека.

– Как дела? – спросила я.

– Не так уж плохо. – Он зашелся резким лающим кашлем.

– Не похоже. Все еще не прошла та болезнь?

– Не прошла.

– Предлагала же отвезти тебя в клинику и показать врачу. Еще можем съездить, если хочешь, – допустим, сегодня днем.

– Нет-нет, всё в порядке, – ответил он.

– Нужны деньги?

– Ха! Мне всегда нужны деньги, Лора. Но ты уже достаточно сделала для меня...

Я залезла в свою сумку и достала все, что у меня было, – банкноту в десять фунтов. Было стыдно, что я могу предложить только такую жалкую сумму.

– Возьми, пожалуйста. Купи что-нибудь поесть.

– Ты же знаешь, на что я их потрачу. – Олли внимательно смотрел на меня, пока я созерцала стоящую рядом с ним бутылку сидра. Его пристрастие было единственным, что я могла простить. У него была на то причина. И заключалась она в том, как он когда-то спас меня.

– Просто пообещай, что купишь хотя бы сэндвич.

– Ладно.

– Обещай, – повторила я.

– Обещаю.

Когда Олли улыбнулся, я заметила, что он лишился еще одного зуба в нижнем ряду – они выпадали, словно сбитые кегли. Сердце щемило при виде того, какую жизнь ведет Олли, но он неизменно отвергал все мои попытки помочь ему, и оставалось только наблюдать, как он медленно губит себя. Я надеялась, что его хоть немного утешит то, что кто-то в этом мире по-прежнему беспокоится о нем.

Позади нас к небу поднимался серо-белый дым от множества сигарет. Я направилась обратно к толпе, в то время как предыдущая группа вышла из двустворчатых дверей.

Я держалась позади. Не хотела оказаться в передних рядах – там меня могли спросить, кто я такая, – но и не хотела оставаться слишком далеко позади и упустить, что скажут о ней. Держаться ровно посередине зала крематория – вполне подойдет.

К тому времени, как четыре облаченных в костюмы служителя внесли в зал некрашенный сосновый гроб, где лежала Шантель Тейлор, и поставили его на постамент, песня Адель^[2], звучащая из динамиков, доиграла до второго припева. Гроб был украшен цветами, скорее всего пластиковыми, включая лежащие на крышке ужасного вида венки со словом «МАМОЧКЕ», выписанном желтыми гвоздиками.

Проводить ее пришло человек тридцать или чуть больше. Почти все были ровесницами Шантель: одинокие матери в возрасте чуть за двадцать, носящие украшения из поддельного золота, с татуировками на руках. Если и требовалось какое-то доказательство тому, что я была права, помогая ей умереть, то оно было прямо передо мной, в глазах этих молодых зомби.

Я взглянула на черно-белый экземпляр распорядка службы, на обложке которого была прилеплена фотография Шантель. Женщина была изображена в садике возле пивной, с пинтовой кружкой в руке, ее беременный живот уже заметно выпирал. Я покачала головой: ее ребенок еще в утробе матери был лишен всяких шансов на нормальную жизнь.

В первом ряду, возле заплаканной пожилой женщины, сидели, несомненно, *они*. Женщина повернула голову и промокнула бумажным платком чересчур густо нанесенную тушь, стекавшую по лицу, словно нефть. Дети были слишком малы, чтобы присутствовать, – я вспомнила, как Шантель говорила, что обоим нет и четырех. Глядя на бабушку, я решила, что им будет лучше оказаться на попечении местных властей. И мысленно сделала пометку сообщить в социальные службы о том, что она хранит наркотики у себя дома. Я понятия не имела, так ли это, но был шанс, что полиция найдет что-то, дабы использовать против нее. Тем самым я окажу услугу детишкам. Находиться под опекой государства – конечно, испытание не из приятных, но меня это не убило.

Священник зачитал надгробную речь, и я вспомнила, что когда Шантель впервые позвонила в «Больше некуда», мы обсуждали то, как она пытается соскочить с героина ради своих несчастных малышей. Только с моей помощью она постепенно начала осознавать, что даже если бросит наркотики, то для таких семей, как у нее, не существует никакого счастливого будущего. Спустя несколько недель Шантель уже снова плотно сидела на веществах.

– Что вы чувствуете, понимая, что ваши дети не могут дать вам такого блаженства, какое дают наркотики? – спросила я ее однажды, через пару недель спустя после того, как наши разговоры сделались регулярными. По ее тону я чувствовала, что тот день выдался у нее особенно мрачным.

– Чувствую себя дерьмовой матерью, – без обиняков ответила она.

– Уверена, что дети не считают вас таковой... Они просто любят вас какая вы есть. Они не осознают, что за жизнь вы создали для них. Этот хаос – все, что они знают.

– Что вы имеете в виду под «хаосом»?

– То, что их мать зависит от наркотиков и прочих веществ. То, что у нее нет денег на нормальную, полноценную еду. То, что, когда подрастут и пойдут в школу, они увидят у своих одноклассников вещи, которые вы им никогда не сможете купить. И я знаю – вы из тех людей, которые от этого ужасно страдают, верно?

– Конечно.

– Думаете о том, что они будут расти, ненавидя и презирая вас?

– Да, все время.

– Вас беспокоит, что они могут пойти по вашим стопам и стать наркоманами, как вы и их отец, да? Это может оказаться наследственным, не так ли?

– Я не позволю им подсесть на наркотики.

– Могу держать пари, что ваша мама говорила то же самое о вас, но трудно заставить человека делать или не делать что-либо, я права? Неудивительно, что вам кажется, будто вы плохо справляетесь со своими материнскими обязанностями. Что еще вас тревожит?

– Что они разочаруются во мне.

– Очень легко обзавестись дурными привычками, когда речь идет о зависимости, особенно если вы не видите причин для того, чтобы держаться на плаву.

– Мне казалось, у меня есть причина – мои дети... но я недостаточно сильна.

– И как вы уже сказали мне, вы знаете, что они, вероятно, разочаруются из-за жизни, на которую вы обрекли их. А жить без героина тяжело, верно? Особенно если нет ничего другого. Наверняка это вызывает ощущение, что жизнь никогда не станет лучше, чем есть.

– Что я могу сделать, чтобы им стало лучше жить? – Шантель всхлипнула.

Это был тот вопрос, которого я ждала от нее. И знала, что как только мои слова заставят ее вернуться к прежней зависимости, она придет к решению, заготовленному мной для нее. Всем будет лучше без Шантель.

Когда настал ее день расплаты, она приобрела у своего бывшего дружка, громилы-наркоторговца, достаточно героина для того, чтобы сделать все необходимое. Я закрыла глаза и внимательно вслушивалась в шлепанье ее босых ног по доскам пола, который Шантель не могла даже застелить ковром; слышала, как она задернула занавески и тихо закрыла за собой дверь спальни, как заскрипела кровать под невеликой тяжестью ее тела. Услышав щелчок зажигалки, вообразила, как пламя нагревает металлическую ложку. Представила, как втягивается в шприц мутная жидкость, как Шантель ощупывает свои руки и ноги, пытаясь найти вену, еще не схлопнувшуюся под тяжестью ее слабой воли.

– Когда мои дети подрастут, найдите их и скажите, что я поступила так, потому что любила их, хорошо? – попросила она.

– Конечно, – солгала я. – Напоминайте себе о том, что исследовали все остальные тропинки и пришли к выводу, что это единственный путь, имеющий смысл. Вы идете вперед и позволяете всем, кто любит вас,

сделать то же самое. И я высоко ценю это.

Спустя несколько секунд игла пронзила ее кожу, и я с блаженным удовлетворением выслушала всё до ее последнего вздоха. Единственный звук, значение которого для меня превыше всего остального... тот драгоценный момент, когда кто-то в последний раз выдыхает, уходя прочь из этого мира. Люди, которые, подобно Шантель, живут в постоянном страдании, передают себя в мои руки, потому что я понимаю их лучше, чем способен понять кто-либо еще на свете. Я знаю о том, что им требуется, больше, чем знают их братья, сестры, родители, супруги, лучшие друзья или дети. Я понимаю их, поскольку знаю, что для них лучше всего. Если они даруют мне доверие, я вознаграждаю их, доходя хоть до края света, чтобы помочь. Я облегчаю их страдания. Пресекаю все плохое, что случилось в их жизни. Спасая от себя самих. *Вот кто я такая: спасительница заблудших душ.*

Через двадцать два дня после того, как я спасла Шантель, мы наконец-то оказались в одном помещении. Темно-красный бархатный занавес окружил гроб, прежде чем тот отправился в печь. Когда ее друзья направились к выходу, я взяла экземпляр распорядка траурной службы и положила в черную сумку, которую брала на все похороны.

Именно в ней я хранила остальные распорядки служб. Шантель была пятнадцатой. Моя коллекция становится довольно внушительной.

Глава 6

– О, Лора, он просто воздушный, – восхитился Кевин, сунув в рот второй кусок моего бисквитного торта. Я не устояла перед соблазном оставить кусок на столе человека, и так страдавшего высоким уровнем холестерина в крови.

Когда Кевин подошел ко мне в офисной кухоньке, я попыталась отвести взгляд от его неопрятной бороды. Он обманывал себя, если полагал, что она отвлекает кого-нибудь от его быстро редеющих волос. Во время разговора Кевин случайно выплюнул крошку мне на юбку. Вечером придется ее стирать.

– Спасибо, – ответила я с фальшивой скромностью. – Получился совсем не таким красивым, как мне хотелось бы, а домашний джем вышел немного вязким.

– Поверить не могу, что ты сама делаешь джем... Просто идеальная жена.

– Стараюсь. – Я мысленно поблагодарила супермаркет и предложила Кевину еще один кусок.

У моей личности много разных граней, но все окружающие неизменно видели одну: кормилица.

– Понимаю, почему вся выпечка, которую ты делаешь для акций по сбору средств, расходуется в самом буквальном смысле как горячие пирожки, – добавила Зои. – И все же, серьезно, ты должна подумать о том, чтобы принять участие в одном из состязаний кондитеров. Произведешь фурор.

Ее передние зубы снова были измазаны в губной помаде. Что не так с этими людьми?

Акции по сбору средств являлись моим коньком. «Больше некуда» была зарегистрированной благотворительной организацией и не получала денег ни от местных, ни от государственных властей. У нее были филиалы почти в каждом графстве, но ожидалось, что она будет работать на самоокупаемости и самостоятельно оплачивать все счета за расходы. Телефонная связь, ремонт компьютеров, программное обеспечение, оборудование, съем помещений, налоги и так далее, в целом около 80 000 фунтов в год. Будучи казначеем нашего филиала, я была вполне довольна тем, что самостоятельно изыскивала и добывала средства, пока головной офис не назначил менеджером Джанин Томсон. Она не просто наступала мне на ноги, а танцевала на них с грацией страуса на горячих углях.

Когда за два года до этого она только-только пришла волонтером в нашу организацию, я с первого взгляда поняла, что мы вряд ли подружимся. Все в ее внешности претило мне: от вечно прищуренных глазок до бровей, нелепо выщипанных высокими дугами, словно логотип «Макдоналдса». Серые волосы липли к голове, будто уродливые слизняки, и она пыталась придать объем своим бритвенно-тонким губам, подмазывая ярко-красной помадой под ними и над ними. Настоящая клоунесса в поисках цирка.

Потом, когда ее продвинули на пост менеджера, обойдя меня – несмотря на всю тяжелую работу, которую я проделала, – моя неприязнь превратилась в ненависть. Я даже никогда не хотела получить эту должность, потому что тогда у меня стало бы меньше времени на то, чтобы говорить по телефону; но тут уж было дело принципа. Эту должность мне должны были поднести на тарелочке.

Джанин немедленно дала всем понять, что она тут главная, хотя мы успешно справлялись с делами задолго до ее появления. Но такова уж была ее натура.

Однако больше всего меня злило то, что она проявляла нездоровую одержимость мною. Иногда, сидя в своей выгородке и выслушивая, как еще одна неприкаянная душа делится своими тайнами, я ловила Джанин на том, что та взирает на меня из своего застекленного офиса, сдвинув очки на кончик носа и напряженно пытаюсь уловить: не говорю ли я что-то, чего нет в своде правил. Знала бы она, как далеко я могу отойти от этого свода, когда мне этого хочется!.. А когда Тони пришел вместе со мной на ужин в честь шестидесятилетия Мэри, Джанин практически не сводила с него глаз. Я видела, как она заигрывала с ним, а он смешил ее. Но в глубине души она должна была знать, что никогда не сможет привлечь такого мужчину, как мой муж, – или, если уж на то пошло, любого мужчину, не страдающего слепотой.

– Попробуй немного Лориного торта, – предложил Кевин, когда Джанин вошла на кухню, чтобы сполоснуть свою кофейную кружку. С покатоного плеча свисала кошмарная оранжевая сумка с изображением китайского дракона – автопортрет, предположила я. Она всегда ходила только с этой сумкой, которая не подходила ни к чему из ее скудного гардероба из тусклых поношенных шмоток. Когда Джанин сказала, что эта сумка единственная в своем роде, я поверила, потому что никто другой не захотел бы приобрести такую.

– Не знаю, как у тебя хватает времени делать так много дел, – начала Джанин. Другие не расслышали, но я-то четко распознала обвиняющие нотки в ее тоне. – У тебя семья, ты волонтеришь здесь и еще ухитряешься конкурировать с лучшими кондитерскими города... Просто богиня домашнего очага, а?

– Хочу дать хороший пример своим детям; к тому же я умею справляться со многими делами разом, – ответила я со скупой улыбкой. – Если желаешь получить от меня пару советов, просто попроси. Хочешь торта?

– Нет, спасибо. Непереносимость глютена.

– Так действительно бывает? Просыпаешься как-то утром и понимаешь, что спустя пятьдесят с лишним лет не можешь есть торт?

– Мне сорок два года. – Джанин сердито зыркнула на меня, и я мысленно сделала пометку мелом на доске. Кевин и Зои пытались скрыть, как их все это веселит.

– Не очень хорошо умею определять возраст, – созналась я.

Скоро Джанин поняла, что ее работа была бы намного труднее, если бы не те тысячи фунтов пожертвований и спонсорских вложений, которые я в одиночку приносила нашей организации. Я без колебаний просила средства

у местных компаний или проникала на вечеринки крупных бизнесменов, дабы получить то, что мне было нужно, – даже если из-за этого приходилось терпеть приставания толстых лысых мужчин, пахнущих виски, сигарами и безнадежностью, которые полагали, будто я нахожу их привлекательными.

Тяжкий труд приносил мне славу и высвобождал для Джанин время, чтобы та могла посидеть на сайтах азартных игр – она заходила туда, когда думала, что никто этого не видит. Может, она и чистила историю браузера, но я нашла эти странички в разделе куки^[3] – нашла с быстротой вращения рулетки, в которую Джанин так любила играть. Я сохранила для себя это знание, снятые мною скриншоты и пароль от ее учетной записи. Возможно, когда-нибудь пригодится.

Дневная смена часто бывала спокойной. Днем звонили в основном отчаявшиеся домохозяйки и мамочки – пока детей и мужей не было дома. Еще это время любили заключенные, пользуясь тем, что звонок на наш номер был бесплатным. Ранним утром по большей части поступали звонки от мужчин, идущих на работу, – как правило, их тревожили денежные вопросы и суммы в счетах, которые эти люди могли обнаружить в почтовом ящике по возвращении домой. Большинство клиентов-самоубийц ждали до вечера, когда они оставались в одиночестве и у них появлялось время подумать.

Это было любимое время Дэвида. Прошло больше семи месяцев после нашего первого разговора, и почти пять месяцев – после последнего. Иногда я скучала по нему так сильно, что это причиняло мне физическую боль.

С самого первого его звонка я поняла, что мы связаны. Моя интуиция цеплялась за отчаяние в голосе, за построение фраз, за то, как человек произносит определенные слова. По нашему диалогу я инстинктивно определяла, кандидат человек или нет. И ни одно ощущение не могло сравниться с тем, что я испытывала, когда они появлялись в моей жизни.

Дэвид был вежливым мужчиной с мягким голосом – однако эмоционально парализованным, неспособным оправиться после жестокой смерти своей жены. Она была убита тремя грабителями, вломившимися в дом, пока Дэвид работал в ночную смену. С тех пор удушливое облако вины окутало новую жизнь, которая ему досталась. Для него оказалось невозможно в одиночку двигаться по этому пути, поэтому одним тоскливым вечером он поднял телефонную трубку и позвонил нам. Мне.

В скорби Дэвида было нечто совпадавшее с моей скорбью и связавшее нас воедино. Он не искал сочувствия и не просил никого уверить его, что

он не виноват в смерти жены, – потому что вокруг него было множество людей, которые и так это делали. Он хотел лишь, чтобы кто-нибудь выслушал и по-настоящему услышал его – и никто не был способен понять его потерю лучше, чем я.

Мы были родственными душами, которых связали жестокие действия других людей. Я выбрала борьбу. Он же сдался. По мере того как наши разговоры становились все более частыми, а эмоциональная связь усиливалась, я поймала себя на том, что хочу сохранить ему жизнь – по эгоистическим причинам. Мне нужны были наши беседы, мне нужно было слышать, как он говорит, мне нужно было, чтобы я была ему нужна. Я свернула с протоптанной тропы и занялась попытками помочь ему. Если бы он понял, что, приложив чуть-чуть больше усилий и протянув руку чуть-чуть дальше, сможет дотянуться до меня – и я сумею помочь... Я поставила себе цель сохранить его ради себя, а он пытался убедить меня, что ему лучше быть мертвым. Я просто не хотела отпускать его. Но в конце концов мне пришлось признать поражение, хотя это и разбило мне сердце.

Главным затруднением Дэвида было то, что он не хотел покидать эту жизнь в одиночку. Поэтому моей главной задачей стала попытка найти того, кто захочет завершить свой жизненный путь вместе с ним.

А потом неожиданно появилась *она*.

Глава 7

Когда начинали сказываться побочные эффекты таблеток для похудения, я была признательна за то, что в доме больше одного санузла.

Чуть ли не полчаса я не могла слезть с унитаза в своем туалете. После, распылив в воздухе изрядное количество освежителя и еще ощущая спазмы в кишечнике, стала изучать живот, встав к зеркалу боком. Были заметны определенные признаки того, что даже за последнюю неделю он стал чуть более плоским. Я провела по нему пальцами, воображая, будто Тони касается моего тела. В это утро я, наверное, смогу сжечь по меньшей мере на двести калорий больше, если выберу пешую прогулку до школы вместо поездки на машине. Если такой прогресс сохранится и дальше, может быть, Тони снова начнет видеть меня по-настоящему...

Я загрузила в посудомойку тарелки, оставшиеся от завтрака, и увидела, что Тони – к моему вящему раздражению – снова наливает кофе в одну из хороших кружек. На улице было теплее, чем утром предсказывала по телевизору упитанная дикторша, поэтому я обвязала толстовку вокруг

тали и стала думать о том, что словно еще вчера вела Элис на первое занятие в подготовительном классе. Неделя занятий, неделя отдыха; мы проделывали тот же путь, который я некогда проходила с Эффи. Сейчас Эффи считала себя слишком крутой, чтобы идти с нами, поэтому вышагивала в нескольких футах впереди. Элис держала меня за руку и раз за разом напевала припев песни, услышанной ею по радио. Ее любовь к повторениям злила меня. Я сдавила ее пальцы так, что она вскрикнула и попросила меня отпустить. Сейчас уже никто не желал держаться за мамочкину ручку, и это меня устраивало. К тому времени, как я дошла до школьных ворот, Элис уже бегала на игровой площадке со своими подругами.

На секунду я подумала, не завести ли разговор с другими мамочками, занявшими свои места в обычном утреннем кружке сплетниц. «Мафия», как прозвал их Тони. Но это было бессмысленно, потому что в тесных рядах этих дамочек никогда нет свободных мест для посторонних. Я так и видела, как в фитнес-зале они, словно стая гиен, взирают негодующими взглядами на каждую женщину, чьи габариты превышают десятый размер^[4]. Потом представила их в задних рядах велотренажерного зала и как по их коже, гладкой от инъекционных имплантатов, стекают капли пота на подстеленные белые полотенца. А после, думала я с затаенным весельем, они поглощают в кафе пересахаренные смузи и пирожные. Такие дамочки в равной мере пленяли и отвращали меня.

Путь от школы до моего следующего пункта назначения занял ровно двадцать две минуты – это время я использовала, чтобы выкурить сигарету и выкинуть из головы все негативные мысли. Потому что когда я прихожу к якорю, мне нужна ясность. Хочу, чтобы мысли и сердце были так же чисты, как у него.

Вскоре впереди показался Кингсторпский пансионат. Большое прямоугольное здание с двумя крыльями, раскинутыми в стороны, словно ветки. Толстые солидные дубы росли по бокам вымощенной кирпичом подъездной аллеи, которая вела вверх по едва заметному склону к двойным дверям, забранным матовым стеклом. Здание было окружено тщательно ухоженными садами, поодаль виднелось озеро.

Я улыбнулась молодой регистраторше в приемной и расписалась в книге учета. Проверила, появились ли в книге за время, прошедшее с моего последнего визита, подписи Тони или девочек, но их имен не было. Их никогда не было. Никто из них не знал, что я хожу сюда четыре раза в неделю.

Нажав на кнопку, регистраторша впустила меня в общий зал, где я

обнаружила Генри и маленькую группу его сотоварищей – все они сидели по отдельности, и их внимание было полностью занято разными предметами.

Он почти неподвижно сидел в своем кресле на колесах и никак не отреагировал на мой приход. Но для меня это не имело значения – я знала, что так будет. И точно так же я знала: он понимает, что я здесь. Назовите это материнской интуицией.

Голова моего сына была склонена вправо, однако взгляд оставался прикован к экрану телевизора, висящего на стене. Не было возможности понять, как много из увиденного он воспринимает, однако выглядел Генри так, словно полностью сосредоточился на мультфильме «Свинка Пеппа». Струйка слюны, тонкая, словно паутинка, тянулась из уголка рта вниз по подбородку, к нагрудному карману футболки. Я достала из сумки бумажный платочек и промокнула слюну, потом ногтем указательного пальца аккуратно убрала оставшиеся от завтрака крошки из другого уголка губ.

Просунула руку под ремни, надежно удерживавшие Генри в кресле, чтобы проверить, не слишком ли туго они затянуты на плечах или на талии. Обнаружив, что ремни оставили глубокие вмятины на коже, накричала на нянечку. Мне было ненавистно то, что он может испытывать боль, но не в состоянии как-то проявить это.

Я посмотрела в глаза Генри; когда-то они могли озарить весь зал, но теперь словно потеряли свой блеск. Это произошло не вдруг, но я боялась, что начинаю терять его. Мне не с кем было поделиться наблюдениями, потому что никто, кроме меня, не приходил повидать его.

Я провела рукой по его мягким темно-русым волосам. Они были зачесаны вперед, хотя нянечки были в курсе: я считаю, что такая прическа ему не идет. Поэтому я плеснула себе на ладонь немного воды из пластиковой чашки и разобрала его челку на косой пробор. Судя по всему, в школе, где училась Элис, такая прическа была модной среди мальчишек – ровесников Генри.

Тощие руки и ноги выпирали из-под пансионатской одежды. Он так и не набрал вес, потерянный за время пневмонии. Две недели я почти неотрывно провела с ним, даже спала в кресле рядом с его кроватью – и еще столько же в больнице, куда его увезли на дренаж легких. Я была со своим сыном – и впервые смогла пробыть с ним так долго с того момента, как в наш дом приехала «скорая помощь», чтобы увезти его от меня.

Я всегда готова была признать, что первые годы жизни Генри дались нам тяжело – слабая иммунная система делала его уязвимым для любой

инфекции, и изрядную часть суток он только и делал, что кричал. Конечно, он оказался пожизненным источником хлопот – а разве не так обстоят дела с любым ребенком? Но, как ни пыталась, я не сумела заставить Тони принять его. Ближе к финалу он практически не смотрел в сторону сына.

Я знала, что никогда не поведу Генри в школу, никогда не увижу, как он играет с друзьями, никогда не смогу присутствовать на его свадьбе. Мы не сможем делить друг с другом воспоминания, и я никогда по-настоящему не узнаю, о чем он думает. Все мечты и планы, лелеемые во время беременности, давным-давно рассеялись дымом.

Но я нашла новую надежду: хотела помочь ему развиваться настолько, насколько он вообще в состоянии. Даже самое мелкое достижение, такое, как распознавание формы и цвета, становилось огромным и всеобъемлющим. Постепенно я научилась принимать существующее положение вещей и не цепляться за то, что могло бы быть.

Разумом он никогда не станет старше годовалого младенца, никогда не впитает никаких знаний. Он никогда не будет ждать от меня больше, чем я отдаю. Для меня Генри был идеальным семилетним мальчиком, просто на свой особенный лад.

Я отчаянно хотела оставаться опекуной сына, потому что он был частью меня. И мы отлично проводили время вместе, пока поставленный мне диагноз – рак – не разрушил все. Требовалось срочное и тщательное лечение, поэтому меня положили в больницу. Когда несколько недель спустя я вернулась домой, Генри исчез. Сначала Тони утверждал, что сын просто временно находится на попечении и вернется, когда я буду чувствовать себя достаточно хорошо, чтобы присматривать за ним. Но когда я набралась сил, муж поставил передо мной ультиматум: или наш брак и девочки, или я и Генри – сами по себе.

Все – от врачей, осматривавших Генри, до патронажных медсестер – заверяли меня: на нем никак не отразится то, что он больше никогда не вернется домой. Но я знала своего сына. Он думал, что я отказалась от него и отдала в руки людей, которые никогда не смогут полюбить его так, как любила я. Меня убивало то, что он не знает: я не виновата – не мое нежелание, а моя болезнь разделила нас. Чувство вины заставляло меня задыхаться.

Я находила слабое утешение в том, что здесь Генри хотя бы будет под должным присмотром. Его накормят, искупают, оденут и вывезут в сад или к озеру – подышать свежим воздухом. Он ничего не хотел и не нуждался во мне, но я все равно приходила. Я могла только убрать крошки с его губ и расчесать ему волосы на косой пробор. Хотя бы это.

Я взяла Генри за руку и положила пальцы на его запястье, просто чтобы почувствовать его пульс.

«Чувствую, как во мне бьется его сердце», – сказала я Тони однажды во время беременности.

«Не говори ерунды, – ответил он. – Ты просто слышишь собственное».

Тони не понимал, что мое сердце и сердце Генри были едины. И пока я могу ощутить его пульс, он всегда будет моим якорем.

Глава 8

Четыре месяца и три недели после Дэвида

Я нахмурилась, глядя на пластиковый стаканчик с остатками кофе, стоящий на столе.

Терпеть не могу, когда другие в мое отсутствие пользуются моим рабочим местом, особенно когда им не хватало воспитания убрать за собой. Офис и сам по себе выглядел неопрятно, если не сказать хуже: вытертый узорчатый ковер родом из семидесятых, выгоревшие белые обои из древесно-стружечной массы, потолок с пятнами никотина – никто, похоже, так и не собрался покрасить его даже десять лет спустя после запрета на курение на рабочем месте.

Помада, размазанная по ободку стаканчика, была для меня все равно что подпись рисовальщика уличных граффити – из этого стаканчика явно пила Джанин. Я выкинула стаканчик в ведро для пластика, опрыскала стол антибактериальным раствором и вытерла все следы ее пребывания, прежде чем ответить на первый за мое дежурство звонок.

По одному только нервному «алло», я сразу же поняла, кто звонит в «Больше некуда» – еще до того, как он представился. Некоторые люди никогда не забывают лица, увиденные раз в жизни; я же никогда не забываю голоса, даже если этот человек произнес одно-единственное слово. Мои глаза загорелись.

– Меня зовут Стивен. Вы, вероятно, не помните меня, но, мне кажется, вы та самая женщина, с кем я говорил недавно...

Он безуспешно пытался скрыть страх.

– Да, здравствуйте, Стивен. Именно я беседовала с вами и помню вас. Как дела сегодня?

– Всё в порядке, спасибо.

– Звучит более позитивно, чем в прошлый раз. Жизненные обстоятельства в чем-то изменились?

– На самом деле, полагаю, не особо.

– О, жаль это слышать. – Мне, конечно, не было жаль. Но я уже пришла к выводу, что если б в его жизни произошли какие-то значительные перемены к лучшему, он не стал бы звонить нам повторно. – Тем не менее у вас хотя бы сегодня хороший день?

– Полагаю, да.

– Что ж, иногда после хорошего ночного сна мы просто просыпаемся утром, чувствуя, что наше отношение к жизни улучшилось.

– Но это не значит, что все плохое куда-то делось, верно?

Раз уж он сам пришел к такому выводу, значит, мне предстояло посеять в его голове на одно семечко меньше.

– Как думаете, удастся продлить хороший день еще на сутки?

– Не уверен.

Что-то в паузе, разделявшей мой вопрос и его ответ, заставило меня подумать, что это был совсем не тот разговор, которого он хотел или ждал. Но именно такого хотела я, и почти воочию видела, как Стивен хмурит брови, слыша, что я жду от него только позитивного настроения. Он надеялся на продолжение того, о чем мы говорили в прошлый раз, когда он желал моей поддержки в своем решении покончить с собой, – однако ему не хватило духу, чтобы попросить об этом.

Если потенциальный кандидат находит меня во второй раз, я понимаю, что он настроен серьезно. Но всегда уклоняюсь от определенных аспектов первой беседы. Веду себя так, словно мои слова о том, что кандидат несерьезно отнесся к самоубийству, просто не были произнесены. Сверяюсь со своими заметками и вворачиваю какой-нибудь необычный факт или фразу, сказанную им в прошлый раз, дабы подтвердить, что я его слушала. Но и только. Если клиент заинтригован достаточно, чтобы выйти на меня в третий раз, он получит мое безраздельное внимание.

Следующие десять минут диалог шел строго по инструкции. Со стороны могло показаться, что моя цель – подчеркнуть позитивные стороны его жизни. Но поскольку он пребывал в таком мрачном настроении, собственные пессимистичные ответы заставляли его лишь глубже проникнуться одиночеством и безнадежностью.

– Стивен, надеюсь, вы не против, если я скажу, что в начале разговора вы утверждали, будто у вас всё в порядке, однако по вашему тону трудно в это поверить.

– Наверное, у меня просто развилась привычка говорить, что всё в порядке, чтобы люди не беспокоились обо мне.

Настал момент в очередной раз навести его на то, что он в

действительности хотел обсудить.

– Наш девиз – сохранять непредвзятое отношение. В разговоре со мной не нужно притворяться, будто вы что-то чувствуете, хотя на самом деле это не так. Есть ли что-то, о чем вы особенно хотите поговорить?

– Э-э... в прошлый раз, когда мы говорили...

– Я помню...

– Я сказал вам кое-что.

– Вы сказали мне много всякого.

– О том, как я думал о самоубийстве...

– Да, вы это говорили.

– Вы спрашивали, готов ли я это совершить.

– Не помню, чтобы я использовала именно эти слова, Стивен. Думаю, вы могли неверно истолковать то, что я вам сказала.

– О...

Я намеренно сбивала его с толку.

– К какому заключению относительно самоубийства вы пришли с прошлого своего звонка нам?

– Я много размышлял. По сути, это единственное, что было у меня на уме, и я не мог перестать думать об этом. Вы правы: что бы я ни делал, ничего не изменится. И я по-прежнему буду чувствовать все то же самое.

Он цитировал мои слова почти точно. Это был еще один положительный признак.

– И как, по вашему мнению, вы можете избавиться от этих чувств?

– Не знаю.

– А мне все же кажется, что знаете, верно? Если быть предельно честным с самим собой.

– Да, – прошептал он. – Я готов. Я имею в виду, я хочу... я хочу умереть.

– Стивен, мне очень жаль прерывать наш разговор, но, боюсь, мне уже пора идти, моя смена заканчивается. К несчастью, не могу переключить вас на кого-нибудь из моих коллег, но если вы позвоните заново, уверена – кто-нибудь еще с радостью продолжит беседу с вами с того места, на котором мы ее завершили.

Моя смена вовсе не заканчивалась, оставался целый час, и я никогда не обрывала резко разговор с кем-то, кто не был кандидатом.

– Что? Но...

– Берегите себя, Дэвид, – произнесла я и повесила трубку, не дав ему шанса попрощаться.

Я была уверена, что он перезвонит на следующий день.

«Так... неужели я только что назвала его Дэвидом? Кажется, да. Ох, чтоб тебя...»

В последнее время я часто думала о Дэвиде, и слова Стивена о чувстве безнадежности, которое он испытывал, напомнили мне о том, в чем сознавался Дэвид.

...Дэвиду я предложила оставаться на линии, когда наступит его время. Но ему нужно было нечто большее.

«Я не хочу уходить в одиночку, – признался он. – Мне нужно, чтобы кто-то был там со мной, кто-то, кто, как и я, боится сделать это один».

Никогда прежде ни от кого я не слышала такого запроса. В голове всплыли воспоминания об отвратительном месте, где прошло мое детство, и если бы обстоятельства были иными, я могла бы на пару минут задуматься, – а не присоединиться ли мне к нему? Но у меня была семья, я была нужна Генри. Мой якорь прочно держал меня.

Нужно было подумать. Где, черт побери, я должна была искать желающую принять участие в этом? Нельзя же просто дать объявление на сайте знакомств: «Мужчина 39 лет, приятной внешности, с хорошим чувством юмора, ищет женщину, чтобы вместе совершить самоубийство». Поэтому я вернулась на интернет-форумы, где часто сидела когда-то – в поисках потенциальных кандидатов. Однако трудно поверить кому-то, кто прячется за аватаркой, а тем более завербовать его.

Потом в дело вступила удача – или судьба, – и в нашей жизни появилась она. Молодая женщина, носящая ребенка и страдающая от жестокой пренатальной депрессии. У нее возникали мрачные мысли, и чем дольше продолжалась беременность, тем сильнее становилась убежденность женщины в том, что она будет ужасной матерью. Она считала, что у мужа роман на стороне, потому что он тайно звонил кому-то, а с их совместного счета стали пропадать значительные суммы денег. Задерживался на работе дольше обычного, а поскольку она стала толстой и чрезвычайно непривлекательной, то полагала, будто он ищет отношений с другой женщиной. Мне было все равно, действительно ли он изменял ей или нет. Просто тот факт, что женщина верила в измену и от этого лишь глубже увязала в депрессии, играл мне на руку.

При других обстоятельствах я могла бы предложить, чтобы она дождалась родов, прежде чем давать волю своим суицидальным мыслям. Но мне был нужен кто-то, подверженный манипуляциям и готовый принять мое предложение, – а она идеально подходила под это.

Еще я отчетливо сознавала: она нужна мне больше, чем я нужна ей. Поэтому обращалась с нею аккуратно и использовала все трюки, чтобы

подтолкнуть ее в правильную сторону. Взяла дополнительные смены и предложила звонить до тех пор, пока не отвечу именно я. Посоветовала перестать принимать ту малую дозу антидепрессантов, которую прописал ей врач – чтобы лекарства не придали ей искусственного оптимизма. Намекнула, что неплохо бы дистанцироваться от друзей и блудного мужа. Направила ее на хорошо знакомые и тщательно отобранные интернет-форумы самоубийц – чтобы показать: она не одна. Спустя три недели напряженных разговоров, исследований и манипуляций она была готова встретиться с Дэвидом. И за семь дней до их встречи мы перешли на неотслеживаемые мобильные телефоны без предварительной абонентской платы.

Первый и единственный раз, когда они встретились лично, – в тот день, когда вместе шагнули с вершины утеса Бирлинг-Гэп в Восточном Сассексе. Они никогда не общались по телефону, по электронной почте или посредством эсэмэсок. Ни один из них понятия не имел, как выглядит другой, как звучит, какова причина желания умереть – только то, что им назначена общая судьба. Они верили в меня и друг в друга – мы были тремя друзьями, вместе совершающими прыжок в неведомое.

Слушая по телефону, как они делают свои последние шаги к краю и за край утеса, я испытывала гордость, радость, счастье, предвкушение и возбуждение одновременно – со мной никогда раньше такого не было. Но в глубине души я завидовала тому, что именно она делит с ним этот драгоценный момент. Это чувство терзало меня, когда я увидела сюжет в местных теленовостях. Не смогла заставить себя досмотреть его, увидеть в ней реального человека, поэтому просто переключила канал. Это я положила конец страданиям Дэвида, однако вся слава досталась ей.

Я на несколько секунд закрыла глаза и вообразила, каково было бы держать Дэвида за руку и чувствовать, как его тепло проникает в мое тело, когда мы вместе делаем этот последний шаг. Я ощущала мягкость его кожи, запах одеколona от шеи, пульс, бьющийся в унисон моему, – и все с такой отчетливостью, как будто я действительно присутствовала там.

– Лора! – раздался сзади раздраженный голос Джанин, вырвав из грез. Мои полные гнева глаза широко распахнулись. – Твой телефон звонит! Ты не могла бы ответить наконец?

Она указала мне на красный мигающий огонек.

– Конечно, – отозвалась я, гадая, каково было бы взять этот телефон со стола и запустить ей в физиономию.

Глава 9

Я нацарапала записку на листке бумаги и перебросила ее на стол Санджаю. Даже со своего места я видела, что пуговицы его рубашки туго натянули петли и в проемы между планками выглядывают клочки темных волос.

Вечно некомпетентная Джанин спутала все расписание и поставила в смену слишком много волонтеров, поэтому в офисе было куда больше народу, чем мне было привычно.

«Почему в кабинете Джанин полиция?» – написала я в записке.

«Понятия не имею», – прожестикуюлировал Санджай. Он брызгался одеколоном с удушливым запахом, однако это почти не помогало замаскировать запах его тела. Я оглянулась на Мэри, тоже сидевшую сегодня на звонках, и подняла брови, но та покачала головой.

Мне полагалось слушать овдовевшую пенсионерку, которая жаловалась на невыносимое одиночество. Но мое внимание было поглощено офицерами в форме, беседовавшими с Джанин.

От их присутствия мне становилось не по себе – не имело ли это какого-либо отношения ко мне? Не заявил ли Стивен на меня в полицию? Неужели инстинкт подвел меня и я слишком далеко – и слишком скоро – зашла в разговоре с ним? Я предполагала, что когда-нибудь такое может случиться. И достаточно будет обвинений со стороны одного-единственного человека, чтобы уничтожить мою репутацию.

«Ты в норме?» – написал мне в ответ Санджай. Я ненавидела общаться текстом, если только этот текст не был на экране телефона. И даже тогда он становился для меня всего лишь терпимым.

«Да, просто шумно!» – написала я и добавила смайлик.

Мне хотелось взять свою сумку и потихоньку смыться. Но нужно было точно знать, относится ли ко мне то, что происходит в кабинете Джанин.

Клиентка начала причитать о том, что двое детей совсем бросили ее, но мой взгляд был прикован к двум молодым полицейским, пившим кофе из кружек и заедавшим его моей выпечкой. Я подалась вперед и вытянула шею, пытаясь разобрать их приглушенный разговор, однако понять что-либо мог лишь чтец по губам.

Я ощутила, как узел у меня в желудке разрастается до размеров арбуза, и быстро воспроизвела в памяти оба своих разговора со Стивеном. Уверена, что не сказала ему напрямую о своей готовности поддержать его суицидальные стремления. Я слишком осторожна, чтобы ляпнуть нечто

подобное. Так что если он меня и обвинит, то будет лишь его слово против моего.

Британские законы в 1961 году исключили самоубийство из числа уголовно наказуемых деяний, поэтому попытка лишить себя жизни перестала быть преступлением. Однако поощрять чье-то самоубийство или способствовать ему – это уже другое дело, и долгом полиции было расследование подобных обвинений. Максимальным наказанием за подобное, если вина будет доказана, служило тюремное заключение сроком в четырнадцать лет. Генри ни за что не выживет без меня так долго.

Чем дольше я смотрела на полицейских, тем сильнее моя изначальная паника сменялась гневом. Что я такого неправильного делала? Я только помогала людям, как и было положено в «Больше некуда». Конечно, у меня были свои планы, но я сама поставила ограничение: никаких детей, подростков или умственно неполноценных – все остальные, будучи в здравом уме, могли сами принимать решения... с моей помощью, конечно. Если бы моральный компас нашего общества не барахлил, меня могли бы вознаградить за ту помощь, что я оказывала несчастным. Люди – худшие враги сами себе, когда пытаются продлить жизнь, какой бы жалкой и безнадежной она ни была. И мое дело – спасти их от них же самих.

Однако бессмысленно пытаться объяснить такое Джанин или полиции; они лишь извратят это, чтобы использовать против меня. Социальные работники, воспитатели, врачи... в прошлом все осуждали меня, и все были неправы. Не стану сидеть и смотреть, как история повторяется.

Когда они ушли, я увидела, как Санджай входит в кабинет Джанин, и жалела, что не могу заткнуть клиентку, чтобы последовать за ним немедленно.

– Они нашли наш номер в телефоне у еще одной покойницы, – начал Санджай.

– У кого?

– У молодой матери, умершей от передоза героина.

«А, Шантель».

Я бог весть сколько раз говорила с ней, подводя ее к смерти, но меня невозможно было отследить по ее звонкам. Клиенты доверяли нам, потому что мы защищали их анонимность и не могли проследить номера телефонов. Не существовало прямой линии и дополнительных номеров. На основании кода стационарного номера, с которого был совершен звонок, или GPS-координат мобильного, вызовы, поступающие на федеральную линию «Больше некуда» перенаправлялись в ближайший филиал организации. И отвечал на звонок тот из операторов, кто был сейчас

свободен. Если все операторы филиала были заняты, звонок перебрасывался в одно из четырех соседних графств. Полиция, должно быть, предположила, что раз Шантель жила здесь, то мы и принимали ее звонки.

– Сколько смертей уже связали с нами? – спросил Санджай у Джанин.

– Согласно протоколам, – начала та, пролистывая папку с распечатками, – вместе с этим случаем будет двадцать четыре смерти в Нортхэмптоншире за последние пять лет.

Как бы мне ни хотелось, я не могла взять на себя ответственность за все эти случаи.

– Хм-м, тогда получается немного выше среднего уровня, – прикинул Санджай.

Джанин была слишком занята тем, что ее компьютер отказывался принимать пароль.

– Чертова штука! – прорычала она.

– Твои инициалы, твоя фамилия и четырехзначное число, которое ты сама задала, – напомнил ей Санджай. Я запомнила цифры, которые она внесла в список, озаглавленный «Пароли», на своем «Айпэде», прежде чем сунуть его обратно в уродливую оранжевую сумку.

– Не понимаю, чего от нас хочет полиция, – произнесла я. – Они знают, что перед нами не стоит задача отговорить людей или поколебать их уверенность. Мы здесь лишь для того, чтобы слушать.

– Спасибо, Лора, я и без тебя прекрасно знаю, чем мы занимаемся, – чопорно ответила Джанин. – Они расследуют потенциальное дело против наркоторговца, с которым эта женщина состояла в отношениях, и хотят узнать, не говорила ли она о нем кому-либо из нас. Я напомнила им, что все, о чем говорится в разговоре с клиентом, – строго конфиденциальные сведения.

Шантель много раз говорила мне о нем. Если б он постоянно не подрывал ее уверенность в себе и не снабжал героином, наши пути могли бы никогда не пересечься. В благодарность я была обязана молчать.

– Сколько раз она звонила? – спросил Санджай.

– Девятнадцать раз в течение нескольких недель перед смертью, – ответила Джанин и достала из ящика своего стола упаковку бисквитов, на которой виднелись слова «без глютена, без молочных продуктов». – Если она дозвонилась до нашего филиала, кто-нибудь должен был запомнить ее. И они должны знать, что мы не поощряем клиентов вести беседы только с кем-то одним из нас. Другой оператор может предложить иной настрой, который поможет клиенту больше, чем предыдущий.

– Быть может, следует разослать всем операторам напоминание об этом? – предложила я.

Джанин наградила меня еще одним уничижающим взглядом, поэтому я вернулась в свою выгородку, мысленно желая начальнице неизлечимой болезни. Не короткой, быстро развивающейся и сводящей в могилу за пару месяцев, а долгой, мучительной, которая пожирала бы эту суку заживо.

Похоже, я едва разминулась с опасностью. Мне нужно было принять меры предосторожности, дабы защититься, поэтому я пообещала себе, что пока откажусь от подбора будущих кандидатов. Но только после того, как завершу работу со Стивеном.

Существовало пять правил, соблюдения которых я ожидала от каждого кандидата, дабы наши отношения оказались эффективными, – и Стивен не станет исключением, если сделает третий, важнейший звонок.

Первое правило: весь контроль у меня. В конечном итоге решение жить или умереть принимает сам кандидат, и я ничего не могу с этим поделать. Но мне нужно дать понять, что без моей помощи попытка покинуть этот мир с минимальным шумом, скорее всего, окажется провальной.

Я приводила статистику, чтобы доказать свою правоту: тот факт, что три четверти людей, пытавшихся покончить с собой, остались в живых, поскольку были плохо подготовлены. Мысленно они, возможно, и были готовы, но если считали, что могут просто перерезать себе вены или повеситься на дереве – и дело в шляпе, игра окончена, то ошибались. Безболезненные романтические самоубийства случаются только в телевизионных драмах. Если сделать что-то неправильно, такая попытка просто искалечит человека и лишь ухудшит его жизнь.

Мое второе правило: кандидат должен верить мне, потому что я лучше знаю. В том, что касается способов и средств, я просто ходячая энциклопедия. Я проводила исследования. Прочла все о доступных человеку методах в интернете, в библиотеках и в медицинских справочниках. Я посещала дознания по делам о самоубийствах и училась на примерах успешных и провальных попыток.

Я знаю, как спрыгнуть даже с относительно низкого моста или здания с наиболее высоким шансом на смертельный исход, – а ведь даже падение с высоты семи этажей в изрядном количестве случаев не приводит к гибели, если сделать это неправильно. Знаю самые эффективные сочетания обезболивающих и снотворных и какие страны их свободно поставляют. В каких строительных магазинах продаются самые крепкие и качественные веревки и на какой узел их следует завязать. Как можно разбиться

на смерть, упав в воду с большой высоты и на какую длину следует отпилить ствол дробовика, чтобы сунуть его в рот и при этом достать пальцем до спускового крючка. И даже чем лучше его пилить. Как надежно закрепить шланг на выхлопной трубе машины. Как задохнуться, как задушить себя и в каких местных водоемах волны и течения достаточно сильны, чтобы унести тебя. Потому что я эксперт.

Третье правило: кандидат должен согласиться сделать это в течение пяти недель после нашего договора. Если он к сроку не мог привести свои дела в порядок, я понимала, что кандидат колеблется, – и разрывала сделку. Второго шанса я не давала. Не люблю зря тратить время.

Правило четвертое: кандидат должен оставить основную часть повседневной работы мне. Как только мы останавливаемся на предпочтительном методе, я планирую все подробности. Выстраиваю череду событий с таким вниманием к мелочам, которое не обеспечит никто другой. Время, место, стоимость материалов, где их приобрести... нет ничего, о чем бы я не подумала. Все, что требуется от кандидата: не упоминать никому и нигде обо мне и наших отношениях. Ни при каких обстоятельствах они не должны записывать мое имя или название «Больше некуда» – ни на бумаге, ни в заметках на своем телефоне.

Мое пятое и последнее правило: в обмен на все свои усилия я требую от кандидата только одного – полной откровенности. Ожидаю, что, прежде чем наши пути разойдутся, он расскажет мне о себе все, без умолчаний. Хочу услышать его самые драгоценные воспоминания, самые темные думы, самые большие сожаления, самые грязные секреты, все недостигнутые цели; хочу услышать обо всех, кого он оставляет позади: кому эта смерть причинит больше всего боли, а кому будет все равно. Хочу знать все о его повседневной жизни и о той стороне этой жизни, которую он скрывает даже от своих лучших друзей.

Я рада пасти свое стадо на тучных пастбищах, кормить его отборным зерном, поить ключевой водой и давать отдыхать под солнцем – сделай это, и у тебя на столе всегда будет самое вкусное мясо. Если я действительно знаю, чем дышит кандидат, то его последний вздох для моих ушей бывает слаще, чем любой другой звук на свете.

Глава 10

Пять месяцев после Дэвида

После возвращения из пансионата Генри и до начала работы в

«Больше некуда» я завернула в одну из городских кофеен.

– Здесь или с собой? – без малейшего интереса пробубнил юноша за стойкой. Его лицо было мне знакомо, но я не могла понять откуда.

Я посмотрела на часы – до начала смены еще было изрядно времени.

– Здесь, – ответила я. Он наполнил кружку латте, потом закатил глаза, когда я попросила ложечку.

Я выбрала место в середине людного зала и села, крепко зажмурившись и внимательно прислушиваясь к разговорам посторонних людей, которые собрались за круглыми столиками со всех сторон от меня. Если сосредоточиться достаточно сильно, можно было отсечь все остальные шумы: жужжание кофемашины, гудение посудомойки и даже звуки радио – так, чтобы я слышала только диалоги между посетителями.

Именно та энергия, которой я заряжалась от подобного выслушивания кусочков чужой жизни, и заставила меня предложить свои услуги «Больше некуда». Я вспомнила, как Элис, которой тогда было четыре года, сидела в гостиной и раскрашивала картинки с деревенской живностью на листах бумаги, разбросанных по всему кофейному столику. Девятилетняя Эффи занималась домашним заданием по математике. Я сидела на диване и делала вид, будто присматриваю за ними, хотя, следует признать, меня больше интересовал просмотр сообщений на форумах самоубийц. Было приятно знать, как сильно я помогаю людям, поощряя их оборвать свои страдания. Со временем я получила определенную репутацию в темных уголках Сети: меня считали своеобразной палочкой-выручалочкой, способной дать полезный и подробный совет относительно лучших и худших способов самоубийства – на основании проделанных мною исследований. Я даже заслужила прозвище «Героиня с линии доверия». Это позволяло мне чувствовать себя нужной.

Но участники форумов были преходящими и анонимными. Они были разбросаны по всей стране, если не по всему миру, и когда переставали постить свои сообщения, я не могла узнать, сделали ли они это потому, что исполнили свои угрозы и покончили с собой, или же им просто надоело, они передумали и перестали ходить на форумы. Редко удавалось узнать, что произошло; в общем, это меня не удовлетворяло.

На форумах не хватало живого человеческого общения. Читать набранные на клавиатуре слова – это совсем не то, что слышать страдание в голосе человека. Мне нужно было впитывать их горечь, их беспокойство, отчаяние, смятение. Поэтому, прочитав в местной газете, что на линии доверия «Больше некуда» не хватает операторов-волонтеров, я задумалась: не могу ли применить свои таланты и знания в этом важном новом

направлении.

Любопытство заставило меня набрать номер, чтобы узнать из первых рук, чем их советы отличаются от моего прямого и честного поощрения в интернете. Я придумала историю о том, что якобы чувствую себя отчаянно одинокой и всерьез расцениваю возможность прервать свою жизнь. Вот только никаких советов не было. Вместо этого женщина из «Больше некуда» предложила мне спокойные, заботливые слова, время и возможность поговорить и разобрать мои проблемы. Мэри до сих пор понятия не имела, что тогда она разговаривала по телефону именно со мной...

Было что-то притягательное в том, чтобы сделать этот первый звонок и услышать ее ужасный, беспристрастный, успокаивающий голос. Поэтому в следующие две недели я звонила снова, снова и снова – и сталкивалась с тем же самым отношением разных волонтеров. Я проверяла эти несчастные заблудшие души под разными предложениями, называя причинами моих несчастий долги по кредитам, насилие, измены мужа, сексуальные домогательства в детстве и ужасы войны. Мне было любопытно, как долго они смогут выдерживать этот слащавый тон, прежде чем их маски слетят и они скажут мне то, что в действительности у них на уме. Но этого не произошло. Ни разу.

И именно поэтому «Больше некуда» нуждался во мне – в ком-то, кто предложит клиентам альтернативную точку зрения, правильное восприятие их трудностей. Я готова была ради правильных кандидатов приложить усилия и, если это потребуется, предложить им участливое сопровождение до самой финишной черты...

Пробили часы на стене кафе, и я открыла глаза. Поставив пустую кружку на стойку, получила вялую улыбку от юного баристы. Прочла на его бейджике имя «Том», и неожиданно в голове у меня щелкнуло – его фотографии я видела в телефоне Эффи. Он просил присылать ему снимки в полуобнаженном виде.

Настроение испортилось. Я направилась через центр Нортхэмптона к офису. Склонив голову и держа в руке телефон, вошла в учетную запись дочери на «Фейсбуке». На этот раз в ее входящих было фото, присланное Томом, – он, совершенно голый и возбужденный, стоит в интерьере, подозрительно напоминающем служебные помещения той самой кофейни, где я только что побывала. Я была в ярости: и на него, и на Эффи – за то, что она не удалила это сообщение. Семнадцатилетний парень посылает четырнадцатилетней девочке порнографические снимки!

Если б я сообщила об этом в полицию, его, скорее всего, просто слегка

пожурили бы. Поэтому я взяла дело в свои руки.

В том, что касается молодых людей и соцсетей, не существует ничего конфиденциального. Поэтому если Том с такой готовностью делится подобными изображениями и готов к похвалам, посмотрим, что он скажет, когда весь мир будет оценивать его по его весьма скромным гениталиям. Он оказался достаточно глуп, чтобы не скрыть свое лицо на фотографии, поэтому я скопировала изображение и с анонимной учетки в «Твиттере» отослала международной сети кофейных заведений, принявшей его на работу, проставив имя и адрес того филиала, где он работал и сделал снимок.

Потом вошла в фальшивую учетную запись на «Фейсбуке», которую создала, чтобы исследовать личные профили кандидатов, если они расскажут о себе достаточно много. Разместила фотографию Тома в его собственной хронике на всеобщее обозрение, потом – в хрониках всех его однофамильцев из списка друзей. Сбросила снимок на страницу школы в «Фейсбуке» и вдобавок на все странички, созданные родителями для каждого отдельного класса. Потом снова вошла в учетку Эффи и разместила это же фото на ее странице. В довершение сменила пароль, чтобы она не могла удалить изображение.

К тому времени, как дошла до офиса, я была уже вполне удовлетворена: после такого отношения Эффи с этим парнем развиваться «больше некуда».

Глава 11

В предвечерний час в коридорах, ведущих от послеоперационного отделения Нортхэмптонской больницы, царил зловещая тишина.

Я пропустила часы посещения, но это не помешало проникнуть туда незамеченной, чтобы узнать, есть ли какие-нибудь улучшения в состоянии Олли.

За годы мы побывали в этом здании много раз, по самым разным причинам, характерным для бездомных. Гепатит В, бронхит, нагноение мозолей на ногах, нарывы на деснах и, чаще всего, ранняя стадия цирроза печени, развившегося у Олли от постоянного злоупотребления алкоголем. Теперь его уложил в больницу туберкулез – прямой результат ослабления иммунной системы, вызванного ВИЧ-инфекцией. Каждая болезнь ускоряла течение остальных, все сильнее разрушая его тело.

В его медицинских записях я была указана как контактное лицо для

экстренных случаев. Тони не понимал, для чего мне оставаться рядом с Олли, какое бы несчастье или следствие собственных поступков ни привели его на больничную койку. Муж много раз советовал мне «сделать лучше для себя» и отречься от Олли. Но я не могла.

Дверь в бокс была заперта, чтобы предупредить распространение инфекции, поэтому я посмотрела в одно из окошек, идущих по трем сторонам помещения – но так и не смогла разглядеть Олли. В прошлый раз у него возникли трудности с дыханием, поэтому, пока он был погружен в глубокий лекарственный сон, эту тяжелую работу за него выполнял какой-то шумный аппарат. Лицо Олли было закрыто пластиковой маской, в горло вставлена трубка, заставлявшая грудь подниматься и опадать. Смотреть на это было больно.

Ведя жизнь на улице, в суровых условиях, он носил на себе множество слоев одежды. Говорил, что проще таскать все на себе, чем оставлять где-то, рискуя, что украдут. Я вспомнила, каким тощим и беззащитным он выглядел в одной лишь тонкой синей больничной пижаме – тело почти не приминало матрас. Я сидела возле его постели по нескольку дней в неделю, как сидела с Генри, когда тот болел пневмонией, и гадала, насколько большую часть своей жизни мне суждено провести, глядя, как люди, которых люблю, сражаются за жизнь.

Снова осмотрела бокс; может быть, я не узнала Олли, потому что санитарки вымыли его? Скорее всего, искупали, подстригли волосы и сбрили бороду... Он терпеть этого не мог. Ненавидел любое сходство с тем мальчишкой, вместе с которым я жила в приемной семье.

* * *

Наша приемная мать Сильвия Хаггс была величайшей манипуляторшей из всех, кого я знала. Единственным положительным опытом, который я получила за время пребывания в ее доме, было умение убедить весь мир в том, что ты обладаешь качествами, которые в тебе хотят видеть, когда на самом деле ты совсем другой человек.

Она убеждала всех, будто делает важное дело: обеспечивает безопасное убежище для приемных детей – за много лет их набрался не один десяток. Но те, кто оказался на ее попечении, знали: мы здесь для того, чтобы служить ее целям.

Даже сейчас помню привкус страха, который подкатывал к горлу, когда я, невольно замедлив шаг, огибала угол и видела впереди дом, где

находилась ее квартира. Когда надвигались выходные, я с ужасом думала о возвращении в обветшалое десятиэтажное здание из серого бетона. Оказаться в другой школе, без друзей и знакомых, было все-таки предпочтительнее, чем все выходные провести в обществе Сильвии.

Я могу поминутно вспомнить свои последние выходные вместе с Олли, прямо с того момента, когда вечером в пятницу поднялась по лестнице и задержала дыхание, прежде чем взяться за дверную ручку. Скрестив пальцы, я надеялась, что Олли уже будет дома, но в квартире было тихо.

В социальных службах зарегистрировали, что мы проживаем в соседней квартире. Это было жилье с хорошей отделкой, с двумя просторными комнатами, набитыми игрушками, и с кухней, где стоял холодильник, полный еды. Однако нам редко позволялось заходить туда – только когда соцработники предупреждали о своем визите, дабы проверить наше благополучие. «Говнополучие», как прозвал это Олли. Квартира, где мы жили на самом деле, была совершенно иной.

Я пинками расчистила себе путь среди старых газет и пакетов с хламом, которыми был завален коридор, и открыла холодильник, слыша, как урчит у меня в желудке. Но, как бывало чаще всего, там не оказалось ничего, кроме перегоревшей лампочки и зарослей инея. Впрочем, нашлась одинокая пицца с сыром и томатной пастой, и я поставила ее в духовку.

Я как раз резала ее на равные ломтики, когда открылась дверь и в квартиру вошли Сильвия с Олли. Мое сердце упало. По затуманенному взгляду на его лице я поняла, куда она водила его. Он взглянул на меня полуприкрытыми глазами и попытался сделать вид, будто всё в порядке, но мы оба знали, что его бездумная улыбка маскирует нечто иное. В свои четырнадцать лет Олли вплотную подошел к резкому скачку роста, однако казался намного младше из-за низкого роста и худобы. Я тоже была слишком маленькой для своих тринадцати лет. Он проковылял в свою комнату и закрыл за собой дверь.

– Как дела в школе? – спросила Сильвия, выхватывая у меня ломоть пиццы и всасывая его – словно змея, глотающая мышь. Когда футболка задралась, я заметила на ее животе свежие проколы. Должно быть, она отчаялась найти на своих руках или ногах вены, которые еще не схлопнулись. Сильвия всегда носила одежду с длинными рукавами, чтобы скрыть факт своей героиновой наркомании.

– Всё в порядке, спасибо, – ответила я.

– Хорошая девочка, – отозвалась Сильвия, потом закурила косяк и направилась в гостиную. – Пойду отдохну немного.

Я подождала, пока она включит телевизор, потом на цыпочках прокралась к комнате Олли и тихонько толкнула закрытую дверь. Я ненавидела закрытые двери. Он резко проснулся и прижался спиной к стене, словно загнанное в угол животное.

– Всё в порядке, это я, – прошептала я. – Я принесла тебе пиццу.

– Спасибо, – сорванным голосом прохрипел Олли, постепенно успокаиваясь.

Мы молча поедали пиццу с одной тарелки, и я изо всех сил старалась не замечать синяки на его запястьях и шее и корочку крови, запекшуюся в ноздрах. Я увидела красные пятна на его трусах, которые он вместе с джинсами оставил валяться на полу неаккуратной кучкой. Но знала: не следует спрашивать, что случилось и кто в этом виноват.

Олли медленно уплывал в сон под звуки радио, громко игравшего у соседей за стеной. Я пристроилась рядом, загородив спиной его тощее тело. Теснее прижавшись, перебросила его руку поверх моей груди.

– Я люблю тебя, Олли, – прошептала я, зная, что вместе нам безопаснее, чем врозь.

* * *

– Здравствуйте. Миссис Моррис, верно?

Голос доктора Котниса развеял туман воспоминаний. Я не расслышала его приближения и отпрянула, когда он похлопал меня по плечу.

– Что привело вас в наше отделение?

– Здесь мой друг Олли.

– А, верно, – ответил доктор Котнис с озадаченным выражением лица. – Не знал, что он поступил к нам.

– В прошлый раз, когда он был здесь, вы сказали, что ему нужно серьезно изменить свою жизнь и что его будущее внушает вам сильное беспокойство. Так вот, не знаю, что еще я могу сделать. Умоляла его начать постоянный мониторинг иммунных клеток, перестать пить, даже предлагала ему пожить у меня дома, в тепле и чистоте... Но он отказывается.

Губы задрожали, я поджала пальцы на руках и ногах, чтобы не заплакать. Доктор Котнис сочувственно кивнул, как будто понимал мои проблемы и видел такое уже много раз.

– К несчастью, это практически все, что вы можете сделать, – с печальной улыбкой ответил он. – Я могу попытаться поговорить с ним еще

раз, если хотите.

– Да, прошу вас.

– Хорошо, предоставьте это мне. – Доктор Котнис улыбнулся еще раз и оставил меня в одиночестве возле бокса Олли.

Я ушла, так и не увидев Олли, но надеюсь, что он смог почувствовать мое присутствие.

Глава 12

Пять месяцев и одна неделя после Дэвида

В конференц-зале деревенской ратуши в Грейт-Хутоне собрались примерно тридцать участниц Нортхэмптонширского женского круга. Они толпились у стола, на котором стояли поднос с бисквитами и термопот с горячей водой, и бросали чайные пакетики и ложечки растворимого кофе и сахара в разномастные кружки – большинство так, словно уже одной ногой стояли в могиле. Они пришли послушать, как мы с Мэри рассказываем о своей волонтерской работе в «Больше некуда».

Джанин отправила меня сюда вместе с Мэри исключительно по своей злобности. Она отлично знала, что моя зона комфорта распространяется только на общение с местными бизнесменами, получение грантов Национальной лотереи и организацию распродаж выпечки и поделок. И уж точно не на присутствие на сборище дряхлых развалин.

Мэри с ними было проще, чем мне. Чаще всего мне было не по себе в присутствии пожилых людей, словно мудрость и опыт, накопленные за годы жизни, давали им возможность видеть меня насквозь. Однако Мэри была исключением. Я могла оказаться маньячкой, которая перережет всех присутствующих в этом зале, но она все равно видела бы во мне что-то хорошее.

Мы сидели рядом в пластиковых креслах, стоящих перед аудиторией. Я смотрела на Мэри, а та при помощи цветных карточек запоминала, как именно зовут ту или иную женщину, к которой она хотела обратиться. Ее голос был уверенным, как будто ей было совершенно комфортно в обществе себе подобных, в то время как мне больше всего хотелось снова оказаться в нашем офисе и ждать следующего звонка.

Прошло больше пяти месяцев с тех пор, как я помогла Дэвиду, и мне уже не терпелось взяться за новую задачу. Стивен, как я полагала, соответствовал всем условиям, вот только он все еще не позвонил в третий, решающий раз.

В идеальном мире я выбирала бы только по одному кандидату за раз. Но иногда, словно разные автобусы к одной остановке, два кандидата могли прибыть одновременно, и работать с ними было утомительно. Так было с Майклом и Еленой из числа первых. Он был мужчиной средних лет и с последней стадией рака простаты. Вечером в понедельник он удушил себя при помощи пластикового пакета и контейнера с бензином. На следующее утро Елена приняла смертельную дозу обезболивающих. Ей было двадцать с чем-то лет, она завела роман с женатым мужчиной, отцом двоих детей, который постоянно приманивал ее обещанием бросить жену. Я, после того, как помогла ей увидеть, что ее смерть преподаст ему урок, сделала все, чтобы это действительно стало уроком: например, разместила в местной газете заметку в память Елены, подписав ее полным именем и фамилией этого мужчины и назвав умершую «прекрасной возлюбленной».

Мне повезло: похороны Майкла и Елены выпали на один и тот же день и проходили в соседних церквях. Я перешла с одной поминальной службы на другую, и мне еще хватило времени, чтобы прийти в офис вовремя, к началу дневной смены.

– А нужно долго учиться или можно начать сразу отвечать на звонки? – спросила женщина, сидящая в первом ряду. Лодыжки у нее были той же толщины, что и колени. Я хотела сказать ей, что придется пройти множество бессмысленных бюрократических процедур, которые научат тебя идти против инстинкта и слушать, а не советовать. Но я этого не сказала.

– Да, нужно пройти обучение, чтобы подготовиться к тому, что вы можете услышать, – произнесла я. – Иногда поступают звонки от действительно отчаявшихся людей, поэтому нам нужно быть готовыми к чему угодно.

После моего первого собеседования в «Больше некуда» я хорошо подготовилась к следующему и дала на все вопросы психометрических и личностных тестов именно те ответы, которых от меня ожидали. Спрашивали мое мнение обо всем, от аборт до слов смертельно больному другу, который не хочет продолжать лечение. Все это чтобы посмотреть, насколько я беспристрастна, либеральна и способна широко мыслить. Правда заключалась в том, что я пристрастна, но я пошла против своей истинной природы, потому что от меня хотели не советов, а умения слушать. Только раз я оступилась и произнесла словосочетание «совершить самоубийство». Нам не следовало вообще использовать слово «совершить», потому что оно относится к преступлениям – а самоубийство таковым не является.

Я прошла отбор, а потом началось обучение – по одному дню в неделю в течение почти двух месяцев. Наставницу, Мэри, оказалось легко раскусить. Ее взрослый сын давным-давно покинул родной дом и страну, оставив ее и мужа, который предпочитал проводить время на поле для гольфа, а не с женой. Я чувствовала, что ей пусто, она не видит цели в жизни, и при иных обстоятельствах сразу записала бы ее в кандидаты.

Она заполняла время, оставшееся ей на этом свете, тем, что подружески выслушивала жалобы других людей. Фигура у нее была стройнее, чем моя, но Мэри прятала ее под свободной одеждой и следовала девизу времен Второй мировой: «Возьми и почини». Я видела, как она с тихой завистью смотрит на мои модные наряды, и решила рассказывать ей о том, где их покупаю и сколько они стоят.

Мэри почти не пользовалась макияжем, отчего выглядела еще старше, и все инъекции в мире не могли бы разгладить морщины на ее лице. Она даже не красила свои короткие серебристо-седые волосы, словно больше не видела смысла в том, чтобы прилагать усилия. Обдумывая какой-нибудь вопрос или просто глубоко погружаясь в свои мысли, она двигала челюстью влево-вправо, словно ставя на место ослабевший зубной протез. Я предпочла бы умереть, чем стать такой, как Мэри.

Вместе мы пустились в исследование гипотетических глубин отчаяния, чтобы проверить, как много я знаю о различных типах проблем, которые могут обнаружиться у клиентов. Не в моей натуре пытаться подбодрить кого-то или говорить, что я понимаю их чувства, поэтому не пришлось ломать подобную привычку.

Несмотря на преклонный возраст, Мэри легко обманывалась; в этом-то и проблема тех, кто видит в людях только хорошее. Мне было легко притворяться опечаленной, внимая рассказам о некоторых ужасах, которые она слышала от клиентов. Втайне я дожидаться не могла, когда Мэри отпустит поводья, и я смогу стать непосредственной свидетельницей их страданий.

Когда настало время, мне пришлось подавлять свой восторг. Не каждый звонок, поступающий от кого-либо, содержал суицидальные помыслы, но когда я впервые ответила на такой звонок, то вынуждена была сжать кулаки, чтобы не захлопать ладонями по столу, словно морской лев. В течение первых восьми испытательных звонков Мэри сидела в наушниках, чтобы слышать мои разговоры с клиентами. Время от времени она передавала мне листок с запиской, в которой предлагала оптимальную линию разговора, а по завершении звонка проводила со мной беседу и делала конструктивные замечания. Ну, то есть это она считала их

конструктивными. С моей точки зрения, это была чушь, не стоящая потраченного времени. В конце концов, когда мне удалось как следует запудрить ей мозги, она сняла с меня все ограничения и отпустила в свободное плавание.

У нас есть много правил, и даже сейчас я в основном следовала им. Нельзя сказать, чтобы я была согласна со всеми этими правилами, однако не было смысла пытаться нарушать их просто ради нарушения. Держись в рамках, и никто никогда не поймет, что у тебя на самом деле на уме. Чтобы обезопасить себя, я выждала три или даже четыре месяца, прежде чем начать играть по собственным правилам.

Я не забросила интернет-форумы окончательно. Я еженедельно заходила туда и отвечала на кое-какие вопросы или продолжала разговаривать с людьми, с которыми уже начала беседу. Но «Больше некуда» дал мне то, чего не могли дать форумы.

– О чем вы думаете, когда идете вечером домой? – спросила меня женщина, сидящая в дальнем ряду конференц-зала на собрании Нортхэмптонширского женского круга. – Вас беспокоит то, что стало с людьми, с которыми вы говорили?

Я не забываю ни чьи голоса – и сразу узнала этот. Она звонила мне раньше, жалуясь на долги по кредитной карте. Однако явно потратила деньги не на то, чтобы привести в порядок свою внешность.

– Некоторые из них остаются с нами дольше, чем другие, – ответила я и подумала о Дэвиде. Его похороны и похороны той женщины, с которой я его свела, были единственными, на которые я не пошла. Даже не видела фотографий этих людей. И все же Дэвид оставил в моей душе куда более глубокий след, чем кто бы то ни было еще.

Глава 13

Ненавижу этот дом.

Я обвела взглядом помещение открытой планировки, полное почти неиспользуемых предметов. Крутой телевизор с диагональю в пятьдесят два дюйма, включавшийся крайне редко, обеденный стол на восемь мест, за которым никто никогда не ел, два угловых дивана, где почти не сидели. Наша кухня стоимостью в 20 тысяч фунтов была снабжена фирменным встроенным оборудованием, столешницы сделаны из искусственного акрилового камня, а полы вымощены итальянской плиткой под мрамор. Всему этому не исполнилось и двух лет – такое красивое, чистое, но такое

ненужное... В этом доме было все, что могло понадобиться семье, – кроме любви. По сути, как ни старалась, я не могла вспомнить, когда все мы пятеро в последний раз собирались под одной крышей. Чем больше часов я проводила за пределами этого дома, тем более мрачными казались стены, тем сильнее я ненавидела здание за то, что оно изменило все.

Тишину нарушило чихание – кот, который до этого спал, свернувшись клубком на подоконнике, чихнул и этим разбудил сам себя. Я считала, что только собаки с энтузиазмом приветствуют своих хозяев, когда те возвращаются домой. Но Бибер всегда стрелой летел через дом, едва заслышав, как машина Тони въезжает на подъездную дорожку. Как только входная дверь открывалась, кот принимался мурлыкать и тереться головой о лодыжки Тони, и в награду получал больше внимания, чем муж теперь уделял мне. Сегодня Бибер разделял ожидание со мной. Я заняла место у кухонной стойки, глядя на духовку. Понадобилось несколько секунд, чтобы вспомнить, что я вообще готовлю.

Я отправила всем троим групповое сообщение в «Вотсапе», чтобы узнать, на связи ли они. Никто не ответил – как будто пребывали где-то, где не ловит ни вай-фай, ни сотовая связь. Я всегда оставляла почту аккуратно разложенной на кухонном столе, но поскольку теперь она лежала в некотором беспорядке, я предположила, что Тони просмотрел ее.

Я включила радио на волне своей любимой радиостанции с музыкой восьмидесятых. Уитни Хьюстон вопрошала: «Откуда мне знать?», дуэт «Юритмикс» интересовался: «Кто эта девушка?» а Карли Саймон спрашивала: «Почему?»^[5]. В прежние времена задавали множество вопросов. Все, что я хотела знать, – где моя семья?

Когда начались шестичасовые новости, я предположила, что Тони уже покинул офис и направился в спортзал, чтобы как следует избить боксерскую грушу. Он, вероятно, тренировался к очередному состязанию по боксу среди офисных работников – коллеги-единомышленники регулярно устраивали такие хорошо организованные матчи. Когда отношения в нашей семье стали натянутыми, Тони стал проводить на тренировках все больше и больше времени. Хотя он четко и недвусмысленно дал мне понять, что не желает моего присутствия на его боях, я ничего не могла с собой поделать и тайком пробиралась в зал, стоя в тени и ощущая нарастающее возбуждение от каждого удара, который Тони наносил своему противнику.

Элис, вероятно, все еще находилась в группе продленного дня, попозже ее заведет домой мама подруги. Эффи наверняка плакалась подругам насчет Тома, по всей видимости, возложившего на нее вину за

публичный позор – когда селфи в обнаженном виде оказалось разослано всем и каждому. А может быть, Тони повез девочек есть пиццу – без меня... Не стала бы исключать подобную вероятность.

Я мало-помалу привыкала видеть, как мои родные общаются друг с другом, в то время как я оставалась где-то в стороне, словно второстепенный персонаж в собственной театральной постановке. Нельзя полностью винить в этом девочек – Тони взял на себя организацию праздников в честь дней рождения и различных поездок; он слишком баловал дочерей, уделяя чересчур много времени, чтобы выслушивать все подробности их повседневной жизни. Этим он оказывал на меня огромное давление, вынуждая поддерживать иллюзию интереса к их рассказам – иначе я выглядела бы совершенно равнодушной матерью. Вот только я не могла притворяться так же убедительно, как мой муж.

Дистанция между мной и Тони увеличилась с крошечной трещины до пропасти вскоре после того, как у меня обнаружили рак. Он не устаивал меня даже короткого поцелуя в щеку, когда проносился мимо меня по лестнице. Я напоминала ему о том, как хорошо он выглядит в своем спортивном костюме, а потом притворялась, будто мне не больно не слышать ответные комплименты. Даже делала вид, будто мне нравится вытатуированный «рукав», постепенно распространявшийся по его левой руке от запястья до плеча, хотя втайне ненавидела эти татуировки.

Для мужчины, чей возраст приближался к сорока, Тони был в завидной форме. Когда его друзья приходили в предыдущий наш дом на барбекю и он надевал шорты-карго и майку без рукавов, я видела, как жены друзей строят ему глазки. Их мужья уже обзавелись жирком на боках и пивными брюшками, и при виде Тони все женщины едва ли не открыто пускали слюнки. Когда-то мне было их жалко, но теперь я им завидовала, поскольку располневшие мужья по крайней мере были с ними. Тони не был со мной – он был очень далеко.

Я налила себе еще один бокал «Мерло» из бутылки, купленной в винном интернет-клубе, куда Тони когда-то вступил, да так и не собрался отменить подписку. Я задавалась вопросом: быть может, если бы была больше настроена на чувства Тони, то сумела бы точно засечь тот момент, когда он посмотрел на меня и решил, что я больше не та женщина, на ком он женился?

В последний раз, когда пыталась спровоцировать его на интимные отношения, я последовала за ним на второй этаж, пока девочки играли с Генри в саду. За несколько недель до этого Тони переехал жить в свободную комнату, но я говорила себе, что это просто из-за стресса и

бессонных ночей – он создавал собственный страховой брокерский бизнес. Однако в какой-то момент муж решил сделать эту временную меру постоянной, и это не подлежало обсуждению.

Я подобралась к нему, когда Тони начал переодеваться из офисного костюма в домашнюю одежду, и, прежде чем он успел запротестовать, одной рукой обняла его за талию, а второй скользнула вниз, вдоль ширилки.

– Что ты делаешь? – спросил Тони. Его голос звучал раздраженно.

– Думаю, ты знаешь, – ответила я, запуская руку в его трусы и начиная играть с его яйцами.

– Это риторический вопрос, – произнес Тони. Я чувствовала, что он возбуждается. Но все же пытался сопротивляться и в конце концов отстранил мою руку. Однако я не была готова сдаться, поэтому начала расстегивать блузку. Когда-то Тони считал очень сексуальным, когда я раздевалась, а он оставался полностью одетым. Это заводило его сильнее всего.

– Лора, перестань. Я говорил тебе: у меня нет времени.

– У тебя никогда нет времени, – вздохнула я. – На меня, по крайней мере.

Отчасти я ненавидела себя за то, что по-прежнему желаю физической близости с человеком, который меня не хочет. Но мне хотелось более тесной связи с ним.

– Может, тебе следует уделять больше внимания своим детям и оставить меня в покое, черт побери?

– Что это значит?

Тони не ответил.

– Ты считаешь, будто я провожу слишком много времени в «Больше некуда»? Я могу урезать число своих смен, если хочешь.

– Мне плевать, чем ты занимаешься.

– А когда-то было не плевать. Мы не сможем уладить то, что происходит между нами, если ты хотя бы не попытаешься.

– Некоторые вещи невозможно уладить.

Мне стало нехорошо.

– Не понимаю, почему ты себя так ведешь. Мы женаты уже почти шестнадцать лет. У каждой четы на жизненном пути встречаются ухабы...

– Ухабы? Ты так это называешь, да? – Тони понизил голос, чтобы дети не услышали его через открытое окно. Потом посмотрел на меня с презрением, какого я никогда не видела в его глазах прежде, и прорычал: – Я знаю все о тебе, Лора. Знаю, кто ты такая и что сделала. Знаю все.

Я не сводила взгляда с его лица, и мне казалось, будто ноги у меня вот-вот подломятся. Он не мог иметь в виду то, о чем я думала.

– О чем... о чем ты говоришь? – выдавила я.

– Ты пыталась спрятать от меня свое старое личное дело из соцслужб, но я нашел его и прочел долбаное досье целиком, – отрезал он. – Ты лгала мне с самого начала наших отношений, лгала на каждом шагу. О том, что произошло, когда тебя приняли на попечение в тот дом, где жил Олли... обо всем. Я понятия не имел, на ком женился.

Я сделала шаг назад, ощутив, как тошнота поднимается из желудка в рот. Попыталась притвориться, будто его слова не резанули меня, точно битое стекло.

– Нечего сказать, верно? – продолжил Тони.

Он был прав: нечего. Я прокляла себя – знала, что совершаю большую ошибку, роясь в прошлом. Но как только получила эти материалы, написанные черным по белому, не смогла избавиться от них, какими бы болезненными и искаженными они ни были. Вместо этого я спрятала досье, чтобы снова и снова перечитывать его содержимое, мучая себя. Вот только Тони тоже наткнулся на него. Это объясняло, почему он так отдалился от меня, почему иногда, когда я смотрела на него с любовью, он взирал на меня с презрением.

...Звук автомобильного двигателя, донесшийся снаружи, резко вернул меня в настоящее. Я вытянула шею, надеясь увидеть машину Тони. Но это всего-навсего приехали соседи – жирная парочка, обитавшая в доме рядом. Тони, вероятно, намерен был дождаться, пока я лягу спать, и только потом приехать домой вместе с девочками.

Звякнул таймер духовки, поэтому я надела рукавицы-прихватки и достала казанок. Сдвинула крышку, чтобы напомнить себе, что готовила запеканку с курицей. Одну порцию отложила себе в миску, остальное оставила на плите – чтобы другие могли подогреть и поесть, если проголодаются. Но, скорее всего, они оставят еду без внимания. Морозильник был набит контейнерами с едой, что я готовила на четверых, но ела в одиночку.

Глава 14

Пять месяцев и две недели после Дэвида

– Если вы видите, что лучше не становится, на какой оптимальный исход надеетесь? – спросила я Стивена.

Как и все мои вопросы, этот был задан заботливым, взвешенным тоном. Но в нем скрывался тайный смысл. Я сосредоточилась на секундной стрелке часов, висящих на стене, отсчитывая время, которое понадобится Стивену для ответа. Прошло двадцать четыре секунды, прежде чем он заговорил снова:

– Когда однажды утром я просто не проснусь.

– Не хотите просыпаться, – переформулировала я. – Понимаю.

И действительно понимала. Та же самая мысль не раз приходила мне на ум за прошедшие годы – чаще, чем я готова была признать. Только мне хватало сил, чтобы сопротивляться ей.

– Разве не собираетесь спросить, ради чего я живу? – поинтересовался он.

– А вы хотели бы, чтобы спросила? Стали бы слушать, если б я привела какие-нибудь причины?

– Нет, вероятно, нет.

– Тогда не буду убеждать вас. Если вы достаточно долго и упорно думали о том, чтобы покончить с собой, у меня нет права говорить вам, что вы ошибаетесь. Цель «Больше некуда» заключается совсем не в этом. Я не собираюсь делать попытки вытащить вас из ямы; я просто присутствую в этой яме рядом с вами. Вы размышляли о том, как можете это сделать. В первом нашем разговоре упоминали о том, что хотели убить себя, спрыгнув на рельсы перед поездом...

– Передумал.

– О чем же вы думаете теперь?

– О повешении.

Мои глаза вспыхнули. Почти шестьдесят процентов самоубийц выбирают петлю, но мне пока ни один не попадался. Перспектива мгновенно привела меня в восторг. Пока что в моем списке числилось восемь передозировок легальных или нелегальных препаратов, три прыжка с высоты и четыре смерти от потери крови.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы собраться.

– Где бы вы хотели это сделать?

– В спальне. Я живу в коттедже со сводчатым потолком и деревянными балками. Проверял их, подтягиваясь, как на турнике, поэтому знаю, что они выдержат мой вес. Честно говоря, это идеальное место. – Голос у него был оживленный, словно у ребенка, пытающегося произвести впечатление на родителей.

Я была рада услышать голос Стивена, когда он снова нашел меня, хотя это заняло чуть больше времени, чем я ожидала. Похоже было, что он

теперь еще серьезнее относится к своему желанию умереть и, похоже, между звонками размышлял, как именно умрет.

Дверь офиса отворилась, и вошла Зои. Она улыбнулась мне, сверкнув испачканными в помаде зубами, и показала поднятый большой палец, потом заняла место через пару столов от меня и открыла свою сумку. Такой я еще никогда у нее не видела – мужская через плечо. Если и были какие-то сомнения в том, что Зои лесбиянка, то сейчас она дала четкий ответ. Я придвинула трубку ближе к губам и стала тщательно выбирать слова, стараясь, чтобы Зои не подслушала меня.

– Почему вы предпочитаете... подобный способ... всем остальным?

– Поскольку полагаю, что это быстро, легко и вряд ли что-то может пойти не так.

Я покачала головой. Именно поэтому таким людям, как Стивен, нужен был кто-то вроде меня. Он наивен. Его метод мог сработать «быстро и легко», только если все правильно учесть и просчитать. Очень многое не взято в расчет. Вот если он спрыгнет с высоты с петлей на шее, то сразу потеряет сознание, и вскоре наступит смерть. Вот что такое «быстро и легко».

Но был шанс, что балки в старом коттедже недостаточно высоки, так что Стивен может спрыгнуть лишь с высоты в несколько футов. Если он сделает это неправильно, смерть будет долгой и мучительной. Мне очень многому нужно было научить его.

– Я купил веревку и учился завязывать узлы по роликам на «Ю-тьюбе», – сообщил Стивен.

– Не думаю, что будет так просто.

– Почему?

Я оглянулась на Зои. Она была поглощена беседой в «Снэпчате», отсылая глупые фотографии себя с кроличьими ушками и собачьим носом какой-то дурочке – такой же умственно незрелой.

– Потому что ваш метод включает в себя множество сложностей – если вы, конечно, остановитесь на нем, – прошептала я. – Но мы можем проработать всё в другой раз, если вы решите придерживаться этого направления.

– Значит, вы поможете мне?

– Как я уже объясняла, моя задача не состоит в том, чтобы пытаться отговорить вас от чего-либо или внушить вам определенный образ мыслей. Я здесь только для того, чтобы слушать.

– А что, если... – Голос прервался.

Я подождала, пока Стивен закончит фразу, но он молчал.

– Дэвид, вы еще на связи? – спросила я.
– Дэвид?
– Извините, хотела сказать – Стивен. – Я с силой ущипнула себя за руку. – Вы сказали «что, если»...
– Что, если вы будете со мной, когда я это сделаю?
Мой желудок совершил кувырок, как делал всякий раз, когда кто-нибудь задавал этот вопрос.
– Если нужно, чтобы с вами кто-то был, то я с радостью выслушаю вас и составлю компанию.
– Я имел в виду – не по телефону.
Фраза застала меня врасплох, и я не была уверена, что правильно поняла. После секундного колебания Стивен продолжил:
– Что, если б я попросил вас, Лора, быть со мной, здесь, в моем доме, когда я повешусь? Вы пришли бы?

Глава 15

Я проспала сигнал будильника, и никто не подумал меня разбудить, так что к тому времени, как я встала с постели, в доме было тихо и пусто.

Я прошла некогда пустовавшую комнату, которую теперь занял Тони, и подумала, удастся ли мне когда-нибудь еще раз ощутить затылком его сонное дыхание рядом, в постели? Задела рукой стену лестничного пролета, и на моем белом халате осталось черное пятно. Ругнулась в адрес стены и бросила халат в стиральную машинку. Пока ждала окончания тридцатиминутного цикла, сидела у кухонной стойки в спортивных штанах и футболке и поглощала земляничный йогурт из двух баночек – Эффи очень любила этот йогурт, но у него быстро истекал срок годности. Барабан машинки крутил мой халат то в одну сторону, то в другую. Это было похоже на кручение мыслей у меня в голове после прошлого звонка Стивена.

Все, о чем я могла думать, – о просьбе лично присутствовать при его смерти. В последние тридцать часов, едва я пыталась обдумать одну мысль, ее место занимала другая – но Стивен присутствовал во всех.

Люди часто не хотят умирать в одиночестве. Многие из тех, кому я помогала, выражали свою благодарность, прося меня разделить их последние мгновения – на другом конце телефонной линии. Несколько кандидатов были слишком зациклены на себе, чтобы подумать о моих нуждах, и я узнавала об их смерти только из местных газет. Но никто, даже

Дэвид, не просил меня присутствовать лично. До Стивена.

«Что, если б я попросил вас, Лора, быть со мной, здесь, в моем доме, когда я повешусь? Вы пришли бы?» Его вопрос все еще эхом отдавался у меня в голове.

В тот момент я часто заморгала и встряхнула головой, застигнутая врасплох предложением. Потом попыталась снова обрести профессиональное спокойствие.

– Не думаю, что такое уместно, – ответила я.

– Извините, я просто... боюсь, что могу сделать это неправильно. – В его голосе звучало разочарование.

– Понимаю – и, вероятно, на вашем месте чувствовала бы то же самое. Но я могу быть с вами по телефону так долго, как вы захотите.

– Мне нужно, чтобы вы были здесь, сказали бы мне, если я что-нибудь упущу, заверили бы меня, что всё будет в порядке... Присутствовали бы... ну, вы понимаете... в самом конце.

– Боитесь передумать?

– Нет-нет, я не передумаю. Просто вы вроде как поняли меня. Вы не похожи на тех психотерапевтов и психоаналитиков, которые пытались рассказать, что мне есть ради чего жить, или накачать меня коктейлем лекарств так, что я больше не мог мыслить ясно. Вы правильно воспринимаете меня.

– Да. – Я была польщена, что он разглядел это.

– Могли бы вы хотя бы подумать об этом?

– Не могу, Стивен. Извините, но вы просите меня сделать нечто незаконное и совершенно неэтичное. У меня могут быть огромные неприятности.

Между нами повисло неловкое молчание; никто не знал, что сказать дальше.

– Вы правы. Извините, мне не следовало просить о таком, – ответил он. – Больше не буду.

– Всё в порядке.

– Мне пора идти, – сказал Стивен и повесил трубку.

Я осталась сидеть словно в оцепенении, прижав трубку к уху и слушая короткие гудки. Рациональная часть моего существа оцетинилась при его предложении. Я была зла на него за то, что он ставит меня в столь сложное положение. Но одновременно ощущала восторг – и это тревожило.

– Всё в порядке, Лора? – спросил Санджай. – Витаешь где-то в облаках...

«Отвали и оставь меня в покое», – хотела сказать я. Мне нужно было

немного личного времени и пространства, чтобы обдумать просьбу Стивена.

– Да, у меня только что был тяжелый разговор, – ответила я. – Изнасилование, сам понимаешь.

– Может, пойдешь в комнату для визитов и поговоришь об этом с кем-нибудь?

– Нет, все будет в порядке. Но все равно спасибо.

Я одарила его неискренней улыбкой и направилась в туалет. В умывальной плеснула себе в лицо холодной водой, потом промокнула бумажным полотенцем. Глядя в зеркало, заново нанесла помаду и тональник.

«Конечно, ты не можешь! С чего он взял, что ты так поступишь? Ради бога, ты же мать! Ему-то терять нечего, а ты нужна своим детям и мужу. Ты понятия не имеешь, кто он на самом деле и чем занимается, когда не говорит с тобой по телефону. Он может быть сумасшедшим. Ты не окажешься настолько тупой, чтобы согласиться!»

Стиральная машинка пискнула, уведомив меня об окончании цикла отжима. Я переместила влажный халат в сушилку и сунула в тостер коричный рогалик.

Я приняла правильное решение, когда отказалась. Присутствовать при смерти Стивена было нелепой и опасной идеей.

Глава 16

– Боюсь, не могу найти никаких записей о его пребывании, – начал сотрудник регистратуры, просматривая медицинскую карточку Олли на своем компьютере. – Вы уверены, что пришли в нужную больницу?

– Конечно, уверена! Я что, похожа на умственно отсталую? Я была здесь две недели назад, когда он лежал в общем отделении. Посмотрите еще раз.

Он проверил карточку снова, но смог лишь пожать плечами в знак извинения. Мне хотелось перескочить через стол и броситься на него.

Я пришла к боксу, где лечили Олли, и обнаружила, что его там больше нет. Естественно, испугалась худшего и бросилась к стойке регистрации. Мое облегчение от того, что друг не умер, сменилось злостью на то, что он явно ушел из больницы своевольно.

Из носа текло, злые жгучие слезы струились по моим щекам, пока я бежала обратно к своей машине. Села на водительское место и

соскользнула из настоящего в прошлое: на меня обрушились воспоминания о последних выходных, проведенных у нашей приемной матери...

Я вспомнила, что жидкое обезболивающее, которое в то утро Сильвия дала Олли за завтраком, было куда сильнее, чем обычно.

– Это позволит тебе расслабиться получше, – уверила она его, передавая ему бурый стеклянный флакончик и приказывая выпить одним глотком. Олли подчинился и скривил лицо от горечи снадобья.

В том единственном случае, когда он незаметно для нее выплюнул «лекарство», Олли испытал куда более сильную физическую боль, чем ожидал. Потом он говорил мне, что Сильвия заботилась о нем, – словно хотел успокоить меня. Никто из нас не верил в это. Спустя пару минут жидкость подействовала, и конечности Олли обмякли, как будто в них вообще не осталось силы. Тем субботним утром за ним приехал очередной «клиент», но Олли едва это заметил.

Несколько часов спустя он вернулся и забылся беспокойным сном. Я сидела в его спальне, ибо хотела, чтобы, проснувшись, он первым делом увидел лицо человека, которому небезразличен.

Терпеливо ожидая этого, я играла с его машинками и строила из «Лего» дома мечты с большими окнами, окруженные садами. Все это вечером в среду привез в качестве подарков «клиент», прежде чем увезти Олли на несколько часов. Я ненавидела кукол, пластиковых пони и все те игрушки, которые полагалось любить девочкам. Еще ненавидела одежду, в которую меня обряжала Сильвия. В те выходные я не могла понять, почему она настаивает, чтобы я надела красивую юбочку с белыми ромашками по подолу и слишком тесную футболку, которая жала под мышками и подчеркивала легкую выпуклость моей груди.

Ранним вечером Олли проснулся, и мы на полную катушку воспользовались тем, что в гостиной никого не было. Я рассеянно выковыривала крупинки поролоновой набивки из ручек дивана, пока мы пытались угадать, что должно быть на разбитой стороне телеэкрана. Мы любили смотреть программы о путешествиях и воображать, что находимся в каком угодно уголке мира, только не в этой квартире. Однако когда в дверях в конце концов появилась Сильвия, она была не одна. Настроение наше мгновенно упало.

– Скажите «здравствуйте» моим друзьям, не будьте грубыми, – начала Сильвия притворно-ласковым тоном. Чувствуя наше беспокойство, но нуждаясь в том, чтобы мы вели себя хорошо, она бросила сердитый взгляд, однако ни я, ни Олли не ответили. Наше внимание было приковано к трем мужчинам, стоящим позади нее.

Незнакомцы смотрели на нас и улыбались – одними губами, не глазами. Никто в моем мире, кроме Олли, никогда не улыбался глазами. И я начала замечать, что и в его глазах свет постепенно тускнеет. Это огорчало меня. Я сделала его своим якорем, но другие силы волокли его по морскому дну все дальше и дальше. Я чувствовала, как он тащит меня следом.

Я сердито смотрела на непрошенных гостей. Двое из них были темнокожими, с сединой в волосах и бородах, в мешковатой одежде. Третий был белым, худощавым, с безупречной фигурой, в хорошем костюме; его темные волосы были зачесаны назад. Помню, я подумала тогда, что никогда не видела настолько сверкающих ботинок.

– Олли, мои друзья хотят узнать, не желаешь ли ты покататься с ними на их машине, – продолжила Сильвия. – Ты же любишь машинки, верно? Ты всегда играешь с ними.

Олли с подозрением смотрел на мужчин, зная, какие планы они на самом деле строят на его счет.

– И да, Лора, один из моих друзей хочет поводить тебя по магазинам, – добавила Сильвия. – Говорила же тебе, что это маленькая красotka, – обратилась она к мужчине в костюме. – Лора, встань и покажи ему свою юбочку.

– Но все магазины уже закрыты, – смиренно заметила я, оставшись сидеть. Посмотрела на Олли, который скованным движением поднялся на ноги, явно все еще чувствуя боль от предыдущей «прогулки».

– Нет, оставьте ее в покое, возьмите только меня, – произнес он.

Сильвия нахмурилась.

– Что ты сказал?

– Я сказал, что поеду, только оставьте Лору в покое.

– Да какое ты право имеешь указывать мне, что делать, а что нет? – заорала Сильвия. – Я кормлю вас, одеваю, даю вам крышу над головой; а теперь она уже достаточно большая, чтобы начать платить по счетам.

– Нет! – крикнул Олли.

Я никогда прежде не видела друга в такой ярости. На глаза мне навернулись слезы; я не хотела идти с этим незнакомцем. Хотела остаться здесь, с Олли: он будет защищать меня, как и обещал, пока мы не станем достаточно взрослыми, чтобы сбежать вместе.

Неожиданно Сильвия метнулась через всю комнату – я никогда прежде не видела, чтобы она двигалась так быстро, – и протянула руку, чтобы схватить меня за плечо. Олли заступил дорогу. Это подлило масла в огонь ее ярости, и она с силой ударила его по щеке тыльной стороной кисти, отбросив его обратно на диван.

Трое мужчин молча стояли, глядя, как Олли снова поднимается на ноги, чтобы встать между Сильвией и мной. Та, повернув голову к мужчинам, рывкнула:

– Если вы хотите его, помогите мне!

Но прежде чем они успели вмешаться, Олли размахнулся и ударил ее со всей силой, на которую были способны его неокрепшие руки. Кулак врезался в висок Сильвии, она потеряла равновесие, завалилась на бок и ударилась головой о каминную полку. Потом рухнула на пол, но прежде чем пошевелилась, Олли поднял над головой керамическую пепельницу и обрушил ей на лоб.

Мужчины выскочили из квартиры и растворились в сумерках. Мы с Олли стояли неподвижно, глядя на Сильвию, на сигаретные бычки, усеявшие ее щеки и шею. Последний вздох был коротким и быстрым, совсем не тяжелым. И я не чувствовала ни жалости, ни сожалений за то, что сыграла в этом некую роль.

Когда стало ясно, что Сильвия больше никогда не поднимется, мы бросились в свои комнаты, побросали нашу единственную чистую смену одежды в спортивные сумки – вместе с зубными щетками, мылом и полотенцем. Потом убежали. Трясаясь в ту ночь от холода и обнимая друг друга среди темной рощи Делапре-Эбби, мы чувствовали себя в большей безопасности, чем когда-либо в доме Сильвии. Но только до конца следующего дня, когда нас остановили две женщины-полицейские.

Допрошенные в полицейском участке, мы рассказали всю правду о том, как с нами обращалась приемная мать, как она издевалась над нами, но нам никто не поверил. Меня отпустили, сочтя впечатлительным ребенком, попавшим под влияние старшего мальчика. Как бы отчаянно я ни пыталась убедить их, что Олли просто защищал меня, ему пришлось испытать на себе всю суровость закона.

По требованию прокурора, которому было плевать на юного и измученного обвиняемого, Олли был признан виновным в убийстве Сильвии и отправлен в исправительное учреждение для несовершеннолетних преступников. Оттуда он по достижении совершеннолетия был переведен во взрослую тюрьму, и когда к двадцати пяти годам вышел на свободу, его личность уже была изрядно разрушена. Тем временем я побывала в нескольких других приемных семьях и в конце концов нашла новый якорь в Тони. А якорем для Олли стало спиртное.

...Я выехала с больничной парковки и стала объезжать те места, где находила Олли в прошлом: автобусные остановки, мусорные баки за супермаркетами, центр помощи, скамейки в парках и брошенные дома,

предназначенные к сносу. Мне нужно было лишь взглянуть на него и удостовериться, что с ним всё в порядке. Но он слишком хорошо спрятался.

Глава 17

Мэри обхватила морщинистыми руками кружку с ромашковым чаем и закрыла полные слез глаза.

Меня раздражало, как она хлюпает носом, пытаясь подавить очередное рыдание. Я хотела дать ей пощечину и приказать не расклеиваться. Но вместо этого стиснула зубы и положила ладонь поверх ее рук, понадеявшись, что старческие пятна на них не заразны.

Мы сидели на диване в комнате для визитов в «Больше некуда». Это редко используемое помещение на первом этаже предназначалось для посетителей, которые предпочитали разговаривать с волонтерами лицом к лицу, а не анонимно по телефону. Обстановка здесь была такой же убогой, как и жизни клиентов, приходящих делиться бедами и несчастьями. На стенах висели выцветшие репродукции акварелей, ниже располагалась белая пластиковая стойка с помятыми душеспасительными буклетами. Запертая на засов дверь закрывала проем, ведущий из нашей конторы в заброшенное офисное здание по соседству.

Едва заметный зеленый огонек на камере безопасности у нас над головами горел ровно, указывая, что наш разговор не записывается. Будь Мэри клиенткой и внушай она хоть малейшую угрозу, один из наших коллег наверху наблюдал бы за разговором и записывал его.

– Он был решительно настроен покончить с собой, – всхлипнула Мэри. – Я задавала все вопросы с открытой концовкой, какие только могла придумать, чтобы найти, кто или что может вызвать в нем интерес к жизни, но он был непреклонен.

– Ты же знаешь, наша задача не в том, чтобы заставить их почувствовать себя лучше или изменить их отношение к жизни, – напомнила я. – Менее всего им требуется услышать твое неодобрение. Они часто боятся умереть в одиночестве и хотят, чтобы их последние моменты казались как можно более нормальными.

– Я слышала, как он в своей спальне готовится, и его голос звучал так... обычно... но слышать, как кто-то принимает чрезмерную дозу и медленно умирает... никогда смогу забыть.

– Мы все были на твоём месте, так что понимаем твои чувства, – отозвалась я. Это была ложь. Я не ощущала сочувствия и, честно сказать,

злилась на то, что этот звонок поступил не мне, а ей. Смерть сама упала в руки неблагодарной старухе, которая не заслуживала этого.

Стресс, испытываемый волонтером после особенно тяжелых звонков, измеряется по шкале от одного до пяти. И когда Джанин заметила, в какое эмоциональное состояние вогнала себя Мэри, она присвоила этому состоянию четвертый уровень. Правила настоятельно требовали, чтобы Мэри не продолжала свою смену, а вместо этого побеседовала с кем-нибудь из коллег. Поскольку я единственная в тот момент не разговаривала по телефону, это сомнительное счастье выпало мне.

– Горько говорить это, но ближе к концу я хотела повесить трубку, – созналась Мэри. Снова захотелось дать ей пощечину, на этот раз такую сильную, чтобы зубные протезы полетели через всю комнату. Не услышать финального вздоха самоубийцы – это все равно что часами ждать концерта, а потом уйти, как только певец выйдет на сцену. – Он начал издавать эти ужасные хриплые звуки, и я подумала, что его, должно быть, тошнит. Не удивлюсь, если он насмерть захлебнулся рвотой... Какой ужасный способ покинуть этот мир!

Что-то новенькое даже для такого ветерана, как я. Теперь я втайне была признательна Джанин за то, что та попросила меня побеседовать с Мэри. Это означало, что я заставила ее заново пережить боль от этого звонка.

* * *

– Мне жаль. Действительно жаль.

Когда позже на этой неделе Стивен перезвонил и стал передо мной извиняться, у меня не было сомнений, что он делает это искренне.

– Всё в порядке, – ответила я.

– Нет, не в порядке. Мне не следовало ставить вас в такое положение. Не знаю, о чем я думал. Последние несколько дней от этого погано на душе, и мне очень нужно, чтобы вы знали: я понимаю, что был не прав.

– Честное слово, Стивен, я здесь не для того, чтобы вас осуждать. А для того, чтобы выслушать все, что вы мне скажете.

– А кто выслушивает вас, когда вам нужно поговорить?

Я помолчала. Когда-то это был Олли, потом – Тони, а не так давно – Дэвид. Теперь единственным, кому я могла излить душу, оставался Генри.

– Есть друзья и коллеги, – ответила я.

– У вас есть семья?

Наши правила не одобряли ответы на личные вопросы – на тот случай, если эти ответы будут выглядеть самодовольством. Но нам не предлагалось и лгать на этот счет – просто уклоняться.

– Да, есть, – ответила я.

– Пытаюсь представить, какая вы в реальной жизни.

– Зачем?

– Просто мысленно пытался нарисовать себе ваш портрет. Мне представляется, что вы похожи на немного постаревшую Дженнифер Лоуренс^[6]. Не обижайтесь.

– Я и не обижаюсь, – усмехнулась я, чувствуя, как краснеют мои щеки. – Даже «немного постаревшая» – это лестно. Но увы, я не в ее весовой категории.

– У вас есть дети?

– Есть. А у вас?

– Нет.

– Когда-нибудь рассматривали возможность стать отцом?

– У меня не было отца, поэтому я не знаю, каково это. Я бы просто все испортил.

– У природы и инстинктов есть свои способы руководить нами в вопросах родительства. – Я как-то раз прочитала эту фразу в журнале, лежавшем на столе в приемной психотерапевта. Не веря в них, все-таки выписала эти слова в блокнот – вдруг пригодятся...

– Вообще-то была одна женщина, с которой я подумывал создать семью, – произнес Стивен.

– Не расскажете о ней?

– Милая и добрая, и мне казалось, что она по-настоящему любит меня. Но неожиданно она исчезла из моей жизни.

– Жаль это слышать.

На самом деле я была счастлива это слышать. Потому что чем более открытым и уязвимым Стивен выставлял себя передо мной, тем сильнее я верила в его искренность. Я устала подлавливать его, прося снова и снова рассказать о том, о чем он мне уже говорил; мне надоело внимательно вслушиваться в рассказы в поисках противоречий. Ведь каждый раз он повторял все почти слово в слово.

Но это не означало, что Стивен не мог оказаться нечестным. Если кто-то вроде меня может создать образ человека, коим не является, то что помешает другому сделать то же самое? И меня злило то, что я недостаточно знаю о нем, дабы проверить. Могу ли я доверять ему, как доверяла Дэвиду?

С каждым разговором Стивен все сильнее и сильнее напоминал моего потерянного друга. Однако на этот раз я не собиралась позволять себе столь сильное эмоциональное вовлечение. С Дэвидом я совершила ошибку, позволив ему добраться до моей души. Надеюсь, что, когда он шагнет с утеса и его тело смоем волнами, это станет финалом наших отношений, и я смогу двигаться дальше. Но по-прежнему слышала его голос в шуме ветра, раскачивавшего ветки деревьев; он звучал в музыке, которую я ставила, чтобы заполнить тишину, и вот сейчас пробивался в телефонной трубке – в голосе Стивена. Быть может, Стивену было предназначено судьбой найти меня и сделать это предложение. Быть может, поприсутствовав при повешении, я могу освободиться от Дэвида...

Я оглянулась через всю комнату на Мэри. Глаза у нее все еще были красными и опухшими; она натянула потертое пальто и взяла сумку, готовясь вернуться в свое опустевшее гнездо, к мужу, который по-настоящему не видел ее уже много лет. На краткий миг я узрела, как становлюсь такой же – окруженной людьми, но отчаянно одинокой, слишком привыкшей к жизни, чтобы рискнуть. Это смертельно пугало меня.

Мэри не могла справиться с тем, что слышала, как умирает человек, – но я могла. Я также знала, что смогу выдержать и зрелище. Поэтому приняла решение – и теперь надеюсь, что мне не придется об этом пожалеть.

– Я это сделаю.

– Прощу прощения? – не понял Стивен.

Я прошептала в трубку:

– Если вы серьезно настроены покончить с собой, то я лично буду присутствовать при этом.

Глава 18

– Почему вы не рассказываете о том, что привело вас к нынешнему состоянию? – спросила я Стивена по телефону.

Осторожно отпив мятного чая из дымящейся кружки, я поудобнее устроилась в кресле и сделала несколько пометок в блокноте, который прятала в своей сумке. Потом стала молча слушать, как Стивен заполняет пробелы в своей истории.

Он не был жертвой физического или сексуального насилия, наркоманом или алкоголиком, не залез в долги – самые распространенные

причины для помыслов о самоубийстве. Вместо этого он, как значительная часть населения Великобритании (временами четверть), страдал от депрессии. Началось это в подростковые годы, с депрессивных эпизодов. Постепенно они стали сливаться в полосы и в конце концов заполнили всю жизнь, влияя на учебу, на результаты экзаменов, – и в итоге Стивен смог заниматься только скучной работой с невысоким жалованьем. До того как наткнуться на меня, он уже два года страдал от депрессивного психоза, ведущего к галлюцинациям и паранойе.

Надо отдать Стивену должное: он не сразу сдался и принял свою участь. Он боролся против собственного мозга посредством психотерапии и впечатляющего списка лекарств. Некоторые давали временное облегчение, но превращали его мир в размытую, фальшивую реальность. И никто из профессионалов, с кем он консультировался, не помог поверить, что следующие двадцать восемь лет будут хотя бы чуть лучше, чем предыдущие. Он просто занимал место в этом мире и не мог ничего предложить взамен.

– Какая вам выгода от нашего соглашения? – неожиданно спросил Стивен. – Вы идете на все эти хлопоты, чтобы помочь мне, а взамен просите только, чтобы я рассказал о себе? Больше я ничего не могу сделать для вас?

Я была тронута его заботливостью. Никто, даже Дэвид, не задавал мне подобных вопросов.

– Нет, мне ничего не нужно, – ответила я. – Кроме доверия.

– Можно спросить – делали ли вы подобное для кого-то еще? – спросил он.

– Да, были и другие.

– Можете рассказать мне о них побольше?

– А вы хотели бы, чтобы следующий человек, которого я выберу, узнал о вас?

– Нет, вообще-то нет.

– Тогда вам следует уважать чужое право на частную жизнь и смерть. – Я помолчала, потом продолжила: – Я помогаю разным людям разными способами. С этой жизнью трудно справиться в одиночку. Некоторые сворачивают на окольные тропки, и им требуется помощь, чтобы вернуться на правильную дорогу. Другие хотят совсем сойти с дороги – и я помогаю в этом.

– Вы раньше называли меня Дэвидом. Он был похож на меня?

Кожу обожгло, словно меня хлестнули пучком крапивы.

– Да, Дэвид был одним из тех, кому я помогла. Вы немного

напоминаете мне его, поэтому я по ошибке могла назвать вас его именем.

Я быстро окинула взглядом комнату, проверяя, что делают остальные мои коллеги. Двое из них сплетничали на кухне возле кипящего чайника, один принимал звонок, а Джанин сидела в своем кабинете, уставившись в компьютер. В застеклении картины у нее за спиной отражалось крутящееся на экране колесо рулетки. Судя по выражению лица Джанин, игра складывалась не в ее пользу.

– Теперь давайте вернемся к тому, о чем мы говорили раньше, – продолжила я и подробно описала, как именно следует надевать петлю на шею. – Если вы сделаете это неправильно, то до того, как потеряете сознание, инстинкты будут работать против вас; вы будете цепляться за петлю, пытаясь не задохнуться. Вы будете сильно страдать; понадобится примерно пять минут, чтобы лишиться сознания, и еще двадцать – чтобы умереть.

Я услышала, как он делает записи на бумаге, и это порадовало меня. Я тихонько составляла собственный список, напоминая себе обыскать дом Стивена после его смерти, дабы убедиться, что он не оставил никаких улик, способных разоблачить нашу сделку. Никаких случайных записок, смятых и выкинутых в мусорное ведро, никаких листочков с упоминанием моего имени. Еще нужно будет забрать одноразовый телефон, который я попросила его купить – чтобы после заключения соглашения он звонил мне только с него. И мне совершенно не нужно, чтобы полиция нашла в его постоянном телефоне номер «Больше некуда», – как это было с Шантель.

– Могу я попросить вас сделать кое-что, прежде чем... это случится? – спросил Стивен.

– Конечно.

– Готов от стыда провалиться, но не могли бы вы... обнять меня? Не надо ничего говорить, это никак не связано с сексуальными отношениями; просто не могу вспомнить, когда в последний раз меня обнимали.

Мой рот приоткрылся, нижняя челюсть слегка дрогнула.

– Да, – ответила я, пытаясь обрести контроль над своими эмоциями. При этом совершенно точно знала, что он испытывает.

Глава 19

Семь месяцев после Дэвида

Я резко проснулась, ничего не понимая, но будучи твердо уверена: только что кричала «нет!» во сне.

Рывком сев в постели и глядя в темноту спальни, я повернулась к Тони в поисках успокоения, на миг забыв о том, что он больше не спит в нашей постели. Тогда я использовала дыхательные приемы, усвоенные на занятиях йогой, и стала думать о чудесной улыбке Генри, пока снова не ощутила спокойствие.

С тех пор как я согласилась присутствовать при смерти Стивена, мне никак не удавалось проспать больше двух часов кряду без того, чтобы не проснуться с мыслями о нем. Я пыталась изматывать себя с вечера, записавшись на зумбу^[7] и на интенсивные силовые тренировки в зале, но от всего этого уровень эндорфинов в моей крови лишь взлетел до небес, и я никак не могла нормально уснуть.

Я начала думать о пяти правилах, согласно которым отбирала кандидатов, и о том, какие поправки сделала конкретно для Стивена. В конце концов, меня в первый раз пригласили непосредственно на место действия, чтобы наблюдать за тем, как человек лишает себя жизни. Хотя я доверяла ему настолько, насколько вообще могла доверять человеку в его положении, мне нужно было обезопасить себя и убедиться, что я знаю, куда и когда собираюсь. Я сказала Стивену, что никто больше не должен присутствовать – даже на краткий миг. Вся обстановка в доме должна быть именно такой, как он описал. Если увижу хотя бы намек на несовпадение, сразу уйду.

Будильник показывал 4:27. Я не могла отделаться от беспокойства; мне нужно было, чтобы муж утешил меня. Поэтому я тихонько выбралась на галерею, прошла мимо комнат девочек – двери были открыты, однако внутри было слишком темно, чтобы что-то разглядеть. Но шторы на окнах в комнате Тони не были задернуты, свет уличных фонарей отбрасывал оранжевые отблески на стены, оклеенные обоями. Я уже собиралась осторожно заползти под одеяло, когда осознала, что его постель была заправлена точно так же, как я оставила ее утром, – четыре декоративных подушки так и лежали в изголовье. Тони не возвращался домой.

Я сложила ладони перед собой, словно для молитвы. Где же он? И, самое главное, с кем?

Добравшись до кухни, я налила себе стакан воды из встроенного в холодильник дозатора и попыталась унять беспокойство. Сняв телефон с зарядки, проверила, не написал ли мне муж что-либо после того, как я легла спать, не оставил ли голосовое сообщение. Ничего.

Я просмотрела форумы самоубийц на планшете, потому что мне часто становилось спокойнее, когда я читала о бедствиях других людей и отвечала на вопросы. Но не сегодня.

В конце концов я сдалась. Признала свое поражение и направилась наверх, чтобы переодеться, прежде чем выйти из дома.

* * *

Ветер ударил в лицо, словно пытаясь надавать отрезвляющих пощечин, а потом стал кружить вокруг головы, мотая собранные в хвост волосы туда-сюда. С прошлого раза я запомнила, как холодно здесь может быть даже в августе, поэтому взяла с собой пару узорчатых перчаток и шарф к ним в комплект. Стояла, крепко держась за ограждение в двухстах футах над автомобильной парковкой.

Отель «Хартли» неприятно выделялся на фоне центра Нортхэмптона, сколько я себя помнила. Уродливое двадцатипятиэтажное здание можно было игнорировать, только идя мимо него с закрытыми глазами. Я незаметно прошла через отделанный красным деревом вестибюль к лязгающему лифту и поднялась на верхний этаж. Потом пришлось подняться по грязной лестнице, освещенной лишь зеленым светом знака «Аварийный выход», и только тогда я оказалась перед дверью на крышу.

Об этой двери рассказала пятая кандидатка, Элинон. На том самом месте, где я стояла сейчас, она вскарабкалась на перила и рухнула вниз. Теперь я время от времени использовала это место, чтобы проверить, нужна ли еще в этом мире. Я навалилась на ржавое ограждение, и если бы металлические прутья прогнулись и лопнули, то сама судьба решила бы, что мое время вышло. Но раз уж я осталась, значит, у бога еще были на меня планы – избавлять мир от тех, кто уже не мог быть счастлив.

Иногда бывало так – особенно после того, как отобрали Генри, – когда мне было бы проще всего слишком сильно перегнуться через перила и предоставить гравитации сделать свое дело. Элинон позволила мне услышать ее последний хриплый выдох, прежде чем скончалась от удара о землю. Единственным, что мешало мне сделать то же самое, был мой якорь – и понимание того, что никто не услышит мой последний вздох. Это было бы напрасной потерей.

С самого детства я считала, что самый прекрасный звук в мире – последний вздох человека. Уникальный, неповторимый, отмечающий переход из этой жизни в следующую. Потратить время на работу с кандидатом, подкрепить его решение умереть, придать ему храбрости, а потом в награду услышать последний вздох... это опьяняло меня. Подобное невозможно воспроизвести иным способом. Впервые я

услышала такой вздох, когда он слетел с уст моей матери.

Наследственная предрасположенность к раку, едва не убившая меня год назад, лишила мать жизни, когда ей было всего тридцать два, – а мне одиннадцать. В течение долгих дней в ее комнату имел право заходить только отец – да еще медсестры из благотворительной организации Макмиллана, приходившие два раза в день.

Отец хотел как можно дольше скрывать неизбежное от меня и младших сестер, Сары и Карен. Поэтому нас изгнали из родного дома и поместили в гостеприимную семью Мэббатов, жившую чуть дальше по нашей улице. Но время от времени я пробиралась домой, чтобы навестить маму, хотя та почти все время спала. В ее последний день я спряталась в гостиной нашего коттеджа и ждала, пока отец выйдет в туалет, потом пробралась в мамину спальню и заползла под кровать. Так я могла быть близко к ней, не видя истощенного тела и изможденного лица.

Тело едва заметно приминало матрас надо мной, но я проследила очертания этой вмятины пальцами. Мамино дыхание сделалось громким и затрудненным, потом она вдруг издала громкий хрип, словно ее душили, – а потом наступила тишина. Я слышала, как отец спустил воду – как раз в тот момент, когда мама выдохнула в последний раз. Это был долгий, протяжный и тихий выдох, показавшийся мне мягким, точно вата. Я почувствовала его всем существом, словно по позвоночнику пробежала молния, вызвав покалывание во всех нервных окончаниях. Мне казалось, что если я вытяну губы и сделаю вдох, то смогу поймать ее последний выдох и навсегда удержать внутри.

Но момент единства был слишком краток, потому что отец вернулся, обнаружил ее мертвой и упал на колени, зарыдав от чувства вины за то, что позволил ей умереть в одиночестве. Я не созналась в том, что присутствовала, и не шевелилась, пока он не ушел, чтобы вызвать помощь.

Лишившись любимой жены, отец не знал больше, как быть отцом – и вообще человеком. Казалось, само его тело сплющилось под тяжестью скорби. Ему было недостаточно видеть, что образ умершей живет в трех его дочерях. В последующие годы депрессия становилась глубже, и я вместо мамы взяла на себя хлопоты по дому – мыла посуду, стирала одежду, драила сантехнику и читала младшим истории перед сном.

С каждым днем отец все реже мылся, менял одежду и выходил из дома. По ночам я лежала в постели, слушая, как он бесцельно расхаживает по дому или допоздна смотрит телевизор, пока наконец не засыпает.

Иногда, когда в коттедже царила тишина, а я была одна, я закрывала глаза и вспоминала, как звучал мамин последний вздох, – и это делало нас

ближе, чем вообще возможно для людей. Как я жаждала снова услышать что-либо подобное!

Постепенно я стала отдаляться от младших сестер, потому что каждый день ходила в школу, а они оставались дома с отцом. На некоторое время начало казаться, будто они добились того, что не удалось мне, и вытащили его из темной ямы своими рассказами о воображаемых чаепитиях и пикниках в саду.

– Что делаешь, папа? – спросила я его как-то днем в субботу. Он стоял у кухонного стола и что-то давил на разделочной доске обратной стороной ложки.

– Не сможешь мне? – он тепло улыбнулся и передал скалку. Никогда не забуду эту улыбку, потому что она сияла и в его глазах. Впервые я видела ее с момента смерти мамы. – Мне нужно, чтобы ты растолкла таблетки в порошок, ссыпала в кувшин и как следует размешала.

Он дал мне пригоршню таблеток. Я была слишком рада тому, что чем-то могу ему помочь, чтобы спросить, для чего мы это делаем. Когда закончила, отец выщелкнул еще несколько таблеток из другого блистера – такие он держал на прикроватном столике, чтобы лучше спать. Мы и их растолкли. Молча работали вместе – он ложкой, я скалкой, – не говоря друг другу ни слова, но я чувствовала, что все в нашем мире вот-вот изменится к лучшему. Я была вознаграждена за свое терпение – папа возвращался ко мне. Когда таблетки закончились, мы ссыпали маленькую горку порошка в кувшин. Папа налил туда же полторы пинты полуобезжиренного молока, несколько ложек сахара и добавил земляничного сиропа для приготовления коктейлей.

– Девочки, идите выпейте молока, – позвал он. Карен и Сара примчались из сада и присоединились к нам, взгромоздившись на деревянную скамейку возле кухонного стола. Отец разлил молоко по трем стаканам, и я протянула ему свой пустой стакан.

– Ты уже большая, – возразил он. – Возьми лучше «Кока-колы».

– Странный вкус, – пожаловалась Сара, но отец проигнорировал ее слова и улыбнулся мне. Мне нравилось участвовать в этом розыгрыше, хотя я и не понимала, в чем суть.

– Можно мы пойдем играть в сад? – спросила Карен, осушив стакан.

– Почему бы нам всем не прилечь ненадолго поспать? – предложил отец.

– Но я не хочу спать! – возразила Сара.

– Тогда давайте сыграем в игру. Мы все закроем глаза на полчаса, и если за это время не уснем, то пойдем в парк есть мороженое.

Сестры в восторге поскакали к папиной комнате и плюхнулись на кровать. Мы с ним пошли следом. Но когда я уже собиралась войти в комнату, папа вытянул руку, преграждая дорогу.

– Сегодня игра только для нас, солнышко. – Он наклонился и поцеловал меня в лоб. – Ты сильнее нас. Когда найдешь свой якорь, не отпускай его никогда. Ни за что.

Прежде чем я успела спросить, что имеется в виду, отец аккуратно прикрыл дверь и повернул ключ в замке. Я не знала, что случится в этой комнате, но у меня было стойкое ощущение, что я должна это услышать. Поэтому осталась и прижала ухо к двери, пытаясь расслышать приглушенную болтовню. В конце концов сползла на пол спиной к двери, ожидая, пока пройдет полчаса. Я ненавидела запертые двери, потому что они означали секреты, а я терпеть не могла, когда от меня что-то скрывали.

Постепенно разговор сменился молчанием – похоже, все трое уснули. Я догадалась, что в парк мы уже не пойдем, и скрестила руки на груди, обиженная всем этим. Уже собиралась уйти, когда ощутила покалывание во всем теле. Несколько минут спустя это случилось снова. Потом прошло некоторое время – и ощущение накатило вновь. То же самое теплое чувство, которое я испытала, слыша последний вздох мамы.

Только тогда я поняла, какой чудесный подарок сделал мне отец. Он любил меня так сильно, что пожелал, чтобы наша семья осталась жить во мне, самой сильной из всех. Где бы я ни была и что бы ни делала всю оставшуюся жизнь, его поступок позволил им всем быть во мне и не испытывать ни боли, ни страданий.

Я несколько дней бродила по дому, терпеливо ожидая: а вдруг ошиблась и они выйдут из папиной комнаты? Иногда просто наслаждалась тем, что телевизор оказался в моем единоличном распоряжении, и смотрела фильмы и детские передачи по каналу Би-би-си сколько хотелось. Но все это резко закончилось, когда в дверь постучалась учительница английского языка – она пришла узнать, почему я прогуливала школу почти всю неделю.

Позже, когда приехали машины полиции и «Скорой помощи», меня увели в гостиную, и женщина в полицейской форме держала меня за руку и говорила, что все будет в порядке. Она лгала. Она не могла знать.

Я выглянула в окно и увидела, как соседи кучками стоят у своих домов, озадаченные: что же такого ужасного могло случиться на тихой улочке и ради чего сюда съехалось столько машин с мигалками? Некоторые тесно прижались друг к другу, когда из нашего дома вынесли черные пластиковые мешки с моими родными.

– Бедная девочка! – воскликнул кто-то, когда следом вывели меня. И только я не почувствовала скорби.

В последующие недели и месяцы представители власти расспрашивали меня о том, что я чувствую, понимаю ли, что случилось, не хочу ли поговорить об этом, не нужно ли мне что-нибудь. Я никому не сказала о том, что поймала последние вздохи моих родных, потому что никто не понял бы. И никто не сумел бы понять, что благодаря отцу у меня появилась цель: помогать другим заблудшим душам, с которыми я встречу на жизненном пути, и вбирать их в себя.

Шесть лет в приемных семьях и в приютах – некоторые были хорошими, некоторые не очень – в конечном итоге принесли не так уж много вреда. Сильвия научила меня скрываться на виду у всех, а Олли показал, насколько важно найти якорь, который удержит тебя на месте, какие бы штормы ни бушевали вокруг.

...От резкого ветра, метавшегося над крышей отеля, на глаза навернулись слезы, но я чувствовала лишь воодушевление и сильнее перегнулась через перила, поднявшись на цыпочки. Один-единственный сильный порыв мог бы сбросить меня за край. Но судьба не вмешалась – мое время еще не пришло. У меня еще были дела в этой жизни. Я была нужна Стивену – и могла понадобиться другим.

Этим вечером он позвонит мне в последний раз, и мы окончательно обсудим план. Может быть, некому будет услышать мой последний вздох, но я сделаю все, чтобы его последний вздох услышал человек, равнодушный к его судьбе.

Глава 20

Семь месяцев и одна неделя после Дэвида

В салоне моего «Мини» было почти тихо, не считая гула мотора и шума проезжающих машин. Я поддерживала скорость чуть ниже установленного предела в 30 миль в час, чтобы дорожные камеры не зафиксировали нарушения.

Время от времени тишину нарушал неживой голос навигатора, но ничто больше не отвлекало меня от того спокойного, собранного состояния, которое мне нужно было поддерживать на протяжении всего пути до дома Стивена.

Прежде чем уйти из дома, я написала девочкам, что задержусь в офисе чуть дольше запланированного, но у них, должно быть, закончились

средства на телефонах, потому что они ничего мне не ответили. Для этой поездки я надела пальто с глубокими внутренними и внешними карманами, куда сунула перчатки, фонарик, упаковку влажных салфеток и разделочный нож – ради безопасности. По мере того как я приближалась к месту назначения на очередные полмили, сердце мое билось все чаще и чаще.

В шесть часов я позвонила из офиса на недавно приобретенный одноразовый телефон Стивена, как и было условлено, чтобы узнать адрес. Эти сведения сразу вбила в приложение, показавшее вид на дом с воздуха и с уровня земли. Все было именно так, как он описывал. Потом я посетила сайт недвижимости, чтобы посмотреть фотографии дома, размещенные в сети, когда это жилище было выставлено на продажу. Изначально довольно приятный коттедж сейчас несколько обветшал. Однако Стивен предупредил меня, что после приобретения дома даже не потрудился привести его в порядок – из-за усугубляющейся депрессии. Я посмотрела поэтажный план – спальня располагалась именно там, где должна была, согласно словам Стивена.

Целую неделю я готовилась к моменту встречи лицом к лицу в первый и последний раз. Будет жутко и захватывающе видеть, как он наденет петлю на шею согласно предложенному методу, потом сделает шаг со стула и позволит поработать гравитации и природе. Его смерть будет лучше, чем все, что я мечтала получить от «Больше некуда».

Я приготовилась к тому, что увижу в процессе смерти Стивена и после нее, изучая в интернете фотографии безжизненных, скорченных тел тех, кто избрал тот же самый путь. Каждое отличалось от всех остальных. Я внимательно изучала борозды, оставленные веревками на горлах; забитые сгустками крови ноздри и рты; вытянутые искривленные шеи; выпученные глаза с расширившимися зрачками; распухшие языки и скрюченные пальцы. Смотрела видеоролики, где иностранные террористы устраивают публичные повешения и удушения различными способами. Но никакие фото, видео или текстовые описания не могли подготовить меня к финальному выражению лица Стивена. И, конечно же, к его последнему вздоху.

Мне казалось, что я еду целую вечность, но провела за рулем не более двадцати минут, когда оказалась на окраине деревни. «ХАРПОУЛ – ПОЖАЛУЙСТА, ВЕДИТЕ ОСТОРОЖНО» – сообщал придорожный знак. По указаниям навигатора я поехала вдоль улицы к скоплению коттеджей, стоящих в некотором отдалении от дороги.

«Вы достигли места назначения», – сообщил навигатор, поэтому я затормозила, выключила двигатель и некоторое время сидела, глядя на дом

с номером 11, расположенный чуть впереди и правее. Пальцы невольно сомкнулись на руле; я подавила желание вжаться в спинку кресла с такой силой, что уже никогда не смогла бы выкарабкаться.

Внимательнее пригляделась к дому Стивена. Шиферная черепица на крыше местами лежала криво или нуждалась в замене, а белая краска на оконных рамах потрескалась и облупилась. Сад зарос, деревянные ворота слетели с петель и были прислонены к нестриженной изгороди. Над крыльцом, пристроенным с правой стороны, виднелся покаты́й навес; саму дверь с дороги не было видно.

Я посмотрела на часы. Без десяти минут восемь вечера – через десять минут нужно быть в доме. Теперь, когда я оказалась здесь и увидела этот дом, мой страх возрос; ноги дрожали, словно пытаюсь успеть за лихорадочным биением моего сердца. Как ни пыталась, я не могла прекратить противную дрожь. На деревню спускались сумерки, и от этого задача казалась еще более зловещей.

– Успокойся, Лора, – вслух произнесла я. – Держи все под контролем и думай о якоре.

Но даже Генри не мог сейчас помочь.

Некоторое время я сидела на месте, пока не убедилась, что меня никто не увидит. Я не была настолько наивной, чтобы рисковать в таком деле. Крошечная рациональная часть моего мозга цеплялась за изначальные подозрения относительно того, ради чего Стивен завлек меня сюда. И эта часть требовала, чтобы я оставалась вне дома еще некоторое время, дабы убедиться, что это не какая-то дурная шутка. Иначе Стивен может опозорить меня, обнародовав историю.

Мне очень хотелось закурить. Я принялась обдирать кожу вокруг ногтей, терзаясь вопросом, что я здесь делаю. Никто не выкручивал мне руки, заставляя войти внутрь. Если я просто включу двигатель и уеду прочь, то через считанные минуты окажусь дома, в безопасности. Именно так поступил бы разумный, осторожный человек. Так поступила бы Мэри. Но Мэри слаба, а я не как она, и никогда не буду. Слишком манило то, что должно было случиться под этой крышей, и я не могла упустить такую приманку. Должна была войти в дом.

Я натянула коричневые кожаные перчатки, чтобы не оставлять отпечатки пальцев, и осторожно пошла по усыпанной гравием дорожке мимо окон, задернутых шторами. Подняв взгляд, посмотрела на единственное освещенное окошко на втором этаже – Стивен сказал, что будет ждать там.

Дверь была не заперта; я толкнула ее, сделала глубокий вдох и

переступила порог. Достав фонарик, по очереди посветила на несколько закрытых дверей. Единственной мебелью в прихожей оказался маленький столик, на котором в вазе стояли засохшие цветы, и деревянный стул. Подперев стулом открытую дверь на тот случай, если потребуются срочное отступление, я сунула руку в карман и сжала рукоять ножа.

Мы условились, что Стивен встретит меня в своей комнате. Я стала взбираться по лестнице, и каждая ступенька скрипела под ногами, словно оповещая о моем приходе. На площадке помедлила, сделала еще один вдох и направилась к единственной двери, из-под которой виднелась полоска тусклого света.

– Стивен? – прошептала я, остановившись в проеме. Окинула взглядом слабо освещенную комнату, но его нигде не было видно. По сути, комната вообще была пуста – ни кровати, ни комода, ни шкафа. Только лампа на полу и оклеенные обоями стены. Я подняла голову – под сводчатым потолком тянулись балки, как и описывал Стивен, к одной из них была подвешена веревка. Она слегка покачивалась на сквозняке, влетающем в открытую дверь. В голове завывала сирена тревоги.

«Всё не так. Где он? Мы не так условились! Нужно убираться!»

Страх пополз от копчика к лопаткам и обвился вокруг шеи, будто змея, сдавившая глотку. Я отчаянно хотела удрать, но была слишком напугана, чтобы пошевелиться. Неожиданно что-то привлекло мой взгляд. Я прищурилась, чтобы получше разглядеть это, – и желудок стянулся в узел.

– О господи, – прошептала я и сжала нож еще крепче. Вместо того чтобы найти человека, которому обещала помочь в последние моменты его жизни, я столкнулась с шокирующими изображениями на обоях. Точнее, это были вовсе не обои. Сотни фотографий, на которых была я – моя повседневная жизнь.

Я поднимаюсь по лестнице в офис. Я на своей улице. За рулем. На велотренажере в зале. Качу тележку в супермаркете. Я в окне кухни. Сажу в кофейне в городе. Вхожу на парковку отеля «Хартли». Судя по тому, что я видела, каждый снимок был сделан в новом месте; Стивен, должно быть, преследовал меня неделями.

Хуже того, в объектив попала не только я. Тони был сфотографирован на тренировке по боксу и возле своего офиса. И еще на фото были мои дети, идущие в школу. Я, наблюдающая, как Элис играет с друзьями на площадке у школы. Эффи, сидящая на пассажирском месте в машине какого-то парня. Генри на лоджии пансионата и я, причесывающая его волосы. Чтобы сделать некоторые из этих фотографий, Стивен должен был стоять в паре футов позади меня – а я этого не заметила.

Инстинкт и страх вынудили меня рвануться к этим фото, схватить их столько, сколько смогу, сунуть в карманы или бросить на пол – как будто этого было достаточно, чтобы избавиться от кошмара. Но их было слишком много, унести все я никак не смогла бы. И если Стивен пошел на такие хлопоты, чтобы напугать меня, на что еще он был способен?

– Не нравится, когда тебя фотографируют?

Я резко развернулась в сторону голоса – хотя казалось, что он прозвучал ниоткуда. В дверях виднелся силуэт, лицо скрывала темнота. Он сделал два шага вперед, чтобы я могла получше рассмотреть. Я отступила назад. Его руки были уперты в бока, и я видела, какой у него напряженный взгляд.

– Я приложил немало усилий, – продолжил Стивен, и тон его был куда более твердым и уверенным, чем во время наших бесед по телефону. – Несколько недель следил за тобой и твоей семьей. Ты могла бы по крайней мере оценить это.

Я сделала еще шаг назад, в глубину комнаты, но осознала, что тем самым он загоняет меня в угол.

Было трудно дышать, как будто что-то сдавливало мне горло.

– Что... что вам нужно от меня? – выдавила я наконец.

– Мне нужно, чтобы ты сказала, зачем манипулируешь уязвимыми людьми и что имеешь с этого, – ответил Стивен. – И никакого вранья в духе «я просто хочу помочь тем, кто не вынес тягот пути».

Он двинулся ко мне, поэтому я выхватила из кармана нож и выставила перед собой. Лезвие отбрасывало серебристые отблески в тусклом свете лампы – рука неудержимо дрожала. Теперь я отчетливее видела лицо Стивена. Оно было не таким угрожающим, как тон, но язык тела внушал ужас.

Он насмешливо хмыкнул, глядя на нож.

– Ты на многое способна, Лора Моррис, но тебе не хватит духу убить кого-то собственноручно. Ты делаешь это посредством телефона или клавиатуры. А вот я... что ж, я неизвестная величина, верно? Ты не знаешь, на что я способен.

– Не подходи, – сказала я. В паху вдруг стало тепло, и я осознала, что обмочилась, но ничего не могла с этим поделать. – Отпусти меня. Пожалуйста.

– Думаешь, «пожалуйста» поможет выкрутиться? Ты никуда не уйдешь отсюда, Лора.

Я еще сильнее вытянула руку вперед и махнула ножом в его сторону. Но он лишь шагнул ближе и теперь находился в паре футов. Я снова

отступила назад и уперлась спиной в стену.

– Давай, Лора, делай что можешь. Мне нечего терять, потому что ты уже отобрала все, что у меня было.

Казалось, в этот момент кто-то нажал кнопку «пауза». Никто из нас не двинулся с места, не шевельнул рукой. Потом Стивен неожиданно рванулся и схватил меня за запястье; его пальцы вдавились в мою плоть с такой силой, что показалось, будто кости вот-вот хрустнут. Я закричала, а он развернул меня, заломил вторую руку за спину и толкнул туда, где с балки свисала веревка. Я пыталась освободиться, но он держал меня крепко; мои пальцы разжались, и нож упал на пол.

– Не бойся, Лора, это будет недолго. Петля завязана именно так, как ты мне говорила, на правильной высоте, чтобы смерть была быстрой.

– Пожалуйста, Стивен, – умоляла я. – Что бы я тебе ни сделала, прошу прощения.

– Слишком поздно раскаиваться.

– У меня дети... я мать...

– И им будет лучше без тебя.

Он ухватил веревку другой рукой и начал натягивать петлю мне через голову. Я воспользовалась этой возможностью, чтобы ударить его локтем в живот и с силой пнуть в голень. Шок заставил его ослабить хватку, и этого хватило, чтобы высвободиться. Я наклонилась, схватила нож, повернулась к Стивену и вслепую нанесла удар куда-то прямо перед собой. Тут я ощутила, как его рука снова сжимается у меня на запястье, и что нож дальше не идет. Но когда уже собиралась ударить свободной рукой, он вдруг рухнул на колени. Поднял взгляд на меня, потом посмотрел на живот, из которого торчал нож.

Я замерла. Только что я пырнула человека, на чью смерть пришла посмотреть. Но все пошло не так, как должно было, и не было ни малейшего желания оставаться здесь дольше или даже слышать его последний вздох. А что, если он здесь не один? Что, если в доме притаился кто-то еще? Нужно защитить себя.

Стивен так и стоял на коленях, издавая стоны боли. Я наклонилась и, прежде чем он успел меня остановить, выдернула нож из живота. Стивен закричал и повалился на бок, что-то шипя в мой адрес, но я не могла расслышать ни слова.

Собрав все оставшиеся силы, я выскочила из комнаты на площадку. Но без фонаря, в темноте, в панике оступилась на верхней ступеньке и споткнулась о вторую, затем упала лицом вниз, ударившись скулой о балясину. Потом кувыркком полетела по лестничному пролету, зацепила

перила лбом и рухнула к подножию лестницы, свернувшись калачиком. Некоторое время лежала неподвижно, оглушенная, с кружащейся головой, и смогла пошевелинуться только тогда, когда услышала, как Стивен наверху со стоном ползет по полу.

Кое-как я поднялась на ноги, обеими руками вцепилась в перила и заковыляла к выходу – так быстро, как только могла. Ввалившись в свою машину, заперла все двери и заставила себя повернуть ключ в зажигании. Мотор включился, и я помчалась прочь со всей скоростью, на которую был способен мой «Мини».

Райан

Глава 1

Я постукивал пальцами по рулю в такт ударным и во весь голос подпевал песне по радио. Я был доволен тем, что все еще помню все слова «SexuBask» Джастина Тимберлейка – хотя прошло больше десяти лет с тех пор, как эта песня играла в баре студенческого союза в тот вечер, когда я встретил Шарлотту.

Когда я увидел ее, она танцевала с подругами, потом затеяла пьяный разговор. В последующие годы, если она впадала в один из приступов уныния, я все равно мог заставить ее улыбнуться, танцуя голым в нашей спальне и изображая все, о чем пелось в песне, хотя, как это ни иронично, в этот момент я вовсе не думал о сексуальности и соблазнении, – совсем наоборот.

Я помнил, как на одном из наших первых свиданий Шарлотта призналась, что была влюблена в Джастина еще с тех пор, как он выступал в группе «*NSYNC». А после нескольких «Ягербомб»^[8] рассказала, что в юности похищала у мамы журналы со сплетнями о знаменитостях и замазывала ручкой на всех фотографиях лицо тогдашней подруги Джастина, Бритни Спирс. Шарлотта воображала в эти моменты, что это она, а не Бритни, встречается с ним. Я надеялся, что ее юное эго не было слишком разочаровано тем, что в итоге она стала миссис Смит, а не миссис Тимберлейк.

Я остановил машину на светофоре и бросил взгляд выше по склону, где на фоне неба выделялся недавно построенный район офисных зданий и жилых высоток. Я родился и вырос здесь, в Нортхэмптоне, и помнил, как мне хотелось вырваться отсюда, когда город казался мне слишком маленьким и тесным. Понадобилась всего пара семестров в Университете Сандерленда, чтобы понять: если убрать внешний лоск, то под ним все города совершенно одинаковы.

Готовность Шарлотты посмеяться над своими недостатками была редкостью среди девушек, с кем я встречался в ту пору. Как и ее внешний вид. Тонкие черты лица, каштановые вьющиеся волосы, небесно-синие глаза, одежда в стиле унисекс – я почти сразу понял, что она особенная. Прошло одиннадцать лет, и я по-прежнему знал, что это так.

В последний год обучения в университете мы решили попытаться

закрепиться в Лондоне. Были полны сил и энтузиазма, и ничто не могло удержать нас от покорения столицы. Но когда попали туда, столкнулись с реальностью: оказались всего лишь двумя безымянными рыбками в огромном грязном пруду. Снимали нелепо дорогую квартиру над китайским кафе в часе езды от всех крутых местечек, которые хотели посетить, и нам едва хватало денег на жизнь в городе, о котором так мечталось. Но мы шли к своей цели; спустя год стажировки я начал подниматься по карьерной лестнице, и мы принимали эту жизнь без жалоб.

Когда поженились и решили, что самое время завести ребенка, я твердо настоял на том, что не хочу делать этого в Лондоне. Нашел работу в родном городе даже раньше, чем это сделала Шарлотта – она была не так уж уверена, что место нам подходит. Однако все же решила попробовать и начала работать графическим дизайнером в агентстве неподалеку от купленной нами квартиры...

На светофоре зажегся зеленый свет, на город опускались ранние январские сумерки. Я проехал мимо Беккет-парка, где у пристани были пришвартованы яхты, украшенные разноцветными огнями. Миновав родильный дом «Барратт», не смог удержаться от улыбки: через два с небольшим месяца Шарлотте предстояло на несколько дней отправиться сюда. Это было нелегко: из-за сочетания поликистоза яичников у нее и низкой активности спермы у меня пришлось прибегнуть к искусственному оплодотворению за счет государства. И на втором цикле получилось! Нам предстояло стать родителями.

Я очень ждал, когда в палате роддома впервые смогу увидеть своего ребенка. И, честно говоря, даже немного завидовал тому, чего смогла добиться Шарлотта и ее тело – тогда как мое даже не смогло выполнить свою часть без помощи собственной руки и шприца специалистов по оплодотворению.

Но вскоре я стал думать иначе. Некоторые женщины во время беременности чувствуют себя в своей стихии, но месяц спустя Шарлотта начала испытывать настоящие сложности. Тошнота – утром, днем и вечером – вытягивала все физические и душевные силы, и жена постоянно чувствовала себя отвратительно. Зашло настолько далеко, что она вынуждена была взять отпуск на работе, которая ей так нравилась. Почти весь день бесцельно блуждала по квартире, не в состоянии далеко отойти от унитаза. Но когда мы достигли завершающей части третьего триместра, что-то изменилось.

Продолжая путь к дому, я посмотрел на часы: по моим расчетам, у меня оставалось полчаса на то, чтобы принять душ и привести себя в

порядок, прежде чем отправиться в любимый тайский ресторан Шарлотты – отмечать четвертую годовщину свадьбы. Именно там я намеревался сделать ей сюрприз. Я похлопал себя по карману пиджака, просто чтобы убедиться, что коробочка с подарком никуда не делась. Мне не терпелось увидеть выражение лица Шарлотты, когда она откроет ее.

Когда я въехал в ворота и остановился на подъездной дорожке у дома, машины Шарлотты не было на стоянке, поэтому я набрал номер жены, чтобы узнать, где она. Меня сразу же перебрало на автоответчик. Я разговаривал с ней в обед, когда она занималась повседневными делами, и голос звучал так радостно, что внутри все затрепетало. «Люблю тебя, Рай», – сказала она до того, как повесить трубку. Впервые за много недель я услышал от нее эти слова. Это ощущалось точно самые крепкие и теплые объятия.

Я поднялся на два лестничных пролета и открыл дверь квартиры; на меня нахлынул ошеломляющий запах корицы и специй. Шарлотта всегда любила автоматические освежители воздуха, но теперь, когда была беременна, в доме круглый год пахло Рождеством. Еще она была невероятной аккуратисткой. Никаких тарелок, стоящих рядом с раковиной, кухонные полотенца аккуратно сложены, в ванной пахнет дезинфицирующим гелем, с электрических зубных щеток смыта вся паста, журналы аккуратно разложены на кофейном столике. «Обустроивает гнездо», – думал я и улыбался.

Выйдя из душа, я еще раз позвонил Шарлотте, но когда она не ответила, ощутил легкое беспокойство. Я был уверен, что если бы начались преждевременные роды, меня уже известили бы. Высушив волосы и сбрав щетину, еще раз проверил телефон, потом, просто для порядка, позвонил в роддом. Еще обзвонил подруг, но когда те сказали, что не знают, где она, внутри меня что-то напряглось и скрутилось – словно кто-то выжимал мокрое полотенце.

Неожиданно в дверь позвонили.

«Слава богу!» – подумал я, бросаясь к ней.

– Забыла ключи? – начал, открыв дверь, но умолк, увидев на пороге незнакомых мужчину и женщину; их лица ничего не выражали.

– Мистер Смит? – спросил мужчина.

– Да. А вы...

– Детектив-сержант Мортимер, а это моя коллега, констебль Когхилл. Позвольте войти?

Глава 2

Один день после Шарлотты

Мои опечаленные родители сидели по сторонам от меня, задавая вопросы, в которые я не вслушивался.

Они примчались вместе с братом Джонни через полчаса после появления на пороге полицейских. Мама и папа не знали, что сказать, чтобы смягчить удар. Лучшее, что могла предложить полиция, – это соболезнования и заверения в том, что уже начато следствие, призванное раскрыть случившееся с женой.

Все, что мне сказали, – тело Шарлотты нашли у подножия какого-то утеса в Восточном Сассексе. Свидетель видел ее в обществе какого-то другого человека, вместе с которым она упала с обрыва. Другое тело еще не нашли – унесло волнами. Шарлотта упала на камни.

– Зачем кому-то желать смерти моей жене? – спросил я наконец.

Полицейские переглянулись; детектив Мортимер явно хотел что-то сказать. Потом передумал.

– Я в самом деле не знаю. Простите, мистер Смит.

Прежде чем оставить нас горевать одних, они сообщили, что коллеги, расследующие дело, придут на следующий день.

«Дело». Менее чем за час Шарлотта превратилась из моей жены и матери моего нерожденного ребенка в «дело».

Боль от потери Шарлотты затмевала все. Она была слишком сильна, чтобы я мог воспринять ее разом. Остаток вечера и ночи мы четверо пытались осознать, что никогда не увидим Шарлотту снова, – и потеря ребенка была глухим болезненным фоном этого осознания.

Два других полицейских офицера прибыли на следующий день, чтобы расспросить о Шарлотте. Детектив О’Коннор был коренастым мужчиной лет сорока с лишним с красными прожилками на носу и щеках; ему явно было неловко в обществе скорбящих людей. Я бы тоже предпочел, чтобы его тут не было. Детектив Кармайкл была значительно моложе, с рыжими волосами, собранными в тугий пучок; она сочувственно улыбалась нам. Я подумал, что в сценарии допроса она играет роль доброго копа.

Они предположили, что мне лучше не ездить на опознание тела Шарлотты, учитывая то, с какой высоты она упала и в каком положении приземлилась. Получается, головой вниз. Ее подняли вертолетом обратно на вершину обрыва, но понятно было, что она давно мертва. Я испытал облегчение от того, что мне не придется видеть ее в таком состоянии, хотя

и чувствовал себя эгоистом.

– Вы еще не знаете, почему моя жена мертва? – спросил я.

– Не знаем точных обстоятельств того, что случилось вчера, – сказала детектив Кармайкл. – Пока работаем с показаниями свидетелей.

– Кто был человек, похитивший ее?

Детектив О’Коннор беспокойно заерзал в кресле.

– На это мы тоже не сможем ответить, пока его тело не будет найдено в море или выброшено на берег. Надеемся вскоре найти его.

– Значит, мужчина?

– Предполагаем.

– Какая-то бессмыслица, – продолжил я. – Зачем ему похищать Шарлотту и везти ее так далеко, чтобы убить? Это, конечно же, должен быть кто-то, кого мы знаем, иначе она никогда не позволила бы ему сесть в ее машину. И почему квартира не рассматривается как место преступления? Разве вы не собираетесь искать улики?

Мама крепко сжала мой локоть. Джонни, будучи на два года младше меня – ему только-только исполнилось двадцать девять, – тем не менее всегда был самым прагматичным из нас. И сейчас у него был такой вид, будто он хотел, чтобы я угадал его мысли. О’Коннор посмотрел на них всех, потом на меня, но не сказал ни слова.

– Я что-то упускаю? – спросил я.

– Вам нелегко будет слышать это, Райан, но, судя по предварительным результатам следствия, Шарлотта по своей воле принимала участие в том, что случилось вчера.

– Не говорите глупостей, – отозвался я. – Конечно же, она не могла по своей воле. Ее привели туда силой, или же этот человек заманил ее под каким-то предлогом...

Кармайкл прервала меня:

– Райан, два разных свидетеля видели, как эти двое вместе шли к краю обрыва. Ни Шарлотта, ни мужчина не выглядели встревоженными. Каждый держал возле уха мобильный телефон, когда они переступили через ограждение, а потом шагнули с обрыва. К несчастью, камеры наблюдения на парковке не работали. Поэтому мы пока не можем ничем подтвердить показания.

– Значит, свидетели ошибаются, – твердо возразил я. – Должен признать, Шарлотта в последнее время была слегка подавлена, но ей уже становилось лучше, она не стала бы убивать себя. Мы так старались обзавестись ребенком, и нам оставалось всего два месяца до срока. Она не стала бы лишать жизни ни себя, ни нашего ребенка. Не было на это причин.

– Они шли, держась за руки, – негромко сообщила Кармайкл.

– Что?

– Свидетели говорят, что Шарлотта и мужчина держались за руки, когда прыгнули с обрыва.

Мой мир резко остановил вращение. Я открыл рот, чтобы заспорить, но, судя по выражению лиц всех остальных, они поверили. Я не успел поднять руку к глазам достаточно быстро, чтобы скрыть слезы. Отец привлек меня к себе, и я почувствовал, что он тоже пытается удержаться от рыданий.

– Как вы думаете, какие отношения могли быть между этим человеком и Шарлоттой? – спросил Джонни.

– Еще один вопрос, на который у нас пока нет ответа, – сказал О’Коннор. – Расследование только начато.

– Значит, считаете, будто между ними были какие-то отношения?

– Только потому, что что-то одновременно привело их в это место – и, как мы думаем, с одной и той же целью.

– Умереть, – обронил я. Это не был вопрос. Они кивнули, но я замотал головой. – Нет, не верю. Шарлотта ни за что не поступила бы так ни с собой, ни с нами. Не вижу в этом никакого смысла, а вы видите, потому что не знаете ее. Мам, ты думаешь, она изменяла мне или хотела покончить с собой?

– Уже не знаю, что думать... – Она смотрела на стол.

– Пока все улики указывают на то, что смерть была добровольной, Райан, – добавил отец. – Но давай пока что не будем об этом беспокоиться...

– Тогда о чем беспокоиться? – повысил я голос. Никто не ответил.

Я больше не мог слушать ни полицию, ни родных. Выскочив из гостиной, бросился в спальню и захлопнул за собой дверь с такой силой, что услышал, как свадебные фотографии, висящие в коридоре, закачались на стене.

Я отчаянно хотел позвонить Шарлотте и услышать ее ответ, чтобы она сказала мне, что это какая-то жуткая ошибка, что с ней всё в порядке. Я даже отдаленно не мог осознать: никогда больше не услышу ее голос.

Глава 3

Три дня после Шарлотты

Так многое из того, во что ты веришь – или из того, в истинности чего

ты себя убедил, – может обернуться своей противоположностью быстрее, чем кажется.

Я отчаянно хотел верить, что случившееся с Шарлоттой стало результатом какой-то подставы, что она была убита этим незнакомцем, а не пошла с ним по своей воле, чтобы шагнуть навстречу смерти.

После еще одной бессонной ночи я включил свой «Айпэд» и вышел в интернет, чтобы посмотреть на то место, где она умерла. Бирлинг-Гэп в Восточном Сассексе был частью прибрежных утесов Семь Сестер с панорамным видом на Ла-Манш. Шарлотту нашли у подножия пятисотфутового обрыва, известного сильными осыпями.

«Это куда более логично! Они с тем мужчиной не покончили с собой, просто почва осыпалась под ногами!»

Конечно, если б они отправились так далеко ради того, чтобы умереть, то проехали бы на несколько миль дальше по побережью до Бичи-Хэд. Именно там любимое место самоубийц, а не на Бирлинг-Гэп.

– Папа, кажется, я знаю, что случилось с Шарлоттой... – поспешно начал я, входя на кухню. Родители, Джонни и детектив Кармайкл сидели за столом, перед ними стоял раскрытый ноутбук. Я был удивлен тем, что полиция явилась к нам с утра в воскресенье.

– Присядь, Рай, – велел Джонни, и я послушался.

– Утесы известны тем, что там постоянно происходят оползни, – продолжил я. – То, что произошло с Шарлоттой, было просто несчастным случаем.

– Должна вам кое-что показать, но это будет нелегко видеть, – осторожно начала Кармайкл.

– Пожалуйста, Райан, посиди спокойно хотя бы минуту, – попросила мама.

Кармайкл нажала кнопку воспроизведения. Запись была сделана с видеорегистратора, который водитель забыл выключить, когда припарковал машину ради прогулки с собакой. По возвращении он обнаружил, что бампер поцарапан. А просматривая запись, обнаружил, что в объектив попали и другие события.

Я затаил дыхание, глядя, как Шарлотта выходит из машины. По сравнению с большинством беременных живот у нее выпирал относительно слабо, и в тот день она замаскировала его широким плащом. Идя через парковку, Шарлотта прижимала к уху телефон. В поле зрения показалась мужская фигура – и рука этого человека тоже была поднесена к уху, как будто он с кем-то разговаривал по телефону. Я напрягся, когда они с Шарлоттой обнялись. Мне хотелось закрыть глаза, но я не мог отвести

взгляд от экрана. Потом они взялись за руки и медленно, но решительно направились через парковку к ограждению, препятствовавшему посетителям подходить слишком близко к краю.

Мужчина перелез через ограждение первым и протянул руку, чтобы помочь перебраться Шарлотте. Оказавшись по ту сторону, они, все так же держа возле уха телефоны, направились к краю обрыва. Желудок сжался, когда они неожиданно рухнули за край, пропав из поля зрения регистратора. Мама зажала рот ладонями, папа отвернулся от экрана.

Неопровержимое доказательство того, что Шарлотта не была похищена и не поскользнулась на краю обрыва, что земля не осыпалась у нее под ногами. Я больше не мог считать, будто свидетели ошиблись в своих показаниях.

Не знаю, как долго мы сидели в полном молчании. Я чувствовал, как все буравят меня взглядами, ожидая реакции, ожидая, что я что-нибудь скажу. Но я не мог отреагировать – никак.

Вместо этого я пытался представить, что происходило в голове Шарлотты в последние моменты. Была ли она напугана? Умерла ли сразу или какое-то время мучилась от боли? Думала ли она обо мне, или же просто выкинула из головы? Почему она так поступила? Быть может, узнала от врачей, что с ребенком что-то не так, и решила, что у нее нет иного выбора, кроме как оборвать сразу обе жизни – свою и нерожденного младенца? Может, этот незнакомый мне мужчина уже давно появился в ее жизни, просто скрывался так хорошо, что я и не подозревал о его существовании? Может, Шарлотта забеременела от него? Кто разговаривал с ними по телефону, когда они вдвоем шли навстречу смерти? Насколько поганой должна быть наша с Шарлоттой совместная жизнь, если она решилась вот так жестоко оборвать ее?

Во всей этой мешанине было лишь одно, в чем я был совершенно уверен: я знал свою жену далеко не так хорошо, как мне казалось.

Схватив пиджак и ключи, я вышел из квартиры, никому не сказав ни слова, и пешком направился к Эбингтон-парку, где в детстве часто проводил выходные и каникулы, играя с друзьями в футбол и крикет. В более поздние времена мы с Шарлоттой гуляли там по субботам, подкармливая уток и гусей в прудах и покупая мороженое в автофургоне, припаркованном возле детского игрового парка.

Еще недавно я думал, что когда-нибудь приведу своего ребенка в этот парк и буду стоять у подножия горки или под металлическими лесенками для лазания, готовый подхватить его, если он поскользнется. Но теперь...

Я сидел на скамейке и смотрел на воскресный матч между двумя

местными командами, игравшими на одной из площадок, однако почти не воспринимал происходящее. Рассеянно вертел на пальце обручальное кольцо, вращая его по часовой стрелке, потом вдруг осознал, что в нагрудном кармане пиджака что-то лежит. Вспомнил, что это такое, и достал маленькую подарочную коробочку, обвязанную бантиком. Я собирался отдать этот подарок Шарлотте в тот вечер – на годовщину нашей свадьбы. В коробочке лежал ключ от дома, купленного втайне от нее.

В то утро перед работой я подписал контракт и забрал у агента по недвижимости ключи от коттеджа, в который Шарлотта буквально влюбилась. Он находился в Харпоуле, поселке вблизи от нашего города, и пустовал уже несколько лет. Шарлотта много раз видела этот дом, когда мы забирали Оскара, пса моих родителей, и вывозили его прогуляться по сельской местности. Мы часто мечтали переехать в дом в окрестностях города, когда нам станет слишком тесно в квартире.

Я смутно помнил, что в детстве несколько раз побывал в этом доме. Мама была школьной подругой Кэтрин – женщины, жившей там. Она брала меня в гости, поиграть с Робби, сыном Кэтрин, пока сама болтала с товаркой. Кэтрин переехала в другое жилье, когда ее пропадавший без вести муж внезапно появился на пороге. Он исчез за двадцать пять лет до этого, а Кэтрин осталась одна растить троих детей. Все полагали, что муж погиб в результате несчастного случая, и возвращение стало для них шоком. Один из их сыновей был участником известной музыкальной группы, поэтому все мировые сводки новостей сообщили, что его отец вернулся и закончил свои дни – уже по-настоящему – на деревенском кладбище. Кэтрин съехала из дома почти сразу же, но прошло много времени, пока она выставила его на продажу. И хотя коттедж слегка обветшал, Шарлотта увидела, какой потенциал таит в себе это здание, и почти сразу влюбилась в него.

Было чертовски трудно держать покупку в секрете; приходилось изворачиваться, чтобы устроить все дела с нотариусом, агентом по недвижимости, ипотечным брокером и банком. Даже пришлось перенаправить официальные письма на адрес родителей. Бог знает, сколько народу было привлечено, чтобы сохранить эту тайну.

Я так крепко сжимал в ладони ключ, что на коже осталась вмятина. Гадал: если б я на день раньше сказал Шарлотте о том, что купил дом нашей мечты, может быть, это спасло бы ее? Но теперь я уже не мог этого узнать.

Глава 4

Шесть дней после Шарлотты

Любовь к Шарлотте быстро тонула в ненависти.

Несколько дней назад мне хотелось запереться в нашей спальне и никогда не выходить. Все в этой комнате напоминало о Шарлотте – от обоев с цветочными узорами до запаха духов, оставшегося на подушках и шторах, которые она когда-то подбирала в тон к обоям. Я знал, что запах в конце концов выветрится, поэтому хотел погрузиться в него, пока была возможность. Но сейчас он лишь вызывал у меня тошноту.

Мне требовалось объяснение, почему она так поступила со мной, поэтому я обшарил квартиру, выискивая, не оставила ли она предсмертную записку. Полиция забрала все ее электронные устройства, поэтому я просмотрел блокноты, мусорные корзины, карманы одежды, перетряхнул книги, ящики комода и шкафчики на кухне – однако не нашел ничего.

Мне нужно было укрыться в каком-нибудь надежном месте, подальше от женщины, которая уничтожила меня одним-единственным эгоистичным поступком. Поэтому я отправился в дом, где вырос. Оказавшись у мамы и папы, я осознал, сколь многое в детстве воспринимал как должное. От меня только и требовалось, что сделать домашнее задание до того, как сестра играть в «ФИФА'99» на «Нинтендо», и заботило меня лишь то, сколько мы с Джонни успеем погулять, пока мама не позовет пить чай. Сейчас я тосковал по тому времени. Больше не хотел быть взрослым. *Этим* взрослым, по крайней мере.

Мама с папой проявляли невероятную заботливость. Они ни разу не обвинили меня в том, что я пренебрегал женой, ни разу не спросили, как я мог допустить подобное. Оставили это моей собственной совести – и родителям Шарлотты, Барбаре и Патрику. Тесть и теща рано ушли на пенсию и переехали в большую белоснежную виллу на горном склоне в Аликанте^[9]. Они как раз совершали круиз по Средиземному морю, когда с ними связалась полиция, и прилетели ближайшим рейсом с Тенерифе.

Когда мы встретились в гостиной моих родителей, Патрику и Барбаре сразу же потребовалось на кого-то излить свою горечь от случившегося – полагаю, это можно понять. И их мишенью, конечно же, стал я.

– Ты говорил, что ей лучше! – кричала Барбара, даже не пытаясь скрыть, как она зла на меня. – Ты жил с ней; разве не видел, что ей становится хуже?

– Она утверждала, что ей уже лучше.

– Почему не поговорил с врачом и не объяснил, что нужна более сильная доза антидепрессантов?

– Она была ограничена в приеме лекарств из-за беременности.

Барбара замотала головой, отказываясь принять мои ответы. Белки Патрика были испещрены красными прожилками, под глазами темнели круги.

– Я ничего в этом не понимаю, – пробормотал он. – Только знаю, что ты обещал позаботиться о моей девочке – и подвел.

– Знаю. Мне очень жаль... – Голос мой прервался.

Я вспомнил, как несколько месяцев назад, когда мы с Шарлоттой должны были достигнуть вершины счастья, вокруг нас начал сгущаться мрак – спустя всего пару недель после того как она забеременела. Сначала я приписывал это утренней тошноте. Но ей становилось плохо не только во время завтрака, но зачастую и после обеда, и после ужина. Иногда она не могла удержать в желудке даже ломтик сухого тоста. Но когда этот период все же миновал, я решил, что ситуация начнет улучшаться, и Шарлотта проникнется моим энтузиазмом будущего родителя. Однако она оставалась подавленной и мрачной.

Медицинские сайты поясняли, что предродовая депрессия – довольно частое явление. Перечисленные симптомы совпадали с теми, что были у Шарлотты: она почти все время испытывала подавленность, общую апатию, склонность к слезам, бессонницу и постоянное беспокойство.

Я предложил во время следующего планового визита рассказать об этом гинекологу, но Шарлотта настаивала, что сама справится со скачками настроения, и отказывалась принимать лекарства. Я пытался подбодрить ее, изменив диету, исключив все промышленно обработанные продукты и заменив их едой, полезной для беременных и богатой антиоксидантами. Это не сработало; по сути, стало только хуже.

Шарлотту расстраивала любая мелочь, даже просмотр новостей. Каждый теракт, война или природная катастрофа заставляли ее приткнуться к экрану, как будто не хватало бегущей строки, как будто она мало тревожилась о том, как это может повлиять на нашего ребенка.

– В какой мир я собираюсь привести моего малыша? – спросила она однажды. – В мир, где людей заживо сжигают в клетках или сбрасывают с небоскребов из-за их религии или ориентации?

– Для начала, это *наш* малыш, так что ответственность за него лежит не только на твоих плечах, – ответил я. – Это наша общая задача – обеспечить ему безопасность и присматривать друг за другом.

– А что, если я не смогу выносить его, как положено? Посмотри на

меня, я едва справляюсь.

– Сканирование показывает, что всё в полном порядке.

– Каждое утро я просыпаюсь с ужасным чувством и не могу перестать плакать. И это блаженный период беременности, о котором рассказывают все мамочки? Я ощущаю это как болезнь.

Я вытер слезу, покотившуюся по ее щеке.

– Подумай на минутку о миллионах и миллионах людей, с которыми никогда не случалось ничего ужасного... о тех, кого никогда не взрывали в автобусе, кого никогда не смывало цунами. Кто сказал, что мы не станем одной из таких везучих семей?

Мы не в первый раз вели этот разговор – и не в последний. Каждый раз, когда доходило до этого, Шарлотта согласно кивала, как будто верила в мои утешения. Хотя задним числом я осознал: мне следовало догадаться, что она просто пытается заткнуть меня. Ей казалось, что я не понимаю ее, и, полагаю, она была права. Я мог бы сделать и больше. Должен был.

Родители Шарлотты продолжили засыпать меня вопросами, на которые не было ответа. С каждой их репликой я все сильнее ощущал, что не был для нее хорошим мужем. Но меня злило то, что они притворялись, будто ее депрессия стала для них новостью. Во время последнего визита они видели, как плохо их дочери, однако не сочли это достаточно веской причиной, чтобы на время покинуть теплую солнечную Испанию. Они не желали брать на себя ни капли ответственности и взваливали все на меня.

Я вспомнил, что в последнее время, когда Шарлотте стало совсем плохо, моя тревога за нее переросла в страх. После долгих уговоров она пошла на когнитивно-поведенческую терапию^[10], но спустя три сеанса заявила, что психотерапевт – скотина, и больше не пожелала посещать его. В конце концов, достигнув дна, она сдалась и согласилась на назначенные врачом антидепрессанты в малых дозах.

Именно тогда стало постепенно проявляться прежнее «я» Шарлотты – словно бабочка, просыпающаяся от зимнего сна. Она снова начала выходить из дома, улыбаться без титанических усилий и надолго скрывалась в спальне, болтая по телефону. Вскоре после Рождества высадила в ящик на окне луковицы весенних растений и стала выбирать обстановку для детской – а я следовал ее выбору. Еще Шарлотта проводила много времени на форумах – по ее словам, общалась там с другими женщинами, понимающими, что ей пришлось пережить. Она снова возвращалась в мир, от которого пряталась до того.

Шарлотта предложила, чтобы в первый наш отпуск за границей мы отправились уже втроем; мы вместе размышляли, кого из друзей

пригласить в качестве крестных, гадали, будет ли у нас когда-нибудь свой дом наподобие того, который ей так понравился в Харпоуле. Только теперь я видел, что все это не имело для нее никакого значения; то была искусная маскировка. Она больше не хотела ничего. Не хотела *нас*.

Утром в день гибели Шарлотта сказала мне, что любит меня. Как она могла сказать это, а потом, всего несколько часов спустя, отбросить прочь?

Глава 5

Восемь дней после Шарлотты

Если не считать того, что бабушка и дедушка умерли от рака, когда я был маленьким, мне повезло дожить до тридцати с небольшим лет практически не получив душевных травм от смерти близких. Теперь я гадал: вдруг костлявая с косою просто тянула время, чтобы нанести наиболее болезненный удар по мне?

Я начал усваивать то, что большинство моих ровесников уже знали: скорбь – самая худшая тюрьма. По сути, это некая разновидность преисподней, где будто бы ты заперт один. То есть ты не один, ведь рядом люди, разделяющие боль. Но это же не их боль, верно? Она – твоя. И тебе в миллион раз хуже, чем кому-либо еще. Иногда мне казалось, что если я протяну руку, то смогу прямо пощупать эту боль.

Я замер в этом состоянии скорби, словно кролик в свете фар, но при этом ощущал себя, точно в преддверии ада, ожидая, пока полиция отдаст тело Шарлотты. Без этого похороны не могли состояться. Я не понимал, чем вызвана такая задержка, – ведь тайна заключалась не в том, как она умерла, а почему. Но, тем не менее, власти обязаны провести вскрытие.

До завершения этой процедуры у меня не было другого выбора, кроме как заполнять время прогулками в парке с Оскаром или бессмысленным сидением у телевизора с бесконечными викторинами, мелодрамами и реалити-шоу. Потом я понимал, что прошел целый вечер, а я даже не заметил, что именно смотрел.

Как-то утром я проснулся в шестом часу и поехал на Нортхэмптонский вокзал. Купил в автомате билет и доехал до станции Юстон в Лондоне. Там сел в подземку и спустя двенадцать станций и одну пересадку вышел у рынка в Шепердс-Буш в западной части города. К девяти часам утра я сидел за пластиковым столиком в людном зале «Макдоналдса» и с третьего этажа смотрел через окно на ряды магазинчиков и прилавков, тянувшихся вдоль шумной улицы.

Где-то в этом неопрятном районе стоял такой же неаккуратный дом – первое жилье, снятое с Шарлоттой в столице после выпуска из университета; тогда нам было по двадцати одному. Я вспомнил черные и синие полоски плесени на стенах ванной, и как мы по очереди пытались вывести их противогрибковыми средствами. Стекла в окнах были настолько тонкими, что дребезжали, когда мимо проезжал автобус или грузовик. А бойлер работал так непредсказуемо, что зимой нам иногда приходилось зажигать духовку и открывать все внутренние двери, чтобы в комнаты шло тепло. Но арендная плата была низкой, и хозяин дома попросил вперед только за две недели.

В те времена материальные блага нас не особо волновали. По сути, Шарлотту ничего не волновало, пока мы были счастливы. А мы были счастливы. Да? Или, может, я неправильно воспринимал это? Потому что теперь сомневался во всем. Каждая улыбка на фотографиях, каждая эсэмэска с поцелуйчиком в конце... неужели все это было лишь притворством?

Может быть, даже тогда в душе Шарлотты таилась дремлющая депрессия? Может, она всегда носила это в себе, но лучше маскировала? А потом, когда наступила беременность и гормоны устроили всему организму встряску, болезнь просочилась на поверхность подобно отравляющему газу...

Но какова бы ни была причина, каков бы ни был повод, все это на самом деле не имело значения. Болезнь убила ее – и теперь, похоже, угрожала распространиться на меня. Если я не плакал, то ощущал полное онемение. Если не ощущал онемения, то задыхался. Если не задыхался, то плакал. И так далее, и так далее. Дурная бесконечность.

Я отхлебнул чая с молоком из стаканчика и пластиковой вилкой стал гонять по тарелке маффин и сырники. Не смог съесть больше пары кусочков ни того ни другого.

Собственное отражение в оконном стекле застало меня врасплох. Короткие русые волосы словно полностью лишились объема и плоско лежали на голове, щеки ввалились. Лицо было бледным, глаза – пустыми. Я был среднего роста, пять футов десять дюймов, но сейчас мне казалось, будто я усыхаю с каждым днем. Я был старше Джонни на два года, вдобавок он носил бороду и очки, но, несмотря на это, мы с ним всегда были очень похожи. Однако теперь никто, увидев нас рядом, не сказал бы, что мы братья.

Кто-то из персонала, проходя мимо, задел мое плечо, и я отпрянул так резко, что он обернулся, удивленный моей реакцией, и пробормотал:

– Спокойнее, приятель.

В последнее время слишком многие обнимали меня, пытаюсь утешить, и я больше не мог выносить физический контакт. Прикосновения даже самых близких людей обжигали меня, точно капли кислоты.

Я стряхнул недоеденный завтрак с подноса в мусорный контейнер, вышел из кафе и принялся топтаться на автобусной остановке, не зная, куда ехать дальше.

– Боро-маркет, – внезапно выпалил я вслух, ведя пальцем по расписанию автобусов, закрепленному на столбе.

Когда у нас с Шарлоттой было слишком мало денег на развлечения и мы питались дешевыми блюдами, разогреваемыми в микроволновке, все равно каждую неделю старались сэкономить достаточную сумму, чтобы в субботу утром скататься на рынок и побаловать себя свежими продуктами. Нам хватало на обед и ужин – наши единственные здоровые трапезы за неделю. Мы были бедны, но довольны. По крайней мере, я.

Я залез в красный двухэтажный автобус и устроился на заднем сиденье на верхнем уровне. Это были наши с Шарлоттой любимые места. Представил, что она сидит рядом со мной, и на миг снова ощутил ее любовь ко мне – и свою к ней.

Посмотрел на экран телефона, чтобы узнать время. Телефон был переведен в беззвучный режим, и я обнаружил семь пропущенных – три с маминого номера и четыре с папиного. И несколько сообщений от знакомых.

Как только разошлись новости о смерти Шарлотты, все друзья и приятели захотели узнать, что случилось. Было ужасно объяснять, что я не знаю точно, однако, судя по всему, Шарлотта покончила с собой. С тем же успехом я мог бы сказать: «Оказалось, что быть замужем за мной – это такой кошмар, что она предпочла умереть». Они пытались как-то анализировать ее поступок, искать причины, но я ничего не мог ответить. Если б я получал фунт всякий раз, когда слышал от кого-то слова «не понимаю» или «у нее не было причин умирать», то мне хватило бы денег, чтобы оплатить самые пышные похороны.

Ее друзья разделились на два лагеря, объединенные общей потерей. На одной стороне были люди, испытывавшие вину за то, что вовремя не распознали, насколько сильно больна Шарлотта, или не отреагировали на это правильно. Они хотели дать мне понять, что берут на себя часть ответственности за то, что позволили ей дойти до подобного состояния. Жалели меня в моем горе, а я за это ненавидел их.

Для других я был объектом подозрения, тем, на кого можно было

возложить вину за их собственные просчеты. Винить меня было намного легче, чем винить самих себя или Шарлотту.

Автобус доехал до Саутворк-стрит, и я сошел на остановке. Стоя на противоположной стороне Лондонского моста, смотрел на здание Бормаркета, на стеклянную крышу и зеленые дугообразные балки из металла в стиле ар деко. Воображал, как перехожу дорогу, держа под руку Шарлотту; у нас две холщовые сумки, мы вдыхаем вкусные запахи еды, поднимающиеся над прилавками. Потом мы бы шли от одной лавки к другой, выбирая овощи и мясо и споря, чья сегодня очередь готовить. Когда-то этот рынок был для нас местом развлечений, но те дни миновали, и не было никакого смысла заходить внутрь. Больше ни в чем не было никакого смысла.

Глава 6

Двенадцать дней после Шарлотты

Это был мальчик. *Был бы мальчик.* Ребенок, которого ждали мы с Шарлоттой, был бы мальчиком.

В течение всей беременности мы твердо настаивали: не хотим заранее знать пол. Просто чувствовали, что нам повезло: искусственное оплодотворение дало удачный результат со второй попытки, в то время как некоторые пары годами безуспешно пытались зачать. Поэтому нам было все равно, мальчик или девочка. Но после смерти Шарлотты, пока я мучил себя, представляя, какой могла бы быть наша семья, в моей картине мира образовался разрыв. Мне нужно было знать, стоял бы я у края поля во время матча по регби, болея за сына, или же гордо смотрел бы, как дочь играет в нетбол [\[11\]](#).

Желание узнать превратилось в манию, доминирующую надо всем. Через день после моего звонка Кармайл она перезвонила мне и сообщила:

– Согласно предварительному заключению патологоанатома, Шарлотта ждала мальчика.

– Спасибо, – пробормотал я и повесил трубку, не дожидаясь, пока она начнет меня утешать.

Теперь я мог мысленно нарисовать его. Его звали бы Дэниел, как мы уже решили. У него были бы русые волосы, как у меня, и ясные синие глаза, как у Шарлотты. Ямочки на щеках, такие же, как у меня, но улыбка, способная растопить полярные льды, досталась бы ему от матери. Мое крепкое телосложение и ее скорость. Я представил, как учил бы его ходить

под парусом – как когда-то отец учил нас с братом на Питсфордском водохранилище. Или, может, у него был бы музыкальный талант, и я научил бы его играть на пианино... Я помотал головой, и сын распался на тысячи крошечных осколков так же быстро, как возник.

Я был один в доме родителей – впервые с тех пор, как временно перебрался сюда снова. Мама ушла на работу в обувной магазин, отец – в типографию. Джонни в банке изображал повелителя всех ипотек, в то время как я сидел тут, увязнув в зыбучем песке и держась лишь за тонкую ветку в ожидании, когда та переломится. Жизни окружающих возвращались к прежнему ритму и двигались вперед. Не так, как до смерти Шарлотты, но по крайней мере шли в нужном направлении.

Я дошел до местного магазинчика, купить дешевую выпивку. Люди правы, когда говорят, что алкоголь притупляет эмоции; однако в слишком большом количестве он может исказить реальность. Я хотел выпить достаточно, чтобы пережить особенно тяжелый день. Миссис Верма, стоящая за прилавком, одарила меня сочувственной улыбкой, однако я был признателен ей за то, что не стала спрашивать, как у меня дела. Устал от этого вопроса.

Должно быть, в школе как раз закончились занятия, потому что по пути домой я встретил множество мам и пап, ведущих детей из ближайшей начальной школы. Хотел крикнуть им: «Вы не знаете, как вам повезло!» – потому что если б я мог держать Дэниела за руку, то ни за что не отпустил бы его.

Мысли снова вернулись к Шарлотте. Я не мог понять, почему она, зная, как страстно я желал стать отцом, столь жестоко отняла у меня эту возможность? Убила долгожданного сына. Если она действительно так сильно не хотела больше жить, если считала смерть единственным выбором, возможно, я сумел бы понять ее, если б она сделала это после рождения Дэниела. Я все равно горевал бы, но он дал бы мне силы держаться. Но раз она убила сына, у меня не было причин.

Я донес до дома пластиковый пакет, где лежала упаковка пива на шесть банок, и решил выпить их в саду на задворках. Туи и ели, высокие красно-зеленые кусты и деревянный забор в шесть футов высотой надежно отгораживали этот сад от внимания соседей – не то чтобы меня интересовало, увидят ли они, как я напиваюсь днем в саду. Не снимая холщовых чехлов с садовой мебели, я уселся в кресло, выпил две банки и стал смотреть, как над прудом носятся стрекозы. Компанию мне составлял пес Оскар. Но выпитая на голодный желудок третья банка пива ударила в голову. Вместо того чтобы растаять в хмельной дымке, мои мысли стали

еще более мрачными.

Я снова начал думать о своем сыне, гадать, не пострадал ли он от химического дисбаланса, находясь в утробе Шарлотты. Прикидывал, насколько больно ему было, когда она прыгнула с обрыва. Несколько месяцев назад я прочел, что в двадцать недель нерожденный ребенок может ощущать боль острее, чем взрослый. Почувствовал ли он изменения силы тяготения в те несколько секунд, пока она летела с утеса? Сказали, что от травмы головы Шарлотта, скорее всего, скончалась мгновенно. Умер ли Дэниел так же быстро? Или же он медленно погибал от боли и нехватки кислорода, запертый в темнице мертвого тела? Думать об этом было почти невыносимо, но я не мог перестать. Я заплакал, скорбя по нему.

Когда потянул за колечко на крышке четвертой банки, сжатый газ с шипением вырвался наружу. Я сделал большой глоток, но меня почти сразу же стошнило на джинсы и траву. Я оттолкнул голову Оскара, когда он подошел понюхать рвотную массу. А потом стоял на четвереньках, выворачиваясь наизнанку, пока предательское тело не извергло весь алкоголь до последней капли, впитавшейся в почву.

– Ненавижу тебя, Шарлотта, – пробормотал я. – Дико ненавижу тебя за то, что ты сделала с нами.

Глава 7

Три недели после Шарлотты

– Отрицание. Гнев. Торг. Депрессия. Принятие.

Я скользил взглядом по строчкам на сайте: адрес Джонни скинул мне на почту. Он пытался помочь, дать понять, что мое состояние вполне типично, – но это лишь злило меня. Я не хотел, чтобы кто-то говорил мне, что я должен чувствовать. Если верить специалистам, чьи слова цитировались на сайте, существует пять стадий переживания горя. Но мне никак не удавалось миновать стадию гнева. Там говорилось, что чем сильнее ты гневаешься, тем больше овладеваешь этой эмоцией, и тем быстрее она проходит. После этого ты готов перейти к следующей стадии.

«Чушь. Не хочу двигаться дальше. Я знаю, что именно чувствую. Я злюсь потому, что горюю из-за утраты сына и ненавижу убившую его мать. Если прощу ее и приму случившееся, то что со мной станет? Лучше остаться в нынешнем состоянии, потому что я начинаю осваиваться. А неизвестное пугает».

Злость была настолько сильной, что трудно было даже произнести имя

Шарлотты. А ведь я еще даже не начал осмыслять тот факт, что у нее был роман с другим мужчиной, и это привело их к общему самоубийству. Душа гноилась, и мне не на кого было направить свой гнев против моих родителей, ее родителей, наших друзей, полиции, расследовавшей случай, и бога, в коего я перестал верить. Не на кого, кроме призрака.

– Мы не нашли никаких доказательств того, что Шарлотта и тот мужчина были друзьями или состояли в каких-либо еще отношениях до своей гибели, – уведомил меня детектив О’Коннор. – Может быть, от этого вам станет легче.

– О да, намного легче. – Я даже не попытался скрыть сарказм.

Он отпил чая из кружки и посмотрел на моих родителей, словно ждал, что мы будем ему признательны за крохотную милость. Я надеялся, что в моем присутствии ему не по себе, потому что он взглянул мне в глаза лишь на краткое мгновение. Я сохранял каменное выражение лица. Мне было все равно, трахалась ли Шарлотта с мужчиной, вместе с которым умерла. Да хоть с половиной Нортхэмптоншира!

Мы сидели вокруг стола в гостиной родителей, и О’Коннор посвящал нас в ход расследования. Мне показалось, что я чувствую исходящий от него запах спиртного, и предположил, что он таким образом решил придать себе смелости перед встречей с гневным вдовцом.

«Вдовец... Черт, это ведь я. Я – вдовец. Стать из мужа вдовцом в мгновение ока...»

– Так как же они познакомились? – спросил отец.

– Мы всё еще ищем ответ на этот вопрос, – ответил детектив.

– Вы не знаете? – Я хмыкнул. – Ваша задача – знать все обстоятельства, а вы по-прежнему «ищете ответ»? У вас было почти три недели. Сколько времени еще нужно?

– Позволь ему договорить, сын. – Отец бросил на детектива извиняющийся взгляд.

– Как вы знаете, мы проверили данные о разговорах Шарлотты по мобильному и стационарному телефону, однако операторы не зарегистрировали ни одного звонка, не имеющего объяснения. Мы также проверили ее электронную почту и звонки по «Скайпу», но и там ничего нет. Судя по всему, она не общалась посредством «Фейстайма», форумов или социальных сетей ни с кем, подходящим под описание того человека. Мы говорили с ее подругами, но никто из них не может припомнить, чтобы она когда-либо упоминала о другом мужчине. Как ни посмотри, они не были знакомы друг с другом до той встречи у обрыва. Единственное, что нам показалось интересным в отчетах о ее телефонных звонках – номер

«Больше некуда».

– Что это? – спросил отец.

– Линия доверия для людей с эмоциональными проблемами, сходная со службой поддержки «Самаритяне». За последние несколько недель своей жизни Шарлотта сделала множество звонков на основной номер, и они были перенаправлены в ближайший филиал.

– Зачем?

– Мы не знаем.

– Множество звонков – это сколько?

– Почти сто.

– Господи... – выдохнул я. Я действительно совершенно не знал свою жену.

– Потом, за неделю до ее смерти, это неожиданно прекратилось.

– Какая-то бессмыслица, – произнесла мать и посмотрела на меня, словно вопрошая, как я мог не знать этого, если жил с этой женщиной.

– В день смерти, – сказал я, – она шла к обрыву, потому что приняла решение умереть вместе с тем мужчиной. Она держала руку возле уха, словно говорила по телефону. Но если телефон был у нее, то каким образом после ее смерти он был обнаружен в ее машине? И кому она звонила?

О'Коннор вяло пожал плечами.

– Должно быть, у нее было два телефона. Мужчина, судя по его виду, тоже с кем-то говорил по мобильнику.

– С «Больше некуда»?

– Мы этого не узнаем, поскольку ни он, ни телефон не найдены.

– Тогда давайте узнаем, с кем они беседовали на этой линии доверия по пути к смерти, – предложил отец. Джонни навалился на столешницу и кивнул в знак согласия.

– Боюсь, это не так-то легко. – О'Коннор сжал переносицу двумя пальцами и закрыл глаза. Вероятно, храбрость, внушенная ему алкоголем, начала выветриваться. – «Больше некуда» гарантирует полную анонимность звонящим. Служба не может видеть кого-либо или проследить за ним. Закон не обязывает ее сообщать о потенциальных самоубийцах. Даже если во время телефонного разговора кто-то собирается сделать то, что сделала Шарлотта, они не должны звонить в службы спасения. И, кроме того, она могла говорить с любым из волонтеров в пределах пяти графств. Это несколько сот человек, и у нас нет ресурсов для подобных расследований. Мне жаль говорить это, но в других обстоятельствах, если бы смерть Шарлотты была... убийством... преступлением, все было бы по-другому.

– Но поскольку это самоубийство, то оно не воспринимается настолько серьезно, – я кивнул.

– Честно говоря, Райан, мы воспринимаем это очень серьезно. Дело в том, что нет причин думать, будто совершено преступление. И если только человек, с кем разговаривали Шарлотта и тот мужчина, не объявится сам, мы, вероятно, так и не узнаем причины подобного поведения и не выясним, какая связь существовала между ними.

– А как насчет моральных обязательств? – спросил Джонни. – Конечно же, если бы этот человек знал, почему вы хотите с ним поговорить, он пожелал бы помочь нам понять, что случилось.

– Если только он сам добровольно захочет уведомить нас.

По мере того как этот разговор продолжался и на пути возникало все больше препятствий, моя злость разгоралась. Все равно что сидеть за рулем собственной машины, которой кто-то управляет удаленно.

– Есть и еще кое-что, – добавил детектив. – С нами связались новостные агентства. У нас существует словесная договоренность: обычно они не сообщают о самоубийствах, однако этот случай отличается от всех прочих, поскольку похож на сговор между двумя посторонними лицами. Пресса получила кое-какие намеки и считает, будто общественный интерес требует обнародовать эти сведения.

– Передайте, что мы не хотим с ними разговаривать, – прорычал я. – Достаточно уже того, что об этом знают наши друзья; не хватало еще, чтобы узнал весь мир!

– Однако это может сработать в нашу пользу. Может помочь выяснить, кем был тот незнакомец.

– Нет, – твердо ответил я, хлопнув ладонью по столу.

– Ладно... – О'Коннор, вздохнув, отпил глоток чая. – Я передам ваш отказ. – Он встал, собираясь уйти. – Но мы никак не можем проконтролировать то, о чем они могут написать самостоятельно. Так что вам следует подготовиться к тому, что эта история вызовет определенный интерес.

Он был прав. Два дня спустя об этом написала местная еженедельная газета; новость попала на первые страницы четырех таблоидов и удостоилась колонки в двух ежедневных печатных изданиях. Журналисты обшаривали «Фейсбук» в поисках фотографий Шарлотты, беседовали с ее бывшими коллегами и шапочными знакомыми. Статьи были проиллюстрированы бездарными графическими изображениями обрыва и траектории падения самоубийц.

Когда журналисты начали оставлять мне голосовые и текстовые

сообщения, призывая встретиться с ними, я выключил телефон. Был практически не в состоянии говорить даже с близкими людьми, а тем более – с посторонними.

Глава 8

Два месяца после Шарлотты

Я не намеревался присутствовать на похоронах Шарлотты.

Не желал говорить ей «прощай». Не хотел помнить с теплом и отдавать дань последнего уважения. Ничего этого она не заслуживала. Я согласился посетить поминальную службу в церкви и проделать короткий путь до крематория лишь потому, что родители застыдили. Если Шарлотта не ценила свою жизнь, почему это должен был делать я?

В голове стоял туман – я принял две таблетки мамино успокоительного, к тому же маялся похмельем, после того как вчера в очередной раз выпил несколько банок пива. Я был не в состоянии даже понять, кто стоит на кафедре и пытается найти хоть какие-то добрые слова для женщины, убившей своего ребенка.

Мой взгляд блуждал по церкви, украшенной вазами с нарциссами и с листовками, извещавшими о грядущих пасхальных торжествах. Но едва я посмотрел на гроб с телом Шарлотты, внесенный четырьмя носильщиками, как уже не смог отвести от него взгляд. Я не обращал внимания на ход службы, не пел гимны вместе со всеми. Даже ни разу не склонил голову в молитве.

Папа и Джонни встали по бокам от меня, готовые поддержать, если потребуется; потом повели меня к машине, вежливо оттесняя тех, кто пытался заговорить со мной. Мне было настолько все равно, что я даже не пробовал скрыться от репортеров, которые ловили у ворот церкви любого, кто имел неосторожность взглянуть на них.

Когда нам вернули тело Шарлотты, я оставил организацию погребальной службы своим тестю и теще. Выбор распорядителя, в какую одежду облачить покойную перед сожжением, какие прощальные дары положить ей в гроб, какая музыка должна играть, когда ее внесут в церковь, сколько машин потребуется для процессии... Она была их дочерью, так что и проблемы их. Я передал через посредника, что они могут забрать ее обручальное кольцо. Мне и мое-то было теперь ни к чему, не то что ее. Все, что оно символизировало, оказалось ложью. Шарлотта мало ценила меня, и теперь это чувство стало взаимным. Я хотел лишь, чтобы все закончилось.

Однако у меня было желание прийти на заседание коронерского суда, состоявшееся позже на той же неделе и посвященное расследованию по делу о смерти Шарлотты. Я позволил маме и Джонни сопровождать меня. Мы сидели в двух рядах позади родителей Шарлотты, но не обменялись с ними даже мимолетным взглядом.

Я не знал, почему хотел присутствовать на этом заседании. Быть может, мне казалось, что я недостаточно страдал, и мне нужно было знать, сколько еще боли я смогу выдержать, прежде чем полностью сломаюсь.

Я внимательно слушал, как зачитывают показания свидетелей, смотрел кадры, снятые видеорегиистратором на вершине утеса. В конце концов старший коронер – пухлая женщина средних лет с добрым лицом и сочувственными глазами – объявила медицинское заключение о причинах смерти: множественные травмы.

– Да неужели, – пробормотал я тихонько. Но, кажется, Джонни меня услышал.

– Прежде чем вынести заключение о том, что это было самоубийство, я должна перечислить два факта, не подлежащие сомнению, – продолжила коронер. – Миссис Смит совершила действие, следствием которого стала ее смерть; она сделала это с намерением убить себя. Я должна быть уверена, что именно это и произошло, – и я уверена. Миссис Смит поднялась на вершину Бирлинг-Гэп вместе с мужчиной, чья личность пока не установлена, а затем скончалась от падения на камни внизу. Следовательно, в данных обстоятельствах я могу вынести заключение: случившееся являлось самоубийством.

Итак, на протяжении трех дней все и случилось: тело моей жены было кремировано, а потом суд публично огласил, что она покончила с собой. Вероятно, теперь я мог двигаться дальше.

Прожив восемь недель в родительском доме, я ощутил нарастающее желание снова вернуться в свою квартиру. Нужно было оказаться в знакомой обстановке, чтобы почувствовать себя хотя бы на каплю прежним. Я не мог позволить призраку Шарлотты выгнать меня из моего собственного дома.

Отперев входную дверь, я в нерешительности замер на пороге. В воздухе все еще витал запах ее любимых освежителей. На вешалке висел ее плащ. На свадебной фотографии в запылившейся рамке мы с ней улыбались друг другу под аркой, увитой розами.

Почти треть моей жизни прошла в состоянии «мы», и теперь мне неожиданно снова пришлось привыкать к тому, что есть только «я». До меня дошло, что прошлая жизнь, столь любимая, уже не вернется, и я

никогда не смогу повторить ее с кем-то иным. Из глаз покатались слезы, и я никак не мог их остановить.

Я не был готов к возвращению в нашу спальню, поэтому решил спать в кладовке – единственной части квартиры, которую мы никак не позаботились обставить. Лишь ухитрились втиснуть туда одноместный матрас и крошечный шкафчик-тумбу из «ИКЕА». Но сейчас это вполне сгодилось. По соседству располагалась детская, и туда я тоже не готов был пока войти. Пока она оставалась такой как есть – в нейтральных оттенках желтого, с разбросанными вокруг мягкими игрушками, – я мог представлять, будто Дэниел спит там. Не хотел отпускать его.

Несколько дней спустя я распечатал отчеты о звонках с мобильного телефона Шарлотты. Я поверил детективу О’Коннору, когда он сказал, насколько часто она звонила в «Больше некуда». Но все же хотел увидеть это собственными глазами. Просмотрел каждую колонку: большинство звонков сделано утром или днем, когда я был на работе. Время от времени она звонила по вечерам или по выходным, когда мы оба были дома. Я вспомнил, как Шарлотта уходила в другую комнату, говоря, будто беседует с подругами, – но теперь знал, что на самом деле она, находясь в считанных метрах от меня, говорила незнакомому человеку о своем желании умереть.

Некоторые звонки длились несколько секунд, другие – больше часа. На миг я позволил своему гневу раствориться в жалости.

«Почему ты не сказала, что тебе так плохо?»

Я думал о машине Шарлотты и о том, что рано или поздно мне нужно будет ее продать. По сути, мне требовалось уладить очень многое, чтобы заново начать нормальную жизнь. Нужно было упаковать ее вещи, просмотреть документы, сменить имя в квитанциях за коммуналку, закрыть банковские счета и так далее... но все это могло подождать.

Как и моя работа. Мысль о том, чтобы войти в вечно холодный вестибюль, как будто моя жизнь ничуть не изменилась с прошлого раза, наполняла душу ужасом. Доктор, сочувствовавший мне, выписал больничный еще на месяц, однако позволил покинуть кабинет только после того, как всучил мне стопку брошюр о том, как справиться с потерей, и список телефонных номеров тех организаций, дающих советы в подобных случаях. Сев в машину, я просмотрел эти «полезные советы».

«Попробуйте съездить на выходные куда-нибудь, где еще не были. Возможно, следует подумать о заведении питомца».

Я засмеялся вслух. «О да, доктор, я намерен заменить свою покойную жену хомяком. Замечательная идея!»

Джонни и парни, с которыми я по воскресеньям играл в футбол, по

очереди навещали меня, но, несмотря на все их усилия, разговорчивее я не стал. Джонни также настаивал на том, чтобы сводить меня в местный паб «Эбингтон», и делал все возможное, чтобы вытащить из мрачного тесного мирка в окружающий мир. Но мне это не было нужно. Теперь мне вообще мало что было нужно.

– Мама и папа за тебя волнуются, – честно признался Джонни как-то вечером. В баре было тихо; он сидел на краю потертого диванчика и рассеянно играл с завязками своей толстовки. – Они боятся, что ты можешь... ну, ты понимаешь... сделать то же самое, что и Шарлотта.

– Что – покончить с собой без особых причин? Прыгнуть со скалы и разбить голову о камни так, чтобы меня невозможно было узнать?

Я понимал, что ответ неуместный. И солгал бы, если бы сказал, что подобная мысль не приходила мне в голову. Но она была мимолетной.

– А что насчет тебя? – спросил я. – Как считаешь ты?

– Сказал им, что ты не настолько эгоистичен и знаешь, что если совершишь что-то подобное, это их раздавит. – Я медленно кивнул. – Меня тоже, – добавил Джонни и посмотрел на меня с глубоким беспокойством.

Мы с братом были очень дружны, но редко говорили о том, что у каждого на душе. Однако после смерти Шарлотты он стал моей опорой. Видал меня в самом худшем состоянии, в самом глубоком отчаянии. Сидел со мной, пока я рыдал от горя, вытирал с моего лица рвотные массы, когда я допивался до тошноты, все выходные проводил со мной, пытаюсь поддержать меня.

– Если ты что-то сделаешь с собой, я никогда себе этого не прощу, Рай, – снова заговорил он. – Я видел, как ты идешь через этот ад, и это затронуло меня тоже. Прошу тебя пообещать, что не наделаешь глупостей.

– Обещаю.

– Хорошо. И подумать о том, что предложил папа: насчет консультаций у психолога или каких-нибудь прописанных лекарств.

– Ладно, подумаю. – Я не собирался. Согласился лишь затем, чтобы он отстал от меня. – Мне нужно в туалет. Закажи еще. – Я похлопал его по плечу и вышел из-за стола.

Проходя по залу, заметил доску объявлений, увешанную визитными карточками такси-фирм и объявлениями о пивных фестивалях и вечеринках. Среди них мне попала на глаза листовка «Больше некуда». Я отцепил кнопку и сунул листок в карман. Позже, когда Джонни отвез меня домой, уселся на кровать и уставился на листовку. «Мы здесь для того, чтобы слушать, а не для того, чтобы судить» – гласила синяя надпись.

Позвонить туда – вот единственный способ понять, что же такого

предложили Шарлотте на линии доверия, чего не мог предложить я. Осторожно достав телефон, я набрал номер. Спустя пять гудков мне ответили.

– Добрый вечер, вы дозвонились в «Больше некуда», меня зовут Кевин. Могу я узнать ваше имя?

Я понятия не имел, что ему сказать.

– Если нужно время, чтобы подумать, оно в вашем распоряжении, – после короткой паузы продолжил Кевин.

– Райан, – произнес я. – Меня зовут Райан.

– Добрый вечер, Райан. Как у вас дела?

Я не знал, действительно ли голос Кевина звучал так тепло и сочувственно, как мне казалось, или же причиной тому были четыре пинты эля в моей крови. Я гадал, почему он в такой поздний час сидит на телефоне и разговаривает с совершенно незнакомыми людьми. Может, в его жизни тоже зияла огромная дыра...

– Всё в порядке, – ответил я.

– Рад слышать. Есть ли какая-то причина у вашего звонка?

– Моя жена... – начал я, но не смог завершить фразу.

– Ваша жена, – повторил он. – Что-то случилось с вашей женой?

– Она... умерла. Пару месяцев назад.

– Жаль слышать это, Райан. Вы хотели бы рассказать мне о ней?

Я пытался собраться с мыслями и придумать, как еще она могла умереть, помимо самоубийства, потому что не хотел, чтобы он судил. Но алкоголь затуманил мой мозг, и на ум ничего не шло. Поэтому я сказал ему правду и поведал о том, как от тоски по Шарлотте резко перешел к желанию никогда больше не думать о ней.

– Это совершенно естественно – проходить через такой широкий спектр эмоций, – объяснил Кевин. – Не хотите поговорить более подробно о том, что чувствуете?

Я сидел на полу в гостиной и рассказывал постороннему человеку то, о чем не знали даже родные. И хотя тот не предлагал никаких чудесных решений, он также и не советовал совершать длительные пешие прогулки или обзавестись домашним животным. Вместо этого разговор позволил мне лучше понять, почему Шарлотта так охотно беседовала с волонтерами «Больше некуда».

Но пока что у меня не было объяснений тому, зачем ей понадобилось звонить туда больше ста раз.

Глава 9

Четыре месяца после Шарлотты

Полиция в конце концов вернула мобильный телефон, планшет и ноутбук Шарлотты после тщательной проверки. Они были упакованы в прозрачные пластиковые пакеты, на каждый наклеена белая бумажка с номером улики и дела черным маркером. Это все, чем она была для людей, которые не знали ее: дело, обозначенное двумя буквами и семью цифрами.

Электронные устройства были тщательно изучены соответствующим следственным отделом, однако ничего примечательного или важного найти не удалось. И, как ни обидно, по-прежнему не было найдено никакой связи с человеком, вместе с которым она умерла. Несмотря на все внимание, уделенное прессой этой истории, он до сих пор оставался неизвестным, а тело так и не нашлось.

У меня никогда не было причин следить за Шарлоттой, но она оставила мне так много вопросов, не имеющих ответов, что я должен был найти объяснение. В восемь часов вечера я взялся за ее телефон и просмотрел нашу переписку. Мне не нравилось, что полиция, вероятно, прочла наши самые личные сообщения – даже повседневную ерунду о том, чья нынче очередь отогнать машину в сервис. Я и не осознавал, как сильно мне не хватало, чтобы ее имя всплывало на экране.

По мере развития беременности Шарлотта все реже звонила подругам и все чаще общалась с ними по почте или через мессенджеры. Полагаю, ей было легче скрыть душевные страдания за словами на экране, чем замаскировать опустошенность в голосе.

Я пролистал ее страницу на «Фейсбуке» – за последние несколько месяцев своей жизни не запостила вообще ничего. Большинство будущих мамочек охотно рассказывают, на какой стадии беременности находятся, чего им хочется в этом состоянии, каким толстыми они себя чувствуют на последних месяцах. Но из нас двоих только я обновлял статусы на страничке или делился фотографиями. Вся активность Шарлотты свелась к просмотру ленты.

Я порылся в сохраненных документах на ноутбуке, но все они относились к дизайнерской работе до беременности. Музыкальная библиотека была забита веселенькой поп-музыкой, которую Шарлотта так любила; ничего подозрительного не нашлось ни в истории браузера, ни в закладках. Большинство писем были удалены, корзина очищена. Куки тоже были вычищены. Как я и боялся, о жене не удалось узнать ничего нового.

Я был удивлен – и разочарован – тем, что в ее телефоне или на «Айпэде» не было наших фотографий. Я любил поддразнивать ее за то, что она постоянно щелкала камерой; где бы мы ни были – на кухне, у бассейна в отеле или в зале супермаркета, – она обожала делать фотографии. Просмотрел несколько папок на всех устройствах, но Шарлотта стерла все наши снимки, которые когда-либо делала. Как будто наши отношения были для нее столь ужасны, что ей хотелось полностью уничтожить их следы. Даже четыре месяца спустя после смерти она находила все новые способы причинить мне боль.

Близилась полночь, и я по опыту знал, что если продолжу сегодня эти исследования, то буду накручивать себя все сильнее и в конечном итоге не смогу уснуть. Но когда я уже собирался отложить планшет, он выскользнул у меня из рук. Я пытался помешать ему упасть на пол, и пальцы мазнули по экрану.

Подняв его, я вдруг увидел два приложения-калькулятора – системный и еще один. Зачем нужны два калькулятора? Щелкнул по иконке незнакомого приложения, и в окошке появились четыре заранее введенных цифры: «1301». Я сразу же узнал их: это была дата смерти Шарлотты, дата, навстречу которой она так стремилась.

Нажал кнопку «равно», но ничего не случилось. Потом попробовал «плюс», «минус» и «деление», но только тогда, когда я нажал символ процента, на экране все поменялось. Появился новый рабочий стол со множеством активных папок: фотографии, документы, записи. Шарлотта скачала приложение, позволяющее скрыть то, что я не должен был обнаружить.

Я отнес планшет в свою спальню и улегся. Первая папка с документами содержала десятки скриншотов с различных сайтов и целые страницы ссылок на другие сайты. Все они были связаны с самоубийствами.

Среди изображений были иллюстрации, как лучше резать руки, чтобы истечь кровью точно до смерти, какие таблетки лучше сочетать для гарантированного передоза. Здесь также были ссылки, где и в каких странах эти таблетки можно приобрести через интернет.

Еще Шарлотта заложила ссылку на форум под названием «Финальный рывок», предлагавший «крутые самоубийственные местечки» по всей стране. Там были многоэтажные парковочные здания без оград или сеток безопасности, доступные транспортные мосты, железнодорожные пути со сломанными ограждениями и водоемы с мощными подводными течениями, способными в считанные секунды увлечь на дно. Фотографии улиц, карты,

письменные инструкции того, как их найти, адреса и координаты для навигаторов. Все было продумано до мельчайших деталей, и Шарлотта не только читала все это, но и добавляла в избранное.

Я не мог отвести взгляд от экрана, испытывая одновременно горечь от того, сколько людей отчаялись до полной потери здравого смысла, и отвращение от энтузиазма, с каким другие подталкивали их к смерти. Насколько я мог видеть, никто на форуме не давал ссылок на «Больше некуда» или «Самаритян» либо телефонных номеров этих организаций. Никто не предполагал, что смерть, возможно, не самый лучший выход, никто не предлагал поговорить об этом с кем-либо.

На форуме были разделы для подростков, уставших от недолгой жизни, для жертв неизлечимых болезней – как физических, так и психических. Некоторые темы были созданы людьми преклонного возраста, которые так боялись долгой мучительной смерти, что хотели завершить жизнь на своих условиях. Одиночество, истязания, депрессия, война, травля, сексуальная ориентация, расстройство пищевого поведения... список причин добровольной смерти был бесконечным.

Я просматривал страницы в поисках имен, которые могли бы указать на то, что Шарлотта была участницей этих форумов, однако не смог найти ни одного доказательства, что она писала туда. Может быть, она просто читала эти материалы, как ленту на «Фейсбуке»...

На одном из форумов мое внимание привлекла запись, сделанная считанные дни назад. Заголовок гласил: *«Надо с кем-то говорить, пока я умираю»*. Счетчик под аватаркой участницы показывал почти три сотни сообщений, в качестве изображения она выбрала фото молодой Анджелины Джоли, а сетевого псевдонима – GrlInterrupted^[12].

«Так вот, я решила, где и когда сделать это (таблосы доставили в среду из Тринидада, и я забронировала номер в отеле в Бирмингеме). Еще я решила, что поеду туда одна, но уходить в одиночку не хочу. Никто не хочет повисеть со мной на телефоне, пока это происходит? Нужна компания».

Под сообщением было множество ответов с поздравлениями, но никому из сетевой группы поддержки не хватило духу размыть грань между фантазиями и реальностью и исполнить ее просьбу. Однако они быстренько порекомендовали ей другие никнеймы, которые могли помочь.

«Ты где живешь, солнц?» – спрашивал некто под псевдонимом R.I.P.

«В Лестере, в Англии», – ответила она.

«Знаешь Chloe4, отсюда? Она была из Англии и говорила про какую-то женщину, которая когда-то помогла ее друзьям, а потом и ей. Видать,

сработало, потому что про Chloe4 больше ничего не слышать, а мы плотно общались».

«В каком смысле помогла?»

«Она говорит людям, что делать, чего не делать, знает все риски, предлагает, что писать в записках, и проч. Chloe4 называла ее «Героиней с линии доверия».

«Она пишет здесь?»

«Не, она профи. Не светится, потому что работает на кризисной линии для самоубийц, «Больше некуда» или типа того. Ржаса. Кто-то порекомендовал ее Chloe4».

Я выдохнул – не замечал, что сдерживаю дыхание, – потом отвел глаза от экрана и выглянул в окно. Тьма рассеивалась, близился восход. По дороге скользнул свет фар какой-то машины; у людей начинался новый рабочий день.

Я не один месяц искал хоть что-нибудь, способное объяснить, почему Шарлотта покончила с собой и почему она сделала это вместе с совершенно посторонним человеком. Теперь что-то подсказывало мне, что если эта «Героиня с линии доверия» и вправду существует, она может знать ответ на этот вопрос.

Глава 10

Четыре месяца и неделя после Шарлотты

Все равно что биться головой о стену.

Потребовалось приложить немало усилий, умений и организованности – и к чему это привело? Ни к чему. Как ни пытался, я даже отдаленно не мог вывести, была «Героиня с линии доверия» реальным человеком или плодом воображения какой-то морально ущербной личности с форума. Однако ее поиски дали мне кое-что – цель.

Впервые прочтя комментарий о ней, я провел поиск по ключевым словам на этом сайте и на четырех других. Ее имя было спрятано среди сотен комментов, но определенно упоминалось пару десятков раз, хотя далеко не так часто, как в минувшие несколько лет. Никто не мог подтвердить ее существование – так и бывает с любой городской легендой. Я предположил, что если она так хорошо знает свое дело, то доказательства ее успеха были тщательно вычищены, а не служили предметом хвастовства на форумах.

Все еще не удавалось осознать, что человек, работающий на телефоне

доверия, может иметь некие тайные мотивы. Но ведь еще днем раньше я и подумать не мог, что существуют форумы, где потенциальных самоубийц подталкивают к смерти. Если эта личность была настоящей, нужно выследить ее и выманить из норы.

Я обосновался за обеденным столом и создал собственную учетную запись на форуме. Когда R.I.P. проигнорировал личное сообщение, я написал GrIInterrupted.

«Привет, извини, что беспокою, – печатал я, – просто хочу узнать, удалось ли тебе найти ту женщину из «Больше некуда», о которой говорил R.I.P., «Героиню с линии доверия»?»

Я расхаживал по квартире, ожидая сигнала об ответе. Он пришел через час.

«Не, бро, извини. R.I.P. почти ничего не знал о ней. Я даже сама звонила в их филиалы, но попадала на других. Все равно что искать иголку в стоге сена. Да я и не знала, что сказать. Типа – «привет, сучки, никто не хочет послушать, как я умираю?»» Ржаса».

Я ответил ей смайликом, однако ничего веселого в этом не видел.

Мне был нужен свежий воздух и кофеин, поэтому я направился по ближайшим торговым точкам. Когда-то почти каждое воскресное утро я посещал кафе и возвращался домой с пакетом кексов, булочек с корицей и горячими напитками для себя и Шарлотты. Впервые пришел сюда после ее смерти, и странно было делать заказ на одного.

Попросил двойной капучино – и, пока булькала кофемашина, ощутил прилив вины, мимолетно охвативший меня. Гадал, насколько иной могла быть жизнь, если бы я был более внимательным и заботливым мужем. Если бы не настаивал, что правильно делать только так, как это вижу я. Тот Райан, вероятно, намного раньше осознал бы, насколько серьезна депрессия Шарлотты, и прислушался бы к ней, вместо того чтобы пытаться лечить. И сейчас Шарлотта стояла бы рядом с ним в очереди, одной рукой сжимая сумочку, а второй держась за ручку коляски, где лежал бы Дэниел...

Я помотал головой, и моя альтернативная вселенная растаяла, словно снежинка.

Я отнес стакан с кофе домой, пытаюсь прикинуть, сколько времени потребуется на то, чтобы доказать или опровергнуть существование «Героини». Единственным способом было звонить и звонить на линию доверия, пока я не попаду на нее. Расклады были против меня. В Нортхэмптоншире девяносто четыре волонтера, работающих посменно, в Лестершире – восемьдесят шесть, в Уорикшире – пятьдесят восемь и еще

шестьдесят в Бедфордшире. Плюс-минус десяток тех, кто мог прийти или уйти с тех пор, как в ежегодной отчетной ведомости был опубликован список. Примерно один шанс из трехсот.

Я не мог придумать способ как-то сократить или ускорить процесс. И это учитывая, что ищу именно женщину. «Героиня» ведь вполне могла оказаться мужчиной. В любом случае, человека нужно убедить в серьезности моих намерений.

Я разработал легенду, утверждающую, что депрессия подтачивает мою жизнь и что я не вижу особого смысла продолжать ее. Собирался рассказывать, что не просто задумал самоубийство, но и почти исполнил его, однако нечто помешало, и теперь нужен кто-то, кто поможет сделать еще несколько шагов на этом пути, потому что в одиночку я не справлюсь.

Чтобы все сработало, нужно было правильно организовать дело. Я создал пустой документ в «Экселе» на ноутбуке Шарлотты, чтобы делать примечания к имени каждого волонтера из «Больше некуда», который мне ответит. У некоторых, вероятно, имена совпадали, поэтому я намеревался делать примечания наподобие «старый», «молодой», «с акцентом», «в нос», чтобы различать их.

Я собирался представляться своим средним именем – Стивен – и был готов изменить распорядок сна, чтобы попасть на все смены. Мне предстоял поистине подвиг Геракла. Но чем быстрее я возьмусь за это, тем скорее узнаю точно, охочусь за настоящим человеком или за призраком. Даже приготовил диктофон и при помощи купленных через интернет кабелей подсоединил его к телефону, чтобы записывать все звонки – на тот случай, если все же попаду на нее.

Каждый день я разговаривал с таким количеством волонтеров, какое только мог охватить. Мои разговоры длились столько, сколько было нужно, чтобы я мог проставить в своем списке «да», «может быть» или «нет». У меня уже начало складываться представление о том, кто из них когда работает, как часто и в какие дни недели я могу связаться с ними.

Прошло чуть больше двух недель – и файл растянулся на несколько экранов. Он был заполнен именами, датами, указаниями времени и описаниями. Но никаких четких «да» в нем не было.

Я чувствовал себя отвратительно из-за того, что так часто звоню в «Больше некуда» и морочу голову, в особенности потому, что они все казались добрыми людьми. Не пытались отговорить Стивена от намерения покончить с собой; вместо этого выслушивали его, помогали разобраться в том, что он чувствует, после чего позволяли идти своим путем. Каждый говоривший без исключения питал самые благие намерения. Мне

приходилось постоянно напоминать себе, что мои тоже не были дурными.

Бывали моменты, когда их доброта казалась мне настолько теплой и сердечной, что маска соскальзывала, и из-под нее появлялся настоящий Райан. В такие моменты именно я сознавался в ощущении беспомощности, именно мне самому было тяжело.

Я начал мысленно рисовать образ того, как могла бы выглядеть «Героиня с линии доверия». Ей под шестьдесят, старая дева с бледной кожей, уже изрядно обвисшей на щеках и шее. На лбу должны быть глубокие морщины, плечи должны быть сутулыми от тяжести вины, которую она несла, хотя и отказывалась признавать. С первого взгляда ее глаза должны казаться добрыми, но если заглянуть в них достаточно глубоко, то можно уловить контуры того, что прячется под этой фальшивой добротой – очертания темной, холодной души, питающейся страданиями других. Она должна быть похожа на Джуди Денч в фильме «Скандальный дневник», только еще более злобную.

Кем бы ни была «Героиня», ее тень нависала надо мной днем и ночью, когда я куда-либо шел и когда беспробудно спал. Она дала мне цель, а я превратил ее в одержимость, мешавшую исцелиться. Но знал, что если сдамся и не доведу начатое до конца, то всю жизнь буду гадать, существовала ли она на самом деле.

Конечно, я не сказал ни родным, ни друзьям о том, что задумал, потому что они сочли бы меня сумасшедшим. Но, судя по количеству обиженных голосовых и текстовых сообщений, которые они оставляли, жалуясь на постоянную занятость моего номера, они догадывались, что я чем-то занимаюсь. Поэтому я стал чаще ходить с ними в пабы, присутствовать на семейных обедах или присоединяться к походам в ресторан. И все это для того, чтобы убедить их, будто спустя четыре с половиной месяца после самоубийства Шарлотты я все же встал на путь к выздоровлению.

Отчасти это было правдой. Я действительно встал на некий путь. И в конце концов этот путь должен был привести меня к искомой женщине.

Глава 11

Четыре месяца и две недели после Шарлотты

Восемьдесят два человека. Именно стольким я лгал и морочил головы, прежде чем нашел персону под псевдонимом «Героиня с линии доверия».

– Добрый день, вы дозвонились в «Больше некуда», меня зовут Лора.

Могу я узнать ваше имя? – начала она.

Я нажал кнопку записи на своем диктофоне, как делал во время каждого звонка, поправил наушник гарнитуры в ухе и быстро и легко вошел в образ своего «альтер эго» Стивена – как будто не глядя надел домашние тапочки. Я выдал ту же самую реплику, какую произносил до этого восемьдесят один раз:

– Никогда прежде не звонил в такие учреждения. Не знаю, с чего начать.

– Что ж, начните с имени. Как мне к вам обращаться?

Как и у большинства других волонтеров, в ее голосе было нечто ободряющее. Четкий выговор, дружелюбный успокаивающий тон. Я мог бы представить, как она читает сказки в какой-нибудь детской передаче.

– Стивен, – ответил я.

– Рада побеседовать с вами, Стивен, – продолжила она. – Могу я спросить, что заставило вас позвонить нам сегодня вечером?

– Даже не знаю. Я... мне кажется, что у меня... никого нет. Мне кажется, что я не хочу... не хочу больше... *быть здесь*. – В последнее время я зачитывал этот сценарий столько раз, что знал его наизусть. Знал, в каком месте нужно сделать паузу для драматического эффекта, на каких словах голос должен звучать сдавленно. Если б за лучшую роль, исполненную по телефону, вручали «Оскара», уверен, что получил бы его.

– Что ж, хорошо, что позвонили, – сказала она. – Расскажите о людях, которые вас любят, которым вы небезразличны. Кто в вашей жизни попадает в эту категорию?

Я притворился, будто раздумываю.

– Правда никто. – Изобразил тяжкий вздох. – У меня совсем никого нет.

Лора спросила, есть ли у меня друзья, к которым я могу обратиться, и посочувствовала, когда я сказал, что нет. Разговаривала она, строго следуя методичке. Мои пальцы бесшумно скользнули по клавиатуре ноутбука, вводя в файл ее имя. Имя «Лора» не редкость, однако мне не попадалось ее тезок среди волонтеров «Больше некуда». Я уже мог сказать, что она была из тех женщин, для кого стакан всегда наполовину полон.

«Вряд ли», – напечатал я.

– Вы обращались к врачу, чтобы рассказать о своих ощущениях?

– Да, она выписала мне курс антидепрессантов.

– И как они действовали?

– Прошло уже четыре месяца, а я по-прежнему не понимаю, ради чего встаю утром с постели. Иногда я думаю, что лучше было бы сделать запас

этих таблеток и... ну, вы понимаете.

– Иногда или часто?

Я снова изобразил нерешительность, потом прошептал:

– Часто.

Наш разговор шел точно так же, как в восьмидесяти одном случае до того, и я продвинулся ничуть не дальше, чем с предшественниками. Услышал слабый шелест и решил, что она недавно в этом проекте и сейчас сверяется с методичкой. Хотя бы попрактикуется на мне... Я подавил зевок и стал просматривать результаты футбольных матчей на сайте «Би-би-си спорт».

– Вам не нужно стыдиться, Стивен. Мы все в тот или иной момент думаем о том, чтобы оборвать свою жизнь. Вы когда-нибудь пытались сделать это прежде?

«Погодите, она сказала «мы все»?»

Никто из других операторов не признавался в подобном. Может, она просто хотела убедить меня, будто действительно понимает мои чувства?

– Нет, – ответил я так, как будто стыдился этого. – Но однажды планировал.

– Вы однажды планировали это?

Я последовал совету, который прочел в интернете, и рассказал ей о том, как пытался облегчить утрату для тех, кого оставляю на этом свете, как приводил дела в порядок, прежде чем решиться умереть. Посмотрев в записи, я выбрал железнодорожные пути вблизи Вулвертона, куда можно было спрыгнуть в пролом ограждения. Лора молча слушала, пока я излагал придуманную историю.

– Быть может, в глубине души вы не питаете серьезных намерений покончить с собой, – сказала она наконец. Это было не столько вопросом, сколько утверждением. А когда она продолжила, ее тон из теплого и успокаивающего сделался обвинительным: – Возможно, это крик о помощи? Я получаю множество звонков от людей, которые говорят, будто хотят умереть, но при тщательном разборе оказывается, что они просто-напросто испытывают жалость к себе. Может быть, вы один из таких людей, Стивен? Может, вы просто попались в ловушку жалости к себе? Может, настолько глубоко погрязли в этом, что не понимаете: ничего не изменится, пока вы не найдете смелости что-то сделать самому? Потому что если вы не возьмете на себя ответственность, то всю оставшуюся жизнь – возможно, сорок или пятьдесят лет – боль, которую вы испытываете сейчас, боль, которая так нестерпима, что заставила вас позвонить мне, будет только усиливаться. Это – то, что вы чувствуете

сейчас, – станет для вас наркотиком. Вы сможете так жить, Стивен? Я знаю, что сама не смогла бы.

В этот момент я понял, что нашел ее.

Никто из других волонтеров даже отдаленно не разговаривал со мной так. Я должен был испытать восторг, но когда готовился к операции, то по глупости даже не прикинул, что буду делать, когда дойду до этой стадии. Полагал, что успех окрылит меня, но ошибся. Вместо этого моя речь сделалась скованной и неловкой.

– Я... я... я не просто так звоню, честное слово, – выдавил я. – Это то, о чем я долго и напряженно думал, и я хочу этого – но если не смогу это сделать, то покажу себя трусом, верно?

– Нет, Стивен, вы не трус, – возразила Лора. – Вы позвонили мне сегодня, и это показывает, насколько вы отважны. Может быть, вы просто выбрали неверный день для ожидания поезда. Так случается со многими людьми. – Ее тон снова стал успокаивающим.

«Может, померещилось?»

Я почти мог представить себе, как Лора улыбается при этих словах – сама святая невинность.

– Просто помните, мы здесь ради вас – в любом качестве, в каком вам нужны, – продолжила она.

– Вы собираетесь выслушать меня?

Я затаил дыхание в ожидании ее ответа. По сути, она только что согласилась со мной насчет того, что мне незачем жить, – а теперь говорит, что я достаточно смел, чтобы умереть... Я не понимал, кто из нас кот, а кто мышь, кто с кем играет.

– Если это все, чего вы хотите от меня, то да.

– Что, если... что, если мне нужно... что если я решу... – Мой голос прервался. Как, черт побери, облечь это в слова и не отпугнуть ее?

– Вы звоните, чтобы сказать мне, что хотите покончить с собой и ищите моей поддержки в этом деле?

Она сделала это за меня. Бабочки в животе затрепетали и рванулись в полет. «О черт! Вот оно! Но что мне говорить дальше?»

– Я... полагаю, что да. – Я поморщился, когда эти слова неловко сорвались с моего языка. И ее тон опять изменился, как будто она читала мне лекцию.

– «Больше некуда» – беспристрастная организация, не выносящая суждений. Мы здесь для того, чтобы выслушать вас. Мы не пытаемся отговорить вас от того, что вы собираетесь сделать, – просто просим вас сначала поговорить с нами и рассмотреть все варианты, прежде чем

сделать подобный важный шаг. Вы это понимаете?

– Да, – сказал я, отчаянно обшаривая свой мозг в поисках подходящего ответа. Лучшее, что я сумел сделать, – это слабо промямлить: – Но...

– Но? – переспросила Лора.

Она явно подталкивала меня к чему-то, и это облегчало мою задачу.

– Но если я... понимаете, если я хочу осуществить это, то станете ли вы...

– Стану ли я что, Стивен? Каких действий вы от меня ждете?

Во рту пересохло, я снова умолк.

«Что с тобой не так, Райан? Давай же! Ты поймал ее! Просто скажи что-нибудь!»

Но я онемел. Нужно было время подумать.

– Извините, мне нужно идти, – произнес я и повесил трубку. Заорав во весь голос: «Твою мать!», схватил со стола кружку и запустил ею в стену. Она разлетелась на осколки и сбила на пол фотографию в рамке.

Я сидел, уронив голову на руки и хватая воздух ртом. Лора не была похожа ни на кого из тех волонтеров, с кем я говорил раньше. Она была ею. «Героиней». И ее способность в один миг переключаться из одной ипостаси в другую ужасала меня. Она не сказала: «Я помогу тебе убить себя», – но, по сути, заявила, что если я не отважусь на решительный поступок, то продолжу жить в аду.

Я перемотал диктофонную запись к началу и прослушал весь диалог заново. Лора полностью контролировала наш разговор, и я злился на себя за то, что не смог следовать плану. Вместо того чтобы сыграть с ней в хитрую игру, запаниковал, потом повесил трубку... Меня подмывало сразу же позвонить снова, но я сдержался. Если я сделаю это немедленно, то могу показать себя нерешительной личностью или позером. Она должна думать, будто я почти уверен в своем желании умереть – ключевое слово «почти», – потому что тогда придание ситуации однозначности станет для нее вызовом, а я готов был поспорить, что именно этим она и наслаждается. Несколько дней я стану делать вид, что беру паузу и размышляю, а потом позвоню в «Больше некуда» и попытаюсь снова найти ее.

Что мне делать до тех пор? Нужно с пользой провести время. Был шанс, что Лора назвала мне фальшивое имя, но ничего другого у меня не было. Я «погуглил» «Лора» и «Больше некуда», но поисковик выдал мне только автора книги о старых паровозах. Я уточнил запрос, введя слова «самоубийство» и «благотворительная помощь», и вышел на сайт местной газеты «Кроникл энд экоу».

В глаза мне бросился заголовок «На благотворительной распродаже выручено 300 фунтов»; под ним красовалась фотография: три женщины и девочка стоят возле стола, уставленного выпечкой. Статья была за прошлый год.

«Волонтеры линии доверия «Больше некуда» собрали почти 300 фунтов стерлингов, продавая собственноручно изготовленную выпечку. Эта организация, действующая в нашем городе вот уже восемь лет, заработала такую сумму, установив прилавок на выставке на городском ипподроме. Представительница организации отметила: «Мы работаем на самофинансировании, и эти деньги помогут нам оплатить постоянно повышающиеся счета за аренду и другие расходы». На снимке (слева направо): Зои Паркер, Мэри Барнетт, Эффи Моррис и Лора Моррис».

Лора Моррис. Я увеличил фото и посмотрел на крайнюю справа. Вообще-то она выглядела вполне обычно и совсем не была похожа на старую кошелку, какой я ее воображал. Ее даже можно было счесть привлекательной. Изящная блузка и юбка в складку, волосы собраны в конский хвост, улыбка открывает идеально ровные зубы. Лицо и имя ее дочери Эффи показались мне знакомыми. Я поискал ее на «Фейсбуке», и когда увидел более четкое фото, вспомнил.

Я ввел в строке поисковика «Лора Моррис» и «Больше некуда» – и отыскал еще одну статью. «Высшая награда за благотворительный сбор». На снимке была та же самая женщина. Мужчина, сидящий в кресле на колесах, протягивал ей серебряный значок – за то, что она в одиночку собрала 50 тысяч фунтов в год – больше, чем кто-либо еще во всех филиалах.

«Я тружусь здесь вот уже несколько лет, поэтому знаю из первых рук, какую большую работу проделывает эта благотворительная организация, – цитировались в статье слова Лоры. – Требуется много упорной работы, чтобы собрать эти деньги: кулинарные и рукодельные распродажи, обращения к спонсорам... Я хотела бы поблагодарить своего мужа Тони и «Иншуранс уорлд» за спонсорскую помощь в благом деле».

Значит, замужем... Я прикинул, насколько расчетливой должна была быть эта женщина, чтобы запудрить мозги даже своему мужу. Хотя, возможно, он ее единомышленник. Возможно, он знает, чем она занимается, и закрывает на это глаза.

Был еще шанс, что все это дикая ошибка и что я просчитался. Может, Лора Моррис совсем не та Лора, с которой я говорил... Я уже собирался закрыть крышку ноутбука, когда последняя строка статьи привлекла мое внимание.

«Когда мы спросили, что Лора может сказать всем, кто намерен позвонить в «Больше некуда», она ответила:

– Мы здесь ради вас – в любом качестве, в каком вам нужны».

Именно та фраза, которую она сказала мне, когда я признался, что хочу умереть. Я «погуглил» – ее не было на сайте «Больше некуда» или где-либо еще. Собственные слова Лоры. Значит, с этой женщиной я сегодня разговаривал...

Я улыбнулся про себя, потому что теперь точно знал, как добраться до нее.

Глава 12

Я сидел на водительском месте в своей машине, припаркованной в нескольких метрах от офиса «Больше некуда» в центре Нортхэмптона. Припарковался на двойной желтой и примерно каждые двадцать минут замечал в зеркале заднего вида одну и ту же женщину из дорожной полиции, мрачно патрулирующую улицу. Каждый раз, когда она направлялась в мою сторону, проверяя номера машины при помощи электронного устройства, я заводил двигатель и объезжал квартал, а потом, когда она уходила, парковался на том же самом месте.

Я знал, что Лора Моррис дежурит сегодня – поскольку ответила мне с третьего звонка. Вот уж не подумал бы, что это случится так скоро. Но сегодня я не хотел разговаривать с ней. Сразу же прервал звонок, схватил куртку, ключи и телефон и помчался к их офису, чтобы дожидаться ее появления. И провел здесь почти все утро.

С интервалом в пару минут в здание вошли несколько человек. Я предположил, что вот-вот начнется новая смена. Вскоре после этого из офиса вышла Лора. Она посмотрела в безоблачное небо, вероятно, оценивая теплую майскую погоду, потом спустилась по бетонным ступеням с крыльца и прошла мимо моей машины. Я сравнил ее внешность с фотографией, распечатанной с сайта газеты, и уверился, что это та самая женщина. Голова кружилась от того, что я видел ее во плоти после стольких усилий, потраченных на поиски и вычисления. Я сжал кулаки и сделал глубокий вдох.

На ней были белые кроссовки и непромокаемая куртка, в руке она несла сложенный зонтик, который при желании мог поместиться в сумку, поэтому я предположил, что сегодня она не за рулем. Взял из пепельницы немного мелочи – на тот случай, если придется ехать на автобусе, – вышел

и начал преследование, не беспокоясь больше о дорожных патрульных. На миг задержался, когда Лора оглянулась, открыла свою сумку, достала сигарету и закурила.

Я смотрел достаточно детективов, чтобы знать, на каком расстоянии безопасно держаться. Скорее всего, Лора и не подозревала, что за ней следят, но рисковать было нельзя. Если я мог видеть ее, значит, и она могла видеть меня. Я надел наушники; если бы она обернулась снова, то увидела бы просто мужчину, слушающего музыку.

Лора шла, не ускоряя и не замедляя шаг, и хотя явно не занималась спортивной ходьбой, походка ее была целеустремленной. Я выслеживал ее примерно полчаса, прежде чем мы вошли в квартал жилых домов. Умеренно богатый район с протяженными участками под сады перед каждым домом, аккуратно подстриженными изгородями и лужайками, газонами, засаженными цветами.

Один дом выделялся среди остальных, словно медная монета среди серебряных. И Лора направлялась именно к нему. Стены его были тщательно выровнены и покрашены сливочно-белой краской, окна были совсем не такими, как в соседних домах. Везде оконные рамы были из коричневого пластика, с косыми переплетами; здесь же окна были современными, с темно-серыми рамами, стекла слегка затонированы. Лужайка вымощена плиткой, на ней хватило бы места для еще двух машин, помимо уже припаркованного желтого «Мини Купера». Под окном аккуратно рядами стояли терракотовые цветочные горшки. Хотя дом и сад были оформлены в едином стиле, они совершенно не соответствовали окружению.

Лора отперла двустворчатую входную дверь, и пока она переступала порог, я мимолетно отметил необычную расцветку стен в прихожей – с неравномерно расположенными темно-серыми и черными полосами. Подождал, пока она закроет за собой дверь, а потом, довольный, вернулся к машине.

На следующее утро в семь часов я вернулся на то же место – нужно было знать ее типичный распорядок дня. Припарковался на противоположной стороне улицы и стал ждать, потягивая из кружки остывший кофе.

Должно быть, я прибыл позже, чем ее муж уехал куда-то, потому что у дома был припаркован все тот же «Мини», который вряд ли принадлежал ему, если судить по веселенькому цвету. Когда полтора часа спустя Лора вышла из дома, за ее плечами висел ярко-розовый рюкзак; она куда-то направилась пешком.

Походка ее была стремительной. Я следовал за ней по другой стороне улицы, скрываясь за деревьями и машинами и попутно делая фотографии на камеру телефона. Лора остановилась у ворот Вестфилдской младшей школы и стала пристально смотреть на группу детей, которые со смехом бегали по игровой площадке. Махнула рукой одной из девочек, но та не заметила ее, и улыбка Лоры погасла. Перевела взгляд на группу других мам, стоящих у ворот; было похоже, что ей хочется присоединиться к их разговору. Но вместо этого она повернулась и пошла прочь, словно не хотела рисковать.

Лора шла, я фотографировал. Наконец она направилась по подъездной дорожке к большому белому зданию в несколько крыльев. Это здание было мне хорошо знакомо. «Что она здесь делает?» – удивился я.

Кингсторпский лечебный пансионат, где мой дед Пит обитал с тех пор, как после инсульта вся правая часть его тела осталась парализованной. Он едва мог двигаться или говорить. Мама и папа навещали его дважды в неделю, мы с Джонни – реже, особенно после смерти Шарлотты; я был слишком занят собой, чтобы вспоминать о нем.

Регистраторша, похоже, хорошо знала Моррис, потому что впустила, даже не спросив документы. Лора направилась по коридору и скрылась из виду.

Я стоял снаружи, переминаясь с ноги на ногу и не зная, что делать дальше. Не слишком ли я рискну, если последую за ней в здание? Может быть, но я должен был воспользоваться шансом.

– Здравствуйте, мне бы навестить Пита Спенсера, – сообщил я молодой женщине, сидящей за стойкой, и широко улыбнулся ей.

– Кем вам приходится мистер Спенсер? – спросила она с каменным лицом.

– Я его внук. Давно не был.

Она посмотрела на меня, словно говоря: «Знаю. Как вам не стыдно?»

По ее требованию я предъявил водительские права, и она протянула мне карточку посетителя, которую полагалось носить на шее на широком ремешке. Палата деда располагалась в крыле направо – там размещали пациентов с физическими недугами. Но Лора свернула налево. Я огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что меня никто не видит, потом повернул в тот же самый коридор. Не понадобилось много времени, чтобы найти ее.

Она сидела в общем зале, держа за руку мальчика, пристегнутого к креслу на колесах; Лора читала ему книжку, а он смеялся. Она переводила взгляд со страниц книги на его улыбку – так, словно мальчик мог исчезнуть, если она хоть на миг уделит внимание чему-то еще. Только мать

может смотреть на своего ребенка с такой любовью. Она гладила его по руке и смеялась вместе с ним.

Я был захвачен врасплох и никак не мог совместить образ женщины, сидящей передо мной, с той, что всего пару дней назад предлагала мне совершить самоубийство. Еще пару минут я смотрел на них, чувствуя себя незванным пришельцем. Потребовалось напомнить себе, что наличие ребенка с инвалидностью не отменяло того, что она делала с уязвимыми людьми.

Я ушел так же незаметно, как и пришел, решив, что нужно все-таки навестить деда. Постучавшись в дверь палаты, вошел. Дедушка лежал с закрытыми глазами, и я окинул его пристальным взглядом. Он ничуть не напоминал того крепкого, плотно сложенного мужчину, которого я помнил по временам детства. Когда-то дед работал строителем. Помню, мне было девять лет, мы с Джонни играли в саду, а дедушка Пит лазал вверх и вниз по лестнице с корытцем раствора на плече, перекладывая крышу. Он поднял нас на самый верх, мы оседлали конек и стали махать руками проезжающим мимо автобусам и легковушкам. Потом мама вернулась с работы и кричала на него до тех пор, пока он не спустил нас вниз.

Прошло два десятка лет, и возраст – а скорее всего, привычка выкуривать по две пачки крепких сигарет в день – взял свое. Перенеся несколько инсультов, дед превратился в изможденную тень того силача, каким был когда-то.

На подвесных полках вокруг кровати стояли фотографии покойной бабушки Элси, мамы и папы; на стене висели детские снимки нас с Джонни, а в большой серебряной рамке – фото, где мы с Шарлоттой изображены в день свадьбы. Это застало меня врасплох.

– Привет, дед, это Райан, – тихо сказал я и взял его за руку. Кожа казалась тонкой, как бумага, фиолетовые вены выступали под ней, словно «лежачие полицейские» на дороге. – Извини, что давно не был.

Веки медленно приподнялись, и я видел, как взгляд молочно-серых глаз устремляется туда, откуда доносился мой голос. Отделы мозга, контролирующие речь и движения деда, были необратимо повреждены последним обширным инсультом, но он по-прежнему узнавал старшего внука. Левый уголок рта чуть приподнялся – дедушка пытался улыбнуться. Указательный палец мазнул по моей ладони.

– Лот, – пробормотал он. Я нахмурился и осторожно спросил:

– Что?

– Лот, – повторил дед и посмотрел куда-то мимо меня. – Лот. Ша. Ша. – Он глядел на свадебное фото.

– «Лот ша», – повторил я. – Ты имеешь в виду Шарлотту? – Палец снова коснулся моей ладони. – Мама сказала?

Я никогда не спрашивал, рассказала ли она ему о том, что случилось. Он движением пальца показал – «да».

– В последнее время дела идут не очень, – признался я. И прежде чем смог остановиться, выложил все: о смерти Шарлотты, о моей убежденности в том, что ее подтолкнули к самоубийству, и о том, что я нашел женщину, которая это сделала. Нужно было выговориться. – Мне страшно, дедушка, – продолжил я. – Страшно, как далеко я могу зайти, чтобы наказать эту женщину. Вот если б ты мог сказать мне, что делать...

Дед смотрел на меня так пристально, будто сожалел, что мозг не позволяет губам произнести целую осмысленную фразу. Наконец, приоткрыв рот, он захрипел; щеки и лоб сделались багровыми.

– Все в порядке, не надо, – попросил я. Я проявил эгоизм, вывалив все на него.

– Око, – выдавил дед. – Окоса... – Он молча молил меня понять его.

– Око, окоса... – повторил я, и тут до меня дошло. – Око за око.

Палец прижался к моей ладони, голова едва заметно качнулась в знак согласия.

– Спасибо, – произнес я и крепко сжал его ладонь обеими руками.

Глава 13

Четыре месяца и три недели после Шарлотты

Я выждал еще несколько дней, прежде чем снова позвонить в «Больше некуда».

Я вернулся после обеденной кружки пива в «Эбингтоне», где сидел с Джонни и папой, поддерживая миф о том, что медленно иду к выздоровлению. Они испытали явное облегчение, когда я сказал им, что скоро вернусь на работу. Я проработал на этом месте всего девять месяцев до смерти Шарлотты, после чего в течение почти пяти отсутствовал, так что сейчас сообщил своему начальнику Брюсу Аткинсону дату, когда я намерен приступить снова, и он сказал, что уладит все формальности. Мое возвращение должно было стать постепенным, а не одномоментным.

Но сегодня главным делом была Лора. Стремительный летний ливень промочил меня до костей, поэтому, едва вернувшись домой, я снял мокрую одежду, повесил сушиться в душевой на перекладину для занавески и с нетерпением взялся за следующий этап. Удача была на моей стороне: не

прошло и двух часов, как меня соединили с ней.

– Меня зовут Стивен. Вы, вероятно, не помните меня, но, мне кажется, вы та самая женщина, с кем я говорил недавно...

– Да, здравствуйте, Стивен. Именно я беседовала с вами и помню вас. Как дела сегодня?

– Всё в порядке, спасибо.

– Звучит более позитивно, чем в прошлый раз. Жизненные обстоятельства в чем-то изменились?

– На самом деле, полагаю, не особо. – Самым большим изменением было то, что теперь я знал куда больше о своей собеседнице.

– О, жаль это слышать. Тем не менее у вас хотя бы сегодня хороший день?

– Полагаю, да.

– Что ж, иногда после хорошего ночного сна мы просто просыпаемся утром, чувствуя, что наше отношение к жизни улучшилось.

– Но это не значит, что все плохое куда-то делось, верно?

Как будто нашего первого разговора и не было. Лора упирала на позитивные стороны жизни, и я гадал: только ли со мной она так беседовала? Может, она поступала так всегда – играла с людьми, чтобы понять, насколько серьезным было их желание умереть? Говорят, лучший способ свести собаку с ума – это гладить и бить ее за одни и те же действия, чтобы она никогда не знала, что получит от хозяина: ласку или таску. Я был ее псом?

Мы кружили друг вокруг друга, словно скорпион и змея, но никто не наносил удар. В конце концов, когда я отказался давать положительные ответы на любые ее вопросы, Лора ухватила приманку.

– Стивен, надеюсь, вы не против, если я скажу, что в начале разговора вы утверждали, будто у вас всё в порядке, однако по вашему тону трудно в это поверить.

– Наверное, у меня просто развилась привычка говорить, что всё в порядке, чтобы люди не беспокоились обо мне.

– Наш девиз – сохранять непредвзятое отношение. В разговоре со мной не нужно притворяться, будто вы что-то чувствуете, хотя на самом деле это не так. Есть ли что-то, о чем вы особенно хотите поговорить?

– Э-э... в прошлый раз, когда мы говорили...

– Я помню...

– Я сказал вам кое-что.

– Вы сказали мне много всякого.

– О том, как я думал о самоубийстве...

– Да, вы это говорили.
– Вы спрашивали, готов ли я это совершить.
– Не помню, чтобы я использовала именно эти слова, Стивен. Думаю, вы могли неверно истолковать то, что я вам сказала.

Это несколько сбило меня с толку.

– О...

– К какому заключению относительно самоубийства вы пришли с прошлого своего звонка нам?

Я пролистал свой блокнот, но не смог найти страницу, где записал то, что она говорила в тот раз. Пришлось блефовать.

– Я много размышлял. По сути, это единственное, что было у меня на уме, и я не мог перестать думать об этом. Вы правы: что бы я ни делал, ничего не изменится. И я по-прежнему буду чувствовать все то же самое.

– И как, по вашему мнению, вы можете избавиться от этих чувств?

Я не мог ринуться в это очертя голову. Она должна была считать, будто контролирует ситуацию.

– Не знаю.

– А мне все же кажется, что знаете, верно? Если быть предельно честным с самим собой.

– Да, – прошептал я. – Я готов. Я имею в виду, я хочу... я хочу умереть.

– Стивен, мне очень жаль прерывать наш разговор, но, боюсь, мне уже пора идти, моя смена заканчивается. К несчастью, не могу переключить вас на кого-нибудь из моих коллег, но если вы позвоните заново, уверена – кто-нибудь еще с радостью продолжит беседу с вами с того места, на котором мы ее завершили.

– Что? Но...

– Берегите себя, Дэвид, – произнесла она.

Звонок завершился. Я сидел, напряженно застыв в кресле, и слушал, как дождь барабанит в балконное стекло. Запустил пальцы в волосы, пытаюсь понять: а вдруг Лора, наши разговоры, все то, к чему она, как я считал, подтолкнула Шарлотту... вдруг все это только в моей голове? Может быть, скорбь, алкоголь и недосып заставили меня слышать то, что я хотел услышать? А если она увидела Райана за маской Стивена?

Нет, не могла. Скорее всего, испытывала меня, чтобы проверить, насколько я искренен и как далеко она может завести ситуацию.

И что, черт побери, за Дэвид?

До конца недели я в разное время дня парковался вблизи дома Моррис, чтобы следить за ней. Слежка не была для меня легкой. Наступила жара, и,

чтобы избежать теплового удара, приходилось либо опускать оконные стекла, либо постоянно включать кондиционер. Ближайшие общественные туалеты были давно закрыты, так что приходилось опустошать мочевой пузырь в переулках. Глаза болели от постоянного напряженного всматривания в зеркала заднего вида.

Когда Лора показывалась в поле зрения, я фотографировал ее за повседневными делами. Куда бы она ни пошла, следовал за нею, вынюхивая самые мелкие подробности ее жизни.

Иногда, когда она была дома, я следил взглядом сквозь тонированные стекла за смутным силуэтом, переходящим из комнаты в комнату. Почти мог разглядеть ее в просвет между занавесками на кухне, где она чаще всего сидела одна. Как-то раз, когда Лора не сразу задернула шторы с наступлением вечера, я стоял вблизи кухонного окна и смотрел, как она разговаривает с кем-то, кого я не мог видеть. Я гадал, кто еще мог быть дома.

Проверил по списку избирателей: она жила в доме с мужем Тони и тремя детьми младше шестнадцати лет – имена не упоминались. Я уже знал, что мальчик теперь проживает в пансионате; по моим предположениям, другим ребенком была Эффи, чью фотографию я видел в газете и на «Фейсбуке». Оставался еще один человек.

Найти Тони было несложно, вдобавок Лора упоминала о нем в интервью. Он владел страховой брокерской конторой, и его легко можно было опознать, поскольку карточка с названием его компании – и его фотографией – была прилеплена на боковом стекле его «Ауди».

Я только-только притормозил возле конторы, когда заметил, что он выходит из офиса. Проследил за ним так же, как следил за его женой, только в этот раз на машине. Когда мы останавливались перед светофорами, я фотографировал; когда же Тони вошел в спортивный зал, припарковался на другой стороне улицы. Переодевшись в майку и шорты, он пошел на тренировку, а я сидел в вестибюле, притворяясь, будто ищу что-то в интернете – хотя на самом деле фотографировал сквозь стеклянную стену, как он молотит боксерскую грушу.

Следующим пунктом слежки была Эффи...

К концу недели я точно знал, как именно намерен отобрать все, чего лишила меня Лора.

Глава 14

Пять месяцев и две недели после Шарлотты

Лора, похоже, узнала мой голос сразу же. В ее тоне звучало облегчение, почти признательность за третий звонок – как будто этим я ей что-то доказал.

Я нажал кнопку записи на диктофоне, и она вновь начала наш разговор строго по методичке. Не намеревалась проявлять ни излишней жесткости, ни излишних сантиментов. Но на этот раз я уже мысленно прикинул, о чем она может спросить, так что меня не удастся застать врасплох и мне не придется поспешно вешать трубку, как тогда. Я даже записал придуманную историю из жизни «Стивена», чтобы в нужный момент ввернуть ее. Лора должна была поверить в то, что он достаточно отчаялся, достаточно наивен и уязвим, чтобы им можно было манипулировать.

– Если вы видите, что лучше не становится, на какой оптимальный исход надеетесь? – спросила она спустя некоторое время после начала диалога.

Ради драматического эффекта я выдержал такую долгую паузу, какую только мог.

– Когда однажды утром я просто не проснусь.

– Не хотите просыпаться. Понимаю.

– Разве вы не собираетесь спросить меня, ради чего я живу?

– А вы хотели бы, чтобы спросила? Стали бы слушать меня, если бы я привела какие-нибудь причины?

– Нет, вероятно, нет.

– В первом нашем разговоре вы упоминали о том, что хотели убить себя, прыгнув на рельсы перед поездом...

– Передумал.

– О чем же вы думаете теперь?

– О повешении.

Я провел небольшое исследование в интернете и узнал, что это самый популярный способ для сведения счетов с жизнью. Лора пожелала узнать, насколько глубоко я это обдумал, почему выбрал этот способ, где я могу это осуществить и как именно. Я чувствовал, что мои ответы раздражают ее.

– Ваш метод включает в себя множество сложностей – если вы, конечно, остановитесь на нем, – прошипела она, но потом быстро вернулась к нормальному тону. – Но мы можем проработать всё в другой раз, если вы решите придерживаться этого направления.

Услышав эту фразу, я понял, что поймал Лору. Если бы был малейший проблеск сомнения в моих намерениях, она просто не сказала бы этого.

Баланс контроля изменился. Лора проглотила все, что я сказал, и

перестала пытаться говорить мне что-то о поиске позитивных сторон в жизни. Какое бы испытание она ни устраивала мне в эти несколько недель, я только что прошел его.

– Значит, вы поможете мне? – спросил я.

– Как я уже объясняла, моя задача не состоит в том, чтобы пытаться отговорить вас от чего-либо или внушить вам определенный образ мыслей. Я здесь только для того, чтобы слушать.

– А что, если... – Мой голос прервался. Это не входило в план – пока нет. Сердце отчаянно колотилось; я размышлял, пойти ли на риск и спросить ее напрямую. Приоткрыл рот, но помедлил в нерешительности.

– Дэвид, – спросила она, – вы еще на связи?

– Дэвид? – переспросил я.

– Извините, хотела сказать – Стивен. Вы сказали «что, если»...

«Твою мать, возьми и скажи!»

– Что, если вы будете со мной, когда я это сделаю?

– Если нужно, чтобы с вами кто-то был, то я с радостью выслушаю вас и составлю вам компанию.

– Я имел в виду – не по телефону.

Застал ее врасплох. Она точно знала, что я имел в виду, но ей нужно было, чтобы эти слова произнес я, а не она.

– Что, если бы я попросил вас, Лора, быть со мной, здесь, в моем доме, когда я повешусь? Вы пришли бы?

За вопросом последовала тишина. Каждый из нас слышал в трубке лишь тревожное дыхание собеседника.

– Не думаю, что такое уместно, – выдавила Лора. Пришлось быстро придумать, чем подкрепить свою просьбу.

– Мне нужно, чтобы вы были здесь, сказали бы мне, если я что-нибудь упущу, заверили бы меня, что всё будет в порядке... Присутствовали бы... ну, вы понимаете... в самом конце.

– Боитесь передумать?

– Нет-нет, я не передумаю. Просто вы вроде как поняли меня. – Я продолжал взывать к ее самолюбию, показывая, что она помогла мне за эти три разговора больше, чем сумели все психотерапевты за несколько месяцев. – Могли бы вы хотя бы подумать об этом? – закончил я.

– Не могу, Стивен. Извините, но вы просите меня сделать нечто незаконное и совершенно неэтичное. У меня могут быть огромные неприятности.

– Вы правы. Извините, мне не следовало просить о таком, – ответил я. – Больше не буду.

Я ухмылялся во весь рот, понимая, что завершаю разговор победителем. Мои планы относительно Лоры зависели от того, скажет ли она «да». Теперь оставалось только ждать.

Глава 15

Лора тревожилась, я это чувствовал. С того момента, как она ответила и я назвался, что-то в ее голосе подсказывало: она изо всех сил пытается держать эмоции под контролем. Но ее актерское мастерство не настолько хорошо. Я чувствовал: Лора не хочет, чтобы я знал, насколько она рада снова слышать меня, – и гадал, не была ли Шарлотта одурочена таким же замаскированным рвением.

Квартира вызывала приступ клаустрофобии, стены словно давили на меня, и я, взяв телефон и блокнот, направился в Эбингтон-парк. Смотрел, как утки дерутся за корку хлеба в самом маленьком из местных прудов, – и в этот момент снова ответила Лора. Я выжидал несколько дней после того, как спросил ее, не захочет ли она лично присутствовать при моей смерти. Хотел, чтобы моя просьба укоренилась в ее сознании, чтобы она как следует обдумала ее и – будем надеяться – согласилась.

Я начал с неискренного извинения за то, что поставил ее в неловкое положение.

– Честное слово, Стивен, я здесь не для того, чтобы вас осуждать. А для того, чтобы выслушать все, что вы мне скажете.

Ее дыхание было более рваным, чем обычно, она явно старалась держать интонации под контролем. Как будто хотела сказать мне что-то, но спорила с собой, должна говорить или нет. Мы поболтали еще немного, и я начал задавать вопросы о ней самой. Намеренно польстил ей, сказав, будто представляю ее похожей на актрису из «Голодных игр». Конечно же, я точно знал, как выглядит Лора, потому что в последние недели часто наблюдал за ней. Но когда она спросила меня о том, думал ли я обзавестись детьми, это оказалось неожиданностью.

– Вообще-то была одна женщина, с которой я подумывал создать семью, – произнес я. – Милая и добрая, и мне казалось, что она по-настоящему любит меня. Но неожиданно она исчезла из моей жизни.

Я надеялся, что чем более уязвимым покажусь, чем больше слабости она увидит во мне, тем сильнее захочет принять мое предложение.

Еще четверть часа мы беседовали о разных мелочах, и Лора уже не смогла сдерживаться.

– Я это сделаю, – произнесла она вдруг. – Если вы серьезно настроены покончить с собой, то я лично буду присутствовать при этом. – Она шептала, вероятно, боясь, что ее подслушают.

Я постарался, чтобы в моем тоне звучала признательность, хотя на самом деле ее готовность вызывала во мне одновременно восторг и отвращение. Лора начала объяснять, что работает только с людьми, которых, как считает, знает вдоль и поперек. Поэтому она ожидает, что я открою ей все аспекты своей жизни. Она намеревалась передать мне расписание своих дежурств, чтобы я в условленное время связывался с ней – минимум три раза в неделю. Только после этого мы сможем назначить дату моей смерти.

– Я буду с вами с самого начала и до конца, но это деловые отношения, – добавила она. – Мы оба должны выполнить свою часть работы, Стивен. Ваша задача – рассказать мне о себе, а моя – сделать так, чтобы ваш уход был мирным.

Первой шла проверка на настойчивость: я должен был убедить ее в том, что готов умереть. Вторым испытанием станет заставить ее на сто процентов поверить, что Стивен настоящий. И если будет хоть кроха фальши – Лора ее заметит, я знал.

Я должен был стать несравненным игроком, чтобы переиграть Лору в ее собственной игре.

Глава 16

Шесть месяцев после Шарлотты

– Узел должен располагаться высоко позади вашей шеи, чтобы по мере увеличения давления затянулся туже, – объясняла Лора. – Голос ее был тихим; иногда мне приходилось напрягаться, чтобы расслышать, что она говорит. – Когда будете практиковаться, убедитесь, что веревка, привязанная к балке, не соскользнет. Очень важно помнить об этом.

Она дала мне пять недель до дня, когда я должен убить себя. Ко второй неделе начала детально объяснять мне практические стороны того, как нужно вешаться. Я лежал на кровати, прижимая к уху телефон; согнутые колени устремлены вверх, словно горные вершины, блокнот я пристроил на бедре. Иногда рисовал закорючки и человечков. Сегодня изобразил их висящими на виселице. Похоже, Лора была довольна, когда слышала шелест бумаги или то, как я повторяю ее слова.

Дальше она посоветовала мне испытать веревку на прочность и

подложить что-нибудь, чтобы удавка не врезалась в шею и не вызвала кровотечение. Объяснила, где именно следует расположить узел и как его завязать. Похоже, хотела удостовериться, что смерть будет чистой и по возможности безболезненной. Я не мог понять, почему женщине, которая так охотно согласилась увидеть мою гибель, есть дело до того, будет ли мне больно, когда я буду висеть в петле. Какая ей разница?

Пока Лора говорила, я закрыл глаза и представил, как она, сгорбившись, сидит за столом в офисе и шепчет в трубку, балдея от того, что дает мне указания по сведению счетов с жизнью, – в то время как вокруг полным-полно людей, понятия не имеющих, чем она занимается.

Иногда мы вели разговоры о более повседневных вещах. По сути, моя грядущая смерть и то, как я намерен добиться ее, занимали менее четверти времени наших бесед. Лора хотела знать подробности моей жизни, от моих отношений с родными и близкими до любимых блюд и фильмов, какая музыка должна играть на похоронах, расспрашивала о бывших девушках... да обо всем на свете. Я верил, что она питает искренний интерес к моим рассказам. Она словно хотела выжать все из нашего совместного времяпровождения, чтобы с идеальной точностью представлять, кто будет умирать у нее на глазах.

Временами я даже начинал гадать, не ошибся ли я на ее счет: вдруг Лора – просто скусающая домохозяйка с непомерно развитой фантазией? Вдруг она просто хочет посмотреть, как далеко может зайти дело, прежде чем кто-то из нас сдастся и признает, что это всего лишь розыгрыш? Однако время шло, день «самоубийства» приближался, а Лора не проявляла никаких признаков желания выйти из игры.

Изображать человека, готовящегося лишиться себя жизни, оказалось труднее, чем представлялось. Это отнимало уйму времени и сил, и мне приходилось записывать каждую ложь, скормленную Лоре. Блокнот превратился в биографию человека, которого никогда не существовало.

– Можно вопрос? – начал я во время очередного разговора.

– Да, конечно, – ответила Лора.

– Можете рассказать что-нибудь о себе? Необязательно слишком личное.

Она помолчала, потом поинтересовалась:

– Зачем?

– Затем, что я хочу больше знать о человеке, которому небезразличны такие люди, как я, – настолько небезразличны, что вы помогаете им.

– Что бы вы хотели узнать?

Я знал, где она живет и где работает. Видел ее родных. Выслеживал ее

во время походов по любимым магазинам. Смотрел, как она читает книги сыну-инвалиду. Лора казалась совершенно обычной женщиной. Но я даже отдаленно не мог понять, почему она делает то, что делает.

– Можно спросить – делали ли вы подобное для кого-то еще? Были ли другие, такие, как я?

– Да, были и другие.

– Можете рассказать мне о них побольше?

– А вы хотели бы, чтобы следующий человек, которого я выберу, узнал о вас?

– Нет, вообще-то нет.

– Тогда вам следует уважать чужое право на частную жизнь и смерть.

Это был наш двенадцатый разговор, так что я уже достаточно разобрался в ее интонациях и мог определить, когда ей становилось не по себе. Но у меня оставалось не так много времени, и я поставил на то, что она слишком много вложила в меня, чтобы ее отпугнула моя фамильярность. Вместо этого Лора объяснила мне, что все люди разные, поэтому к каждому она находит индивидуальный подход. Она словно кроила каждое самоубийство по мерке того, кто к ней обращался. И даже старалась избегать самого слова «самоубийство», как будто не хотела произносить его вслух.

– С этой жизнью трудно справиться в одиночку, – продолжила Лора. – Некоторые сворачивают на окольные тропки, и им требуется помощь, чтобы вернуться на правильную дорогу. Другие хотят совсем сойти с дороги – и я помогаю им в этом.

Я подумал о Шарлотте и о том, что если бы Лора убедила ее задержаться на дороге подольше, то сейчас я смотрел бы, как мой четырехмесячный сын играет с мягкими игрушками на полу в детской. И не строил бы планов того, как покончить с женщиной, которая лишила жизни этого ребенка и его мать.

– Вы когда-нибудь задумывались постфактум о том, что могли в ком-либо ошибиться? Что человек, которому помогли, возможно, должен был задержаться в этом мире еще на какое-то время?

– Нет, – сразу же ответила она. – Все приходят ко мне добровольно, как пришли вы. Я никогда не жалела – и никогда не пожалею – о том, что делаю.

У меня было предчувствие, что вскоре Лора будет думать об этом совсем иначе.

Глава 17

Семь месяцев и одна неделя после Шарлотты

Настал день расплаты Стивена.

Вскоре после полудня я протопал по заросшей лужайке к коттеджу, который купил, чтобы сделать жене сюрприз.

Бело-синяя табличка с надписью «Продано» все еще торчала на кольшке, вбитом в землю, поэтому я вырвал его и отбросил за кусты. С оконных рам хлопьями облетала краска. Цементные полоски между кирпичами потрескались и нуждались в подновлении. Некоторые из плиток серой шиферной черепицы перекошились – их нужно было заменить или пристроить на место, пока крыша не начнет протекать. Семь месяцев я не был здесь, и это вдобавок к четырем с половиной годам, пока тут вообще никто не жил; чертополох и крапива высотой в два фута, заполонившие газоны, смыкались с одуванчиками, под которыми не было видно гравия на дорожке.

Родители дали мне займ в тридцать тысяч фунтов, чтобы сделать первый взнос, остальное покрывала ипотека. У нас с Шарлоттой были кое-какие сбережения, чтобы оплатить срочный ремонт, – а остальное, как я рассчитывал, мы могли бы сделать постепенно. То была обоюдодовыгодная ситуация – отец любил работать руками, а в родительском доме уже нечего было улучшать, и ему не терпелось взяться за новый проект. Он сэкономил бы нам огромные деньги, которые в противном случае пришлось бы заплатить рабочим.

Но дом, который таил в себе такие перспективы, не получил ни единого шанса их раскрыть, потому что Шарлотта покончила с собой в тот самый день, когда я получил ключи от него. С тех пор я не мог заставить себя даже проехать мимо этого места, не то что зайти внутрь.

– Думаете купить его? – спросила женщина, выгуливавшая крошечного, чуть больше крысы, песика; она как раз шла мимо, набросив на голову шарф.

Я покачал головой.

– Нет.

– А жаль, – пробормотала она, прежде чем уйти. – Он мог бы снова стать хорошим семейным домом...

От брошенного вскользь замечания в горле встал ком. Когда-то я был уверен, что этот коттедж действительно станет домом для моей семьи. И даже сейчас полагал, что когда-нибудь в нем действительно будут жить

люди, любящие друг друга. Но не сегодня. Сегодня мне предстоит разобраться здесь с Лорой Моррис.

Вернувшись к машине, я достал веревку, лампочку, три картонные папки, набитые фотографиями Лоры и ее родных, и два мотка клейкой ленты, и отнес все это ко входной двери. Нерешительно отперев замок, толкнул дверь. Я уже оплатил повторное подключение электричества, так что, когда щелкнул выключателем, в прихожей зажегся свет. Скучная старая мебель, оставшаяся от прежних жильцов, была покрыта толстым слоем пыли – однако в основном дом был пуст.

Я принялся за работу и оклеил все стены в спальне фотографиями – не осталось ни единого свободного клочка. Потом ввернул в патрон тусклую лампу, чтобы Лора не сразу увидела эти снимки; несколько раз прошелся вверх-вниз по лестнице, запоминая, какие ступени скрипят, чтобы потом не наступить на них. После этого потратил двадцать минут, завязывая и перезавязывая петлю, пока она не оказалась именно такой, какой должна быть; затем подвесил веревку к деревянной балке. Лора заслужила то, что я планировал для нее, у меня не было в том сомнений. Но я не собирался убивать ее. Я хотел, чтобы она созналась в том, что сделала с Шарлоттой, а потом намеревался напугать ее, внушить ей мысль, что она не выйдет из этой комнаты живой. Я бы отпустил ее – но хотел, чтобы она знала, что ее действия имеют последствия. Может быть, это ее остановит...

Я уселся на полу в спальне. В заранее условленное время Лора позвонила мне на одноразовый мобильник, чтобы узнать, где я живу.

– Точно знаете, что никто не может неожиданно прийти туда? – спросила она.

Впервые с момента разоблачения «Героини» я услышал в ее голосе неподдельный страх.

– Да... никто, – ответил я своим обычным печальным тоном.

– И помните о том, что входная дверь должна быть открыта, а свет – включен?

– Помню. Вы мне не доверяете?

– Конечно, доверяю. Но вы – человек, а человек по природе своей забывчив. Мне нужно удостовериться, что вы внимательно выслушали все сказанное и что не будет никаких сюрпризов или затруднений. Теперь перескажите мне еще раз весь порядок действий.

– Вы приедете ровно в восемь вечера. Если увидите что-либо подозрительное или вам станет не по себе, сразу же уедете. Я буду один в своей спальне, вторая дверь налево с площадки второго этажа. Веревка будет закреплена на балке, узел завязан в точности так, как вы мне

говорили. Потом вы пронаблюдаете, как я влезаю на стул и делаю шаг с него. Когда убедитесь, что я мертв, вы уйдете.

– Хорошо. И еще, Стивен: я не говорила вам этого раньше, но спасибо за то, что попросили меня побыть с вами. Было приятно разговаривать с вами в последние несколько недель. Если у вас есть какие-то сомнения, просто продолжайте напоминать себе, ради чего вы вообще искали меня. Вместе мы исследовали каждую тропинку, прежде чем вы решили, что это единственный разумный путь. Вы двигаетесь вперед и позволяете всем, кого любите, делать то же самое. И я очень уважаю вас за это.

– Спасибо, – ответил я. Ее речь прозвучала заученно, и я задумался – не говорила ли она эти же самые слова Шарлотте?

Было почти восемь, уже темнело, когда я, стоя позади разросшихся кустов туи в саду, увидел Лору. Она не могла заметить меня. Я затаил дыхание, глядя, как ее машина останавливается у обочины. Мой взгляд был прикован к пальцам Лоры, сжимавшим руль. Она ждала, не зная, последовать ли зову сердца и войти в дом, или же послушаться разума и убраться подальше отсюда. Некоторое время озирала коттедж – насколько могла видеть с того места, на котором стояла.

«Она здесь. Действительно здесь. Лора Моррис здесь, потому что хочет видеть, как я умираю».

Я сжал кулаки, страстно желая, чтобы Лора вошла в дом. Оглядевшись в последний раз по сторонам, она открыла дверь, оставленную незапертой, и спустя несколько секунд вернулась, чтобы подпереть ее стулом. Желудок крутило, как будто мне отчаянно требовалось посетить туалет.

Я дал ей время на то, чтобы подняться наверх, как мы и условились, а затем последовал за ней, стараясь не наступать на скрипучие ступени. Из темноты коридора наблюдал, как она в испуге срывает со стен фотографии. Бесшумно переступил порог комнаты, и когда заговорил, Лора обернулась на мой голос, широко раскрыв глаза. Я сделал шаг вперед, и она отступила.

– Что... что вам нужно от меня? – спросила она тоном, которого я никогда прежде не слышал от нее. Она даже не пыталась скрыть страх.

Я двинулся к ней, чтобы напугать ее еще сильнее, и сообщил, что хочу ее признания: зачем она так поступает с уязвимыми людьми? В ответ Лора выхватила из кармана пальто что-то похожее на кухонный нож и слабо помахала им перед собой. Ей не хватило бы смелости воспользоваться им, и именно это я ей сказал.

Неожиданно я ощутил характерный запах мочи и понял, что она в панике опорожнила свой мочевого пузырь. Кольнуло чувство вины, но я вспомнил, до чего она довела Шарлотту, для чего приехала сюда – чтобы

увидеть, как я умираю. Я приблизился еще на шаг.

– Видишь веревку? – спросил я. Конечно же, она видит. – Не я сегодня буду висеть в петле, а ты.

Несколько секунд единственным движением в комнате была дрожь ее вытянутой руки с зажатым в пальцах ножом. Но потом я нарушил эту неподвижность. Схватил Лору за запястье, потом резко развернул и заломил ей руку. Она закричала от боли, нож упал на пол, и я потащил ее через комнату к петле.

Наброшу петлю ей на шею, а потом, когда она начнет умолять о пощаде и просить прощения, когда окажется в самом жалком положении, какое только можно представить, – отпущу. Завтра передам записи наших телефонных разговоров начальству в «Больше некуда» – и пусть с ней разбираются они и полиция.

Вот только я не подумал о том, как буду надевать петлю. Когда я отпустил ее руку, она воспользовалась моментом, ударила меня локтем по яйцам и с силой пнула в лодыжку. От боли я рефлекторно разжал руки, и это дало Лоре возможность вырваться, поднять с пола нож и пырнуть меня в живот.

Чистое везение – для нее, конечно. Сначала я не ощутил боли – только давление лезвия. Боль пришла тогда, когда я прижал ладонь к ране и почувствовал, как кровь стекает за пояс джинсов. Я ощутил слабый толчок воздуха, когда Лора наклонилась и вырвала нож из раны; упал на бок и услышал ее удаляющиеся шаги. Потом на лестничной клетке раздался громкий стук – словно она упала. Я прислушался, молясь, чтобы она не сломала шею, и в панике соображая, что делать с трупом. Потом вдруг внизу снова раздался шорох, и я услышал, как Лора, спотыкаясь, выходит из дома; загудел двигатель автомобиля, и машина, сорвавшись с места, умчалась прочь.

Я лежал в комнате – один, окруженный ее фотографиями, приклеенными к стенам и теми, что она сорвала и раскидала по полу.

Мы недооценили друг друга, и она переиграла меня. Пока, во всяком случае.

Часть II

Глава 1

Лора

Я глубоко вдохнула запах сандала, исходящий от ванны с пеной, и сместилась чуть вперед, пока теплая мыльная вода не скрыла грудь, дойдя почти до подбородка.

По краям ванны были расставлены семь свечей с ароматом ванили; время от времени тишину в помещении нарушал резкий треск горящего фитиля.

Я начала медитацию, сосредоточившись на ощущении, как вода согревает мою кожу, что чувствую, когда приподнимаю ступню и дотрагиваюсь кончиками пальцев до пены на поверхности, как моя спина прилегает к ванне. Сосредоточилась на дыхании, сделала его медленнее и глубже – чтобы приподнимались и опадали не плечи и грудь, а живот. Потом, достигнув пика расслабления, толкнулась вперед, открыла рот и погрузила голову, втягивая воду, пока та наконец не хлынула в легкие.

Мозг мгновенно отреагировал на это, требуя, чтобы я вынырнула и откашлялась, но я боролась с этим инстинктом и оставалась под водой, дергаясь, точно попавшая в сеть рыба. Почувствовала, как сжимаются мышцы гортани и начала отсчет – сколько кислорода осталось в крови. Глаза жгло, но я удерживала их открытыми и смутно различала размытое синее пятно – полотенца, висящие на батарее. Потребовались все силы, но я провела под водой еще немного, пока жжение в груди не стало невыносимым. С кружащейся головой вынырнула и свесила голову за край ванны, отчаянно срыгивая воду и желчь на плиточный пол. Уверена, что оставалась под водой немного дольше, чем в прошлый раз.

Придя в себя, я вылезла из ванны, шагнула к запотевшему зеркалу, протерла его фланелевой тряпочкой и уставилась на отражение. Прошло шесть недель после столкновения со Стивеном и падения с лестницы в его доме. Синяки под глазами, разбитая губа, ободранное ухо и ссадины на щеках зажили куда быстрее, чем мне хотелось. Я небрежно нанесла макияж, чтобы следы того вечера были по-прежнему заметны, и с силой ущипнула себя за места, где еще виднелись синяки, – чтобы те оставались такими же яркими.

Я была готова вернуться к работе героиней.

Историю о нападении я придумала практически сразу же после того, как сбежала из коттеджа Стивена, и это было отчаянное, поспешное решение – однако чертовски удачное. Оно дало мне алиби и сблизило с мужем.

Сначала я даже не пыталась осмыслить, что ударила ножом человека. Я была в шоке; нужно было вернуться домой, где все было знакомым и безопасным. Руки и голова уже начали чувствовать боль от падения с лестницы, но я пыталась вытеснить ее из сознания, прибавляя скорости. Потом в плечах зародилась холодная дрожь, распространяясь на все конечности, и в конце концов тело стало казаться ледяным. Как я могла оказаться столь глупа, что даже не подумала о подобной ловушке? Стивен так много знал обо мне; бог весть как давно он меня преследовал...

Я не замечала красные сигналы светофоров до тех пор, пока не услышала, как мне гудит другая машина – протяжно, настойчиво. Ударил по тормозам и боком заскользила через перекресток, в то время как другой водитель резко повернул, чтобы объехать меня, и въехал на тротуар. Я не стала ждать реакции окружающих и извиняться, вместо этого только прибавила газу.

Свернув на скорости на боковую дорогу, остановилась перед рядом потрепанных домов с террасами. Сидела, пытаюсь выровнять дыхание и твердя себе, что все будет в порядке.

«Но ведь не будет, ты это понимаешь? – спросил мой внутренний голос. – Ты только что ударила человека ножом. А если он умер?.. Значит, ты – убийца».

Меня тревожило не то, что я могу быть в ответе за смерть этого человека. Но если я его убила, в коттедже найдут улики, связывающие меня с ним. Я только-только начала срывать со стен фотографии, когда меня остановило его неожиданное появление. Оставалось еще много...

Неожиданно меня осенило: единственный способ выбраться из этого – предстать жертвой, а не преступницей.

К тому времени как я оставила машину перед офисом «Больше некуда», уже наступила ночь. Потом я бросилась бежать по улице; в голове прояснилось достаточно, чтобы я могла удостовериться, что не попадаю в поле зрения камер наблюдения. Я добежала до Ипподрома – большого парка площадью в 120 акров, где фонарей было катастрофически мало. Найдя особенно темное и уединенное место, проверила время на телефоне и замерла в неподвижности, отсчитывая пять минут. Резкая боль обжигала лицо подобно кислоте, в ушах звенело. Хотелось рухнуть на землю и зарыдать от боли.

– Не сдавайся, – пробормотала я себе под нос и сжала зубы. Когда прошло пять минут, сделала глубокий вдох и побежала обратно на открытое место – по тропинке, ведущей к оживленной дороге, мимо магазинов и столбов с камерами.

– На меня напали! – сквозь слезы сообщила я дежурному офицеру в полицейском участке на Кэмпбелл-сквер. Не нужно было даже притворяться, будто меня бьет дрожь; полицейский видел окровавленное лицо и руку, словно угодившую в мясорубку. Он вызвал свою коллегу, и молодая женщина в форме усадила меня в кресло.

– Вам требуется срочная медицинская помощь? – мягко спросила она. Я помотала головой.

– Нет, он не... изнасиловал... меня. Я сбежала, он не успел.

Женщина отвела меня в комнату для допросов в дальней части здания, и следующие два часа слились для меня в одно размытое пятно. Я словно уступила контроль над своим телом, мозгом и речевым аппаратом кому-то другому. Стала свидетелем, который слушал, как мой язык громоздит одну ложь на другую.

Я объяснила, что шла из офиса «Больше некуда» через парк, когда кто-то схватил меня сзади и швырнул на землю. Было слишком темно, и я не видела его лицо – даже тогда, когда он перевернул меня на спину и несколько раз ударил по лицу, а потом вцепился в плечи. Я видела в его руке нож, но каким-то образом сумела ударить нападавшего коленом в пах, вырваться и убежать.

На место преступления отправили патрульный наряд, составили протокол, показания были записаны, раны – сфотографированы. Я поколебалась, когда меня попросили снять одежду для осмотра, особенно с учетом того, что после этого меня облачили в мешковатый казенный костюм.

Теперь я была жертвой преступления. И если меня когда-нибудь свяжут с тем, что случилось в коттедже, будет алиби – я находилась совсем в другом месте. Если этот план провалится, я скажу, что Стивен был клиентом нашей линии, к которому я прониклась состраданием, – а он заманил меня к себе домой посредством отчаянных угроз покончить с собой. Хотя с моей стороны это было непрофессионально, но я тревожилась за его жизнь. Потом он напал на меня, и я убила его, защищаясь. Мои тылы были прикрыты.

Но эти несколько часов, проведенные в участке, имели и другую цель – наладить отношения с Тони. Уже за полночь муж, встревоженный звонком дежурного офицера, приехал в участок. Едва он увидел, что жена

сильно избита и вся дрожит от пережитого, отчуждение, длившееся больше года, мгновенно растаяло.

– Тебе больно? – спросил он, обнимая меня за плечи и машинально целуя в макушку. Губы были мягкими, словно земляника, но я вздрогнула, потому что после падения с лестницы любое прикосновение причиняло мне боль. – Что случилось?

Я изобразила, будто борюсь со слезами, но безуспешно, и уткнулась ему в шею, глубоко и неровно дыша. От его кожи исходил запах лосьона после бритья, которым он пользовался накануне. Полицейский объяснил Тони, что случилось со мной.

– Можешь отвезти меня домой? Пожалуйста... – попросила я.

Мы уехали, оставив номера своих телефонов; мне было велено на завтра показаться врачу, если я почувствую себя хуже. Через четверть часа Тони остановил машину на подъездной дорожке у нашего дома.

– Девочки знают о том, что случилось? – спросила я.

– Нет, я не хотел их пугать и тревожить. Оставил Эффи записку на тот случай, если она проснется. Написал, что все объясню утром. Где твоя машина? Ее нет возле дома.

– Оставила у офиса, – ответила я.

– Почему ты ходишь домой пешком после вечерних смен? – спросил Тони, словно пытаюсь скрыть, как он раздражен моим неблагоразумием.

– Хочешь сказать, что я сама виновата?

– Нет, я совсем не это имел в виду... Пойдем в дом.

Тони помог мне выбраться из машины и поддержал за талию, осторожно помогая подняться на крыльцо и переступить порог. Его прикосновение казалось волшебным. В прихожей он устремил взгляд на стены и оглядел их по очереди, прежде чем посмотреть на меня. Я знала, о чем он думает.

– Я просто хочу спать, – тихо произнесла я и отвернулась.

Тони помог мне подняться наверх, где я переоделась в пижаму и заползла в постель.

– Не останешься со мной на ночь? – спросила я.

Муж неловко посмотрел на меня и начал:

– Лора...

– Только сегодня, – сказала я. – Мне страшно, и нужно, чтобы ты побыл рядом.

Тони кивнул, и я откинула покрывало с его половины кровати, приглашая лечь. Он выключил лампу, стоящую на тумбочке, но вместо того, чтобы улечься в постель, сел в кресло в углу комнаты. Это был

прогресс: по крайней мере, мы спали в одной комнате. Несмотря на боль, я погрузилась в спокойный сон, зная, что он рядом, только руку протяни.

Когда я проснулась поздним утром, Тони уже ушел. Написал мне сообщение, что дошел до «Больше некуда», забрал мою машину и припарковал у дома; еще он известил, что вернется к полднику. Мне предстояло провести одной семь часов. Вот только я не была одна, потому что Стивен неизменно присутствовал в моих мыслях. Может, он все же жив и лежит в своем коттедже, истекая кровью? Или умер спустя несколько минут после того, как я выдернула нож из раны? Я должна знать правду.

Я села в машину, доехала до деревни и медленно приблизилась к дому. Заперев двери авто, попыталась унять дрожь в руках. Нигде не было видно полиции, дом не обнесли лентой. Входная дверь, которую я оставила открытой и подпертой стулом, была закрыта, свет в спальне наверху не горел – значит, после моего бегства что-то произошло. Неожиданно дверь открылась, и на крыльцо вышел мужчина, намного старше Стивена. Я смотрела, как он взял садовый секатор и начал подстригать изгородь. Если бы тело Стивена лежало в доме, его уже нашли бы. Нет сомнений, Стивен жив.

Но это ведь означает еще больше проблем. Где он?

В последующие недели я постоянно была на взводе. Каждые два часа осторожно выглядывала в окно спальни из-за штор, сначала окидывая взглядом каждую припаркованную машину, потом – кусты и соседские окна, высматривая какого-нибудь человека или хотя бы его тень. Держала окна зашторенными и каждое утро и вечер проверяла, заперты ли они. Радио не включала; даже слабый скрип половиц под лапами кота пугал меня. Когда Тони не было, иногда запирала входную дверь, включала сигнализацию и пряталась в спальне. Из дома выходила только ради визитов к врачу – и то меня возил туда муж.

За утром следовал вечер, за неделей – неделя. Все это время я мучила себя, позволив образу Стивена взять контроль над моей жизнью и ожидая, когда он снова появится передо мной во плоти. Он присутствовал в еде, которой я питалась, в вине, которое я пила, чтобы уснуть, в лице каждого незнакомца, проходящего мимо нашего дома. Это пугало меня больше всего: он знал обо мне так много, а я знала только, как он выглядит.

Свобода, прежде принимаемая мною как должное, была отнята. К тому же мои действия подвергли опасности Генри – ведь Стивен знал, где он живет. Я боялась снова навещать сына и рисковать им. Каждый день звонила в пансионат, и нянечка держала трубку у уха Генри, чтобы тот мог слышать мамин голос; но это было совсем не то же самое, что личная

встреча.

Без якоря я пустилась в дрейф и потеряла цель. Как-то утром, принимая ванну, задумалась о том, что было бы, если бы я, а не Шарлотта была с Дэвидом в тот день, когда он шагнул с обрыва? Что он испытывал, утопая в морских волнах?

Я держала голову под водой и пыталась представить, каково не иметь ни крупицы контроля ни над чем: ни над температурой воды, ни над течением, утаскивающим тело все глубже, все дальше от берега, ни над болью от падения с высоты. Вдыхала воду носом и ртом, и это было так болезненно, что я почти сразу же выныривала. Но мне казалось, будто это единственное, что я могла контролировать в своей жизни после того вечера в коттедже. И так будет всегда, если я снова не обрету власть над собой.

«Это не ты. Ты – боец. Нужно собраться».

Я начала думать обо всех, кто страдал без моего руководства. Думала о Тони, о девочках, о Генри, о том, как тяжело им приходится, пока я прячусь от всего мира, – и это значило, что Стивен выиграл.

Я не могла позволить, чтобы это длилось и дальше. Выбралась из ванны, сделала несколько глубоких вдохов и почувствовала на лице теплые лучи солнца, вливающегося в окно. Лоре настало время вернуться.

* * *

Утром того дня, когда вернулась в «Больше некуда», я еще раз внимательно посмотрела на себя в зеркало в прихожей, одернула блузку, поправила волосы так, чтобы упругие пряди красиво обрамляли лицо. Тщательно подобрала одежду для этого дня: изящный брючный костюм, говорящий «боец», а не «жертва».

Несмотря на то что до офиса было полчаса пешком, я поехала на машине, чтобы показать всем – не говоря этого вслух, – что все еще боюсь ходить одна. По прибытии в офис собралась с духом и заглянула в кабинет Джанин.

– Рада снова видеть тебя, – произнесла та, без энтузиазма пожимая мне руку.

– Спасибо, – ответила я.

Коллеги, не занятые звонками, потянулись ко мне. Как бы противно мне ни было принимать их объятия и быстрые поцелуи в щеку, я вытерпела. Заверила всех, что с каждым днем мне становится лучше, что справляюсь как могу.

Мне не позволили сразу же вернуться на линию. Наша работа требует большой эмоциональной отдачи, и мы должны быть в хорошей форме, чтобы относиться к клиентам непредвзято. Но я убедила начальство: то, что не убило меня в ту ночь, сделало меня сильнее. И наконец – так же, как тогда, когда я вернулась после лечения от рака, – мне позволили сидеть вместе с Мэри и слушать ее разговоры, чтобы я заново могла освоиться с обстановкой в «Больше некуда».

Через месяц меня сочли достаточно оправившейся, и я начала с трех смен в неделю. Ко мне вернулась уверенность – если Стивен хотел добраться до меня, я готова. Я вышла из укрытия. И надеялась, что смогу выманить и его. Он приложил столько усилий, чтобы разоблачить меня; теперь моя очередь сделать то же самое с ним.

Я ждала его следующего шага.

Глава 2

Райан

Было странно больше не говорить с Лорой.

Часы, встроенные в стереосистему машины, показывали 7:40 утра; несколько месяцев назад я в это время составлял записи, готовясь к нашему очередному разговору. Три раза в неделю «Стивен» звонил ей и подробно рассказывал о своей жизни, как Лора и просила. Некоторые подробности, приходившие на ум, я записывал в блокнот или в телефон. Но когда говорил об отчаянии и беспомощности, то были скорее мои чувства, чем его. Я больше времени потратил на то, чтобы открыть душу Лоре, чем на беседы с родными и друзьями. Это напоминало стокгольмский синдром – вот только человек, к которому у меня выработалась психологическая привязанность, даже не держал меня в заложниках.

Я был ее проектом, а она – моим; она хотела, чтобы я умер, а я хотел, чтобы она перестала разрушать жизни других людей. И хотя я не позволял себе забыть о том, что она несет в себе зло, начал понимать, что такого нашла в ней моя жена. С Лорой было легко говорить, и мы в некотором смысле давали друг другу цель. У нас установились извращенные, созависимые отношения, основанные на моей лжи и ее безумии. Некоторые люди создают и поддерживают даже семейные узы на более шатких основаниях.

Но теперь между нами не осталось ничего, кроме молчания. Возникло чувство, будто умер еще кто-то, бывший мне опорой в жизни.

Я припарковался у школы на зарезервированном за мной месте, достал с заднего сиденья сумку и стопку папок и направился в здание. Одна папка выскользнула из рук и упала. Наклоняясь, чтобы поднять ее, я ощутил тянущую боль в животе. Я так долго пробыл вне работы, в основном в обществе родных и немногочисленных друзей, и теперь мне нужно было снова привыкать к многолюдному окружению. Но с течением времени было все проще и проще.

Родители и Джонни были рады, что я возвращался к обычной жизни. По вечерам я встречался с друзьями, собирался опять присоединиться к футбольной команде воскресной лиги^[13] и снова начал ходить в спортзал. Они считали, будто я становлюсь прежним. Но понятия не имели, что человек, которого они знали, похоронен рядом с Шарлоттой.

Я шел по коридору, улыбаясь заученной улыбкой и кивая в знак

приветствия знакомым коллегам. Добравшись до кабинета, обнаружил записку от Брюса Аткинсона – с просьбой встретиться до того, как начнется мой рабочий день.

– Садись, садись, – сказал он и указал на пустое кресло, стоящее перед столом.

– Какие-то проблемы? – спросил я.

– Нет-нет, никаких проблем, Райан, – ответил он. – Просто хотел узнать, как идут дела после возвращения. Кажется, третий месяц пошел, так?

– Четвертый. Но дела, как мне кажется, идут нормально. Даже приятно вернуться к работе... это отвлекает.

– Да... э-э... я уверен, после того, что... случилось с... твоей женой... ну да. Я уверен, что тебе неплохо отвлечься.

Должно быть, Эбони из отдела кадров попросила его проверить, как я, потому что по своей инициативе Брюс не стал бы затевать этот неловкий разговор. Но в глубине души я забавлялся, наблюдая, как он вертится, словно уж на сковородке.

– А как у тебя отношения со всеми? – продолжил Брюс.

– Опять же, все хорошо.

Он кивнул, испытывая облегчение от того, что я не собираюсь доставлять ему проблем. Потом высморкался в хлопчатобумажный носовой платок.

– Просто чтобы ты знал: если, ну, ты понимаешь... если понадобится больше времени, чтобы... ну... или если я что-нибудь могу для тебя сделать, обращайся.

– Спасибо, – отозвался я и молча покачал головой, пока Брюс провожал меня до двери. Он был последним, к кому я обратился бы за помощью.

Я шел по коридору, понимая, что Брюс не единственный, кто понятия не имеет, как со мной теперь разговаривать. Если б Шарлотта умерла от рака или болезни сердца, люди могли бы лучше осознавать, каково это, потому что многие теряли близких подобным образом. Но когда существует некая незримая проблема наподобие психических заболеваний или самоубийства, люди не знают, как об этом говорить. Они предпочтут промолчать, чтобы не ляпнуть что-нибудь бестактное, глупое или неуместное. Однако это делало мою жизнь еще более одинокой.

Я снова ощутил тянущую боль в животе – там, где ножевая рана еще не до конца затянулась. Ощущение было не настолько болезненным, чтобы заставить меня вздрогнуть, но я все равно чувствовал эту рану. Я отсрочил

свое возвращение в школу на две недели, сказав, что мне требуется прооперировать грыжу. Скрыл тот факт, что на самом деле меня пырнула чокнутая мать старшеклассницы. Если кто-то заметит шрам, ложь об операции вполне объяснит его.

Я вспомнил, как Лора убежала из коттеджа в тот вечер, пока я лежал на полу, скорчившись и ощущая боль во всем теле от раны на животе.

Вскоре после того, как шум двигателя ее машины затих вдали, я понял: понадобится помощь. Я не мог вызвать сюда бригаду «Скорой» и подумывал позвонить родителям – однако как объяснить все это? Не было другого выбора, кроме как справиться самому.

Каждый шаг вниз по лестнице, а потом по дорожке к машине давался ценой огромной боли. Сев в салон, я прижал к ране платок, чтобы остановить кровотечение. Путь до приемного покоя Нортхэмптонской городской больницы занял пятнадцать минут, но они показались мне часами. Бросив машину на парковке для пациентов, я едва ли не ползком добрался до входа, а потом до стойки дежурной медсестры. Та, увидев, как я держусь за живот, а на рубашке расплывается кровавое пятно, сразу же отволокла меня в операционную.

Остаток ночи помню смутно. Надо мной хлопотали врачи, осматривая и стараясь стабилизировать состояние. Проверили пульс, надели кислородную маску, просветили рентгеном, смыли кровь и просканировали рану. Хотя я потерял некоторое количество крови, однако не так много, чтобы потребовалось переливание, и, по счастью, нож не задел ни желудок, ни другие жизненно важные органы, так что рану понадобилось просто зашить. Когда спросили о ближайших родственниках, я заявил, что живу отдельно и с родными не общаюсь.

На следующее утро в палату вошла женщина в медицинском халате и изящном костюме; она представилась как медсестра психиатрического отделения и тихим голосом спросила, каким образом я получил рану. Я сказал, что это результат неумелого обращения с инструментом при попытке содрать сгнившую доску в полу, но медсестру это, похоже, не убедило.

– Наш долг – сообщать в полицию обо всех случаях ранения, которые кажутся нам подозрительными, – сказала она.

– Нет, не надо, – отозвался я, чувствуя, как внутри нарастает паника. – Просто неловкость, честное слово. Хотел сэкономить деньги и сделать ремонт самостоятельно, не обращаясь к профессионалам, однако оказался слишком неуклюжим. Seriously; если не верите, отправьте кого-нибудь ко мне домой – и увидите, какой хаос я там устроил.

Я надеялся, она не раскусит мой блеф. Сестра продолжила задавать мне всякие вопросы, чтобы проверить, нет ли у меня проблем с психикой и не сам ли я намеренно нанес себе рану. В конце концов она ушла, а другая сообщила, что меня выпишут позже в этот же день, но кто-то должен отвезти меня домой, плюс мне следует принимать антибиотики.

Когда я увидел, как Джонни – незадолго перед тем как забрать меня из больницы – беседует все с той же сестрой из психиатрии, я понял: теперь она знает, что я солгал относительно своего отчуждения от семьи. Вдобавок мне пришлось солгать и брату.

– Значит, ранил себя, когда пытался самостоятельно делать какой-то ремонт в коттедже? – мрачно спросил он, сев за руль моей машины. – С каких это пор ты занимаешься такими делами сам?

– Решил попробовать. Наверное, не лучшая идея, а? – Я натужно засмеялся.

– В восемь часов вечера пытался ремонтировать дощатый пол ножом... Сам, один... – Он старался найти неувязки в моем рассказе.

– Спонтанное решение, и теперь я понимаю, что следовало оставить это папе. Ты же не сказал ему, верно?

– Если бы я ему сказал, он примчался бы в больницу вместе со мной. Терпеть не могу что-то скрывать от него или от мамы.

– Извини. Я идиот.

– Да, ты идиот. – Джонни помолчал, прежде чем заговорить снова, будто тщательно подбирал слова. – Скажи, что не сделал это нарочно. И что, несмотря на все дерьмо, которое случилось, у тебя хватит сил бороться дальше. Не позволяй тому, что произошло с Шарлоттой, убить тебя. Ты достоин большего.

– Конечно же, я не нарочно, – ответил я. Брат ничего не сказал, и я понял, что он не поверил.

Остаток пути мы проделали в неловком молчании; одной рукой я прижимал повязку на животе.

В этот момент я решил, что нужно поставить точку. Я получил то, что хотел, до полусмерти напугав Лору Моррис. Ей повезло удрать до завершения моего плана, и она оставила меня умирать. Значит, сейчас самое время связаться с начальством в «Больше некуда», пересказать историю и переслать записи. После этого я могу исчезнуть из жизни Лоры, зная, что она не навредит больше никому из тех, кто нуждается в сочувственном слушателе.

Но пока я примерно с неделю оправлялся от ранения дома, у меня была возможность обдумать случившееся. Да, я явно напугал ее, но этого

было недостаточно, чтобы заставить ее прекратить. Такие люди, как Лора, – рабы своих побуждений. Они делают всё, что хотят, и им плевать, кому от этого будет плохо. Я готов был поставить все свои сбережения на то, что пройдет немного времени, и «Героиня» снова примется обшаривать форумы в поисках новых потенциальных жертв.

Первая победа над ней, пусть и неполная, доставила ранее незнакомую мстительную радость. Нужно найти способ еще раз добраться до этой женщины.

Я открыл приложение «Фейсбука». Лора отняла у меня ту, кого я любил больше всех, и ей следует на своей шкуре испытать, каково это. Я поклялся отомстить ей другим путем.

И теперь, когда я вернулся к своей работе и обычной повседневности, есть способы подготовить возмездие...

Глава 3

Лора

Я изучала свое отражение в трех зеркалах примерочной, где не было камер наблюдения.

Стоя в лифчике и трусах, повернулась левым боком и с удовлетворением увидела, насколько плоским стал живот. Провела по нему пальцами вверх-вниз и попробовала захватить складки на боках – лишнего веса почти не осталось. Стрессовая диета оказалась куда эффективнее амфетаминов в таблетках для похудения.

Примерила одно за другим все пять выбранных платьев и была на седьмом небе от того, что теперь вполне комфортно чувствую себя в восьмом^[14] размере. Достала из кармана кусачки, срезала магнитную «звенелку» с платья, что мне понравилось больше всего, свернула его и сунула в пакет, а потом – в сумку. Отдала остальные платья ничего не подозревающей продавщице, которая только что нарисовалась возле примерочной, поблагодарила ее и ушла.

Прошла по третьему этажу торгового центра, спустилась на эскалаторе на первый этаж, поднялась по лестнице и снова вернулась к эскалатору. Все это время посматривала в витрины магазинов и стеклянные двери, проверяя, не идет ли кто за мной. Убедившись, что я одна, слегка расслабилась и направилась обратно к своей машине. Двадцать минут ждала на Эбингтон-стрит, пока освободится место для парковки, потому что на открытом месте было безопаснее, чем на многоэтажной подземной стоянке, где легко спрятаться между машин. Ни за что не позволила бы Стивену снова поймать меня в замкнутом пространстве.

Всякий раз, посещая центр города, я высматривала Олли. В прежние времена он иногда ошивался возле офиса в надежде встретиться со мной, а иногда я отыскивала его в регулярных местах обитания возле автобусных остановок. Но с тех пор как он выписался из больницы, от него не было ни слуху ни духу, и я начала опасаться худшего.

Заставила себя думать о чем-нибудь более приятном и, выезжая со стоянки, коротко улыбнулась мыслям о своем новом наряде. Это платье способно выразить все, что мне нужно выразить. Удобное, не слишком возрастное, оно открывало мои подтянутые руки и ноги в достаточной степени, чтобы внушить себе: Тони заметит усилия, которые я приложила, чтобы достойно выглядеть на встрече с классным руководителем Эффи.

Со времени «нападения» Тони проявлял больше интереса к моему состоянию, чем в течение многих месяцев до того. Он увидел меня именно такой, какой я желала выглядеть для него: слабой женщиной, все еще нуждающейся в ощущении безопасности, которое он дарил мне со времен нашей встречи в юности. Если бы я только додумалась сымитировать нападение на меня на пару лет раньше, может быть, между нами и не возникло бы подобного отчуждения. И все же вышло как вышло; хотя муж еще не вернулся в нашу спальню, теперь это было лишь вопросом времени.

На первые две недели после того жуткого вечера он отправил девочек к своим родителям, чтобы их не напугали мои травмы. Проводил время с ними, давая мне возможность излечиться – физически и психологически.

Однако я была удивлена тем, что он не условился вместе со мной пойти на встречу с руководителем класса Эффи. Напоминание пришло на мою электронную почту – школьное руководство впервые решило связаться со мной. Однако Тони ничего об этом не сказал. Быть может, он не хотел подвергать меня дополнительному стрессу, учитывая пережитое?

Элис почти не доставляла хлопот, была послушной и нетребовательной. А вот Эффи, судя по всему, оказалась весьма проблемной ученицей. Но, опять же, я узнавала это только по итогам родительских собраний, рассылавшимся по электронной почте; Тони встречался с учителями сам, меня никто не приглашал.

Муж настоял на том, чтобы Эффи перевели в старшую школу Сент-Джайлс, хотя не привел достаточно веских причин. В то время меня волновало только лечение от рака, так что все остальное я оставила на его усмотрение. Однако за последние несколько месяцев ее оценки катастрофически снизились. От твердых «А» она скатилась до «С» и даже «D»^[15], и, судя по всему, поведение ее тоже ухудшилось. Эффи часто спорила с учителями и даже грубила им. Больше не принимала участия в таких внеклассных мероприятиях, как игра в хоккей или драмкружок, и заметно отдалилась от друзей, которых успела завести.

Это больше всего удивляло меня, потому что в предыдущей школе Эффи была очень популярной девочкой. С детских лет я постоянно говорила ей «нет», когда она спрашивала, нельзя ли пригласить ее подруг к нам на чай. Потом точно так же отказывала Элис. Дети оставляют на стенах отпечатки липких рук, приносят вшей, соплю, чесотку, глистов, шум, запахи, постоянные вопросы, нытье, требования, ломают мебель и не смывают за собой в туалете. Поэтому я поощряла девочек, чтобы они сами проводили больше времени у своих подруг, а не приводили их к нам.

То ли «нападение» повлияло на Эффи сильнее, чем мне казалось, то ли

возникла еще какая-то проблема, до которой не добрались ни Тони, ни учителя... Все это время меня отстраняли от жизни дочери. Это задевало меня, если не сказать больше. Я знала: Тони делает то, что считает правильным, дабы защитить меня, но сейчас девочке нужна мать. Мое присутствие на встрече покажет Тони, что я достаточно сильна, чтобы снова стать полноправной родительницей. Может быть, тогда он снова полюбит меня...

По прибытии домой я последовала уже устоявшемуся порядку: выждала десять минут возле машины, обводя взглядом окна дома и высматривая какие-нибудь тревожные признаки – например, тень, промелькнувшую за шторами, или неожиданный отблеск света. Стивен знал, где я живу, и меня тошнило при мысли о том, что он может проникнуть в дом и ждать в засаде.

Я почти могла различить силуэт кота, который спал на подоконнике, свернувшись клубком. В последнее время Бибер оказался очень полезен: у него чуткий слух и громкий голос, и он предупредил бы меня о любых подозрительных шумах или движении возле дома.

Переступив порог, я включила сигнализацию и заперла дверь. Вытащив нож из ящика стола в прихожей, бесшумно прошлась по всем комнатам. Заглядывала за двери, задернутые шторы, в шкафы и под кровати. Только убедившись, что я действительно одна, смогла расслабиться.

* * *

Надо было видеть лицо Тони, когда он заметил меня в школьном вестибюле. Оно исказилось от изумления, прежде чем муж успел совладать с собой. Усилия, приложенные, чтобы выглянуть на все сто, не остались незамеченными.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он, подойдя ко мне. В его голосе звучало раздражение, и это сбило меня с толку.

– А ты как думаешь? – отозвалась я. – Нравится платье? Купила специально для сегодняшней встречи. – Я втянула живот и покрутилась на месте.

– Меня не волнует твое платье, – рявкнул муж. – Мы же договорились: ты не приходишь к девочкам в школу, это должен делать я.

– Но сейчас я пришла. Она – моя дочь, Тони. С Эффи что-то происходит, а ты скрываешь это от меня, но как мать я заслуживаю знать.

– Правда? Ты действительно так думаешь? Думаешь, ты впрямь нужна кому-то из девочек?

Я сделала шаг назад, изо всех сил пытаюсь скрыть обиду.

– Почему ты так ужасно обращаешься со мной? Мне казалось, что после того случая мы стали ближе. Снова стали больше похожи на семью... А теперь ты обращаешься со мной так, словно меня здесь не хотят видеть.

– Лора, мы уже десять раз это обсуждали. – В голосе Тони звучала усталость. – Ты и я... между нами больше ничего не будет. Наша семья – совсем не то, что ты нарисовала у себя в голове.

Мое сердце колотилось так, словно хотело выпрыгнуть из груди. Я сжала кулаки.

– Нет. Я не согласна.

– Сейчас не время и не место обсуждать это. Пожалуйста, иди домой. Поговорим об этом позже.

Он повернулся ко мне спиной и пошел прочь. С каждым шагом пропасть между нами увеличивалась. Но что бы Тони ни наговорил мне, как бы он ни пытался причинить мне боль, я по-прежнему любила его. И раз уж речь шла о нашей дочери, я намерена была доказать, что он ошибается.

Дверь, на которой висела табличка с именем школьного завуча, открылась, и в вестибюль выглянул мужчина – из его ушей торчало куда больше волос, чем оставалось на голове.

– Мистер Моррис и... э-э...

– Кажется, мы прежде не встречались. Лора, мать Эффи, – закончила я фразу за него.

Завуч озадаченно посмотрел на Тони. Тот прикрыл глаза и неохотно кивнул.

– Входите, – пригласил завуч, и мы последовали за ним в кабинет. Два огромных окна выходили на крикетное поле, где в самом разгаре был матч. Еще один учитель стоял у окна спиной к нам, наблюдая за игрой.

Я начала говорить еще до того, как мы заняли предложенные нам места.

– Читала отчеты об учебе и поведении Эффи, и они меня не порадовали, – твердо заявила я. – Мне нужно знать, почему у моей дочери так сильно снизились оценки. Вы в ответе за ее образование, поэтому, насколько я понимаю, в этой проблеме виноваты вы.

– Позвольте представить классного руководителя вашей дочери, – отозвался завуч. – Миссис Моррис, Райан Смит.

– Рад знакомству, – произнес тот, поворачиваясь от окна. Я мгновенно

узнала голос Стивена, потом его лицо. Мой мир разлетелся на кусочки. –
Прошу вас поверить: как учитель Эффи, я тоже желаю ей только самого
лучшего.

Глава 4

Райан

Когда я, стоя в кабинете Брюса Аткинсона, услышал из-за двери приглушенный голос Лоры, мой пульс бился в ритме гоночного двигателя.

Она разговаривала со своим мужем, и, о чем бы они ни беседовали, это, похоже, раздражало его.

Будучи классным руководителем и учителем английского в классе Эффи, я пару раз встречался с мистером Моррисом, чтобы обсудить ее плохие отметки, слабые результаты промежуточных экзаменов и неподобающее поведение. В школьных реестрах он значился как единственный контакт для всех уведомлений по телефону и почте. Прилагалось примечание, строго запрещающее нам связываться с матерью Эффи – за исключением чрезвычайных ситуаций. Однако никто из учителей, которых я спрашивал об этом, не знал, почему так. Я убрал это примечание и добавил в список контактов адрес Лоры.

Пару раз я упоминал о матери Эффи в разговорах, чтобы прощупать почву, но мистер Моррис не желал говорить о ней. Я предположил, что она играет весьма ограниченную роль в образовании своей дочери. Однако, после добавления адреса Лоры в список рассылки, я был уверен, что она не пропустит этого – и вскоре выползет из своего укрытия.

Через отражение в окне кабинета я наблюдал, как Лора уверенно входит в помещение. Сейчас она была совсем другой, чем тогда, когда я столкнулся с ней в коттедже. Тогда она оцепенела от неожиданности, а потом начала метаться от стены к стене, срывая фотографии – свои и своих родных. Думала, я намерен убить ее. Теперь она была спокойна, волосы завиты, макияж нанесен безупречно. Во время наших телефонных разговоров ее голос был спокойным и ободряющим. В коттедже он жалобно дрожал, но сегодня сделался напористым и обвинительным.

Я всего лишь произнес одну вежливую фразу и повернулся от окна – и почва мгновенно оказалась выбита у нее из-под ног. После долгой разлуки Стивен и Лора воссоединились.

Понадобилось много времени и усилий, чтобы подстроить нашу встречу; пришлось даже привлечь ничего не подозревающую Эффи. Увидев девочку вместе с ее матерью на фотографии в местной газете, я сразу понял, что она мне знакома, но для полной уверенности сверился с ее страничкой на «Фейсбуке». Училась в моей школе. И когда я собирался

вернуться к работе в новом учебном году, мне повезло: учительница английского миссис Симмонс ушла в декрет. Это означало, что я стал не только преподавателем, но и классным руководителем Эффи.

Я начал работать во время школьных каникул, осваиваясь с учебным планом и помогая в проведении внеклассных спортивных состязаний. Выбил себе для начала неполный рабочий день, заявив, что не могу работать в полную силу из-за недавнего удаления грыжи. Но когда в сентябре в школе начались занятия, я уже был готов работать с обычной нагрузкой.

Коллеги подбрасывали намеки относительно иерархии среди учеников десятого класса, и раз за разом всплывало имя Эффи. Она, судя по всему, была очень умной девушкой, однако в ней имелась склонность к доминированию. С первой же недели после ее перевода в нашу школу Эффи собрала группу сторонниц. Излюбленным инструментом воздействия были социальные сети, и если ей кто-то не нравился, она посредством приспешниц делала все, чтобы превратить интернет-жизнь жертвы в ад. Когда для одного из одноклассников это сделалось совершенно невыносимым, он порезал себе вены макетным ножом. После этого его перевели в другую школу. Однако Эффи была достаточно умна, чтобы не попасться. Яблочко-то от яблоньки недалеко упало...

Я помнил, что ей всего четырнадцать, и еще есть шанс вырасти хорошим человеком. Но сейчас она именно такая, как нужно мне. Агрессоры, как она, всегда более уязвимы, чем их жертвы, так что требовался лишь легкий толчок, чтобы уронить ее с пьедестала. За девять лет работы учителем я усвоил, что для таких девушек значение имеют только популярность и ум. Отними это – и она станет никем.

Я начал с того, что оценивал ее контрольные и сочинения ниже, чем миссис Симмонс. Сперва «А-» вместо «А». В следующий раз оценка снизилась до «В+», пока наконец к концу первого месяца средний балл не скатился до «С». Каждый раз, раздавая ученикам проверенные работы, я видел, как Эффи хмурится, стараясь спрятать от соседей по ряду разочаровывающую ярко-красную оценку в верхнем левом углу. К концу второго месяца она не выдержала.

– Почему вы постоянно ставите мне плохие оценки, сэр? – спросила Эффи, дождавшись, пока остальные ученики уйдут на следующий урок.

– Мне кажется, ты, давая ответы, не понимаешь, что от тебя требуется, – ответил я.

– Миссис Симмонс никогда не оценивала меня так!

– Я не миссис Симмонс.

- Она говорила, что в английском я очень хороша!
- Твои оценки говорят другое.

Лицо Эффи вытянулось, в уголках глаз начали собираться фальшивые слезы. Я оставался бесстрастен. Она должна была усвоить, что подобные трюки со мной не работают, и мое уважение так не заслужить. Вместо этого я указал ей, что некоторые из ее рассуждений логичны, однако в следующий раз нужно подкрепить свои теории выдержками из текста. Вот только каждый «следующий раз» оценка оказывалась точно такой же или даже ниже, в то время как одноклассники учились ничуть не хуже прежнего. Как это ни злило Эффи, ей оставалось лишь смириться. Я медленно подрывал ее самоуверенность.

Сочинения становились все длиннее и длиннее; она пыталась читать между строк и охватить все пункты, которые, по ее мнению, я хотел видеть в ее сочинениях. Я снижал ей оценку за пустую болтовню. Сочинение по повести «О мышах и людях»^[16] было столь явно содрано из интернета, что я вызвал Эффи перед классом, объявляя об этом. Когда лицо ее сделалось пунцовым от стыда, я скрыл улыбку. Годом раньше она подумывала о том, чтобы взять литературу экзаменационным предметом. Но когда я начал ставить ей заниженные оценки, передумала.

Я надеялся, что Эффи в конце концов усомнится в своих способностях к другим предметам, но это произошло быстрее, чем я ожидал. Под маской бравады она была куда более чувствительной, чем мне казалось. Она стала менее внимательной к учебе по всем остальным предметам. Учителя истории, географии, философии и этики говорили мне, что текущие сочинения Эффи сделались расплывчатыми, а в итоговых вообще отсутствовала какая-либо цельность. Она как будто сомневалась во всем, что писала, даже в таких предметах, как математика, где часто правильный ответ только один.

Поскольку ей больше не удавалось козырять перед одноклассниками умом, она сделала то, что делают все агрессоры: нашла другой способ привлечь внимание – отвлекая от занятий всех остальных. Как-то вечером, когда прозвенел звонок с последнего урока, я попросил ее остаться и зайти ко мне в кабинет.

– Не буду лгать, Эффи, меня беспокоит то, что происходит с тобой, – начал я и протянул ей кружку кофе. Она пыталась скрыть свое удивление от того, что я обращаюсь с ней как со взрослой. – Ни о чем не хочешь со мной поговорить?

– С вами? – фыркнула она. Нахальство никуда не делось. Еще предстояло поработать.

– Дома все в порядке?

– Да.

– С родителями все хорошо?

Эффи помолчала, потом кивнула.

– А в школе? Знаю, в последнее время другие девочки относятся к тебе не очень хорошо. Тебя это беспокоит? Тебя обижают?

Он бросил на меня быстрый взгляд.

– Что вы имеете в виду?

– Тебя дразнят из-за оценок и... как бы это правильно сказать... наружности?

– Наружности? О чем вы, сэр?

– О, извини, я не должен был говорить об этом... Не мое дело. Просто хотел убедиться, что ничего такого с тобой не происходит. Ты нормального веса для своего возраста, так что, пожалуйста, не слушай, что за твоей спиной говорят люди, называющие себя друзьями.

Ее лицо выразило ярость.

– И кто сплетничает о моем весе?

Я изобразил, будто недоволен тем, что проговорился.

– Господи, послушай, я не очень хорошо разбираюсь в таких вопросах. Другие учителя скажут, что я не должен был говорить тебе этого, потому что девочкам следует учиться самостоятельно улаживать такие вопросы между собой.

– Другие учителя? Все говорят обо мне? И каким девочкам?

– Мне не следует называть ничьих имен, но я укорил некоторых из них, когда услышал в коридоре, как они говорят о тебе гадости. Мне не нравятся люди, смеющиеся над другими за спиной. Ты не толстая и не тупая.

Она поерзала на краю сиденья и втянула щеки.

– Сколько их? Кто они?

– Это не имеет значения.

– Суки... – прошипела Эффи, складывая руки на груди и откидываясь на спинку. – Наверняка Бритни и Морган.

– Не обращай внимания, – ответил я. – В твоей жизни совсем не нужны такие люди. Или такие, как Мелисса и Руби.

– И они тоже? Скажете мне, если услышите что-нибудь еще?

– Даже не знаю...

– Пожалуйста, мистер Смит!

– Хорошо, но не буду больше называть имен.

Эффи пробормотала под нос «спасибо» и ушла. Позже, когда ее

исключили на неделю за то, что она подралась с Бритни и разбила нос Морган, я не мог не испытать удовлетворения. Я смотрел издали, как распадается компания Эффи и как одноклассники постепенно отдаляются от нее. Регулярно посылал ее отцу отчеты об «успехах» Эффи, но тайно начал включать в список адресатов еще и Лору.

В ноябре я встречался с отцом Эффи и условился, что следует снова поговорить четыре недели спустя, дабы обсудить, как дела у девочки. Я мог лишь надеяться, что копии отчетов, которые получала по почте Лора, заставят ее действовать. Но вдобавок нужно было оказывать влияние на дочь.

Я организовал регулярные встречи один на один с Эффи – каждый понедельник и каждую пятницу после уроков в моем кабинете. Слушал, как она жалуется на родителей и на девочек, «сговорившихся» против нее. Иногда подливал масла в огонь, придумывая истории о том, что другие преподаватели что-то говорили о ней в учительской.

Всего три месяца как я стал ее классным руководителем, а Эффи уже считала меня своим доверенным лицом.

Неделя шла за неделей, и я чувствовал, что для нее это становится чем-то большим.

Началось с того, что во время встреч она расстегивала на своей блузке на одну пуговицу больше, затем стала наносить на губы чуть больше блеска и выпячивать их чуть сильнее. Когда я стоял спиной, наполняя кружки, заметил в отражении в оконном стекле, что она пристально изучает мой зад. А когда обернулся, быстро отвела взгляд.

Я рассматривал наши доверительные отношения как возможность узнать побольше об обстановке у них дома.

– Почему ты никогда не говоришь о своей маме? – спросил я. – Упомянула сестру и отца, но мать – никогда...

– Мне не разрешают.

– Почему?

– Она... она не такая, как другие матери.

– В каком смысле?

– Я слышала о том, что случилось с вашей женой.

Неожиданная смена темы застала меня врасплох.

– Что слышала? – спросил я.

– Что она... ну, вы понимаете... покончила с собой.

– Угу. – Я кивнул.

– Скучаете по ней?

– Конечно.

– А у вас уже есть новые отношения?

– Нет.

– Вы их хотите?

– В данный момент – нет, не хочу. Но когда-нибудь, наверное, захочу.

– Почему она это сделала?

– Не думаю, что когда-нибудь узнаю. Люди – сложные существа, и мы не всегда понимаем, почему они делают то или другое, даже когда нам кажется, будто мы их знаем.

– Моя мать такая. «Непредсказуемая, разрушительная сила», как говорит папа.

– Ты с ней в хороших отношениях? – Эффи засмеялась. – Я сказал что-то забавное?

– Нет.

– Тогда почему смеешься?

– А почему вы спрашиваете? – Она провела рукой по волосам и накрутила несколько прядей на указательный палец. – Вы задаете много вопросов, Райан. – Я поднял брови. – Извините, я хотела сказать – мистер Смит.

– Это моя работа – задавать вопросы, чтобы помочь тебе.

– Зуб даю, вы не тратите столько времени на других учеников, задавая им вопросы.

– Они не беспокоят меня так сильно, как ты.

– Значит, вы беспокоитесь обо мне? – Эффи склонила голову набок, и солнце, льющееся в окно, озарило ее рыжевато-белокурые волосы и серые глаза. Неожиданно я разглядел под ее напускным блеском ребенка, которым она, в сущности, и была. Сердце сжалось, когда я понял, к каким мерзостям прибегаю из-за Лоры.

– Я беспокоюсь обо всех учениках, – ответил я.

– Ладно. – Она кивнула, взяла сумку и направилась к двери. Но прежде чем уйти, обернулась и улыбнулась.

К моменту второй встречи с отцом Эффи я достиг того, чего добивался. И когда услышал голос Лоры за дверью кабинета, мысленно вскинул руки и заорал: «Есть!»

Когда Лора поняла, кто я такой, она изо всех сил постаралась не реагировать. Лицо ее застыло, словно вмерзло в лед, но глаза выдавали чувства. Напитанная адреналином кровь гнала кислород в мышцы, мозг работал на предельных оборотах. Я понял это по тому, как расширились ее зрачки – чтобы впитать максимально возможное количество света и позволить улавливать все происходящее вокруг.

Это была классическая реакция «бей или беги». Но в присутствии мужа Лора не могла позволить себе сделать ни того ни другого.

Глава 5

Лора

Понадобилась вся внутренняя сила, чтобы никак не отреагировать, когда Райан сел рядом с Тони.

Я молилась о том, чтобы лицо мое не покраснело, а руки не затряслись. Не хотела проявлять ни малейших признаков слабости. Однако не могла удержать свой пульс от побития всех рекордов. Я знала, что глаза мои широко раскрыты, но не могла отвести их даже на секунду.

Может, ошиблась? Может, мерещится? Может, мозг снова играет шутки, как, по словам так называемых специалистов, уже бывало в моем прошлом? Вижу и слышу то, что хочу увидеть и услышать? Я смотрела на него так пристально, что заболели глаза.

– Какие сейчас оценки у Эффи? – спросил Тони. – Есть улучшения?

– Боюсь, на этом фронте почти без перемен, – отозвался Райан. – Она стабильно получает «С» по языку и литературе, а вот по истории, обществоведению и географии оценки скачут.

Да, это Стивен. Сто процентов. Стивен, Райан... неважно, как себя называет. Это он.

Четыре месяца спустя после того, как я должна была увидеть его труп, свисающий с балки в спальне, он сидел в кабинете и улыбался Тони, как будто ничто на свете не волновало его. Я была уверена, что это не совпадение. Он таился в укрытии, выжидая момент. Теперь я поняла, почему вдруг начала получать сообщения об Эффи. Райан хотел, чтобы я пришла сюда, – и я подала себя на блюдечке. Во второй раз допустила промах, и он воспользовался этим...

Райан убедил Тони, что питает искренний интерес к учебе Эффи. Но мы оба знали, что это просто игра с его стороны. Что за игра? И зачем он втянул в нее мою дочь?

Теперь, когда я видела его при свете дня, а не в полумраке спальни, он выглядел совершенно неброско, как любой обычный мужчина его возраста. Глаза темно-карие, но белки розоватого оттенка, как будто не высыпался. В русых волосах на висках поблескивает седина, кожа бледная. Казалось, он почти до тридцати лет оставался мальчишкой, но теперь обстоятельства вынудили его резко повзрослеть, и тело только-только начало успевать за переменами.

Половина моего «я» жаждала вцепиться ногтями в лицо Райана,

словно дикое животное, в то время как вторая хотела бежать куда глаза глядят и притвориться, будто ничего не было. Но я сидела в кресле, не в силах даже пошевелиться.

– Ее словно больше не волнует то, что она делает, – продолжил Райан. – А как она ведет себя дома, мистер Моррис? – Озабоченность в голосе звучала наигранно и не соответствовала выражению лица. Было похоже, что он изо всех сил пытается не засмеяться.

Тони употребил в адрес Эффи такие слова, как «тихая» и «замкнутая», но для меня это прозвучало так, словно он говорит о какой-то другой девушке. Это не та дочь, которую я знала, не та девочка, которую любила, как могла. Неужели я допустила, чтобы дистанция между нами стала слишком большой?

Неожиданно Райан повернулся ко мне. По моей спине пробежала дрожь.

– Вы не думали, что Эффи может сталкиваться с еще какими-то проблемами, миссис Моррис?

Я открыла было рот, но не смогла издать ни звука; в горле пересохло, и я откашлялась.

– Например?

– Не знаю, я не психотерапевт; но существует множество психологических сложностей, которые могут повлиять на поведение девочки-подростка в наши дни. Она упоминала, что другие девочки в классе дразнят ее из-за лишнего веса.

– Из-за лишнего веса? – ошетинившись, переспросил Тони. – Она не толстая!

– Нет; я и не думаю, что она толстая. Но она считает, будто может быть толстой, и если достаточно часто слышит подобное от других девочек, это может повлиять на ее восприятие. Расстройства пищевого поведения и проблемы с уверенностью в себе сейчас встречаются нередко, каждая третья девочка страдает от беспокойства и проблем с психикой. – Я заметила, как кулаки Райана едва заметно сжались, и он перевел взгляд на меня. – Ведь не зря же депрессию называют «тихим убийцей».

Я не знала, на что он намекает, но что бы ни было между нами, это определенно носило личный характер.

– Моя дочь не страдает ни анорексией, ни депрессией, – возразил Тони.

– Гормоны и химические изменения в мозгу могут вызвать у подростков неадекватные чувства, потерю интереса к окружению, к занятиям и друзьям, – продолжил Райан, словно читая по учебнику. – Они

попадают в замкнутый цикл жалости к себе. Моя задача как учителя уведомить вас об этом и быть рядом с ней в любом качестве, в каком я понадоблюсь.

«Цикл жалости к себе? Быть рядом в любом качестве, в каком я понадоблюсь?.. Он использует против меня мои собственные слова из наших диалогов!»

– Понимаете, я могу ошибаться, – добавил Райан. – Я просто хочу сказать, что когда речь идет о людях, то, как бы сильно вам ни казалось, будто вы знаете их, вы никогда не сможете предсказать, что происходит у них в головах – даже у ваших собственных детей. На них могут оказать влияние самые неожиданные люди, могут заставить их сделать то, чего они делать не должны. Люди, которых дети считают достойными доверия, могут подбить их на поступки, которые окажут катастрофический эффект на их будущее. Вы понимаете, что я имею в виду, миссис Моррис?

Я не понимала, но знала, что его слова адресованы мне. Он что-то сказал Эффи – но что?

– Вы считаете, будто она восприимчива к подобным манипуляциям? – спросил Тони.

– Вы удивитесь, узнав, на что способна Эффи.

– Например? – спросила я. Райан говорил загадками и ждал, что я догадаюсь о значении его слов.

– Ну, не знаю, – отозвался он. – Все, что я могу сказать, – когда я видел ее в послеобеденное время, она была словно не в себе. Выглядела чрезвычайно расстроенной, но не сказала мне, из-за чего. Я заставил пообещать, что она поговорит с вами, миссис Моррис, когда придет домой.

Встреча закончилась, и мистер Аткинсон проводил нас в вестибюль. Неожиданно зазвонил телефон Тони.

– Прощу прощения, я на минуту, – сказал тот, оставив нас с Райаном наедине. Мой желудок сжимался, словно намереваясь вывернуться наизнанку.

– Чего вы хотите от меня? – тихо спросила я. – Что вы сказали моей дочери?

Улыбка Райана исчезла; он наклонился и прошептал мне на ухо:

– На вашем месте я как можно скорее отправился бы домой и проверил, как там Эффи. Потому что мне горько думать, что она могла сделать после случившегося сегодня.

Глава 6

Райан

Хотя я не смотрел на Лору, чувствовал, как она смотрит на меня. Эффи унаследовала этот глубокий пронзительный взгляд.

Девочка не сводила с меня глаз, пока я во время обеда наблюдал за учениками, оставленными после занятий; на сегодня была назначена встреча с ее родителями. Наказала Эффи учительница физкультуры – за то, что она угрожала на уроке другой девочке. Еще шесть учеников из десятого и одиннадцатого классов были оставлены после уроков за различные нарушения дисциплины. Я гадал: не нарочно ли Эффи напросилась на это наказание, зная, что сегодня за нарушителями придется присматривать мне?

Другие ученики сидели, опустив головы и используя время для домашней работы. Однако Эффи даже не пыталась притвориться, будто читает учебник. Она смотрела на меня, сидящего за учительским столом. За последние несколько месяцев число ее друзей сократилось почти до нуля. Я уделял ей все больше внимания, неизменно обращался как со взрослой, выслушивал жалобы. И точно знал, к чему, по ее мнению, идут наши отношения. Я мог сорвать этот бутон в любой момент, но это не входило в мой план.

Наконец, когда время наказания истекло, все едва ли не бегом выскочили из кабинета. Но Эффи намеренно тянула время, собирая сумку и натягивая куртку. Дождалась, пока мы остались одни, и прошла к окну, где начала рассеянно играть с шариком, висящим на рождественской елке, украшающей помещение.

– На улице дождь, – начала Эффи.

– Вижу.

– До вечера мне нужно сделать уроки, и я собиралась пойти домой, но у меня нет зонтика.

– И?..

– И я промокну, если кто-нибудь не подвезет меня до дома.

– Небольшой дождик тебя не убьет.

– Но если я простужусь, то могу словить приступ астмы, и *это* меня убьет.

– Уверен, с тобой все будет в порядке.

– Вы не могли бы подвезти меня, сэр? В ближайшие полтора часа у вас

нет уроков, верно?

– Выучила наизусть мое расписание, Эффи?

– Нет, просто проявляю к вам интерес, как и вы – ко мне. Так что у вас полным-полно времени, чтобы довезти меня до дома и вернуться.

– Подвозить учеников запрещено школьными правилами.

– Я никому не скажу.

– Не имеет значения.

– Честное слово, не скажу. Обещаю.

– Эффи, есть границы, которые мы не должны переступить. Ты – моя ученица, а я – твой учитель.

– И это все, что я значу для вас, сэр?

Несколько секунд я молчал; мне нужно было подумать. Я потратил массу времени и усилий на то, чтобы добиться этого, но теперь сомневался в том, что это было правильно. «Что сделала бы на моем месте Лора?» – спросил я себя. Сделала бы все необходимое, чтобы получить то, чего хочет... И это означало, что я должен поступить так же.

– Встретимся на углу Симпсон-авеню и Талбот-роуд через десять минут, – нерешительно произнес я. – Там автобусная остановка. Я подберу тебя.

Проходя мимо, Эффи задела мое плечо рукой, изо всех сил пытаюсь спрятать широкую улыбку. Мне пришлось напомнить себе, что это та самая девушка, что травила одноклассников и ушла от наказания. Юная сучка-манипулятор, привыкшая получать желаемое, – вот только слишком наивная, чтобы осознать, что не она контролирует ситуацию.

Когда моя машина притормозила у обочины дороги, Эффи ждала именно там, где я велел. Я огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что нас никто не заметит. Когда она забиралась в авто, я заметил, что глаза у нее подведены, а губы намазаны соблазнительно-розовым блеском. На волосах блестели капли воды; она пригладила пряди пальцами.

– Быстрее пристегнись, – поторопил я. – Нужно ехать.

– Ремень застрял, – отозвалась она, пытаюсь вставить ушко в карабин. Я повернулся, чтобы защелкнуть пряжку, и Эффи словно ненароком коснулась моих пальцев.

– Кто это? – спросила она, указывая на заставку моего телефона, заряжавшегося в центре приборной панели.

– Мой брат Джонни, – ответил я.

– Такой спортивный... Вы похожи.

Краешком глаза я наблюдал, как она постукивает ногой в такт музыке по радио. Когда мы в конце концов остановились, не доезжая до ее дома,

вид у Эффи был озадаченный.

– Может, еще немного покатаемся? – спросила она, слегка склонив голову набок.

– Ты же знаешь, что мне надо вернуться в школу.

– Тогда в другой раз? – Она положила ладонь на мое колено.

– Эффи... – начал я.

– Ш-ш-ш, – отозвалась она, и рука поползла вверх по моему бедру, остановившись в сантиметрах от паха.

– Эффи, я твой учитель.

– Нет, здесь – нет.

– Да. Здесь, в школе, везде.

– Я никому не скажу.

Эффи повернулась на сиденье и приблизила лицо к моему. Я почувствовал теплое дыхание на шее и ухе, ощущал сладкий запах духов. Когда наши глаза встретились, она замерла.

– Сначала нужно, чтобы ты кое-что узнала, – сказал я.

– Что?

– Мне нужно, чтобы ты знала: я никогда и ни за что и близко не подошел бы к тебе. Если ты действительно веришь в то, что можешь заинтересовать меня, тогда ты еще глупее, чем можно решить по твоим оценкам.

Она застыла, потом нахмурилась, пытаясь осознать смысл услышанного. Затем отпрянула и убрала руку с моей ноги.

– Что?

– Ты все слышала, Эффи. Ты меня не привлекаешь. Ты всего лишь незрелая маленькая девочка, которая ищет внимания и превращает жизнь других людей в ад. Теперь ты знаешь, каково это – быть униженной и отвергнутой. Если думаешь, будто такая могла привлечь меня, ты идиотка. А теперь вон из машины.

Ее лицо сморщилось, и на миг я возненавидел себя за то, что мог сказать ребенку подобные слова. Никогда и никому я не причинял таких страданий, какие только что причинил Эффи. Но это была ужасная необходимость. Она распахнула дверь и выскочила под дождь, помчалась по улице и скрылась из виду.

Четыре часа спустя настала очередь ее матери узнать, каково это – когда с тобой играют. Она манипулировала моей женой ради собственных целей, а я сделал то же самое с ее дочерью. Око за око, как и посоветовал дедушка Пит.

Глава 7

Лора

– Где Эффи? – спросила я у Тони. – Прямо сейчас – где она?

Я оставила Райана и нашла мужа у двустворчатых входных дверей; он как раз убирал телефон в карман пиджака.

Паника, порожденная предупреждением Райана, поднималась из глубины живота в грудь, а потом в горло, отчего голос сделался полузадушенным. В последний раз я чувствовала себя так, когда стояла в коттедже с ножом в руках, глядя в лицо человеку, который собирался убить меня. И теперь этот же человек нашел способ вызвать у меня то же самое ощущение – но на этот раз для того, чтобы напугать, он угрожал тем, что моя дочь больше не в безопасности.

– Эффи дома, – ответил Тони.

– Ты уверен?

– Да.

– Одна?

– Нет, присматривает за Элис. – Голос его звучал нерешительно.

– Я хочу увидеть ее.

Тони покачал головой.

– Мы говорили об этом, Лора. Мне кажется, это плохая идея.

– Она моя дочь, – выговорила я сквозь стиснутые зубы. – Они обе – мои дочери. Мне нужно увидеть их сегодня.

– Мы уговорились, что ты не будешь навещать девочек, пока они не станут достаточно взрослыми, чтобы принимать решения самим. – Я бросила на него сердитый взгляд, когда в моей памяти пронеслись обрывки давнего спора. – Помнишь? – спросил Тони.

– Конечно, помню, – отозвалась я, хотя, честно говоря, неведомо откуда в голове возник туман, и все стало расплывчатым. – Но мне нужно поехать домой и убедиться, что с ними все в порядке. Пожалуйста, Тони, просто отвези меня домой.

Видя мою тревогу, он взял меня за руку и негромко сказал:

– Лора, никто из нас не живет с тобой вот уже почти два года, ты в курсе? Мы живем в другом месте, и ты это знаешь. И помнишь, почему переехали.

Отдернув руку, я смутно вспомнила, как муж привез меня домой из больницы после операции по удалению раковой опухоли, и тогда дом

показался мне холодным и безмолвным. Помню, как бродила по коридору из комнаты в комнату, ища детей, и Тони сообщил мне, что некоторое время они не будут приходить домой. Но я не могла вспомнить, почему. В общем-то, я точно знала только одно: с тех пор каждый вечер, когда я готовила ужин на всех, никто не приходил, чтобы его съесть, и я убирала контейнеры с едой в морозильник, пока он не оказывался набит до отказа. После этого я выбрасывала все и начинала сначала.

Виски начали пульсировать в такт неистовому биению сердца. Но, несмотря на смятение, я не должна терять сосредоточенности. Должна увидеть дочь. Должна убедиться, что с Эффи всё в порядке.

– Сколько еще ждать, прежде чем я увижу их? – Мой голос сделался громче. – Пять минут личной встречи – это все, о чем я прошу. Просто чтобы мне было спокойнее.

Тони, нахмурившись, окинул взглядом вестибюль. Прозвенел звонок, возвещающий об окончании уроков, и школьники ринулись к выходу.

– Лора, тебе нужно успокоиться, иначе ты привлечешь ненужное внимание.

– Пусть смотрят, плевать.

Он отвел меня в пустой кабинет дальше по коридору. На стенах были развешаны рисунки, сделанные школьниками. Это напомнило мне о том, как я любила рисовать вместе с Элис; у нее к этому природная склонность. Или у Эффи? Я не могла сказать точно. Все становилось слишком запутанным.

– Можешь назвать это инстинктом или материнской интуицией, но я знаю, что моя дочь в беде, – продолжила я. – И посмотри, что произошло после того, как ты разлучил меня с ней. Хочешь сказать, это просто совпадение – то, что у нее теперь такие проблемы с учебой?

– А ты не хочешь взять на себя ответственность за это? Не желаешь, чтобы я проговорил вслух, почему они больше не с тобой?

Я этого желала, потому что картина в голове никак не складывалась. Я помнила, как лежала на больничной кровати, помнила Генри в пансионате. Но не знала, что мне привиделось, а что случилось на самом деле, и что-то подсказывало мне – лучше не спрашивать. Однако одно воспоминание было кристально-ясным.

– Если ты сегодня же не позволишь мне увидеть девочек, то прямо завтра с утра я отнесу в полицию документы, которые удостоверяют, что именно мы сделали, чтобы поднять бизнес и держать его на плаву. – Его лицо побледнело. – У меня есть номера всех счетов, все отчеты по транзакциям. Не заставляй меня делать это, Тони.

«Дыши глубже, Лора. Дыши глубже. Думай о якоре, это тебя успокоит».

– Что-то, чего я не могу объяснить, подсказывает мне: мы немедленно должны поехать и увидеть Эффи, – продолжила я. – Ты слышал слова этого учителя. Что, если проблемы ее куда глубже, чем тебе кажется? Как ты будешь жить дальше, если она наделает каких-нибудь глупостей?

– Хорошо, – неохотно произнес муж. – Поедем на моей.

Не знаю, возымела действие угроза или же он наконец понял мои страхи, но я добилась своего.

Пока мы быстро шли через парковку, я гадала, кому Тони писал сообщение и почему пытался скрыть это от меня. Прикинула, что это, должно быть, Эффи, и он не хотел, чтобы я видела ее номер.

– Можешь позвонить ей? – спросила я, когда мы сели в машину. Пока он набирал номер, я запомнила цифры на экране. Эффи не брала трубку. Тони позвонил на стационарный, но ответа тоже не было.

– Почему она не отвечает? – встревоженно спросила я. – Что с ней случилось?

– Тебе нужно собраться, – твердо заявил Тони. – Ты уже знаешь, какое последнее воспоминание о тебе сохранили дети. Совершенно некстати являться к ним под дверь, вопя что-то, словно безумная.

Хотя я не поняла, о чем он ведет речь, сейчас не время задавать вопросы. Я была занята тем, что старалась сдержаться и не закричать, чтобы Тони ехал быстрее, когда он притормозил на желтый свет. Муж совершенно не понимал, что надо спешить, и соблюдал все ограничения скорости, пока мы ехали на другой конец города – противоположный от дома, где мы когда-то жили все вместе.

В конце концов мы добрались до недавно построенного района. Тони остановил машину на подъездной дорожке у новенького дома, который я никогда не видела прежде: с большими окнами, задернутыми занавесками, с дизайнерским садом. На втором этаже в двух окнах горел свет. Я собралась с духом, пока Тони отпирал дверь.

– Эффи? – крикнул он, и я проследовала за ним вверх. – Эффи! – снова позвал он.

Распахнул дверь спальни. Занавески задернуты, хотя лишь ранний вечер. В полумраке мы оба замерли в дверях и уставились на дочь – ее глаза были крепко закрыты, тело неподвижно, руки безвольно свисали с кровати, почти касаясь пальцами пола.

Я бросилась к ней, откинула одеяло, схватила ее за плечи и встряхнула. Эффи резко открыла глаза и вскрикнула, только потом узнав

меня.

– Мама! Какого хрена? – начала она, сдирая с головы наушники и садясь прямо. Я прижала ладонь ко рту. Тони так и стоял в дверях. – Что ты здесь делаешь? – спросила Эффи, сбита с толку моим неожиданным появлением.

– Мы так волновались за тебя, – ответила я. Глаза у нее были красные – намного краснее, чем если б она до этого просто спала.

– В чем дело? – раздался позади нас детский голос. Я повернулась и увидела Элис, все еще одетую в школьную форму, с сумкой на плече. На ее лице появилась широкая улыбка.

В моей голове снова пронеслись воспоминания, на сей раз о том, как я вела маленькую Элис в школу, держа за руку, и о том, как совсем недавно я добиралась до школы одна. Помнила, как стояла в воротах, чтобы хотя бы мимолетно, издали увидеть Элис; она играла с друзьями, и я надеялась, что дочь меня заметит. Надеялась, что не забудет, как я выгляжу, как звучит мой голос. Я сама уже не могла вспомнить ни лицо, ни голос своей матери.

– Мамочка, ты вернулась? – взвизгнула Элис. Она подбежала ко мне и крепко обняла меня за талию. Обнимая ее в ответ, я почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы радости. – Пойдем, покажу тебе свою комнату, – предложила Элис и протянула руку.

Прежде чем принять ее, я посмотрела на Тони. Он неохотно кивнул, и я вслед за дочерью вышла в коридор. Ее рука была маленькой и мягкой, и я поняла, как мало ценила это ощущение в прошлом, когда так часто отказывалась принять эту руку.

Мы прошли всего несколько шагов, когда мое внимание привлекла еще одна открытая дверь. Куртка, которую я купила Тони на его последний день рождения, проведенный вместе, лежала поперек его кровати рядом с уродливой оранжевой подушкой. Но, подойдя ближе, я поняла, что это не подушка, а сумка.

Оранжевая сумка.

Оранжевая сумка Джанин.

Оранжевая сумка Джанин с китайским драконом лежала на кровати моего мужа.

Глава 8

Райан

Я сжал кулаки. Из щели под дверью моей квартиры пробивался неяркий свет.

Ставя несколькими минутами раньше машину на парковку, я все еще был на взводе от того, что снова встретился с Лорой лицом к лицу. Но было ощущение, что ждущий за порогом квартиры разом вернет меня с неба на землю. Я поколебался, потом медленно повернул ручку. Дверь была не заперта. Я ни с кем не дрался со времен учебы в школе и сомневался, что мой удар может причинить особый вред тому, кто затаился внутри.

Я бесшумно прокрался в прихожую и схватил со столика тяжелый стеклянный шар. Сместился к гостиной, откуда доносился шелест и звук выдвигаемых ящиков. Подобрался ближе, пока не смог ясно разглядеть того, с кем предстояло столкнуться.

– Господи! – воскликнул я.

Джонни обернулся; он был изумлен не меньше, чем я.

– Напугал меня до икоты, – сказал я. – Что ты здесь делаешь? Как попал в квартиру?

– У меня все еще есть ключ, – невозмутимо ответил он.

Только тогда я заметил, что дверцы серванта распахнуты, как и ящики бюро, где я держал счета и другие бумаги. На бюро валялись фотографии семейства Лоры, которые я наклеивал на стены в коттедже, и веревка, которую я завязал изящной петлей.

Несколько дней спустя после моего первого столкновения с Лорой, когда моя рана еще ныла, я вернулся туда, чтобы убрать следы произошедшего в тот вечер и смыть с пола свою кровь. Выбросил все в мусорное ведро. И только теперь, четыре месяца спустя, вспомнил, что не вынес его в контейнер, а оставил в саду на задворках, где оно так и стояло.

– Роешься в моих вещах? – спросил я.

Джонни проигнорировал мой вопрос.

– Возле чьего дома ты сидел в машине несколько часов вечером в среду?

– Что, теперь ты следишь за мной?

– Это к делу не относится. Меня интересует, что ты делал возле того дома.

Моей первой реакцией был стыд от того, что меня поймали. Время от

времени я медленно проезжал мимо дома Лоры, иногда останавливаясь у обочины дороги и гадая, что она делает там, в доме. Иногда задерживался на пять минут, иногда, сам того не замечая, торчал несколько часов. Все равно больше некуда было деваться.

Второй моей реакцией была ярость.

– Что-то разнюхиваешь у меня дома? – спросил я, повысив голос.

– Да, разнюхиваю. Кто эта женщина и почему у тебя буквально сотни ее фотографий? И для чего тебе понадобилась веревка? В ту ночь, когда ранил себя ножом, ты собирался покончить с собой, да? Зачем эта петля? Запасной план на случай, если с ножом ничего не получится?

Моя ярость перехлестнула через край.

– Убирайся, Джонни, или мы с тобой поссоримся!

– Не раньше чем скажешь правду.

– Джонни, я сказал – убирайся!

– А я сказал – нет. Не уйду, пока не скажешь, зачем затеял все это.

Его упрямство еще сильнее разозлило меня. Я попытался схватить его за плечо, но он быстро отпрянул и с силой толкнул меня в грудь. Его быстрота застала меня врасплох, я потерял равновесие и рухнул поперек кресла, отчего шрам на животе пронзил боль. Вскочил на ноги и бросился на него во второй раз – но Джонни оказался крепче, чем мне помнилось. Он ухватил меня за воротник и оттеснил назад, прижав спиной к стене. Его лицо было в дюймах от моего, предплечье упиралось мне под подбородок.

– Вбей уже это в свою тупую башку! – рявкнул он. – Я твой брат и не уйду из этой квартиры, пока не скажешь, что наделал.

Я дышал тяжело и часто, пытаюсь придумать какие-то иные причины своего поведения, однако мозг работал медленно. Потом, в одно мгновение ока, все это сразу пронеслось в памяти – потеря Шарлотты, осознание того, что сделала Лора, слезка за ней, удар ножом, то, как я поступил с Эффи, и то, как я сегодня во второй раз столкнулся с Лорой. Все существующие в мире эмоции разом нахлынули на меня, и я ничего не мог с ними поделать. Тело отяжелело, и рука Джонни оказалась не настолько сильной, чтобы помешать мне рухнуть на колени. Он опустился рядом со мной и не сказал ни слова, пока я рыдал, словно ребенок.

Позже в тот вечер мы сидели по разные стороны обеденного стола, между нами стояли четыре пустые пивных бутылки. Я не мог смотреть брату в глаза, пока тот переваривал все, что я рассказал ему: от тех моментов, которыми я гордился, до тех, за которые испытывал тайный стыд. Я был честен с ним во всем. Джонни не прерывал меня, выражение его лица оставалось неизменным. Только убедившись, что я закончил, он

заговорил.

– Какова твоя цель, Рай?

– Что ты имеешь в виду?

– Каков смысл? К чему это должно привести? Что ты хочешь получить?

– Хочу заставить Лору понять, что она сделала; что она не может играть жизнями людей, изображая Господа Бога.

– И считаешь, будто, напугав ее и запудрив мозги ее дочери, ты этого добьешься?

– Да... нет... не знаю. Уже ни в чем не уверен. Но что еще остается? Бездействовать и позволить, чтобы со следующей Шарлоттой случилось то же самое?

– Ты понимаешь, что то, как ты поступил с этой девочкой – с твоей ученицей! – так же плохо, как и то, что ее мать сделала с Шарлоттой?

– Это не одно и то же, потому что я не пытался никого уговорить покончить жизнь самоубийством.

– Откуда тебе знать – а вдруг, вернувшись домой, Лора и ее муж обнаружат, что их дочь попыталась что-то сделать с собой?

– Потому что я в курсе, что за человек эта Эффи. Небольшое разочарование, ущемленное эго – вот и всё. Переживет.

– Послушай себя, брат! Если подумать как следует, ты и понятия не имеешь, какой вред в долгосрочной перспективе причинил ей. Решил втянуть ее в это все... Она просто пешка в игре, в которую ты играешь с ее матерью. И, что хуже всего, тебе на это плевать.

Я покачал головой.

– Ты не знаешь Эффи. Не знаешь, какой она была еще до того, как я начал.

– И знаешь что? Мне плевать! Потому что она девочка, еще подросток! Такая же, как все девочки-подростки. То, что ты сделал с ней, неправильно по любому счету. Ты должен стыдиться себя.

Я почувствовал, как горит лицо, и потер основаниями ладоней воспаленные глаза. Глядя на Джонни, на миг увидел того человека, которым мог быть сам, если бы никогда не нашел спрятанных файлов Шарлотты и не прочитал про «Героиню с линии доверия». Когда-то мы с младшим братом были очень похожи. Теперь, когда я смотрел на него, в его глазах отражалась другая версия меня – куда более старая и мрачная. Я знал: все, что он говорит мне, – чистая правда, но не хотел признавать этого.

– Если у тебя есть ответы на все вопросы, тогда скажи мне, что я

должен был сделать, – произнес я.

– Я бы отправился в полицию с записями телефонных разговоров и рассказал бы им, что Лора, по твоему мнению, сделала.

– По моему мнению? Я точно знаю, что она сделала. Но у меня недостаточно улик, Джонни. Ей все сойдет с рук.

– Она сказала, что подбивала людей умереть.

– Но не называла никаких имен, верно? Не упоминала Шарлотту. И может просто заявить, будто подыгрывала фантазиям, которые мы сочиняли вместе. Какие у меня доказательства, что она была в коттедже и ударила меня ножом?

– Тогда я договорился бы о встрече с руководством «Больше некуда» и предупредил их о ней. Даже если они ничего не смогут с этим сделать, по крайней мере будут наблюдать за Лорой. Но я не стал бы рассказывать им все – например, про это дело с Эффи, – иначе они решат, что ты опасен.

– А ты сам? Тоже думаешь, что я опасен?

Джонни прикрыл глаза и сделал глубокий вдох.

– Я думаю, то, как ты отреагировал на смерть Шарлотты, подвергает тебя риску. Что ты сделал с этой девочкой... как ты подставил ее... я впервые в жизни стыжусь за тебя. Пора перестать винить Лору во всех твоих поступках и взять часть ответственности на себя. Не она и не Шарлотта сделали тебя тем, кем ты стал. Ты сам. Шарлотта решила умереть, а ты решил отреагировать на это так, как не стал бы реагировать разумный человек.

Брат содрал крышки с еще двух бутылок пива и протянул одну мне.

– Одержимость этой женщиной заполнила всю твою жизнь, так? – продолжил он. Я кивнул. – Когда ты в последний раз читал какую-нибудь книгу или смотрел сериал по «Нетфликс»? Уже отремонтировал свою стиральную машину? Когда ты в последний раз был в коттедже? Этот молоток уже несколько месяцев лежит на бюро, ожидая, пока ты приколотить фотографию обратно на стену. Нужно заново привыкнуть к реальной жизни. Ты так и не сдвинешься с места, если не сделаешь этого.

– И как же мне начать двигаться?

– Прямо сегодня подвести итог всему, что случилось. И потом мы вместе оставим это позади.

Впервые с тех пор, как полиция появилась на пороге, чтобы рассказать о смерти Шарлотты, я почувствовал, как узел у меня внутри слегка ослаб. Не сильно, но достаточно, чтобы дать дышать.

Глава 9

Лора

Это было чересчур, я не могла воспринять все разом. Даже не знала, с чего начать осмыслять события этого дня.

Райан и Джанин. Два затаившихся врага замыслили разорвать меня на куски, действуя независимо друг от друга. Я сидела в темном доме, где, как теперь поняла, не было никого из моих родных. По словам Тони, уже почти два года. Мозг отказывался принять то, что мой муж и дочери переехали куда-то, и я убедила себя, что мы живем под одной крышей, пусть даже отдельной жизнью. Теперь мне стала известна истинная ситуация, и я чувствовала себя отчаянно одинокой. По-прежнему заставляла себя думать о Генри, но так и не могла удержаться за этот якорь. Чем сильнее уставала, тем больше меня сбивало с толку это непонимание: что было на самом деле, а что я придумала?

Однако в двух вещах я была совершенно уверена. Райан уже не просто играл со мной, он играл также и с моей дочерью. И я не могла допустить, чтобы это продолжилось.

Джанин делала то же самое, но на свой извращенный лад. Тайно играла в моей жизни роль, о которой я даже не подозревала. Роман с моим мужем объяснял неизменное презрение, которое она проявляла по отношению ко мне, то, почему она следила за мной из своего кабинета и пользовалась любой возможностью, чтобы унижить в глазах других волонтеров. И теперь, словно кукушка, она ведет себя как дома в моем гнезде, но вместо того чтобы выкинуть мои яйца и заменить их своими, сделала все, чтобы мне не осталось места, если я решу вернуться в семью. Это из-за нее, а не из-за меня Тони и девочки сейчас в другом доме, а не в своих комнатах наверху.

«Что Тони сказал ей обо мне? Что она знает такого, чего не имеет права знать? О чем таком я не могу вспомнить, что заставило всех бросить меня?»

Я вышла в сад на задворках, чтобы выкурить еще одну сигарету. После возвращения от Тони перестала следить, сколько курю. Я проигрывала в памяти определенные моменты: например, как мы спешно шли через школьную парковку, и он втайне от меня пытался писать кому-то. Должно быть, просил Джанин уйти из дома, потому что я собиралась приехать туда. Наверняка она оставила сумку нарочно, чтобы я увидела. Или, может,

пряталась в другой комнате, посмеиваясь надо мной... В то время как я волновалась за безопасность нашей дочери, Тони знал, что Джанин находится с Эффи.

Я не могла сказать ему, почему так боюсь за мою девочку, а он не мог сказать, почему бояться не следует.

Ему не хватило духу высказать правду о том, что происходит за моей спиной.

«Как ты мог, Тони? Как ты мог так поступить с нами?»

Почти всю свою жизнь я была бойцом, но только теперь осознала, что в какой-то момент на первый план вышла роль жертвы. Мне отчаянно нужно, чтобы та сильная, уверенная Лора, которую я когда-то знала, взяла руководство на себя... Я сделала последнюю длинную затяжку, а потом затоптала окурки. Райан и Джанин, Джанин и Райан. Они понятия не имели, против кого пошли.

Но кого из них мне выбрать первой целью? Сердце подсказывало, что Джанин, а голова говорила – Райана. Да, Райана, потому что о нем я знала меньше, а моей стабильности он угрожал больше. Знаком с моим мужем, преследовал мою дочь, знает, где живу я и где мой сын... Настала моя очередь узнать все о своем враге и заставить его страдать, как он заставил меня. И я знаю, к кому обратиться для начала.

* * *

Я окидывала взглядом игровую площадку, высматривая Элис, пока звонок не возвестил о начале нового школьного дня.

В эти короткие отрезки времени – утра будней, – я видела, как она выросла; волосы стали длиннее, движения – ловчее. Она выросла – я видела это по пять минут каждое утро. Я не могла понять, каково ее последнее воспоминание обо мне, но, если верить Тони, не очень хорошее. Когда я уберу врагов с пути, остальные части моей жизни встанут на свое место, и я снова каждый день буду провожать ее в школу.

Неожиданно Элис заметила меня, и ее лицо просияло. Я вздохнула с облегчением. Она по-прежнему любит меня. Она как раз помчалась ко мне, когда прозвенел школьный звонок. «Все в порядке, – одними губами произнесла я и указала на дверь, показывая, что ей следует идти на занятия. – Скоро увидимся». Элис помахала рукой и поскакала прочь, скрывшись в школьном здании.

Я увидела Бет Гриффитс, прежде чем та повернула голову и заметила

меня – хоть не имела и отдаленного понятия, кто я такая. Она то ли спала, не смыв вчерашний макияж, то ли поставила будильник на слишком ранний час, потому что выглядела непозволительно для родителя, провожающего ребенка в школу.

Я часто видела ее у школьных ворот вместе с сыном, но, пока она не прошла мимо нас с Тони на выходе из школы Эффи, не знала, что второй ее ребенок учится там. Я заметила, что Бет носит бейджик со своим именем и надписью «Родительский комитет».

– Здравствуйте, – начала я, когда она открыла дверь своего внедорожника. Бет резко обернулась и окинула меня беглым взглядом. – Меня зовут Лора. Моя дочь учится в одном классе с вашим сыном. – В последней фразе я солгала.

– Ах да, конечно, – отозвалась она, но ее фальшивая улыбка не могла скрыть отсутствие интереса.

– Вчера вечером видела вас в старшей школе Сент-Джайлс. Я не знала, что там у вас тоже кто-то учится.

– Как мило, – произнесла Бет, но не выразила ни малейшего намерения продолжать разговор. Я была темной тучей на ее синем небе, и она ждала, пока ветер унесет меня прочь. По неестественной гладкости ее кожи я предположила, что она напичкана инъекциями, словно эклер кремом.

– Как успехи у вашей дочери в десятом классе?

– Все хорошо, спасибо. Хочет пораньше выбрать предметы для аттестационных экзаменов. А как ваша... – Она не смогла закончить фразу, и я сделала это вместо нее:

– Эффи? Справляется неплохо. Перевелась два года назад.

– Это хорошая школа с высокими отзывами, – ответила Бет. – Прошу прощения, не хочу быть грубой, но мне надо спешить...

Она попыталась сесть в свою машину, но я проигнорировала ее отчаянные усилия прервать разговор в самом начале.

– Нам повезло, что классный руководитель Эффи, мистер Смит, так хорошо относится к ней, – сказала я. – Недавно я познакомилась с ним. Он новенький? Не помню, чтобы я видела его раньше.

– Работает там примерно полтора года, если я верно помню, и недавно принял руководство в десятом классе. Но до этого брал длительный отпуск из-за печального случая с женой.

– С женой?

Именно поэтому я выбрала в качестве собеседницы Бет. Я сразу же узнаю таких, как она. Мне много раз доводилось видеть матерей, чрезмерно вовлеченных в школьную жизнь их детей. Им надо сунуть свой нос в

каждую щель, чтобы скрыть тот факт, что в их маленьком мирке больше ничего не происходит. И сильнее, чем собирать слухи, они любят только распространять их.

– А вы не читали об этом в газетах? – спросила Бет. – Это просто ужасно. Самоубийство. Прыгнула с обрыва. Можете поверить? Что за жуткий способ умереть!

Я вонзила ногти в ладони.

«Нет. Это не может быть она. Только не Шарлотта. Только не Шарлотта Дэвида!»

– Как печально, – произнесла я.

– И это еще не самое худшее. Через два месяца у нее должен был родиться ребенок, а она покончила с собой вместе с мужчиной, с которым имела роман... Все говорят, что это что-то вроде совместного самоубийства Ромео и Джульетты.

Я сочувственно покачала головой, но воздержалась от возражений. У Шарлотты не было никакого романа с Дэвидом. Я просто подготовила ее, чтобы помочь ему завершить дело. С тех пор как это произошло, я практически не думала о Шарлотте – разве что, может быть, слегка завидовала, что она сыграла такую важную роль в последних минутах жизни Дэвида. Даже не потрудилась прийти на ее похороны. И явно недооценила последствия, которые повлекла за собой ее смерть.

Так вот что имел в виду Райан, когда сказал в коттедже, что я уже отняла у него все... Теперь, зная, что им двигало, я могу использовать это себе на пользу.

– Что ж, не буду вас задерживать, – с улыбкой произнесла я и направилась прочь.

– Рада знакомству, – сказала мне вслед Бет, но я знала: если она увидит меня завтра, даже не вспомнит, кто я.

Глава 10

Райан

– Спасибо, что согласились встретиться, – начал я. Сняв свой пиджак, сложил его и положил на подлокотник дивана.

– Вам принести чаю, кофе или стакан воды? – спросила она и открыла окно, чтобы разогнать духоту. Я предположил, что помещением пользовались не так уж часто.

– Лучше воды, спасибо.

Я пришел сюда ради встречи с менеджером «Больше некуда» Джанин Томсон – раньше встретиться не удалось. Когда она вышла из комнаты, расположенной на первом этаже здания, я окинул взглядом скудно украшенные стены и заметил под потолком две камеры слежения. Зеленые огоньки равномерно мигали, и я предположил, что за нами наблюдают. Обои из древесно-стружечной массы просили нового слоя белой краски, а два потрепанных дивана, стоящих двух напротив друга, давно следовало бы заменить. На кофейном столике – коробка с бумажными платочками. Я гадал, что находится за дверью, запертой на засов.

Вернувшись, Джанин поставила мой стакан с водой на тот же кофейный столик.

– Во время нашего телефонного разговора вы упоминали, что хотели бы поговорить об одной из наших волонтерок, Лоре, верно? – уточнила она, потом достала из ярко-оранжевой сумки блокнот и ручку. Голос не был таким умиротворяющим, как у Лоры; он звучал более рационально.

– Она точно сегодня не на дежурстве? – спросил я.

– Нет, ее смена только в пятницу.

– Хорошо. Так вот, я думаю – точнее, знаю, – что Лора поощряет некоторых из ваших клиентов покончить с собой.

Джанин посмотрела на меня так, что я вспомнил, почему не обратился к ней раньше и предпочел взять дело в свои руки. В горле пересохло; я взял стакан с водой и сделал большой глоток, потом примостился на краю дивана и начал пересказывать случившееся – от смерти Шарлотты до того момента, когда Лора появилась в коттедже. Исповедоваться перед братом было куда проще, чем перед посторонней женщиной. К тому же сейчас приходилось корректировать слова, чтобы не навлечь на себя обвинения. Я признался, что следил за Лорой, но не сказал про то, что выслеживал также ее родных, про то, что она пырнула меня ножом, про то, как я использовал

Эффи в своих целях. И все время, пока я говорил, Джанин делала пометки в блокноте.

– Что ж, – сказала она, – это тяжкое обвинение, мистер Смит.

– Знаю, как это звучит. Но Лору нужно остановить.

– Не против, если я спрошу: после смерти жены вы не обращались к психотерапевту, специализирующемуся на подобных ситуациях?

– Нет. А зачем?

– Просто иногда скорбь может выражаться самыми разными способами, особенно тогда, когда человек, которого мы любим, совершает самоубийство. Мы начинаем винить себя или направляем свой гнев на других людей...

– Вынужден вас прервать, – твердо сказал я. – Я точно знаю, как подействовала на меня скорбь. Она разорвала мою душу, но разум я не утратил. Много недель я разговаривал с этой женщиной и слышал, насколько убедительной она была, когда считала, будто я нахожусь в полном упадке. Поэтому точно знаю: она опасна для уязвимых людей, которые звонят в вашу организацию.

– У вас есть какие-либо свидетельства рассказанного?

Я вынул диктофон и уже собирался нажать кнопку воспроизведения, но Джанин остановила меня.

Я проследил за ее взглядом – она указывала глазами на одну из камер наблюдения. Достав из своей сумки наушники-вкладыши, воткнула их в диктофон и прослушала выжимки из множества моих телефонных разговоров с Лорой.

Пока она слушала, я смотрел на ее лицо – оно было каменным; однако Джанин впитывала каждое из манипулятивных слов Лоры. Пять минут спустя она нажала кнопку «стоп» и, сняв наушники, сказала:

– Вам следует знать, что Лора весьма популярна в нашей команде и выручает для нас много денег. Если б не она, было бы сложно найти средства на дальнейшую работу.

Я чувствовал себя опустошенным. Ей было все равно. Я покачал головой, забрал диктофон и встал, намереваясь уйти.

– Значит, из-за того, что она приносит вам деньги, вы готовы закрыть глаза на творимое ею?.. Я знал, что напрасно потрачу время.

– Подождите, Райан, – ответила Джанин и поднялась. Снова оглянулась на камеры, понизила голос и зашептала мне на ухо...

Глава 11

Лора

Я заметила фотографию, сделанную в день свадьбы. Расположена так, чтобы он мог видеть ее, в какой бы позе ни лежал.

Он был намного красивее в качестве жениха, чем его жена – в качестве невесты. Судя по возрасту свадебной машины, припаркованной позади них, и стилю платьев невесты и ее подружек, черно-белому фото в рамке розового золота было уже примерно шесть десятков лет. Оно слегка выцвело, но было ясно, что жених и невеста любят друг друга – они смотрят друг другу в глаза так, словно хотят удержать этот взгляд на целую вечность. Теперь же дед Райана, спящий на кровати за моей спиной, был мало похож на крепкого улыбчивого мужчину, запечатленного столько лет назад.

За день до этого я просмотрела десятки фотографий преподавательского состава школы Эффи, пока не нашла фото Райана. Он незаметно заснял меня и сына на лоджии пансионата. Но каким образом он получил доступ? Я показала фотографию Райана на телефоне двум безмозглым регистраторшам, и одна немедленно опознала его.

– Внук Пита Спенсера, верно? – начала она. – Кажется, Роберт, или Райан, или Ричард... что-то вроде того.

Ни одна из них не поинтересовалась, зачем мне это. Поблагодарив, я направилась к крылу, где жил Генри, но потом свернула в отделение для престарелых. Пол здесь был застелен липким линолеумом, воздух пах хлоркой. Дойдя до еще одной регистрационной стойки, я, имитируя иностранный акцент, заявила, будто мистер Спенсер – мой дядя. Медсестра, не спросив документы, указала на палату номер 23. Я мысленно сделала себе пометку: впоследствии подать жалобу руководству на то, что персонал пренебрегает мерами безопасности.

Пару минут спустя я уже склонилась над хрупким старцем, слишком больным и слабым для самозащиты. Чтобы освободить его из тюрьмы немого тела, понадобилось бы лишь крепко прижать к его лицу подушку и поддержать некоторое время. Может быть, он и не был потенциальным самоубийцей, но я дала бы ему то же милосердие, что и своим кандидатам.

Окинула взглядом скудно обставленную комнату, порылась в одежде в гардеробе и остановилась на строгом костюме. Предположила, что этот

костюм снова наденут на старика лишь тогда, когда будут класть в гроб. На полках фотографии – детей и внуков, насколько я могла догадаться. Потом я увидела свадебное фото Райана, рядом с которым стояла Шарлотта в белом кружевном платье без плеч; сейчас оно уже выглядело немодным. Взяла фото, чтобы как следует рассмотреть ее – в первый раз. Шарлотта была привлекательнее, чем можно было предположить по ее голосу, стройнее и выше, чем я. Даже если бы она не шагнула с обрыва, их брак не продлился бы долго. Шарлотта настолько не подходила ему, что не осталась бы надолго.

Я гадала: если б Райан мог заглянуть тогда в будущее, женился бы он на ней, зная, как она поступит с ним? Я знала, что все равно вышла бы замуж за Тони, несмотря на все последующее.

Наша свадьба была скромной – мы венчались в деревенской церкви Уидона, вблизи от того места, где вырос Тони. Мы были молоды, нам обоим чуть перевалило за двадцать, но я никогда и ни в чем за свою жизнь не была настолько уверена, как в том, что я поступаю правильно.

Цель свадьбы – это не только взятие на себя обязательств друг перед другом, она также объединяет две семьи. Вот только эту часть сделки я не могла выполнить. Распорядителям пришлось направить гостей Тони на обе стороны нефа^[17], чтобы жениховская сторона не перевешивала невестину. Его мать пыталась исполнить роль моей мамочки, помогая мне подготовиться к церемонии утром перед свадьбой. И когда его отец под руку вел меня к алтарю, до меня дошло, насколько я одинока.

В тот день мне полагалось улыбаться во весь рот, но я хотела лишь, чтобы он поскорее закончился. Это было постоянное напоминание о том, что у меня нет никого, кроме новоиспеченного мужа. На банкете, когда дальние родственники Тони спрашивали меня, где мои родители, я отвечала им, что мама и папа умерли. Я была вынуждена объяснять одно и то же всем, от владелицы салона свадебных платьев до флориста, водителя и управляющего рестораном, который распределял места между гостями.

У меня не было ни одного родственника, чтобы вписать его в эти планы, а свадебными подружками были девушки с работы – я едва была знакома с ними, но им было неловко отказаться, когда я попросила об услуге. Все, что касалось свадьбы, было сплошным эрзацем. Чтобы ощутить присутствие рядом своих родителей, я смогла лишь надеть обручальное кольцо матери и подарить Тони часы отца. Едва не расплакалась, когда он принял их. Я не сказала ему, что на самом деле купила их в антикварном магазине в ближайшей деревне Олни. Хотела ощутить ностальгию, пусть даже не свою, чужую.

На прикроватном столике деда Райана лежали серебряные часы с откинутой крышкой. На обратной стороне была выгравирована надпись: «Сыну в день свадьбы».

«Как мило...» Я была уверена, что в те времена они стоили небольшого состояния. Сунула часы себе в карман вместе с батарейками от пульта дистанционного управления телевизором. Вышла из палаты, потом остановилась, обернулась и вошла обратно, тихонько прикрыв дверь.

Внимательно прислушалась, как легкие старика с трудом вбирали воздух. Дыхание хриплое и свистящее, слишком слабое для астмы – скорее всего, он страдал эмфиземой^[18]. Бедолаге действительно лучше умереть.

* * *

Звонок раздался неожиданно, однако он не мог быть более желанным. Когда на экране высветился знакомый номер, я затушила сигарету о тротуар.

– О, солнышко! – начала я и закрыла глаза, испытывая восторг и облегчение от того, что Эффи позвонила мне. Прошла неделя с тех пор, как я неожиданно появилась в их новом доме. После этого я написала сообщение на номер, который видела на телефоне Тони, дав дочери свой и надеясь, что она захочет пообщаться. А это, в свою очередь, могло подтолкнуть Тони сделать то же самое. – Как ты?

– В порядке... – нерешительно ответила она.

– Уверена? По голосу не похоже.

– А может... может, мы... ну, типа, встретимся?

– О, конечно, с радостью! Когда?

Полчаса спустя мы сидели бок о бок на кожаном диванчике в кофейне. Эффи выбрала «Старбакс» в торговом центре на окраине, потому что, как она объяснила, ей не хотелось, чтобы нас увидел отец или его друзья. Мы пили горячий шоколад со взбитыми сливками и посыпкой, и я внимательно слушала, как дочь рассказывает о своей жизни в пропущенный мной период. Она объяснила, что некоторые друзья отвернулись от нее, когда кто-то взломал ее учетку на «Фейсбуке» и опозорил Тома, ее бывшего парня. Потом у нее снизились оценки, и она осталась совсем одна, считая себя полной дурой. Мне хотелось узнать о Райане Смите, но я не могла просто так поднять эту тему.

– Тебе нравятся какие-нибудь предметы? – спросила я. – Какие тебе лучше всего давались раньше? Химия, верно?

– Английский и биология. А теперь у меня самые поганые оценки по английскому, а биологию я ненавижу, потому что нам задано резать зверушек. Маленьких поросят... Ужас. – Она сморщилась.

Я видела, что Эффи трудно встречаться со мной взглядом, и понимала: хотя я мать, в то же время и посторонний человек. Все еще не удавалось вспомнить, что именно нас разделило. Как бы меня это ни раздражало, казалось неуместным спрашивать ее и рисковать разбередить старые раны. Сегодня мы должны двигаться вперед; я должна привлечь ее на свою сторону и показать мужу, что он упускает, отстранившись от меня. Когда Эффи наконец посмотрела мне в глаза и не отвела взгляд, я увидела в ней очень много от себя.

Пока дочь говорила, до меня постепенно дошло, что раньше я никогда по-настоящему не слышала ее. Слушала – но чаще всего отмахивалась от ее слов и эмоций, считая их детскими глупостями. Теперь близился пятнадцатый день рождения Эффи, она становилась юной женщиной, и мне пора обращаться с ней соответственно.

Несколько раз она открывала рот, словно желая о чем-то спросить, но почти сразу же закрывала, видимо, передумав.

– Не хочу давить, но, похоже, ты хочешь сказать мне что-то еще? – предположила я.

Дочь покачала головой и посмотрела на парковку, где покупатели загружали в свои машины набитые сумки и пристегивали детей к креслам. Ее губы были поджаты, она выглядела очень печальной.

– Я все испортила, мам, – произнесла она, потом сморщилась и заплакала.

Похоже, вопрос угодил в цель. Я придвинулась ближе к ней и обняла за плечи, успокаивая.

– У нас новый учитель, и сначала мне казалось, что он меня ненавидит, потому что постоянно ставил мне плохие оценки, – продолжила она.

– Мистер Смит? – спросила я. Эффи кивнула.

– А потом он стал очень внимательным, уделял мне много внимания после уроков. И мы постепенно стали... сближаться.

– Насколько? – спросила я. Похоже, воссоединение с дочерью окажется куда более плодотворным, чем я ожидала. Я надеялась, что Райан Смит не причинил Эффи никакого вреда, но для моих замыслов было бы неплохо, если бы он чуть-чуть перешел границы.

– У меня осталось не так много друзей, а он был очень добр ко мне, и я начала испытывать к нему особые чувства. Мне казалось, будто он тоже чувствовал что-то ко мне. Но когда я призналась ему, он повел себя просто

ужасно.

Так вот что он сделал с ней! Намеренно ввел глупую девчонку в заблуждение... Теперь мне было с чем работать.

– Солнышко, между вами было что-то... в физическом смысле?

– Нет. И я знаю, что это неправильно, но хотела, чтобы это случилось. А он отказал мне, назвал отвратительной и глупой... Я чувствовала себя ужасной идиоткой. Даже не могу больше смотреть на него, мне тошно. Ненавижу его.

– А мне он показался очень милым... Но наверняка после этого посмеялся над тобой в учительской.

На лице дочери появился страх.

– Думаешь, он сказал другим учителям?

– Мужчинам его возраста нравится внимание со стороны молоденьких и красивых девушек – таких, как ты. Они хвастаются этим перед друзьями. А ты знаешь, как слухи распространяются в школе... Может быть, ему это нравится: привлекать девушку, чтобы потом унижить и хвалиться этим. Я лишь надеюсь, что никто из учеников об этом не узнает.

Дочь уткнулась лицом в ладони и снова заплакала. Я гладила ее по плечам, но не уговаривала прекратить. Разрывалась между желанием быть матерью, в которой нуждалась Эффи, и необходимостью отомстить Райану. У Эффи потенциально было все, что мне для этого требовалось, но сперва мне нужно было внушить ей свой образ мыслей.

– Кто-нибудь еще знает о твоих чувствах к мистеру Смиту? – спросила я.

– Нет, я никому не говорила.

– Вас видели вместе?

– Думаю, да. Я встречалась с ним два раза в неделю.

– Но ведь вы не проводили время с ним наедине, когда никого больше вокруг не было?

– Мы всегда оставались одни в комнате за его кабинетом.

Я хотела, чтобы весь мир замер и не отвлекал меня от сладкого ощущения, которое дарило мне каждое ее слово. Именно так я и намеревалась уничтожить Райана: действуя вместе с дочерью ради общей цели.

– Вы все время были наедине? – переспросила я. – Ты уверена?

– Да.

– А он уделял такое же внимание кому-либо еще из девочек?

– Нет. Всегда ждал, пока все не уйдут.

– А когда вы оставались наедине, насколько близко находились?

– В паре метров.

– Ясно.

Должно быть, в моем голосе прозвучало разочарование, потому что Эффи поспешно добавила:

– Но иногда он подходил намного ближе.

Я всегда могла отличить, когда она говорит правду, а когда преувеличивает.

– Он когда-нибудь спрашивал тебя о твоей семье?

– Немного – про тебя и про папу.

– И что ты ему сказала?

– Ничего особенного.

– Он сказал, почему хотел что-то узнать о нас?

– Сказал, что пытается понять, нет ли у меня каких-нибудь проблем дома, из-за которых так снизились оценки. Но это все началось из-за него, он сам постоянно занижал их. Говорил, что не хочет тревожить вас обоих, поэтому мне лучше не упоминать о том, что он спрашивал про вас.

– Значит, он уговаривал тебя таить от нас секреты? – Я покачала головой, сложила руки на груди и выразительно выдохнула. – Весьма типичный подход.

– К чему?

– К тому, как обхаживать ребенка.

– Типа, как педофил?

Я кивнула.

– Во время работы в «Больше некуда» мне иногда приходится говорить с подростками, которые прошли через это; вот только когда они звонят нам, это часто заходит намного, намного дальше... Бедные дети. Я могла бы рассказать тебе так много историй, Эффи!

– Но разве тогда он не сделал бы чего-нибудь, когда я сама призналась ему в машине?

– Ты была в его машине?

– Да, он подвез меня до дома, и я думала, что за этим будет что-то еще.

А потом он стал говорить, как отвратительно я себя веду.

– Может, он просто испугался, а может, решил запутать тебя... Трудно сказать, что у таких людей на уме.

– Мне надо было сказать папе, верно? Он бы знал, что делать.

– Нет, я думаю, что пока не нужно. Ты же знаешь, насколько отец хлопочет о твоей безопасности. Он может сделать что-нибудь неразумное. Оставь это мне – я все улажу. Но мне требуется знать, насколько далеко, по твоему мнению, я имею право зайти.

Эффи помолчала несколько секунд, потом посмотрела на меня со стальной решимостью, которой я никогда прежде в ней не замечала.

– Хочу, чтобы ему было так же хреново, как мне из-за него.

– Хорошо. Но мне понадобится твоя помощь, и тогда я сделаю так, чтобы он больше никогда не заманил и не унизил ни одну девушку.

– Спасибо, мам, – ответила она, и я прижала ее к себе и погладила по волосам. То, что старшая дочь снова была со мной, оказалось на удивление приятно.

Я окинула взглядом кофейню и понизила голос:

– Знаешь, что такие обвинения могут разрушить его учительскую карьеру?

Эффи кивнула и одарила меня улыбкой, свидетельствовавшей, что она поддержит любое мое предложение.

– Хорошая девочка, – похвалила я. – Хорошая девочка.

Глава 12

Райан

– Кто-то побывал в дедушкиной палате, – сказал Джонни по телефону. Голос его звучал озадаченно и встревоженно.

– Что ты имеешь в виду?

– Не хочу тебя пугать, но ты помнишь фото с вашей с Шарлоттой свадьбы, стоявшее на полке? Лицо Шарлотты замазано ручкой. Я заметил это, когда уже уходил.

– Уверен?

– Конечно, уверен. Я забрал снимок с собой, пока дедушка спал, чтобы он этого не увидел. Кто мог такое сделать?

– Лора, – выдохнул я. – Твою мать...

– Что? Ты думаешь, она?

– Это могла быть только она...

Я умолк. Должно быть, она каким-то образом обнаружила, что дедушка в том же самом заведении, что и ее сын. И во время многочисленных разговоров с Лорой Шарлотта наверняка рассказала, как она замазывала лицо Бритни Спирс на фотографиях во время своей влюбленности в Джастина Тимберлейка. Лора дала мне четкое предупреждение: она, как и я, хорошо подготовилась.

Я не хотел верить, потому что это означало только одно: она вышла из тени и показывает мне, что больше не боится. А ведь я обещал Джонни больше не трогать ее...

– Ради бога, Райан! Если это она, то ты должен что-то с этим сделать, пока все не зашло еще дальше, – мрачно заявил Джонни. – Если она действительно такая чокнутая, как ты говорил, она могла сделать с дедом что угодно, пока оставалась наедине с ним.

– Знаю, знаю, – отозвался я. – Извини.

Брат повесил трубку, а я прижал телефон к груди, пожалев о том, что фотографировал ее сына-инвалида в пансионате деда.

– Черт, черт, черт, – вслух произнес я и уронил телефон на диван. Я понятия не имел, как мне на это реагировать. Может быть, теперь, когда я уведомил начальницу Лоры о том, на что та способна, нужно просто сохранять терпение и ждать, пока Лора облажается. Однако до тех пор, если уж она взяла меня на прицел, следует готовиться к обороне.

Глава 13

Лора

– Здравствуй, моя дорогая! Вернулась в мир живых?

Мэри одарила меня одним из своих крепких объятий, во время которых прижимала человека к себе всем телом, отчего сразу же возникало желание сменить одежду.

– Да, жутчайший кишечный грипп. Девочки тоже подхватили, – солгала я.

После столкновения с Райаном и осознания того, что Джанин уводит у меня мужа, я решила некоторое время не ходить в офис под предлогом кишечного гриппа. Еще не набралась сил, чтобы встретиться лицом к лицу с Джанин и при этом не вылить ей на голову чайник кипятка.

– Но за эти несколько дней я успела сделать вот это. – Я открыла жестяную коробку из-под кексов, набитую песочным печеньем на топленом молоке – накануне купила три упаковки. – Не беспокойтесь, уже не была заразной, когда пекла их, – пошутила я, когда Мэри запустила в жестянку свою морщинистую руку, и, улучив момент, окинула взглядом офис. Коллеги были искренними, добрыми людьми, полными энтузиазма и всегда ставящими интересы других людей выше собственных. Но помимо этого они были невероятно слепы. Никто не видел происходящего прямо под носом. Никто не знал, кто я на самом деле.

– Не слишком-то расслабляйся, – предупредил Кевин, когда я направилась к своему столу. – Примерно через полчаса Джанин собирается отправить тебя на личную беседу.

Я закатила глаза. Джанин знала, что я не люблю личные беседы с клиентами, но все равно дала назначение, мерзкая коровица... Теперь придется идти к ней и выдумывать предлоги, почему я не могу выполнить задание.

– Ее нет в офисе, – продолжил Кевин, предугадывая мою реакцию. – Взяла пару отгулов. Сказала, что куда-то хочет поехать со своим новым другом.

Я замерла на месте. Затем переспросила, едва ли не выплевывая эти слова:

– С новым другом?

– Да, уже некоторое время встречается с каким-то мужиком. Судя по тому, что она сообщила Зои, это серьезно.

– Что ж, это доказывает, что каждому найдется пара... Даже Джанин с ее уникальной внешностью.

Я ушла в ее кабинет, чтобы пережить приступ злости в одиночестве. Хотела оттеснить Тони, Джанин и их мерзкий романчик на задворки своего разума – но сказать проще, чем сделать. Вместо этого я представляла, как они идут по пляжу под ручку. Видела, как они наслаждаются пикником на природе, как целуются под неярким солнцем. Представляла, как Тони держит свою куртку над головами, чтобы не промокнуть во время неожиданного дождика. И как делает с Джанин все то, что должен делать со мной...

Я листала папку-регистратор и задавалась вопросом, как мой красавец-муж мог выбрать эту тварь – из всех, кем мог бы меня заменить. Уродливая баба с лицом хорька ластится к моему Тони и изображает мать моих детей... В подобное тяжело поверить.

Казалось, после нападения мы с Тони сблизилась, и теперь я даже пыталась заново выстроить отношения с Эффи и Элис. Мы должны были мыслить в одном направлении и добиваться того, чтобы снова жить все вместе под одной крышей. И даже, глядишь, со временем Тони снова сможет принять Генри, сделать его частью нашей жизни... Будем жить впятером, как и предполагалось. Они не должны быть с ней, не должны быть с Джанин!

Я планировала сперва разобраться с Райаном, а потом с Джанин, но теперь, когда гнев перехлестывал через край, словно лава, бурлящая в кратере вулкана, они оказались в равном приоритете.

Я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, но в воздухе витал запах дешевых духов Джанин, купленных в супермаркете; он забивал мне глотку, заставляя кашлять. Я нашла в папке имя клиента, с которым мне предстояло встретиться, но замерла, когда увидела дневник Джанин, выглядывающий из открытого ящика стола. Удостоверилась, что никто не наблюдает за мной, и принялась перелистывать страницы. Сегодняшний день Джанин пометила как начало долгих выходных. Написала «Исландия» с тремя восклицательными знаками, а вместо точки под каждым из них нарисовала крошечное сердечко. Тони знал, что я всегда мечтала увидеть северное сияние, но отказывался поехать со мной, потому что ненавидел холод. А теперь повез туда Джанин... Я надеялась, что сияние будет таким ярким, что она ослепнет.

Мы с Тони часто уезжали куда-нибудь на долгие выходные. Его родители присматривали за детьми, а мы с пятницы до воскресенья летали куда-нибудь в Брюгге или в Барселону. Было отвратительно, что муж

повторяет подобные моменты нашей жизни с Джанин.

Я пролиставала несколько страниц назад и заметила, что она вымарала что-то в дневнике. С такой силой нажимала ручкой на бумагу, что на следующей странице осталась вмятина. Что она пыталась скрыть? Ощущая любопытство, я посмотрела страницу на просвет и совершенно отчетливо прочла имя:

«16:15, Райан Смит» – гласила запись.

Некоторое время я смотрела на это имя, позволяя своему мозгу осмыслить, что оно могло означать. Моргнула и посмотрела на страницу снова; имя никуда не исчезло. Две мои мишени сговорились.

Стук в дверь заставил меня подскочить; я прикрыла дневник папкой.

– Лора, твой клиент пришел. – Зои улыбнулась. – Понаблюдаю через камеру.

В комнате на первом этаже клиент – мужчина со складчатым лицом, пахнувший застарелым табачным дымом, – начал жаловаться на то, насколько ужасна его жизнь с тех пор, как ушла жена. Зная, что за нами наблюдают, я кивала там, где это было уместно, а в нужных местах выдавала сочувственную улыбку. Даже когда он сказал мне, что считает, будто мертвым быть лучше, чем одиноким, я не клюнула. Сейчас мне не нужны кандидаты. Я могла думать лишь о том, что Джанин и Райан встречались в этой самой комнате. И то, что я не знала, о чем они разговаривали, убивало меня.

Позже, когда клиент ушел, явно удовлетворенный тем, что хоть кто-то в целом мире понимает его горести, я поднялась наверх и поблагодарила Зою за присмотр из комнаты наблюдения. Подождала, пока та вернется к своему столу, потом прошла в комнату и закрыла за собой дверь. Зою не разлогинилась на компьютере, и я нашла файлы, содержащие записи наблюдения за прошлыми посетителями. Каждый был помечен именем того, с кем велась беседа, датой и инициалами интервьюера и наблюдателя. Однако ни в одном ролике не нашлось имени Райана. Я гневно сложила руки на груди. Потом щелкнула мышкой на иконке корзины. Среди удаленных вордовских документов обнаружился файл, озаглавленный «Р.С.»

– Райан Смит, – произнесла я вслух.

Поскольку других имен к файлу не прилагалось, я предположила, что Джанин сама записала его, потом удалила, но забыла очистить корзину.

Я надела наушники и нажала кнопку воспроизведения. Спустя несколько пустых кадров Райан вошел в комнату в сопровождении Джанин. Он барабанил пальцами по колену и нервно постукивал ногой по полу, пока

она не принесла ему стакан воды. Этот Райан был совсем не похож на коварного злодея, изводившего меня в школе Эффи.

Я внимательно слушала, как он рассказывал Джанин о смерти своей жены Шарлотты, как прочел в интернете о «Героине с линии доверия» и о том, сколько усилий приложил, дабы убедиться, что я реальна. Потом в подробностях воспроизвел наши многочисленные разговоры – как я убеждала его умереть и как приняла приглашение посмотреть на это событие. Сердце мое часто билось. Я смотрела в лицо Джанин, но оно оставалось бесстрастным, несмотря на все обвинения.

То, как Райан проникновенно рассказывал о страданиях, пережитых им после потери жены, немного приближало его к человеческому образу. До этого момента он был непредсказуемой силой, намеренной терзать меня. Но при просмотре видеозаписи стал для меня реальным человеком, страдающим, разбитым и одиноким. Он ничуть не напоминал опасного противника, от которого я несколько месяцев пряталась в своем доме.

И это лишь усилило мое желание сломать его окончательно.

Неожиданно Райан протянул Джанин что-то похожее на диктофон. Она оглянулась на камеру, затем достала из своей сумки наушники и в течение следующих пяти минут слушала записи, не говоря ни слова. Я подалась вперед, примостившись на самом краешке сиденья и гадая, что же за записи он ей предъявил. Наконец она заговорила.

– Вам следует знать, что Лора весьма популярна в нашей команде и выручает для нас много денег, – сказала она. – Если бы не она, было бы сложно найти средства на дальнейшую работу.

Оценка, которую Джанин дала моему тяжкому труду, была совсем не тем ответом, которого я ожидала, – ведь прежде она не проявляла ко мне ничего похожего на признательность. Я уже начала испытывать некоторое облегчение, когда разочарованный Райан поднялся, намереваясь уйти. Его слово против моего: слово чужака, раздавленного горем и отчаянно ищущего кого-то, кроме себя самого, на кого он мог бы возложить вину за смерть жены, – против моего слова, слова публичной персоны, женщины, чье второе имя – благотворительность. Джанин могла не любить меня, но по крайней мере я получила ее поддержку.

Я уже начала снимать наушники, но продолжала смотреть, как Райан идет к двери. Неожиданно Джанин, встав, остановила его. Посмотрела прямо в объектив и зашептала ему на ухо. Я не могла разобрать, что она говорит, поэтому прокрутила кадры еще раз. Но звук все равно был слишком тихим. Только выкрутив громкость на максимум, я смогла слышать несколько слов.

– Я верю... говорят... – сказала она ему, – ...подозрительно... количество звонков от самоубийц... выше... других филиалах. Обещаю... немного времени... выдворим отсюда... полицейское расследование. Это место... я заберу у нее...

Я поникла на стуле, глядя, как они вдвоем выходят из комнаты. В конце концов экран компьютера сделался черным.

«Ох, Джанин, ну зачем ты это сказала?»

Все были слишком заняты звонками, чтобы заметить, как я роюсь в ее ящиках, в картотеке и в шкафу позади стола, отчаянно ища проклятый диктофон. Но его нигде не было.

Я оставила поиски и удалила видеофайл – на этот раз окончательно. В голове как будто щелкнул выключатель. Теперь я видела все более отчетливо – настоящее и будущее. Мне не нужно мстить Райану и Джанин по отдельности. Я могу использовать их, чтобы они угробили друг друга. Две пташки на одной ветке – и я держу в руках камень...

Глава 14

Райан

Отец и мать сидели за кухонным столом напротив меня; выражение их лиц было серьезным – как в те времена, когда я был ребенком и они намеревались укорить меня в чем-то.

Когда они начали говорить, я понял, что этот разговор был ими заранее отрепетирован, – по тому, как они говорили фразы по очереди, точно ведущие утренних новостей, читающие с телесуфлера. Даже распечатали отчеты по своим банковским счетам и подчеркнули маркером расходы, чтобы доказать свою точку зрения.

– Мы просто больше не можем себе этого позволить, – продолжила мама, отпивая просекко^[19] из бокала. – Если так будет и дальше, придется обналичить пенсионные накопления, чтобы продолжать платить за все это.

Я кивнул.

– Вы правы, простите. Я не подумал об этом. Вам нужно было сказать об этом раньше.

Они пригласили меня к себе, чтобы обсудить две ипотеки, взятые мною на свое имя. Я выплачивал деньги за квартиру, а им пришлось платить за пустой коттедж. Жалованье учителя – не бездонный кладень денег, как и их сбережения.

– Понимаю, почему ты не хочешь отказываться ни от того ни от другого, – сказал папа, – но в скором времени придется что-то решать. Ты не сможешь сохранить обе жилплощади.

Я быстро взвесил «за» и «против» каждого жилья. После смерти Шарлотты я разлюбил нашу квартиру. Разумнее было поселиться в доме, где она никогда не бывала.

– Продам квартиру.

– Уверен? – спросила мама. – Может, еще немного поразмыслишь?

– Нет, нужно начать двигаться в новом направлении.

Это был лозунг, который я подцепил на сайтах «самопомощи» – Джонни постоянно присылал ссылки. В рождественские каникулы я поддался любопытству и открыл их, но лишь недавно эти слова начали находить отклик в моей душе. Я принял решение в новом году начать с чистого листа.

Когда Джонни спросил, какова конечная цель моей игры с Лорой, у меня не было нормального ответа. Много месяцев я не думал почти ни о

чем, кроме того, как сделать ее жизнь такой же жалкой, как моя. С тех пор как брат указал мне, насколько мои действия напоминают действия самой Лоры, пришло осознание: я сосредоточил все свое внимание на ней, только чтобы не думать, что делать со своей жизнью дальше.

Я рассказал менеджеру «Больше некуда» про Лору, и она поверила мне. Теперь пусть Джанин выдвигает против сотрудницы обвинения, используя переданные мною свидетельства. Я гадал, свяжется ли она со мной, чтобы сообщить, как идут дела.

Хватит с меня Лоры. Я надеялся, что зачеркнутое лицо Шарлотты на фотографии в палате дедушки Пита было лишь прощальным выпадом.

– Один из бывших одноклассников Джонни работает риелтором в Корнер-Стоунз, – сказал я. – Попрошу провести оценку, а потом выставлю квартиру на продажу.

Мама положила ладонь поверх моей руки.

– Я знаю, это нелегко, но ты поступаешь правильно.

Она, конечно же, была права, как это часто бывает с родителями. Но требовалось совершить еще один «правильный поступок», прежде чем я смогу оставить все это позади.

* * *

Эффи вела себя в школе тише воды ниже травы с тех пор, как я подвез ее до дома и отверг заигрывания. Ее не оставляли после уроков, она не мешала учебному процессу. А когда после новогодних каникул снова начались занятия, по-прежнему избегала смотреть мне в глаза. Сидела за своим столом, сжавшись в комок, словно надеялась, что земля поглотит ее целиком.

Я постепенно повышал ей оценки, пока они не достигли примерно того же уровня, что и до моего вмешательства. Но каждый раз, глядя на Эффи, я видел сломленную девочку и чувствовал себя дико виноватым за это.

– Эффи, можно тебя на минутку?

Она вздрогнула, когда после звонка на обед я попросил ее остаться. Держала руки в карманах и смотрела куда угодно, только не на меня. То, что я сделал с ней, непростительно.

– Так вот, о том, что случилось в тот день, – начал я. – Это было совершенно неправильно, и я хочу извиниться.

Эффи подняла взгляд.

– Мне не следовало подвозить тебя. Мне не следовало говорить то, что я сказал, и я... мы оба завели дело слишком далеко. Я – твой учитель, и мне нужно было соблюдать правила. Я виню себя за то, что подавал тебе ложные надежды. Обещаю, больше не поставлю никого из нас в подобное положение.

Она кивнула.

– Ты кому-нибудь рассказывала?

– Нет.

– Значит, между нами?

Она снова кивнула.

– Заметила, что твои оценки улучшились?

– Это способ заткнуть мне рот, мистер Смит? Ставить хорошие оценки, чтобы я молчала?

Я не ответил.

– Так и думала... Я могу идти?

– Да.

Когда Эффи вылетела из класса, я подумал, что теперь могу оставить все позади и думать о будущем, как и советовали на сайтах «самопомощи». Настало время заново начать жизнь, без Шарлотты и без Лоры.

Глава 15

Лора

Когда я подъехала точно к назначенному сроку, агент по недвижимости уже сидел в своей машине с многоцветным логотипом фирмы, припаркованной возле многоквартирного дома. В коричневых брюках, белой рубашке и с рыжими волосами он напоминал фруктовое мороженое.

– Здравствуйте, дорогая, как дела? – с улыбкой приветствовал он меня. – Рад знакомству. Меня зовут Энди Уэббер.

Он был слишком фамильярен, а подобное поведение мне никогда не нравилось. Борода и волосы, собранные в дурацкий пучок, тоже не понравились.

– Все замечательно, спасибо, – ответила я и повесила сумку на плечо. Она весила словно целую тонну.

– Значит, хотите потестить номер седьмой, да? – Я не знала, что значит «потестить», но кивнула. – Круто. Идите тогда за мной.

Не так давно на месте этого здания располагался городской совет, но ужасный взрыв газа сровнял его с землей, унеся жизни примерно двенадцати человек. В конце концов здесь построили жилой дом. Энди рассказывал его историю, болтал о потенциале квартиры и о том, сколько просмотров уже было с тех пор, как несколько дней назад ее выставили на продажу. Мы поднялись на лифте на три этажа вверх, но я лишь притворялась, будто слушаю риелтора. Меня сжигало желание провести несколько минут в том месте, которое Райан называл своим домом.

Мой противник был не единственным, кто умел искать информацию. Я начала с запроса на прочтение публичного отчета coronera – и в этом отчете был указан адрес Шарлотты. Было любопытно увидеть, откуда она мне звонила, а в риелторском приложении я обнаружила, что квартира выставлена на продажу. Договорилась о встрече и просмотре, и после того, как перед началом школьных занятий ненадолго встретила с Эффи и кое-что получила от нее, направилась в указанное место. Агент уже сообщил мне, что владельца не будет дома.

– Как видите, квартира недавно отремонтирована, – объяснял Энди. – Гостиная и обеденный уголок просторные, в кухне установлено современное оборудование. Идеальное местечко для одинокого голубя, если вы это ищете.

Разглядеть все то, о чем он говорил, было трудно. Я видела лишь

клетку с окнами, смотрящими на мир, где Шарлотта больше не хотела жить. Неудивительно, что она впала в депрессию, а когда понесла ребенка, стало только хуже.

Я бродила из комнаты в комнату, мысленно меняя обстановку. Сейчас она была такой, словно сошла прямиком со страниц каталога «ИКЕА». Все – от дешевого камина с электрическими «углями» до мебели – говорило о том, что квартиру обставлял человек, не имеющий опыта.

– Можно взглянуть на спальни? – спросила я.

– Конечно, – ответил риелтор. – Я провожу вас.

– Квартира с достаточно простой планировкой. Уверена, сама могу их найти.

Он пожал плечами и остался в кухне, а я открыла дверь в крошечную кладовку, где едва хватало места для матраса и прикроватного шкафчика. Одеяло откинута, на подушке виднеется вмятина в форме головы – я предположила, что теперь Райан ночевал здесь. Следующая комната оказалась детской; воздух в ней был застоявшийся, словно дверь не открывали уже давно. С потолка над деревянной кроваткой свисала подвижная игрушка с подвесками в виде забавных зверушек. Все в комнате было белым или желтым: я предположила, что пол ребенка был неизвестен родителям. Зная, какой слабой была мать и каким жестоким мог быть отец, я еще сильнее уверилась в том, что указала этому ребенку путь к счастливому избавлению.

В главной спальне царил полумрак, поэтому я раскрыла занавески и начала оглядываться по сторонам. У одной стены стоял единственный в этой квартире предмет мебели, не купленный в какой-нибудь «ИКЕА», – старинное трюмо с тремя прямоугольными зеркалами. Я прикинула, сколько раз Шарлотта смотрела на себя под разными углами, и не могла понять, что такого нашел в ней ее муж. На трюмо стояли ее и Райана фотографии в разномастных рамках и несколько флакончиков с духами. К одному из зеркал прилеплена распечатка УЗИ зародыша. Под ней шкатулка с кольцами и браслетами – конечно же, самыми стандартными.

Я распахнула дверцу гардероба и одну за другой перебрала все ее вещи; во время беременности Шарлотта явно покупала себе больше одежды, чем до. В задней части скрывалось свадебное платье – то самое простое, недорогое кружевное платье, в котором я видела ее на фото в палате деда Райана. Оно было упрятано в прозрачный пластиковый мешок для одежды – очевидно, чтобы не сгнило, как его владелица.

– Идеально, – пробормотала я, достала из кармана куртки пару желтых резиновых перчаток и натянула их. Потом извлекла из сумки то, что делало

ее такой тяжелой.

– Всё в порядке? – послышался из-за двери голос Энди. Я тихонько прикрыла дверцу гардероба, чтобы риелтор не увидел, что я сделала, потом убрала перчатки обратно в карман и вернулась в гостиную, выкрутив висящий на стене термостат на полную.

– Кажется, слишком большая для меня, – сказала я. На его лице появилось выражение, говорящее: «Ну вот, зря потратил время».

Я направилась вслед за ним к выходу, когда мое внимание привлекло нечто лежащее на бюро. Незаметно для него я схватила этот предмет и сунула в сумку, улыбаясь про себя.

Глава 16

Райан

Невозможно было не заметить жар и запах, ударившие мне в лицо, едва я открыл дверь.

Вечер пятницы я провел у Джонни – смотрели боксерский матч и ели ужин из тайского ресторана. После нескольких банок пива я отрубился. Приятно переночевать вне опостылевшей квартиры. Почти весь следующий день мы с отцом занимались коттеджем, составляя список работ, которые нужно выполнить в каждой комнате и устанавливая их очередность. Впервые за долгое время я позволил себе немного оптимизма и постарался прогнать Лору Моррис из своих мыслей.

Но я когда вернулся домой, там было невероятно жарко и воняло чем-то омерзительным. Я проверил холодильник – мало ли что могло испортиться так быстро, – но запах шел не оттуда. Я предположил, что кто-то из осматривавших квартиру зацепился плечом за термостат и случайно повысил температуру, – сам так делал много раз. Однако это не объясняло вонь.

Сильнее всего пахло в нашей с Шарлоттой спальне. Я заглянул под кровать, под трюмо и под занавески в поисках сдохшей мыши или крысы. Шарлотта предупреждала, что крысы могут пробираться по канализационным трубам даже на третий этаж, но до этого момента я ей не верил. Однако, шагнув ближе к гардеробу, я осознал, что воняет оттуда. Зажав ладонью рот, распахнул дверцу...

– Господи! – воскликнул я, отшатываясь назад. Свадебное платье Шарлотты было перемещено в переднюю часть гардероба, извлечено из пластикового чехла и измазано кровью в области живота.

Под висящим платьем лежал крошечный бело-розовый зародыш поросенка, также покрытый кровью. Я то подходил на шаг ближе, то снова отступал, не понимая, что делать, и пытаюсь осознать, что могло произойти за тридцать шесть часов моего отсутствия. Потом до меня вдруг дошло: здесь побывала Лора. Единственное объяснение. Она побывала в спальне и посмеялась не только над моей умершей женой, – но и над умершим ребенком тоже. Разъяренный, я задержал дыхание и ухватил вонючего поросенка сквозь кухонное полотенце. Затем схватил ключи от машины, бросил зародыш в мусорный бак у дома и направился к машине.

Энди, агент по недвижимости, сидел за столом в офисе лицом к двери,

когда я ворвался к нему, потревожив субботний послеобеденный покой.

– Ладненько, приятель, – начал он, – как...

Но я не собирался вести светские беседы.

– Кому ты показывал квартиру за последние два дня?

– А что не так?

Я повысил голос:

– Кому, Энди?

Двое коллег повернулись и посмотрели на меня. Он начал нервно пролистывать записи в своем телефоне.

– Молодой паре с ребенком, двум геям и еще одной пташке. Всё в порядке?

Я очень не хотел, чтобы этой женщиной оказалась Лора. Жизнь была бы намного проще, если б это сделал кто-то другой.

– Как ее звали? – спросил я.

– Шарлотта Смит. Твоя однофамилица.

Энди открыл рот, чтобы сказать что-то еще, но я вылетел за дверь, не услышав больше ни слова.

Колесные диски проскрежетали о бордюры, когда я резко затормозил перед домом Лоры пятнадцать минут спустя.

Я распахнул дверь машины, и автомобиль, ехавший сзади, со скрипом затормозил, едва не сбив меня. Только в этот момент я заметил его – и даже не обернулся, чтобы извиниться, когда водитель сердито нажал на сигнал. Вместо этого перебежал через дорогу и кинулся к дому Лоры. Занавески на окнах были частично задернуты, как всегда, но мне было плевать, дома ли она. Я забарабанил кулаками в дверь и уставился сквозь стекло, но, несмотря на то что на улице был день, внутри царил мрак.

– Открывай дверь, мерзавка! – закричал я, потом наклонился, чтобы проорать те же слова в щель почтового ящика. Ответа не было. Никогда в жизни я не был в такой ярости, как в этот момент.

Окинул взглядом фасад, чтобы найти путь к черному ходу; потянул за калитку, но она была заперта – и слишком высока, не влезть. Неожиданно возникла идея. Дом Лоры задней стороной примыкал к игровому полю. В прошлом я часто играл там в футбол. Я пробежал по улице, заглядывая в каждый тупик, пока не нашел переулок, который вывел меня на травянистое поле, к задворкам Лориного жилища.

Дом выделялся среди всех прочих тем, что был недавно отремонтирован. С тыльной стороны он был больше, чем с передней. Современная двойная пристройка придала ему форму буквы L, а полукруглые окна на покатой крыше показывали, что чердак тоже

перестроен и превращен в третий этаж.

За низкими кустами и деревянной оградой высотой по пояс я видел батут с порванной страховочной сеткой, свисавшей с одной стороны; лужайка по колено заросла травой. Весь ее сад был таким же – заросшим и неухоженным. Он как будто принадлежал совсем другому дому. Просвет в живой изгороди позволил мне перебраться в сад через ограду.

Сначала я направился к кухонному окну. Свет внутри не горел, поэтому я подобрался ближе к тонированному стеклу и заглянул внутрь. Все рабочие поверхности и раковины были чистыми и практически пустыми. Кухонные шкафы темно-серого цвета, стены почти черные. Я приставил ладонь к глазам, чтобы поверхность окна не бликовала, и прищурился – и только тогда осознал, что стены не покрашены в такой цвет, а скорее закопчены. Заглянул сквозь другое окно в помещение, напоминавшее чулан, – там было то же самое. Что здесь произошло?

Озадаченный, я направился к двустворчатым дверям и заглянул внутрь. Потолок в столовой тоже был закопчен, а мебель и телевизор в гостиной по-прежнему были упакованы в пупырчатую пленку с наклеенными на нее ярлыками...

– Мать твою! – закричал я.

Сердце едва не выскочило из груди, когда я увидел Лору. Та примостилась на краю дивана, глядя на меня и держа телефон на уровне глаз. Широко улыбнулась мне и начала корчить гримасы. Сморщив лицо, прижала кончик пальца к носу, задрав его вверх. Я пытался понять, что она делает, но эта женщина явно была безумна. Так и сидела на диване, и я едва мог разобрать издаваемые ею звуки. Я шагнул ближе к двери – и наконец-то все понял.

Она изображала свиную морду и хрюкала, как свинья.

Мне уже было плевать, в своем она уме или нет. Заботило лишь, найдется ли в ее саду предмет достаточно тяжелый, чтобы можно было разбить дверь. Я собирался убить эту женщину.

Глава 17

Лора

Я ожидала, что Райан явится ко мне домой, как только обнаружит, кто последним осматривал его квартиру.

Судя по свирепому выражению лица и по тому, как он пытался выбить окна, ему не очень понравился свиной сюрприз в гардеробе.

С самого утра Эффи забрала зародыш поросенка из морозильника в школьной биологической лаборатории и передала мне, когда я остановила машину возле школы. Не спрашивала, зачем он мне, не спрашивала, что находится на флэшке, что я вложила в ее ладонь. Я дала ей четкие инструкции, что именно надо с ней сделать.

Позже, оставшись одна в спальне Райана, я достала полуразморозившегося поросенка и флакон с «кровью», сделанной из воды, сахара, какао-порошка и красного пищевого красителя. Вылила его содержимое на свадебное платье Шарлотты и на зародыш, затем быстро прикрыла дверцу.

Из всех способов разъярить Райана этот был самым быстрым и метким, я знала. Я должна была дать ему понять: что бы он ни замыслил дальше, с этого момента я всегда буду опережать его на шаг. Мне было плевать, как далеко понадобится зайти, в какую грязную игру играть и кого втянуть в нее, но Райан никогда не победит.

Я смотрела из-за штор, как мой взъерошенный враг, одетый в кроссовки, джинсы и футболку с надписью «Нирвана», подбежал к дому, выискивая способ проникнуть внутрь. Предвидела, что следующим делом он попытается подобраться с тыла, поэтому с комфортом расположилась в гостиной, налила себе бокал кьянти^[20] и взяла телефон. Проверила текстовые сообщения и с удовлетворением увидела, что Эффи подтвердила время и место нашей завтрашней встречи. Предположила, что про эту встречу она не стала рассказывать отцу.

Несколько минут спустя, когда Райан появился на игровом поле, я включила камеру на телефоне и выключила микрофон. Двустворчатые двери были заперты, а тонировка мешала ему разглядеть, что происходит внутри, пока он не подобрался ближе.

Когда Райан наконец увидел меня, я, наверное, испугала его, потому что он отшатнулся и едва не упал.

Гнев привел его к моему дому, но мне нужна была слепая ярость.

Нужен был лишь один легкий толчок. И хотя я знала, что хрюкать, как свинья, – немного по-детски, это произвело нужный эффект. Я включила микрофон, когда Райан снова начал выкрикивать угрозы.

– Гребаная сука! – орал он. – Открой дверь сейчас же!

– Пожалуйста, оставьте меня в покое! – закричала я в ответ. Притворилась, будто мой голос дрожит, как и камера в моих руках.

– Впусти!

– О боже, уходите, пожалуйста! Прошу! – повторила я и беззвучно послала ему воздушный поцелуй. – Что бы я, по-вашему, ни сделала, это была не я!

– Врешь!

Он снова изо всех сил забарабанил в дверь кулаками, отчего двойное стекло содрогалось в раме. Потом обернулся и окинул взглядом сад, словно пытаюсь найти чем разбить стекло. Наконец обнаружил кирпич, которым я когда-то подпирала садовую калитку, занес и швырнул. Стекло пошло трещинами. Я нервно отпрянула, когда он повторил бросок.

В дверь позвонили. Я выскочила из гостиной и бросилась открывать.

– Слава богу! – всхлипнула я, распахивая дверь. – Пожалуйста, спасите меня!

Стекло в гостиной неожиданно разлетелось на осколки, и я услышала шаги Райана – яростный топот по деревянному полу. Но когда он обогнул угол, чтобы добраться до меня, двое дюжих полицейских скрутили его и швырнули наземь.

Я набрала 999^[21] сразу же, как только кот спрыгнул с подоконника, предупреждая, что кто-то приближается к дому. Бибер думал, что это Тони, но то был Райан.

Пока на Райана надевали наручники, он продолжал выкрикивать оскорбления. Ему завернули руки за спину и защелкнули браслеты на запястьях.

– Спасибо, спасибо, – снова и снова твердила я полицейским. – Я думала, он убьет меня...

– Лучше арестуйте ее! – закричал Райан, дергаясь от боли. – Она убила мою жену, а теперь пытается то же самое сделать со мной!

Но полицейские не слушали. Один из них зачитал права, другой вызывал по рации подмогу.

– Сэр, прошу вас успокоиться, – продолжил офицер, коленом надавливая на поясницу Райана и прижимая его к полу.

Я проливала фальшивые слезы, глядя, как врага вздергивают на ноги и волокут из дома в полицейскую машину, а потом увозят прочь.

Глава 18

Райан

Мне передали прозрачный пластиковый пакет, где лежали ключи от машины, мобильный, ремень, несколько монет и шнурки, и попросили расписаться за них у дежурного сержанта за стойкой.

Джонни держался рядом со мной, пока все бумаги не были подписаны. За последние два дня я звонил ему два раза: один раз, чтобы сказать, что арестован и мне нужен адвокат, а второй – чтобы уведомить, что выпущен под залог. Умолял не волновать маму с папой и не рассказывать им о том, что я наделал. Судя по тому, что брат был мрачен и даже не смотрел на меня, он очень злился. И не он один. Вынужденная передышка заставила меня самого злиться на себя столь же сильно.

Мы покинули территорию полицейского участка, и я побрел в нескольких шагах позади Джонни к платной автостоянке на другой стороне дороги. Только когда мы сели в машину, я заговорил:

– Я готов. Выливай уже все, не сдерживайся. Скажи, какой я идиот.

Джонни ничего не сказал. Он снял очки и протер их о рукав толстовки.

– Скажи, что я облажался, – продолжил я. – Что рискую своей работой. Что могу получить судимость. Но чтобы ты знал: я в курсе.

– Ты воняешь, – отозвался Джонни.

– Ты тоже вонял бы, если б не менял одежду два дня.

– Но ты рассказал им о том, что она сделала с тобой, верно? Шарлотта, ребенок, удар ножом,дохлый поросенок?

Когда я не ответил, он взорвался:

– Что?! Райан, ты шутишь? У тебя был шанс объяснить все, долбаный кретин! Ведь без этих объяснений ты выставляешь себя психопатом, который терроризирует ее и вломился к ней в дом!

– Если б я это рассказал, мне пришлось бы рассказывать и о том, что я сделал с Эффи и как преследовал ее семью. А у меня и так достаточно проблем.

– Почему ты не передал им записи, как она уговаривала тебя покончить с собой?

– Они все еще у Джанин, начальницы Лоры.

– Тогда почему она еще ничего с ними не сделала?

– Не знаю. – Я тоже гадал об этом, ведь отдал их уже несколько недель назад. Если, конечно, Джанин не пустила эти записи в ход, и именно

поэтому Лора совсем съехала с катушек и заявила ко мне в квартиру. У меня было ужасное чувство, будто она взяла меня на мушку. – Мне нужна от тебя услуга, – сказал я.

– Еще одна?

– Нужно, чтобы ты забрал мою машину.

– Почему не можешь сделать этого сам?

– Потому что она припаркована у дома Лоры, а по условиям моего освобождения под залог мне запрещено приближаться к ней.

– Ну конечно – где еще ей быть, кроме как возле дома женщины, которая убила твою жену и ребенка и пыталась убить тебя...

– Пожалуйста, не начинай, Джонни.

– О, не волнуйся, не буду. И не собирался начинать. На самом деле я закончил. Хватит с меня. Довезу тебя до дома, пригоню тачку, но некоторое время больше не желаю видеть твою глупую физиономию.

– Послушай, это нечестно. Я думал, что подвел черту. Принес Эффи извинения и снова стал ставить ей хорошие оценки после того, как ты заставил меня осознать, что я с ней сделал. Насколько я мог видеть, все осталось позади.

– Пока не вломился к Лоре в дом, угрожая убить ее.

– Я был зол и вне себя. А что ты сделал бы на моем месте?

– Позвонил бы в полицию, и пусть они с ней разбираются.

– Я же сказал – не вариант.

– Потому что тебе не хватило мужества признать свою часть вины и ты еще глубже увяз в дерьме!

Джонни покачал головой, когда мы остановились перед моим домом.

– Это должно стать финалом, – добавил он. – Отныне, что бы она ни сказала и что бы ни сделала, ты должен принять последствия. Как бы тебе ни было неприятно, Лора выиграла. Ты можешь лишь надеяться, что она тоже так считает.

Глава 19

Лора

Мы с Эффи сидели перед кабинетом завуча Аткинсона, дожидаясь, пока нас вызовут.

В комнате напротив секретарша делала ксерокопии каких-то бумаг и чертыхалась себе под нос, когда копир заедало. Эффи выглядела встревоженной и обкусывала кожицу вокруг ногтей. Она подхватила эту привычку от меня. Я отвела ее руку ото рта и спросила:

– Ты в порядке?

Она кивнула, но меня это не убедило. Нужно мощное напутствие.

– Ты же знаешь, как я тобой горжусь?

Эффи слабо улыбнулась.

– Очень рада, что ты сумела довериться мне и принять помощь. Это многое значит для меня. Мы поступаем правильно, поэтому, пожалуйста, не тревожься. Я рядом, с тобой.

Дверь в кабинет мистера Аткинсона открылась, и он пригласил нас. Я села на стул, выпрямилась и откашлялась.

– Перейду прямо к делу. Один из ваших учителей делает сексуальные намеки в адрес моей дочери. – Я сжала руку Эффи, и она кивнула. – Не знаю, с чего именно начать, – продолжила я, придав своему голосу такое звучание, будто вот-вот расплачусь. – Классный руководитель Эффи, мистер Смит, неподобающим образом ведет себя с ней и развернул кампанию запугивания против меня.

– Мистер Смит? Райан Смит? – Несчастный дурак-завуч выглядел совершенно сбитым с толку.

– Полагаю, полиция уведомила вас о том, что три дня назад он был арестован за то, что вломился в наш дом?

Аткинсон нахмурился и покачал головой:

– Нет, нас не уведомили. Насколько мне известно, мистер Смит сейчас болен гриппом.

– Я волонтерка на линии доверия «Больше некуда», и мистер Смит почему-то пришел к выводу, что наша организация сыграла роль в трагической смерти его жены. Это, конечно, совершенно нелепо, но, похоже, по каким-то причинам он назначил меня виновной. А в субботу вломился в наш дом и принялся угрожать мне. Боюсь даже думать, что было бы, если б полиция не приехала вовремя.

– Что ж, миссис Моррис... э-э... не могу комментировать это, пока не буду знать всех фактов.

– Вот вам факты, мистер Аткинсон, – прервала я и протянула ему свой мобильник, чтобы он своими глазами мог увидеть разъяренного Райана. – Думала, он меня убьет... – Я изо всех сил заморгала и промокнула платком уголки глаз, словно утирая слезы. – Когда дочь пришла домой, она была так напугана случившимся, что сказала мне о недостойном поведении мистера Смита в отношении ее. До этого боялась кому-либо рассказать.

Мистер Аткинсон повернулся к Эффи.

– Понимаю, что это может быть трудно, но не могла бы ты немного рассказать мне о том, что случилось? – Он взял из стаканчика ручку и принялся записывать на отрывном листке.

– Он часто задерживал меня после уроков, – начала Эффи тихо и медленно.

– Говори, милая, – подбодрила я ее. – Теперь ты в безопасности.

– Приглашал меня в комнату за его кабинетом, где нас больше никто не видел, и разговаривал со мной так, словно мы друзья. Сначала мне было приятно; казалось, что он действительно заботится обо мне...

– Верно, – сказал мистер Аткинсон. – Ему, вероятно, не следовало оставаться наедине с ученицей...

– Потом, недавно, когда мистер Смит подвозил меня домой на своей машине, он сказал мне, что хочет заняться со мной сексом, и принялся гладить мою ногу и трогать себя. Когда он начал расстегивать свои брюки, я сумела открыть дверь и убежать.

Я раздулась от гордости, немного удивленная тем, что Эффи изложила историю так убедительно. Она посмотрела на меня в поисках одобрения, и я кивнула.

– И ты говоришь, что это случилось в его машине?

Эффи кивнула.

– Я была в ужасе. – Теперь она плакала. Ее слезы тоже выглядели искренними.

Мистер Аткинсон почесал подбородок, словно пытаюсь вспомнить, что нужно сделать, чтобы начать расследование. Он знал, что его долг – заботиться обо всех своих учениках, даже о тех, которые считаются смутьянами.

– Это объясняет, почему Эффи так вела себя в школе, – добавила я. – Ее оценки начали снижаться, когда мистер Смит вернулся в школу. Посмотрите на электронный дневник, и вы увидите, как все сходится по датам. Для меня это выглядит так, словно мистер Смит... как я ненавижу

это слово... «обхаживал» мою дочь.

– Это достаточно тяжкое обвинение, миссис Моррис, и я, конечно же, воспринимаю его всерьез. Эффи, ты можешь чем-нибудь это подтвердить? Какие-нибудь улики или свидетели есть?

Моя дочь кивнула. Теперь уже она достала телефон из кармана. Открыв приложение, нажала кнопку воспроизведения. Минуту спустя лицо мистера Аткинсона побледнело и вытянулось.

– Могу я получить копию этой записи? – спросил он.

Я протянула ему флэшку.

– Перенесла на нее файл специально для вас. Так что вы собираетесь с этим делать? Я решила сначала обратиться к вам, а не в полицию и не в местное управление образования...

– Нет-нет, – быстро ответил он. – Вы поступили правильно.

* * *

Полчаса спустя мы с Эффи ехали к дому ее отца.

– Я хорошо справилась, мама? – спросила она.

– Ты справилась блестяще.

– У мистера Смита будут большие неприятности?

– Не буду лгать: он, вероятно, потеряет работу.

Эффи несколько секунд молчала, осознавая тяжесть своего обвинения.

– Но на самом деле он меня не трогал; это я просто сказала мистеру Аткинсону...

– Милая, то, что сделал с тобой мистер Смит, ничуть не лучше того, чего он не делал. Он манипулировал тобой, промывал тебе мозги и в конце концов унизил тебя, верно? Позволил думать, будто заинтересован в тебе сексуально. Может быть, он и не говорил этого, но намекал. Что, если со следующей девушкой, которую выберет, он пойдет дальше? Что, если изнасилует? Каково тебе будет знать, что ты могла бы предотвратить это, если бы вовремя заговорила? Может быть, мы немного исказили истину, но иногда это нужно сделать ради блага других. Я не ожидаю, что ты поймешь сейчас, насколько серьезно поведение мистера Смита, но когда вырастешь, вспомнишь и осознаешь, что мы поступили правильно.

– А то, что ты сказала мистеру Аткинсону про жену мистера Смита и «Больше некуда»... это правда? Ты разговаривала с ней?

– Я разговаривала со множеством людей, так что, возможно, да. Но я не знаю, почему именно он выбрал меня. А еще он вот уже несколько

недель докапывается до моей начальницы. Вряд ли, конечно, ты знакома с Джанин, верно?

Эффи устремила взгляд на дорогу впереди нас. Она не знала, говорить мне, что Джанин спит с ее отцом, или сохранить тайну. Пока что я решила не настаивать.

– Так вот, мистер Смит не дает покоя и ей. Она даже встречалась с ним лично в нашем офисе, чтобы объяснить, что смерть его жены – не наша вина.

Я припарковалась поблизости от нового дома Эффи – однако не так близко, чтобы меня можно было увидеть. Чуть дальше по дороге я увидела припаркованный зеленый «Опель Астра» Джанин.

– Ну ладно, может, в ближайшие дни поговорю с твоим папой о том, чтобы в выходные сводить вас с Элис в кафе.

Эффи кивнула.

– Мам, – нерешительно спросила она, – а ты... ну, понимаешь... теперь ты в порядке?

– В каком смысле?

– После... ну, после Генри. – Она отвела взгляд, не зная, следует ли поднимать эту тему.

– Да, со мной все отлично. И у Генри дела тоже идут неплохо. Я знаю, что он был бы рад снова увидеть тебя.

– Папа сказал, что нам нельзя туда приходить.

– Ты – дочь своей матери, Эффи. Когда какое-то «нельзя» могло тебя остановить?

Она ухмыльнулась и коротко поцеловала меня в щеку, прежде чем выйти из машины. Когда обернулась, чтобы помахать, сердце мое на миг замерло. Я вернула себе одного ребенка. Остались еще двое – и муж.

Глава 20

Райан

Я запер машину и поддернул штаны. Не набрал обратно вес, потерянный после смерти Шарлотты, поэтому ремень был застегнут на самую последнюю дырку. Стресс последних дней окончательно лишил меня аппетита. Я уловил свое отражение в окне машины: вид изможденный. Пригладил торчащую, словно антенна, прядь волос на макушке.

Несмотря на то что я симулировал грипп, Брюс Аткинсон оставил мне несколько голосовых сообщений, призывая меня как можно скорее вернуться в школу ради важного разговора. Должно быть, ему сообщили о моем аресте за угрозы матери одной из учениц. Что бы он ни намеревался сказать, хорошего ждать не приходилось.

Я оставил сообщение Джанин. Диктофон с записями был у нее – я отдал свое единственное оружие и по-прежнему не знал, нашла ли она ему правильное применение. Если нет, то чего же она ждет?

Я вошел в школьный вестибюль и посмотрел на часы. Пришел немного раньше, но Брюс уже ждал меня в учительской. Другие учителя смотрели, как он ведет меня в кабинет, где сидели его помощница Сэйди Маркс и Дэйв Праудлок из отдела кадров. Оба, похоже, чувствовали себя так же неловко, как и я.

– Я попросил Сэйди и Дэйва быть свидетелями, – начал Брюс. – Перейду сразу к делу, Райан. Одна из учениц и ее мать выдвинули против тебя обвинение в неподобающем поведении.

– Кто? – спросил я, хотя уже знал ответ. Лора добралась и до него.

– Эффи Моррис с матерью.

– Что они сказали тебе?

– Они обвиняют тебя в том, что ты нарушил профессиональную этику в отношении Эффи. Миссис Моррис употребила слово «обхаживать».

«Вот сучка». Значит, такую игру она затеяла теперь – пытается выставить меня педофилом... Но ей не удастся макнуть меня в деготь и не запачкать рук.

– Бред, – ответил я. – Я приложил много усилий, чтобы помочь Эффи улучшить отметки, даже тратил на консультации свое свободное время.

– За закрытыми дверьми в своем кабинете.

– Да, но...

– Но ты знаешь, что школьные правила не советуют оставаться наедине с кем-либо из учеников именно по этой причине.

Я кивнул.

– Но я категорически заявляю, что никогда не вел себя с Эффи неподобающим образом, не говоря уже о том, чтобы «обхаживать» ее.

– И никогда не был с ней один на один в твоей машине?

– В моей машине? Нет, конечно. – Я надеялся, что румянец, заливший мои щеки, не выдаст правду.

Пару секунд Брюс смотрел мне прямо в глаза. Он перегнулся через стол и нажал клавишу на своей клавиатуре. Неожиданно я услышал запись собственного голоса.

«Так вот, о том, что случилось в тот день. Это было совершенно неправильно, и я хочу извиниться», – вещал я.

Твою мать. Эффи записала наш последний разговор.

«Мне не следовало подвозить тебя. Мне не следовало говорить то, что я сказал, и я... мы оба завели дело слишком далеко. Я – твой учитель, и мне нужно было соблюдать правила. Я виню себя за то, что подавал тебе ложные надежды. Обещаю, больше не поставлю никого из нас в подобное положение».

Ну и дерьмо. Дерьмо-дерьмо-дерьмо...

«Ты кому-нибудь рассказывала?» – спросил записанный голос.

«Нет».

«Значит, между нами?»

Последовала неловкая пауза, потом я снова заговорил:

«Заметила, что твои оценки улучшились?»

«Это способ заткнуть мне рот, мистер Смит? – отозвалась Эффи. – Ставить хорошие оценки, чтобы я молчала?»

Мое безмолвие лишь усугубило вину.

«Так и думала... Я могу идти?»

Мой желудок словно рухнул на грязный пол.

– Нет-нет, это все вырвано из контекста, – запротестовал я. – Случилось совсем не это!

Я посмотрел на Сади и Дэйва в надежде обрести поддержку, но их лица выражали лишь сомнения.

– За что ты извинялся перед ней? – спросил Брюс.

– Эффи считала, будто нравится мне, и попыталась ко мне подкатить, но я ей отказал.

– Где это было?

– В моей машине.

– В той самой машине, в которой Эффи якобы не была, как ты говорил несколько минут назад?

– Да, – пробормотал я.

– Мне жаль так поступать, Райан, но я вынужден отстранить тебя от работы и попросить немедленно покинуть здание.

– Но это все мать Эффи! Она мне мстит...

– Я заметил, что ты так и не рассказал мне о своем аресте в субботу, когда вломился к ней в дом и угрожал убить ее.

– Если б ты просто позволил мне объяснить, что случилось...

– Извини, но нет. Будешь объяснять это представителю профсоюза, когда я инициирую расследование.

Брюс проводил меня прочь из школьного здания на парковку. Я чувствовал на себе взгляды множества глаз, когда к первому утреннему звонку в школу шли ученики, гадая, что произошло.

– Тебе запрещено входить в школьные здания и на территорию школы, пока расследование не будет завершено, – тихо сказал Брюс. – Прошу не поддерживать контактов ни со мной, ни с кем-либо из коллег, учеников или родителей. И советую при первой же возможности связаться с профсоюзом.

Я стоял, словно вращаясь в землю и не зная, куда повернуться. Открыл рот, чтобы в последний раз попробовать оправдаться – но я не был абсолютно невиновен. Я манипулировал Эффи, и хотя не обхаживал ее в сексуальном смысле, обхаживал в другом.

– Ты не мог бы теперь уехать отсюда, Райан? – добавил Брюс. – Давай не усугублять...

Я сел в машину, повернул ключ в замке зажигания и поехал прочь, чувствуя себя невероятно униженным.

Лора методично уничтожала меня, а я понятия не имел, как ее остановить.

Глава 21

Лора

Я последовала за зеленой «Астрой» Джанин от офиса «Больше некуда» до знакомой парковки у промкомплекса.

Джанин осталась сидеть в машине, лишь поднесла к уху телефон. В конце концов из здания вышел Тони и присоединился к ней. Желудок мой едва не вывернулся наизнанку, когда они, сидя в машине, обменялись продолжительным поцелуем. Хотелось подбежать к ним, распахнуть дверь и выволочь Джанин наружу за дешевые наращенные волосы, молотя кулаками по ее глупому уродливому лицу. Но сейчас не время действовать импульсивно. В мой план не входит избиение Джанин до полусмерти на глазах у моего мужа.

Я проследила за тем, как они доехали до дома Тони, забрали Эффи и Элис и через полчаса оказались возле мультиплекса в Милтон-Кейнс. В Нортхэмптоне было два подобных кинотеатра, и я предположила, что парочка не хочет встретиться с кем-либо из своих знакомых. Они были вполне довольны игрой в счастливое семейство и хотели сохранить ее в тайне.

Я смотрела через витрину, как Джанин покупает билеты, «семейное» ведерко попкорна, такую же упаковку чипсов с сыром и соответствующего размера бутылку газировки. Последовала за ними в зал и укрылась в тени в пятнадцати рядах позади. Пару часов наблюдала за тем, как они ведут себя словно самая обычная семья. Они хохотали над комедийными моментами, откидывая головы, и делились друг с другом напитками и закусками. Но мой гнев вскоре сменился решимостью. Я надеялась, что Джанин получает все возможное от этих моментов, потому что они не продлятся долго. Как только Тони вспомнит, в какую женщину влюбился столько лет назад, он будет на коленях умолять меня принять его обратно. Я – та девушка, которую он полюбил, а не та, о которой читал в моем личном деле.

Я сама во всем виновата. Это я сняла крышку с ящика Пандоры. Все дошло до своего пика в тот день, когда Тони обвинил меня в нелюбви к дочерям. Он утверждал, будто я посвящаю все свое время Генри, пренебрегая эмоциональными потребностями его сестер. Часть из того, что он говорил, была правдой, но в том его вина. Я закрывала глаза и слушала, какие близкие отношения у него установились с девочками – и в этих отношениях мне не было места. Он поступил со мной точно так же, как

мой отец поступал с моими сестрами, – и оба они оставили меня за пределами своего круга. Это вызвало желание еще сильнее оттолкнуть от себя Эффи и Элис – иначе я рисковала причинить им такой же вред, как мои родные причинили мне, когда я была маленькой.

Каша заваривалась не один день; я чувствовала в воздухе дыхание надвигающейся бури. С тех пор как мы переехали в этот дом и начали работы по его обновлению, он пожирал наши жизни. Все было постоянно покрыто строительной пылью или пахло свежей штукатуркой; рабочие вечно сновали туда-сюда, разговаривая на чужом языке. Я конца этому не видела и начала ненавидеть место, где мы поселились. Если бы остались в предыдущем доме, все было бы в порядке.

– Ты вообще способна любить? – Тони выплюнул эти слова так, словно они были напичканы ядом.

– Конечно, способна! – ответила я. – Каждого из вас люблю в равной степени.

– Иногда я смотрю на тебя, когда ты рядом с девочками, и не вижу в твоих глазах ничего, словно они не находятся в одной комнате с тобой. Мне кажется, случившееся в детстве сломало тебя.

– Как ты можешь быть таким жестоким?

– Просто пытаюсь понять, что происходит у тебя в голове. Даже не знаю, понимаешь ли ты сама, как работает твой мозг.

Во время моего первого года в системе попечения социальные работники не знали, что со мной делать. Назначали сеансы у психотерапевтов, которые пытались пробиться сквозь мою оболочку, но никому это не удалось. В мозг тыкали палочками и иглами, но никто даже не подумал спросить меня, всё ли со мной в порядке, или же предложить лечение. Потом, много позже, после того, как Олли убил Сильвию, пытаясь меня защитить, никто уже не прилагал усилий, чтобы найти мне другую приемную семью. Из поврежденной вещи меня понизили в безнадежно сломанные. Сиротские приюты было лучшим, на что я могла рассчитывать.

Обвинения Тони всколыхнули давние страхи того, что внутри у меня что-то очень неладно – что-то глубоко укоренилось и мешает любить дочерей, как должна любить мать. Поэтому я приняла решение запросить копию врачебных записей, касающихся меня.

В детстве я была на попечении социальных служб, а теперь, став взрослой, могла получить копию персональных данных, и мне не имели права отказать. Прошло восемь недель, прежде чем по почте пришел пакет. Я ждала и нервничала, пока не отвела девочек в школу, а потом, собравшись с духом, вскрыла его.

К своему вящему беспокойству, я обнаружила, что все написанное обо мне – ложь. Часть обвинений были просто чудовищными. Такие слова, как «холодная», «неотзывчивая», «отсутствие эмпатии» и «импульсивная натура», буквально бросались в глаза. Один социальный работник даже предположил, что я нахожусь в группе риска по суициду, а отсутствие привязанности к кому-либо может означать, что я не ценю свою жизнь. Очень далеко от истины.

Но одна запись, сделанная незадолго до моего четырнадцатого дня рождения, лишила меня дара речи.

«Повторные обследования не смогли выявить какое-то одно конкретное расстройство личности у Лоры. В числе прочего, она проявляет признаки нарциссического личностного расстройства и самообмана. Она демонстрирует желание делать все по-своему, чрезвычайно харизматична, но может питать скрытую вражду к другим. Один из приемных родителей отметил, что она любила подавлять и унижать мальчика старшего возраста, жившего в том же доме, издеваясь над его низкими интеллектуальными способностями. Другой приемный родитель наблюдал, как она сломала лапу домашнему псу, наступив на нее, однако Лора отказалась считать себя виноватой. Похоже, она часто верит в собственную ложь и переписывает события у себя в голове так, что предстает жертвой. Постоянно проявляет социопатические тенденции, и мы настоятельно рекомендуем не отдавать ее в дом, где есть другие дети, приемные или родные».

Положив стопку листов к себе на колени, я закрыла глаза. Как кто-то мог писать столь ужасные вещи о маленькой девочке? Почему меня, ребенка, испытавшего такую эмоциональную травму, заклеили «социопатом»? Много ли у меня было шансов на удочерение с такими ярлыками? Сколько семей отвергли меня из-за этих слов?

Конечно, каждый ребенок совершает ошибки. Но, становясь старше, я научилась маскировать определенные порывы – научилась приспособливаться, научилась быть как все. Переделала себя. Наблюдая за поведением других людей. Эти описания не давали точного представления о том, кем я была или кем стала.

Я знала, что не могу допустить, чтобы Тони прочел мое личное дело, поэтому спрятала пакет в хозяйственной комнате за сушилкой, рядом с моими сигаретами. Но в последующие недели возвращалась и перечитывала эти страницы, снова и снова терзая себя, пока не выучила все наизусть, до последнего слова.

Теперь я снова мучила себя, наблюдая за силуэтами Тони, Джанин и

девочек в кинотеатре. Наконец тихонько выскользнула из темного зала и вернулась на парковку. Дойдя до зеленой «Астры», достала из сумки ключи от машины и, убедившись, что камеры наблюдения не смотрят в мою сторону, выцарапала на водительской двери слово «манда».

Глава 22

Райан

– Богом клянусь, меня подставили, – начал я. – Пожалуйста, поверьте. Эта женщина хочет меня уничтожить.

– Может быть, вам подождать пару минут и прийти в себя? – спросила она и подтолкнула ко мне по столу упаковку бумажных платочков.

Я вытер глаза. С тех пор как меня отстранили от работы, я только и делал, что плакал. Джонни умыл руки и не отвечал на звонки, а с родителями я не мог говорить об обвинениях Эффи. Адвокат Трейси Фентон стояла на моей стороне, но только потому, что я платил ей. Это была маскулинной внешности женщина с коротко стриженными седеющими волосами, без макияжа, на шее на серебряной цепочке очки. Она ничем не показала, поверила мне или нет. Но у нее была задача, и заключалась она в том, чтобы помочь мне, вне зависимости от виновности или невиновности.

Поговорив с представителем учительского профсоюза, я записался на прием к адвокату спустя день после моего отстранения и рассказал ей свою часть истории от начала до конца, не упуская ничего. Она тоже только что получила извещение от полиции.

– На жестком диске вашего школьного компьютера были найдены изображения сексуального характера, Райан, – начала она и открыла папку, содержащую ксерокопии.

– В каком смысле – «сексуального характера»? – спросил я, чувствуя, что мой голос вот-вот снова сорвется.

– Папка, содержащая сто пятьдесят изображений юных представительниц женского пола; все в школьной форме, в той или иной степени снятой.

Я закрыл глаза и помотал головой.

– Насколько «юных»?

– Этого мне пока не сказали.

– Они должны выглядеть примерно на тот же возраст, что и Эффи, я знаю. Мне конец.

На теле выступил холодный пот. Казалось, будто я вот-вот упаду в обморок, поэтому я ослабил узел галстука, расстегнул две пуговицы на рубашке и отошел к открытому окну. Надеялся, что свежий воздух приведет меня в чувство.

Трейси пролистала несколько страниц.

– Миссис Моррис дала показания о вторжении в ее дом, однако, насколько мне известно, полиция еще не допросила Эффи по ее обвинениям. Если вы отрицаете свою причастность к этим изображениям, тогда они, вероятно, скачаны из другого источника и перенесены на ваш компьютер посредством диска или флэшки. Офицер, с которым я говорила неофициально, сообщил, что они были спрятаны не особо хорошо, в папке, содержащей документы «Ворда», и это дает основания предполагать, что их переносили туда в спешке. Как только я смогу сверить время и дату создания этих файлов, нам нужно будет установить, где вы были в это время, так что вы сможете доказать свое алиби. Пользуется ли этим компьютером еще кто-то из школьного персонала?

– Да, несколько человек.

– Тогда, несмотря на то, что он находится в вашем кабинете, полиции понадобится убедить Королевскую прокурорскую службу в том, что только вы могли скачать эти изображения, прежде чем КПС примет решение, обвинять ли вас и в чем именно.

– А если у меня нет алиби?

– Этот мост мы перейдем, когда доберемся до него.

– И когда это будет? Я хочу, чтобы все было улажено как можно скорее.

– Это может занять недели или даже месяцы, Райан. Такие вещи быстро не делаются.

– Значит, до тех пор все это будет висеть над моей головой?

– Боюсь, что так.

– Я никогда не смогу вернуться в эту школу, верно?

Трейси сняла очки, и они закачались на цепочке.

– Вероятно, нет. Если школьное руководство и местное управление образования поверят Эффи, вы будете исключены из Национальной коллегии преподавателей. Если Эффи даст показания в полиции, если дело дойдет до суда и вас признают виновным, будете внесены в список сексуальных преступников. Но все это – самое худшее развитие событий.

Я вернулся на прежнее место и уронил голову на руки, крепко зажмурившись. Как я мог влипнуть во все это? Подумал о Шарлотте и нашем ребенке, о том, что к этому времени Дэниел, наверное, уже сделал бы первые шаги и пытался бы выговорить первое слово. Мы втроем были бы маленькой общностью и обживали наш коттедж мечты. Я невероятно тосковал по тому, чему не суждено было сбыться.

– Что я могу сделать, чтобы помочь доказать мою невиновность?

– Ничего, абсолютно ничего. Просто ждите, пока я снова с вами не свяжусь.

– Не могу просто сидеть и надеяться, что все уладится само собой.

– Именно это вы и должны сделать, – твердо ответила Трейси. – Умоляю вас, Райан, оставьте это дело мне.

Вот только я знал, что не смогу этого сделать.

Глава 23

Лора

Однажды я читала, что если твердить себе одно и то же снова и снова, в конце концов забудешь, где заканчивается правда и начинается вымысел.

Иногда, думая об Олли, я закрывала глаза и рисовала себе альтернативный мир, где он вернулся в свой родной город Бирмингем. Там, в знакомом окружении, начал жизнь заново – так мне представлялось. Он добровольно лег в клинику на процедуры алкогольной детоксикации, как я всегда умоляла его сделать, а потом нашел себе место в приюте для бездомных – на первое время, чтобы встать на ноги.

Я бы помогла ему найти какую-нибудь волонтерскую работу в максимально мягких условиях. И, может быть, в конечном итоге Олли нашел бы себе какую-нибудь подработку. Он мог также встретить кого-нибудь, кого полюбил бы, и тогда у него появился бы собственный якорь...

Именно в это я хотела верить – а не в то, что он лежит в соседней комнате и его труп собираются предъявить мне для опознания.

По словам полицейских, никто из собратьев-бездомных не видел Олли уже давным-давно. Мое намерение покончить с Райаном означало, что почти не оставалось времени на кого-либо еще. Я бросила Олли, и эта вина всей тяжестью давила мне на плечи.

Только теперь я осознала, что Олли назначил меня своим якорем. Именно поэтому он, выйдя из тюрьмы, вернулся в Нортхэмптон – потому что я была здесь. Несмотря на все, что он выстрадал в юности – как в тюрьме, так и за ее пределами, – я не давала волне окончательно смыть его с лица земли. Как это ни иронично, он нашел свою смерть в воде, и моя вина заключалась в том, что в последние несколько месяцев я покинула его, отправив в свободное плавание.

Оказалось, что труп Олли находился не так далеко от меня; он запутался в водорослях в реке Нин, ожидая, пока какая-то баржа не врежется в него с достаточной силой, чтобы освободить от пут и оставить плавать на затянутой ряской поверхности.

Опознать его удалось только посредством анализа ДНК, которая совпала с образцом, имевшимся в судебном досье. Я была последним его контактом для экстренной связи.

– Все равно хочу видеть тело, – сказала я женщине-полицейскому, занимавшейся делом Олли.

– Как я уже сказала по телефону, эта идея не кажется мне хорошей, миссис Моррис, поскольку он провёл в воде слишком долгое время. Пожалуй, это можно описать как «частично скелетированный труп»...

– Мне все равно, будет ли это сниться мне всю оставшуюся жизнь. Я должна ему хотя бы это.

В конце концов она согласилась и провела меня в маленькую боковую комнату, чтобы я могла внутренне собраться с духом, пока служитель морга готовит тело Олли к показу. Меня проводили в демонстрационный зал; поразительно – это место выглядело ничуть не похожим на высокотехнологичные, суперсовременные помещения, которые показывают по телевизору. Никаких многоэтажных холодильников с выдвигаемыми ящиками, освещёнными неоновыми лампами. Просто скучная незапоминающаяся комната без каких-либо отличительных черт, без единого религиозного атрибута. В центре на деревянной каталке – Олли, прикрытый темно-синей простыней. Рядом с каталкой одинокий стул – на тот случай, предположила я, если зрелище окажется для меня слишком тяжёлым и мне понадобится присесть.

Полицейская и служитель морга остались со мной. По моему настоянию простыню частично отвернули, открыв Олли по плечи. На голове сохранились остатки волос, но не было ни глаз, ни губ, да и прочие черты лица едва угадывались. Видимо, объели рыбы, водяные крысы и бактерии. Только тонкие клочья плоти на костях.

– Как долго он провёл в воде? – спросила я у полицейской.

– Это мы сможем узнать, лишь когда придут результаты посмертной экспертизы, но, по нашему предположению, около года.

– Нет, это невозможно, – ответила я и покачала головой. – Я встречалась с ним пять, может быть, шесть месяцев назад, так что он определённо не может быть мертв так долго.

– Согласно предварительным заключениям coronera, это именно так.

– Не могло ли его тело подвергнуться каким-то изменениям, учитывая, в каком месте Нина оно было найдено?

– Нина? Кто вам сказал, что его нашли там?

– Вы. Когда позвонили мне и сообщили, что тело плавало в реке.

Женщина озадаченно посмотрела на меня.

– Кажется, возникло некое непонимание, миссис Моррис. Тело вашего друга было выброшено на берег в бухте в Восточном Сассексе.

Глава 24

Райан

Влажный воздух в досуговом центре наполнился запахами пива и пота, хотя несколько двустворчатых дверей были распахнуты настежь.

Плотная толпа состояла практически из одних мужчин, которые выкрикивали слова одобрения или грязные ругательства в адрес двух боксеров, стоящих в центре ринга в ожидании, пока мужчина в белой рубашке с короткими рукавами и галстук-бабочке огласит решение.

Сражения «офисного планктона» состояли из трех двухминутных раундов и были такими же свирепыми, как матчи профессионалов по телевизору. Я не мог понять, каким образом боксер в красных шортах, майке и защитном шлеме ухитряется оставаться на ногах после постоянных атак его синего противника.

Наконец рефери поднял руку мужчины в синем, объявляя победителем. По руке чемпиона тянулась сплошная татуировка. Несмотря на разбитый нос и текущий по лицу пот, Тони Моррис был вполне узнаваем. Зрители приветственно заорали, когда было объявлено, что он выиграл матч. Он обнял своего противника, потом кто-то из зрителей помог ему снять перчатки, и мистер Моррис направился в раздевалку.

Я торчал поблизости, пока он не вышел, одетый в спортивные штаны и футболку. Отойдя к барной стойке, быстро заглотил несколько порций водки с «Редбуллом», и после этого я решил подойти к нему. Сделал глубокий вдох, от всей души надеясь, что он действительно понятия не имеет, о чем сговорились за его спиной брошенная жена и дочь. Прикинул, что если бы он был в курсе, то вместе с ними пришел бы в кабинет Брюса Аткинсона, чтобы обвинить меня в домогательствах к несовершеннолетним.

– Мистер Моррис...

– Да? – Он коротко улыбнулся, демонстрируя вежливость и одновременно пытаясь понять, кто я такой. Он был еще не совсем пьян, но уже недалеко от этого. – Мистер Смит? – По его улыбке я понял, что он даже не знал о выдвинутых против меня обвинениях.

– Пожалуйста, называйте меня Райаном. Я не знал, что вы боксер.

– А я не знал, что вы поклонник этого спорта.

Я и не был поклонником бокса, но сегодня днем, когда я позвонил ему на работу, секретарша сказала, что он ушел раньше, потому что вечером у

него матч. Я был рад. Предпочитал встретиться с ним лицом к лицу в людном месте, где будет меньше шансов, что он попытается меня убить, – если он в курсе того, что я якобы сделал то, в чем меня обвиняли его жена и дочь.

– Для меня этот спорт в новинку, – отозвался я.

– Не думаете, что тоже могли бы заняться боксом? У нас полно народу самых разных профессий: банкиры, юристы, психологи, даже учителя.

– Мне кажется, что после первого же удара я лягу и не встану. Могу я заказать вам выпивку?

– Конечно, – ответил он, и я заказал две порции водки. Мы еще немного поболтали о том, почему он выбрал этот вид спорта, о его страховом бизнесе и прочем. Я тихо надеялся, что он упомянет Эффи и даст мне возможность заговорить о предмете, из-за которого я и пришел. Но этого не произошло, и я понял, что придется самому поднять неприятную тему.

– Мне немного неловко, Тони, но я должен кое о чем поговорить с вами.

– С Эффи все в порядке?

– Вообще-то это касается вашей жены, Лоры.

– Жены? – Я застал его врасплох, и он даже сделал шаг назад. – Что она натворила?

Его вопрос изумил меня. Он не спросил «что не так?» или «что случилось?» – а «что она натворила?». Это подразумевало, что Лора не в первый раз дает повод для беспокойства. Я сделал глубокий вдох и попытался объяснить, так чтобы не показалось, будто это я сумасшедший, а не она.

– Она работает волонтеркой в «Больше некуда», и я считаю, что Лора уговорила мою жену совершить самоубийство.

Тони не выглядел удивленным. Он допил водку и взял свою спортивную сумку.

– Не хочу лезть во все это, – сказал он и направился к выходу, явно встревоженный, но не рассерженный. Он не пытался убедить меня, будто я говорю ерунду, и не смотрел на меня как на идиота. Знал, что сказанное мною вполне возможно, – просто не хотел с этим сталкиваться.

Я последовал за ним на парковку.

– Мне нужно всего лишь пять минут вашего времени, – продолжил я. – Не хочу вас оскорбить, но с вашей женой что-то сильно не так, и мне нужна ваша помощь, чтобы понять, каковы ее мотивы.

Мистер Моррис остановился и обернулся.

– Послушайте, – сказал он, – я знаю, что происходит в Лориной голове, ничуть не больше, чем вы. Мы живем отдельно вот уже почти два года, и я даже не навещаю ее. Дочери живут со мной. И для меня важно, чтобы в их жизни было поменьше стрессов. Это означает держать их подальше от Лоры и всего, что она могла наделать.

Как я мог не понять этого за все то время, пока сидел в машине, наблюдая за домом Лоры? Это объясняет, почему машина Тони никогда не стояла на подъездной дорожке, и то, как отчужденно они держались тогда в кабинете Брюса.

– Прошу вас, Тони, – взмолился я, – вы единственный, кто может мне помочь.

Он постоял, сощурился глазами, словно обдумывал мою просьбу, и, похоже, сдался. С тяжелым вздохом спросил:

– Что вы хотите знать?

Я рассказал ему, как обнаружил, к чему Лора подталкивала Шарлотту. Но, как и в разговоре с Джанин, не упомянул, как манипулировал его дочерью или как подрался с его женой в коттедже. Даже в слабом свете потолочных ламп я видел, как кровь отхлынула от лица Тони.

– Зачем Лоре желать смерти своих клиентов? – спросил я.

Он посмотрел на меня и ответил:

– Она очень сложная женщина со множеством демонов. У нее фиксация на смерти. Могу лишь предполагать, что эта фиксация переросла в попытки помочь людям достигнуть этой цели. Она говорила мне, что хочет работать в «Больше некуда», чтобы помогать другим. Не было причин не верить ей.

– А теперь, после того, что я вам рассказал?

Мистер Моррис покачал головой. Ему не нужно было озвучивать, о чем он думал.

– Но это еще не все, – нерешительно начал я. – Недавно Лора подвела меня под арест и теперь выдвигает ужасные, катастрофические для моей карьеры обвинения против меня. Поэтому мне нужно точно знать, с чем предстоит сражаться.

– Что произошло?

– Я попытался нанести ей ответный удар, когда она выступила против меня.

Тони покачал головой и подставил лицо прохладному вечернему воздуху. Он словно размышлял, рассказать ли мне известное ему или же хранить молчание. Наконец, снова посмотрев мне в глаза, произнес:

– Если бы вы знали, что она сделала в прошлом, вы тоже боялись бы ее.

– Что может быть хуже, чем подговаривать людей убить себя?

Тони смотрел на меня так, словно хотел, чтобы я сам догадался об ответе.

– Если только, – продолжил я, – она не убила кого-то сама.

– Нет. Лора никогда не пачкает руки. Она манипулирует другими, заставляя их делать то, что она хочет. – Алкоголь начал развязывать Тони язык, он оперся рукой о крышу машины, чтобы стоять прямо. – Я полагаю, корень кроется в том, что она рано потеряла родителей, и, оказавшись в приюте, вынуждена была как-то защищаться.

Он рассказал мне, что отец Лоры использовал ее помощь, когда задумал совершить самоубийство и забрать с собой на тот свет Лориных сестер. Это в какой-то мере объясняло ее одержимость смертью.

– Три года назад, когда мы перестраивали дом, для нашего брака наступили тяжелые времена, – продолжил Тони. – Как-то раз перестала работать сушилка для белья; я отодвинул ее и нашел за ней пакет, который спрятала там Лора. Внутри был длинный, подробный психиатрический отчет о ее состоянии в то время, когда она находилась на попечении социальных служб. Лора попала в приемную семью, состоявшую из женщины по имени Сильвия и ее сына. Судя по всему, за годы в этой семье побывали десятки приемышей, и Сильвия даже получила за это какую-то почетную награду. Сын был на пару лет старше Лоры, но у него были некие трудности в обучении. Он пришел в восторг от Лоры и везде следовал за нею, точно собачка, делал все, что та говорила ему, – например, воровал всякие мелочи в магазинах или избивал детей в школе. Сильвия не отказывалась от Лоры, сколько могла, но благополучие сына было для нее на первом месте, – а Лора оказывала на него ужасное влияние. Но когда работники соцслужб пришли, чтобы забрать Лору, она накрутила сына Сильвии так, что тот напал на свою мать. Он ударил ее и толкнул так сильно, что она упала и ударилась головой. Мгновенная смерть. Его отправили в исправительное заведение для несовершеннолетних преступников, а затем во взрослую тюрьму. Лоре все сошло с рук.

– Вы сказали ей, что вам об этом известно?

Тони кивнул.

– Она все отрицала. Утверждала, будто отчеты сфальсифицированы, чтобы скрыть промахи местных властей, и я думаю, она действительно в это верит. Вы должны знать, что моя жена не отличает правду от собственной лжи. Психологи писали, что она мысленно переписывает эпизоды своего прошлого, давнего и недавнего, если они ее не устраивают. Всегда выставляет себя жертвой, и никогда – виновницей. Путает время и

место. Считает, будто события, случившиеся несколько недель назад, были буквально вчера и где-то совсем в другом месте.

– Значит, когда вы узнали все это о ней, ушли от нее вместе с детьми?

– Нет. И больше всего в жизни я жалею именно об этом.

– Почему?

– Потому что тогда Генри мог бы остаться нормальным мальчиком, каким родился.

Я посмотрел на него, ожидая продолжения, но Тони покачал головой и дал понять, что разговор окончен.

– Это наша с вами последняя беседа, мистер Смит, – сказал он, направляясь к красной «Ауди».

– Можно еще один вопрос? – произнес я. – Когда я впервые позвонил ей в «Больше некуда», она назвала меня Дэвидом. Не знаете, почему?

– Так звали сына Сильвии, – ответил Тони, садясь в свою машину. Он предпочел рискнуть и сесть за руль пьяным, только бы не выслушивать мои вопросы. – Выйдя из тюрьмы, он вел жизнь бродяги здесь, в Нортхэмптоне. Лора несколько раз приводила его в дом, чтобы отмыть, – может, было совестно за то, что она с ним сделала, а может, она мысленно переписала их историю так, чтобы та ее устраивала. Дэвид Оливер. Но она называла его прозвищем – Олли.

Глава 25

Лора

Джанин скептически посмотрела на меня, когда я достала два кекса с малиной и белым шоколадом из пищевого контейнера и оставила их на тарелке на ее столе.

– Они без глютена, – улыбнулась я. – Сделала вчера вечером. – В первой фразе я солгала, во второй – нет. В кои-то веки я действительно пекла сама. – Жаль, что все наслаждаются моей выпечкой, кроме тебя. Извини, бумажные формочки закончились.

– Спасибо, – сказала Джанин, и я повернулась, чтобы выйти из ее кабинета, но сначала «случайно» пнула ее вульгарную оранжевую сумку.

– Ой, – произнесла я и улыбнулась, наклоняясь, чтобы поставить сумку прямо. Джанин была слишком занята кексом, чтобы заметить, как я аккуратно добыла из сумки ее «Айпэд».

Вернувшись за свой стол, я проверила мобильный: не связалась ли со мной полиция относительно выходки Райана. С тех пор как тот вломился в дом, прошло уже шесть дней, но мне так ничего и не сообщили. От завуча Эффи тоже не было новостей. Какого черта творится со всеми этими людьми? Я не хотела, чтобы обвинение Райана в домогательствах было доведено до суда, поскольку дочь была не так сильна, как я, – на допросе расколется. Просто желала, чтобы обвинения и порнографии, найденной на его рабочем компьютере, оказалось достаточно для его окончательного изгнания из профессии.

В конце концов они дознаются, что эти картинки залил туда кто-то другой. Я обшарила весь интернет в поисках фотографий юных девушек в школьной форме разной степени наготы – чтобы показать, что у Райана фетиш. Невозможно понять, несовершеннолетние они там или нет, но это не имеет значения – фото должны лишь добавить веса тем обвинениям, которые я выдвинула против него. Я перенесла картинки на флэшку и передала Эффи. Та провела в кабинете Райана достаточно времени, чтобы заметить, какой пароль он вводит. Ей не понадобилось особых усилий, чтобы проникнуть в его кабинет, перенести папку с фотографиями на жесткий диск, разместив среди его файлов, а потом уйти.

Я уже получила то, чего хотела, когда Райан был отстранен от работы, но чем дольше школьные власти и полиция ведут расследование, тем больше у него времени на обдумывание следующего шага. Желательно как

можно скорее подтолкнуть его к действиям, которые он не успел бы как следует спланировать. Тогда Райан совершит куда более серьезные ошибки, и я смогу раздавить его окончательно. Конечно же, следующий шаг состоится – именно так поступила бы я сама. У нас куда больше общего, чем он готов признать, – постоянное желание оставаться всегда на шаг впереди противника.

Я отсоединила провод стационарного телефона, чтобы никто меня не потревожил, положила мобильник на колени, где его никто не видел, и открыла свои медиафайлы. Пора посмотреть, как далеко я смогу зайти, прежде чем Райан сломается. Закончив, я сменила телефон на «Айпэд» Джанин и принялась работать против него.

Из своей выгородки я пронаблюдала, как Джанин перелистывает офисный журнал и отмечает, что на сегодня назначен личный визит клиента – пятнадцать минут спустя после окончания моей смены. Я сама попросила Мэри записать его туда, потому что клиент якобы желает личной встречи конкретно с Джанин.

– Его зовут Райан Смит, – сказала я ей.

– Отлично, – бодро ответила Мэри. – Побуду Большим Братом и послежу за камерами.

– Да нет, не беспокойся, – ответила я. – Похоже, они давно знакомы.

Жадность Джанин оказалась вполне предсказуема, и я довольно улыбнулась про себя, когда она взялась за второй кекс.

Я снова подключила стационарный телефон и принялась на автопилоте отвечать на звонки, говоря заученные фразы. При этом постоянно поглядывала на часы, ожидая окончания смены. Потом помахала на прощанье другим волонтерам, взяла пальто и сумку и спустилась вниз.

Когда несколько минут спустя дверь в комнату для личных встреч открылась, Джанин с изумлением обнаружила, что там сижу и жду ее я.

– Присаживайся, – пригласила я. – Нам давно следовало поговорить.

Глава 26

Райан

Мне некуда пойти; нет ни друзей, ни родных, кому можно рассказать, как я влип и что нет способа выбраться. С момента падения Шарлотты с обрыва я уже не контролировал свою жизнь.

Алкоголь придал мне сил открыть дверь в детскую – впервые после смерти Шарлотты и Дэниела. На всем, от пола до пеленального столика, лежал слой пыли толщиной в монету. Я посмотрел на потолок и заметил, что у «карусельки» с подвесками в виде животных отсутствует крышка аккумуляторного отделения. Я оставил ее открытой, чтобы не забыть купить батарейки, когда буду проезжать мимо супермаркета. Когда я вспомнил об этом, моя семья уже была мертва, и «каруселька» так и осталась неподвижной. Тему животного мира дополняли подушки, разбросанные по дивану-кровати; они были украшены мультяшными изображениями жирафов и слонов – и крошечным пальчиком моего сына не суждено было потрогать эти картинки.

Я закрыл дверь и ушел в свою спальню. Пил на пустой желудок, так что мне не понадобилось много, чтобы напиться. Я чувствовал невероятную усталость, поэтому, не раздеваясь, заполз под одеяло. Не мог перестать думать о том, что Тони рассказал мне про Лору. С самого начала у меня не было ни единого шанса выстоять против нее. Она много лет манипулировала другими и ухитрялась уйти от ответственности, а у меня такого опыта не было. Даже ее муж был убежден в том, что она психически нездорова. Ее невозможно обхитрить, ее действия непредсказуемы.

Самая большая ошибка, что я использовал Эффи, чтобы добраться до Лоры. Если б я просто вел себя тихо и закончил со всем этим делом после бегства Лоры из коттеджа, все было бы в порядке. Вместо этого я запустил новый виток безумной вендетты.

Я закрыл глаза. Вряд ли проспал долго, потому что на улице все еще было светло, когда меня разбудил стук во входную дверь и приглушенный голос отца.

Я услышал, как в замке повернулся ключ, и он вошел в прихожую. Я слишком быстро вскочил с постели, закружилась голова. С ним была мама; она плакала, и я сразу же понял, что они узнали о моем аресте. Сердце упало.

– Почему ты не отвечал на звонки? – спросил отец. Я посмотрел на

свой телефон – экран был черным; должно быть, сел аккумулятор.

Мама бросила в меня своим «Айпэдом».

– Открой, – потребовала она. – Посмотри на мою страницу в «Фейсбуке».

– Как давно вы...

– Просто открой!

Я просмотрел ее ленту и сразу же захотел заползти под камень и умереть. Практически в каждом посте ее сына называли педофилом и требовали уволить его – то есть меня – из школы или кастрировать. Мне стало нехорошо, я прислонился к стене. Отец схватил планшет и пролистал страницы, дойдя до школьной группы в «Фейсбуке», созданной родителями, которые обсуждали проблемы своих детей из разных классов.

– Седьмой класс, восьмой, девятый... и так до самого тринадцатого, – перечислил отец. – И все говорят о том, что ты был отстранен от работы за домогательства к девочке и нападение на ее мать.

Вверху каждой страницы и в посте, сделанном с учетной записи без аватарки под именем «Шарлотта Смит», – моя фотография и аудиозапись, сделанная Эффи, а также видеоролик попытки вломиться в дом Лоры. Меня затошнило.

– Мама, все совсем не так, как выглядит... – начал я, но по ее взгляду понял: что бы я ни сказал, это не очистит меня в ее глазах от прочитанного, увиденного и услышанного.

– Где Джонни? Он может подтвердить мои слова, сказать, что это все неправда. Ну, не совсем все, но не так, как они говорят. Я не домогался ни до кого, даю слово.

– Это твой голос на записи? – спросил отец.

– Да, но...

– Кто эта девочка?

– Эффи Моррис, одна из моих учениц.

– И кто эта женщина, в чей дом ты вломился?

– Мать Эффи. Но она вынудила меня сделать это. Это она убила Шарлотту!

– Что ты несешь? Шарлотта покончила с собой!

– Послушайте, я знаю, что мои слова звучат безумно, но это долгая история...

– Девочке всего четырнадцать лет, о чем ты думал? – спросил отец.

– Да не трогал я ее! – в ярости закричал я.

– Тогда что она делала в твоей машине наедине с тобой? Ты сказал, что подвозил ее до дома! Я не учитель, и то знаю, что это неправильно. И

какого черта ты пытался вломиться в чей-то дом?

– Вы ни хрена меня не слушаете! – Я сам изумился тому, как быстро вышел из себя. – Вы такие же сволочи, как все те, кто пишет в «Фейсбуке», если поверили в эту ложь! Даже не даете мне рассказать историю с моей точки зрения...

– У тебя явно нервный срыв, – произнесла мама; слезы струились по ее лицу. – Ты не смог оправиться от стресса после того, что случилось с Шарлоттой. Полностью запутался. И это вряд ли тебе поможет. – Она указала на невскрытую упаковку с шестью банками пива. – Мы должны найти того, кто окажет тебе помощь.

– Нет, нет, нет! – воскликнул я. Комната начала кружиться все быстрее и быстрее, стены и потолок смыкались. Нужно убираться отсюда, прочь от этого шума.

Я схватил с прикроватной тумбочки ключи от машины и протиснулся мимо мамы, однако зацепил ее плечом, и она, потеряв равновесие, качнулась к стене, а потом упала.

– Черт, извини, – сказал я и шагнул, чтобы помочь ей подняться.

Отец оттолкнул меня подальше от нее и занес кулак. Мы несколько секунд стояли друг напротив друга, замерев, готовые к драке, но потом он передумал. Вместо этого наклонился к маме, помогая ей встать.

Я больше ничего не мог сказать, чтобы утихомирить их, поэтому вышел из квартиры и заковылял к машине.

Выбора больше нет. Я знал, что должен поехать к единственному человеку, способному остановить все это. Умолять о пощаде женщину, убившую мою жену и ребенка.

Глава 27

Лора

– Полагаю, не ожидала увидеть меня здесь? – спросила я.

Джанин застыла у двери, размышляя, уйти ей или остаться и дослушать. Она колебалась, пока любопытство наконец не взяло верх.

– Нет, не ожидала, – ответила она.

– Присаживайся.

Она не сдвинулась с места.

– Я не в ответе перед тобой, Лора.

– Но ты хочешь знать, почему я дала себе труд залучить тебя сюда, верно?

– Если это ты вписала Райана Смита в журнал, то я совершенно точно могу догадаться. Ты узнала, что мы с ним встречались, и теперь хочешь убедить меня, будто он – просто выдумщик, одержимый тобой. Правильно угадала?

– И что ты ответишь, если я скажу «да»?

– Отвечу вот что. Когда он в первый раз позвонил мне с просьбой о встрече и кратким объяснением, зачем ему это нужно, я действительно решила, что человек просто слегка не в своем уме. После этого я провела небольшое исследование и узнала, что он учитель.

– Он упоминал о том, что учит мою дочь Эффи?

– Нет.

– А о том, что он несколько месяцев обхаживал ее, прежде чем предпринять сексуальные похождения? Ей четырнадцать лет. В настоящий момент он отстранен от работы, и его дело ожидает расследования.

– Нет, не говорил. Но у меня есть только твои слова на этот счет, верно? А тебя трудно назвать воплощением честности.

Джанин опустила свою бесформенную тушу на диван напротив, скрестила ноги и сложила руки на груди.

– Твоя поза выражает враждебность, – указала я.

– Давай просто скажем так: ты никогда не будила во мне особо добрых чувств.

– И почему бы это? – Я подалась вперед.

– В отличие от прочих коллег, я не считаю, что у тебя над головой нимб. Они хотят видеть в людях только хорошее, но я вижу то, чего не

видят они. Я не слепая и наблюдаю, как ты действуешь. Как манипулируешь людьми, изображая Мэри Поппинс. Влетаешь на зонтике в офис с покупными кексами и одеждой, которую якобы починила сама. Можешь сколько угодно играть замечательную любящую мамочку, но я вижу тебя насквозь.

– Никогда не говорила, что я идеал.

– Но никогда и не пыталась развеять этот миф.

– Ты судишь обо мне, не зная меня. С самого начала невлюбила.

– И была права, не так ли? Я хорошо разбираюсь в людях и за свою жизнь встречала много таких, как ты. Убеждаешь всех и каждого, будто ты на их стороне, но это всего лишь показуха, призванная скрыть, кто ты на самом деле.

– И кто же я на самом деле? Просвети меня.

– Ты – та, кто ловит кайф, подталкивая уязвимых людей к смерти. – Мое лицо осталось бесстрастным, и она продолжила: – Райан прав насчет того, что ты сделала с его женой, верно? И она была не первой. Вот почему статистика самоубийств по этому филиалу выше, чем по любому другому, – ты активно способствуешь.

Мой взгляд метнулся к камерам наблюдения. Зеленые огоньки не мигали, а значит, наш разговор не записывался.

Наконец я одарила ее снисходительной улыбкой.

– Именно это – и только это, поверь – мне нравится в тебе, Джанин: уверенность в собственной правоте. Ты действительно думаешь, что любые слова, исходящие из твоих уст, – истина в последней инстанции.

– Когда речь идет о тебе, то так я и думаю.

– Просто для ясности: твое отношение ко мне не имеет ничего общего с тем, что ты трахаешься с моим мужем?

Спокойствие Джанин едва заметно поколебалось, однако она восстановила его.

– Так, значит, это ты?.. Нацарапала то слово на моей машине? Я говорила Тони, что это твоих рук дело, но он был твердо уверен, что ты не знаешь о нас.

Какое счастье услышать, что муж по-прежнему видит во мне что-то хорошее!

– Ты пытаешься унижить меня, предъявляешь эти ужасные обвинения, но на самом деле просто хочешь выгнать меня из «Больше некуда», чтобы не видеть каждый день мое лицо и не чувствовать вины за разрушение моего брака. Разлучница.

– Я не сделала ничего плохого, поэтому не чувствую никакой вины.

Мы с Тони сошлись спустя много времени после того, как он удрал от твоего безумия.

– Но ты положила на него глаз еще до этого, так? Я видела твои безнадежные попытки флиртовать с ним на ужине в честь шестидесятилетия Мэри.

– Только они не были безнадежными, ага? – Она насмешливо улыбнулась мне.

– И я полагаю, ты считаешь, будто знаешь меня, после всего, что мой муж рассказал тебе обо мне?

– На самом деле он рассказывал совсем немного.

– И ты ждешь, что я в это поверю?

– Мне плевать, во что ты веришь. Но по какой-то причине – вероятно, только потому, что ты мать его детей, – он все еще питает к тебе остатки расположения.

Я была рада узнать, что Тони держит что-то в тайне от Джанин. И знала, почему он не рассказал ей о моем личном деле. Четыре года назад муж убедил меня «позаимствовать» двадцать пять тысяч фунтов из пожертвований, сделанных для «Больше некуда». Эти деньги должны были помочь ему основать свой страховой бизнес. У меня все еще хранились номера банковских счетов, на которые в действительности ушли эти деньги. Они были так хитро похищены, что даже аудиторы благотворительных сборов не хватились.

Если бы Тони не позволил мне увидеться с Эффи в тот день, когда мы встречались с завучем, я пошла бы в полицию, даже если это означало заявить на себя саму. А поскольку от любимых не хранят тайн, ясно, что Тони не любит Джанин.

– Он сказал тебе, что недавно мы провели ночь вместе? – спросила я. – Точнее, несколько.

– Когда?

– После того как на меня напали.

– Ах да, верно, то «нападение»... – Джанин пальцами обозначила кавычки. – Того, кто это сделал, поймали?

Я не ответила.

– Думаю, нет, – продолжила она. – Забавно. И Тони было очень тяжело признаться, что он провел первую ночь в кресле в твоей комнате, а еще пару ночей – в свободной спальне.

– Он так сказал тебе?

– Сама видела. В ночь «нападения» заезжала к тебе домой, пока ты спала, чтобы привезти ему чистую смену одежды. Мне нравится, что ты

так и оставила стены закопченными. Этакий «готический шик». – Она зевнула и, похоже, сама удивилась этому.

Вторглась, значит, в мое личное пространство... Побывала в моем доме... Я сглотнула, чтобы удержать ярость в узде.

– Никто здесь не любит тебя, – сказала я, – так что когда я расскажу им, в чем ты обвиняешь меня, все будут на моей стороне. А потом пойду в головной офис и расскажу им, что главную добытчицу пытается выжить с работы женщина, уведшая у нее мужа.

– Давай, Лора, жалуйся, – отозвалась Джанин и достала из своей уродливой оранжевой сумки диктофон Райана. – Мне очень хочется узнать, что они скажут, когда я прокручу им вот это.

Глава 28

Райан

Когда я постучал в дверь Лориного дома, мне никто не ответил.

В прошлый раз я не контролировал себя здесь. То, что Лора оставила мертвого поросенка под свадебным платьем Шарлотты, лишило меня рассудка, – и именно этого она добивалась. Даже после того, как Тони рассказал мне о ней, я надеялся лишь на то, что где-то в глубине души Лора сохранила остатки человечности, к которой можно воззвать.

Я знал, что, появившись возле ее дома, нарушаю условия освобождения и рискую быть арестованным снова, – но был в полном отчаянии. Она не оставила мне иного выбора.

Я наклонился, чтобы говорить в щель почтового ящика.

– Лора, пожалуйста, ответь, – умолял я. – Я не собираюсь причинять тебе неприятностей, мне просто нужно поговорить с тобой.

Ответа не было. Я заглянул во все окна, но даже слабая тень не шевельнулась по ту сторону стекла.

– Я сделаю что угодно, – продолжил я. – Только, пожалуйста, отзови обвинения. Ты выиграла. Я больше не могу противостоять тебе.

Я опустил на колени, затем свернулся в клубок на придверном коврике и заплакал.

В конце концов вернулся в машину, нашел визитку, которую Джанин дала мне после нашей встречи, и снова набрал ее прямой номер. Я устал ждать, пока она начнет действовать. Она должна сделать что-нибудь немедленно. Но звонок был переброшен на автоответчик.

– Немедленно еду к вам, – начал я. Слышал, что мой голос звучит невнятно, но ничего не мог с этим поделать. – Я дал вам все, что было нужно, а вы не сделали ничего. Вы у меня в долгу.

Направляясь в сторону «Больше некуда», я все еще не знал, что делать с реакцией родителей на обвинения, свалившиеся на меня. Хотелось кричать, выть, плакать, защитить себя и причинить им такую же боль, какую они причинили мне, – и все это одновременно.

Понимание того, что они не верят собственному сыну, больно ранило. Джонни уже покинул меня, теперь они сделали то же самое. Ужасно несправедливо.

Остановившись перед светофором, я сделал глоток водки из бутылки, лежащей в «бардачке». Плевать, что полиция может остановить меня и

заставить дышать в трубочку. Пусть арестуют. Не в первый раз; меня это почти не беспокоило. Может быть, мне уже следует сидеть за решеткой? Возможно, я был опасен для себя самого, потому что не мог принимать разумные решения. Если б мог, не увяз бы в таком дерьме. Я потерял всех, кого любил и на кого полагался, и мне не к кому было обратиться.

Жилой район, где когда-то жил дедушка Пит... Вот парк, где я мальчишкой часами катался на велосипеде вместе с друзьями. Вот супермаркет, где мы торчали, пытаясь клянчить сигареты у парней постарше. Остановка, где я впервые поцеловался с Люси Джонс. Сердце тосковало по тем безмятежным дням, которые никогда не вернуться.

Когда прошлое столкнулось с настоящим, я осознал, что у меня нет будущего. Если даже каким-то чудом буду оправдан, жизнь уже навсегда разрушена грязными обвинениями. Ложь Лоры и Эффи распространялась по сетям со скоростью эпидемии, и к этому моменту все коллеги и остальные прочитали написанное обо мне. Ложь будет только расти и шириться по мере того, как все родители и ученики подхватят ее. Жизнь, что я вел, завершена. Грязь не отмыть – и я покрыт ею с ног до головы.

Впервые с тех пор, как Шарлотта покончила с собой, я понимал, как она чувствовала себя, когда достигла глубин отчаяния.

Глава 29

Лора

Никогда не видела Джанин настолько самодовольной, как в тот момент, когда она держала в руке диктофон Райана. Ее лицо буквально пошло складками, настолько оно сморщилось от торжества надо мной.

– Знаешь, что это? – спросила она. – Сделанные Райаном записи каждого твоего разговора с ним. Много часов бесед, во время которых ты шла против всех принципов «Больше некуда», подталкивая его к самоубийству.

Я позволила ей говорить.

– Предполагается, что мы беспристрастно выслушиваем этих людей, – продолжала Джанин. – Что бы они ни говорили о своих намерениях, твоя задача выслушивать их, а не уговаривать умереть. Тебя нужно остановить.

– Полагаю, это сделаешь ты?

Джанин улыбнулась, потом часто заморгала.

– Почему ты еще ничего не предприняла? – спросила я. – Мне думалось, ты отправишься напрямик в головной офис с этой кучкой мелких сплетен...

– Не надо преуменьшать, Лора. Это вовсе не «кучка мелких сплетен», верно? Это доказательство того, что одна из моих волонтеров поощряет самоубийства и помогает в них, а это, как мы обе знаем, незаконно. Но, как следует подумав, я решила дать тебе выбор: либо передам все это руководству и сообщу о твоих действиях в полицию, либо отдам тебе, чтобы ты уничтожила все улики.

– В обмен на что?

– На то, что ты немедленно покинешь мой филиал и больше не придешь сюда никогда.

– И это всё? Всё, чего ты хочешь от меня?

– Не совсем. Ты также должна согласиться никогда больше не видеться со своей семьей. Держись подальше от Эффи, Элис, Генри и Тони.

– Что? – Кровь застыла у меня в жилах.

– Тони подаст на развод из-за твоего безрассудного поведения. Сделка будет заключаться в том, что ты не попытаешься опротестовать это и передашь Тони все права на опеку над вашими детьми. Как только получишь постановление о разводе, я передам тебе этот диктофон, и твои дети смогут начать новую жизнь без тебя.

Джанин наконец-то показала свои истинные намерения, и они были почти такими же эгоистичными, как мои.

– Ты ничем не лучше меня, – заявила я. – Если я такой плохой человек, то почему ты используешь эти записи ради собственной пользы?

– Когда это я утверждала, будто лучше тебя? – засмеялась она. – У каждого из нас своя цель, Лора. Твоя – подталкивать людей к смерти. Моя – построить жизнь с тем, кто скоро станет твоим *бывшим* мужем.

– Ты обманываешь себя, если считаешь, что это произойдет. Нам с Тони суждено быть вместе... вместе с нашими детьми. Эффи уже вернулась ко мне.

– Надолго ли? Рискну предположить, что не очень. Тони звонил мне как раз перед тем, как я спустилась сюда. Он знает, что ее домогался учитель. Это опубликовано на школьной странице в «Фейсбуке». Эффи страдает от этих слухов. Я посмотрела на учетку, с которой был размещен первый пост – «Шарлотта Смит». Жена Райана, если я верно помню. Ни Эффи, ни Райан ничего не выигрывали от написания этого поста, так что если Шарлотта не восстала из праха, то это могла сделать только ты. Не думаю, что Тони или твоя дочь в ближайшее время примут тебя с распростертыми объятиями.

Джанин снова с трудом сморгнула, как будто что-то сбивало ее с толку.

– Нажми кнопку, – сказала я.

– Что?

– Нажми кнопку воспроизведения на диктофоне. Ты же не ждешь, что я соглашусь на твои требования, пока не услышу, в чем меня обвиняют?

– Ты действительно этого хочешь? – спросила Джанин.

Я кивнула.

Она пожала плечами и нажала кнопку, потом откинулась на спинку дивана, когда устройство тихонько зашипело. Несколько секунд прошло в тишине, затем Джанин посмотрела на дисплей и включила быструю перемотку. Снова нажала воспроизведение – но опять последовала тишина. Озадаченность на лице Джанин сменилась тревогой, потом смятением. Она нажимала кнопки, выкручивала звук, проверяла заряд аккумулятора. Диктофон молчал.

– Что ж, Джанин, было приятно поговорить с тобой по душам спустя столько времени, – сказала я, улыбнулась и встала. – Думаю, рискну и позволю судьбе, а не тебе решать, что будет со мной дальше.

– Что ты сделала? – прорычала Джанин и медленно поднялась на ноги, но ее колени неожиданно подломились, и она рухнула обратно на диван. Собравшись с силами, снова попыталась встать, но безуспешно. Я

медленно направилась к ней, пока она старалась понять, что происходит с ее телом.

– Похоже, подействовало растолченное снотворное, что я добавила в кексы, – начала я. Она смотрела на меня озадаченно, потом ее увядшее лицо выразило тревогу.

– Они вовсе не магазинные, – продолжила я. – Давай-ка я сначала заберу вот это. – Выхватила диктофон из ее ослабевших рук и сунула в карман. – А теперь уладим некоторые недоразумения, ладно? – Достала из сумки кожаные водительские перчатки, которые Тони оставил в гараже у нас дома. – У тебя с моим мужем не будет никакого счастливого будущего. Тебе никогда не удастся разоблачить меня, рассказав, что я сделала с кем бы то ни было. Ты никогда не поймешь, почему я делаю это и каково бывает слышать последний вздох человека, потому что у тебя отсутствует способность ощущать мир так, как его ощущаю я. Ты не ценишь хрупкость человеческой жизни, как ценю ее я. Никогда не узнаешь красоту смерти, равную красоте рождения, и того, что первый и последний вздох, по сути, одно и то же. Ты ничего этого не знаешь, потому что не помогаешь людям. А я помогаю. Спасая от них самих.

Я медленно натянула перчатки и снова пошарила в сумке, пока не нашла то, что искала.

– Когда человек делает последний вздох, все в его жизни заканчивается: все успехи, все неудачи, всё, что радовало или огорчало его. Оно больше не имеет смысла, ибо все мы равны. Добрый или злой, святой или грешник, ты или я, – когда-нибудь мы все окажемся в одну цену. Мне повезло, что меня много раз просили быть единственной, кто сможет услышать этот звук. И хотя ты не просила меня об этом напрямую, я могу предположить, что ты не будешь возражать, если я останусь рядом с тобой и услышу твой последний вздох.

Лицо Джанин побледнело от страха. Снотворное отняло ее физические силы, взгляд затуманивался. Но она еще могла бояться. Прежде чем она сумела выговорить хоть слово или поднять руку, защищаясь, я взмахнула молотком и ударила ее по горлу.

Первый удар оставил вмятину размером с десятипенсовую монету, но соприкосновение металла с кожей и хрящом звучало скорее как тихий стук, чем как хруст, который я ожидала услышать. Глаза Джанин сделались размером с блюдца, когда нервная система послала в мозг сигнал боли. Снотворное повлияло на координацию, так что, когда она попыталась прикрыть шею ладонями, руки бессильно повисли по бокам. Джанин пыталась втянуть воздух раздавленной гортанью и медленно задыхалась.

Я снова занесла молоток над головой и подождала, пока ее глаза не встретятся с моими. Нужно, чтобы она осознала: первый удар – не единственный. Второй я нанесла чуть выше глазницы. На этот раз услышала желанный хруст, и кожа Джанин лопнула, словно оболочка сосиски. Сначала голова слегка качнулась, а потом начала непроизвольно дергаться из стороны в сторону, словно при эпилептическом припадке. Взгляд расширившихся зрачков был по-прежнему устремлен на меня, и десять секунд спустя судороги прекратились.

Джанин еще была в сознании, когда третий удар пал на макушку – словно я заколачивала гвоздь в доску. Глаза закатились, и я поняла: еще один, и все будет кончено. Но я не хотела, чтобы она умерла так быстро.

Я опустилась рядом с ней на диван и склонилась ближе; кровь из раны на голове стекала по ее лицу и капала на мою щеку и шею. Однако крови было не так много, как мне представлялось.

Я поднесла ухо к ее губам так близко, как только могла, и сквозь громкое биение своего сердца едва-едва расслышала последние моменты ее жизни. Все чувства словно обострились одновременно: все, что я слышала, видела и ощущала, казалось слишком сильным, от металлического запаха крови до тихого судорожного постукивания скрюченных пальцев по обивке дивана. Дыхание Джанин, и так едва слышное, становилось все легче и легче, пока я уже не могла ощутить его на своем ухе. А потом, с последним слабым выдохом, ее тело окончательно перестало функционировать.

Сначала я не могла шевельнуться. В голове было абсолютно пусто, я впала в некое подобие оцепенения. Позволила себе выждать несколько минут, чтобы зашкаливающий уровень адреналина немного снизился, а пульс замедлился, и только потом приступила к следующей части плана. Еще будет время на рефлексию.

Я встала на ноги и бросила еще один долгий взгляд на неподвижное тело Джанин. Все страдания, которым подвергла меня эта злобная сука, почти искуплены тем, что я смогла услышать ее последний вздох.

Нужно действовать быстро. Несколькими ударами молотка я сломала висячий замок на двери, отделявшей комнату встреч от заброшенного здания по соседству. Стерла кровь Джанин со своего лица, уха, шеи и волос, изведя целую упаковку влажных салфеток; потом достала из-за дивана пакет с такой же одеждой, как та, что на мне. Переодевшись, сунула испачканные вещи, блокнот и перчатки Тони в мешок для мусора и натянула другие перчатки – на этот раз латексные. Дверь, ведущую в комнату из офиса, оставила чуть-чуть приоткрытой. Тело Джанин начало коченеть, клетки ее мозга отмирали.

Оказавшись в соседнем здании, я заперла дверь на новый висячий замок, чтобы задержать неизбежный полицейский обыск. Подсвечивая фонариком телефона, прошла по темным коридорам к черному ходу. Двумя сильными ударами сломала замок на двери и бросила орудие убийства на пол. Дважды проверив, не упустила ли что-либо, вышла из здания. Потом сняла кроссовки мужского размера, которые надевала, чтобы оставить на пыльном полу соответствующие отпечатки, и влезла в собственную обувь. Сняв фотографию, бросила на заросший высокой травой газон. Потом откинула засов на калитке, сунула латексные перчатки в сумку, туда же – мусорный мешок, убедилась, что в переулке никого нет, и пошла домой.

Добравшись до места, я бросила оба комплекта одежды в стиральную машину и выставила цикл на максимальную температуру – первый из трех циклов, которым я намеревалась их подвергнуть. Приняла душ. Перчатки Тони и кроссовки спрятала в ящике для обуви на игровом поле позади дома.

Надев уютный халат и тапочки, села к кухонной стойке и налила себе стакан вина. Нужно было сделать еще очень многое, поэтому я начала вбивать в телефон список. Будучи директором страховой компании Тони, я ежемесячно получала жалованье, не делая ничего – просто помалкивая о том, где мы когда-то раздобыли деньги, чтобы основать бизнес. Так что для начала я решила нанять дизайнера, чтобы заново покрасить и оклеить закопченные пожаром стены, потом найти садовника, чтобы он привел в порядок заросший сад за домом.

Нужен был стекольщик, чтобы заменить двустворчатые двери, разбитые Райаном; потом я собиралась подать в страховую компанию заявку на возмещение ущерба. Когда дело будет передано в суд, вероятно, я смогу получить с Райана компенсацию. И когда дом снова станет таким, каким был когда-то, все будет готово к возвращению Тони и девочек.

Я поставила телефон на зарядку, готовясь к шквалу звонков, которые непременно посыплются, когда смерть Джанин будет обнаружена.

– Господи, нет! – твердила я вслух на все лады, пока не нашла достаточно достоверный тон.

Посмотрела на часы над дверцей духовки. Джанин, должно быть, уже нашли. Полиция, скорее всего, уже прибыла в офис и ждет, когда криминалисты приступят к обследованию нашего здания, равно как и соседнего. Там они найдут молоток, который я похитила из квартиры Райана, пока риелтор не видел. Заметила его на бюро и спрятала в сумку, предусмотрительно прихватив через рукав куртки. Тесты покажут, что на молотке остались кровь, кожа и волосы Джанин и отпечатки пальцев

Райана.

Во время вскрытия и исследования содержимого желудка выяснится, что Джанин опоена снотворным, но она ела так много и так часто, что трудно будет понять, когда лекарство попало в организм. И все знали, что она отказывалась есть мою глютеную выпечку. Так что я в безопасности.

Во дворе заброшенного здания найдут мою смятую фотографию, которую я сорвала со стены в тот вечер, когда приехала в коттедж Стивена. В панике я сунула несколько снимков в карман, прежде чем он начал мне угрожать. Я надеялась, что на ней тоже остались отпечатки пальцев Райана и невидимый код отслеживания, связанный с серийным номером его принтера. А еще лучше, если отпечатки его пальцев обнаружатся на скотче. Моих отпечатков не будет, ведь я была в перчатках.

То, что Райан учинил вендетту против меня, «Больше некуда» и Эффи, уже известно и полиции, и школьным властям. Судя по количеству лайков в «Фейсбуке» и перепостов моего сообщения, сотни людей уже посмотрели видео, как он вламывается в мой дом, и увидели, насколько буйным он может быть. А в журнал вписано доказательство, что сегодня днем он назначил Джанин личную встречу.

Райан и Джанин. Две птички убиты одним камнем. Точнее, одним молотком.

Меня охватило волнение, когда телефон наконец завибрировал – однако на экране высветилось имя Эффи.

– Привет, милая, жду важного звонка. Не можешь перезвонить попозже?

– Как ты могла, мама? – всхлипнула она. – Все в школе знают, что я сделала эту запись. Все ненавидят меня и говорят, что я занималась сексом с мистером Смитом. Называют меня шлюхой и говорят, что я его соблазнила.

– Не обращай на них внимания, милая. В таких ситуациях всегда винят именно женщину.

– Но я же действительно виновата, нет?

– Все не так просто, Эффи. Существуют вещи, которые ты не можешь понять, потому что еще слишком молода, но мы не можем допустить, чтобы то, что он сделал, сошло ему с рук.

– А мне плевать! – крикнула она. – Ты сломала мне жизнь. Больше никогда не хочу тебя видеть.

– Эффи, пожалуйста, не говори так. Может, встретимся завтра в кофейне и...

– Нет! Я расскажу папе о том, что ты заставила меня сделать.

– Прежде чем это сделать, вспомни кое-что, – спокойно ответила я. – Ты начала все это. Твоя дурацкая школьная влюбленность запустила цепь событий. Драгоценный папочка и так уже опозорен неприятностями, в которые ты его втянула, так что представляю, каково ему будет услышать это. А когда в полиции и в школе узнают, что ты солгала, тебе придется снова менять школу и, вероятно, подвергнуться судебному преследованию за ложное обвинение. Отец вряд ли что-то сможет сделать, чтобы защитить тебя от этого. Но ты уже достаточно взрослая, чтобы попасть в тюрьму для малолетних преступников, верно? Одному богу известно, как ты это переживешь. Так что я на твоём месте как следует подумала бы о последствиях.

Она молчала.

– Тебе следует помнить, Эффи: мы с тобой скроены из одного материала. Ты – дочь своей матери и многому можешь научиться у меня.

Я была так зла на нее, что не дала ей возможности ответить. Вместо этого оборвала звонок и налила себе еще бокал. Все это я сделала ради нее, ради всех нас, но она оказалась слишком эгоистична... Чем больше я думала, тем сильнее кипела моя кровь.

Нравится Эффи или нет, ничто не сможет помешать мне снова собрать всю свою семью под одной крышей. Ничто.

Глава 30

Райан

Ветер свистел в радиаторной решетке моей машины, задувал под помятый капот, заставляя его вибрировать. Ветер пролетал под колесные арки, проносился вдоль шасси. Временами казалось, будто он вот-вот подхватит машину и поднимет в воздух.

С самого раннего вечера я сидел на водительском месте, опустошая бутылку водки. Теперь сквозь плотную ночную тьму пробивались первые проблески утра, и я начал трезветь. Но рассвет нового дня ничего не мог изменить в моей жизни. Никакое количество выпивки не могло смыть то, что стало с ней.

Я попытался представить, что могло быть, если б я не пытался глубже постичь причины депрессии Шарлотты – если бы просто смирился с потерей жены, а потом смог бы научиться жить с этим дальше.

Время от времени на парковку въезжали другие машины, и я смотрел, как водители отправляются на пробежку или выгуливают собак – самые обычные занятия для спокойного раннего утра. Не считая ветра, это место было настолько тихим, насколько вообще можно представить.

Я ехал почти два часа в полной тишине, пока не достиг Бирлинг-Гэп в Восточном Сассексе – места, где Шарлотта покончила с собой. С момента ее смерти я несколько раз подумывал о том, чтобы приехать сюда и посмотреть, почему она выбрала его, но только сейчас смог заставить себя.

Долго вопрошал себя, что такого ужасного может быть в жизни человека, чтобы толкнуть его на подобный шаг. Теперь понимал – будь то химический дисбаланс в мозгу, терзающее прошлое или же люди, делающие жизнь невыносимой: все могут дойти до точки, когда больше не в состоянии выдержать боль. Так случилось и со мной.

Я потерял все, что когда-то было мне дорого. Невозможно уйти от того, что я сделал, от того, в чем меня обвиняли, и от того, в чем я невиновен. У меня не было жены, не было сына, не было работы, не было родителей, не было брата... абсолютно ничего, ради чего стоило бы жить.

Я припарковался точно там, где оставила свою машину Шарлотта, если верить записи видеорежистратора. Открыв дверь, взял с заднего сиденья старую куртку и натянул ее. Я столько раз рассматривал в сети фотографии и видеозаписи с этого места, что оно казалось мне знакомым и даже уютным, – несмотря на то, что я никогда здесь не бывал.

Вывел свой телефон из режима полета, и на экране начало всплывать одно сообщение за другим. Пропущенные эсмэски, письма, звонки. Неожиданно телефон завибрировал, и на экране появилась фотография Джонни. Поколебавшись, я ответил на звонок, но ничего не сказал.

– Рай? – спросил брат. – Райан? Ты меня слышишь?

– Да.

– Где ты, черт побери? Тебя ищет полиция.

– Так и думал.

– Они побывали в твоей квартире, потом у мамы с папой. Что произошло?

Я не ответил.

– Рай, какого хрена? Говорят, ты, вероятно, убил какую-то женщину.

– Какую женщину?

– Она работала в «Больше некуда».

– Лору?

– Нет, Джанин Томсон. Это та, которой ты отдал диктофон?

– Да.

– Ты оставил на автоответчике угрожающее сообщение о том, что едешь туда, а потом ее нашли мертвой.

Я посмотрел на небо, закрыл глаза и засмеялся. Лора снова переиграла меня. Раз за разом я недооценивал ее, и она доказывала мне, как сильно я ошибался. Что бы ни сделала сейчас, она по-настоящему довела меня до края. Мое имя не значит ничего, так что нет смысла пытаться очистить его.

– Через пару минут скину кое-что тебе на почту, – сказал я. – Присмотри вместо меня за мамой и папой и передай им, что мне очень жаль. Люблю тебя, братишка.

– Рай, что ты...

Я дал отбой и переслал Джонни сообщение, на составление которого потратил почти всю ночь, потом выключил телефон и сунул обратно в карман.

Я начал искать Лору потому, что хотел получить ответ на вопрос: почему моя жена покончила с собой. Но во время трех встреч с Лорой я был слишком занят мстью и так и не задал этот вопрос. И примирился с фактом, что никогда не узнаю ответ.

Я медленно пошел в направлении ограды у края обрыва. Представил, что держу Шарлотту за руку, а в другой моей руке – крошечная ручка Дэниела. Я разговаривал с женой в последний раз.

– У тебя были сомнения, когда ты зашла так далеко? – спросил я.

«Нет. Я была уверена, что хочу именно этого».

– Ты думала обо мне?

«Да, конечно, думала. Я люблю тебя».

– Говорила с нашим ребенком?

«Да. Сказала ему, что мне очень жаль и что с нами все будет в порядке».

– О чем последнем ты подумала?

«О дне нашей свадьбы и о том, как мы все вышли в сад, чтобы зажечь и запустить китайские фонарики. Ты помнишь? Мы подбросили их в воздух и смотрели, как они летят над полями и исчезают вдали. Если б я могла вернуться в какой-то момент своей жизни и навсегда в нем остаться, выбрала бы этот».

– Почему ты покинула меня?

«Ты не виноват. Я должна была это сделать».

Только сейчас, идя по стопам Шарлотты, я смог понять: она не была эгоисткой, когда лишила себя жизни. Ни один из самоубийц – не эгоист. Как и я сейчас, она действительно всем сердцем верила, что иногда ничего другого не остается.

Я перелез через ограждение и сделал последние несколько шагов к краю обрыва. Взглянул на горизонт; ветер играл моими волосами. Закрыв глаза, я видел только красно-оранжевые пятна от солнца, светившего в веки. Ощущал только мягкие теплые руки моей жены и сына.

– Прости, Шарлотта. Мне жаль, что я не смог помочь или убедить остаться. Надеюсь, перед смертью ты сумела простить меня за то, что я подвел тебя, – как я простил тебя. Я тебя люблю.

«Я тоже люблю тебя, Райан».

Я улыбнулся, когда мы вместе рухнули вниз.

Часть III

Глава 1

Лора – два месяца после Райана

Мэр Нортхэмптона улыбнулась и потянула за шнур, отдергивая в стороны две половины маленького красного занавеса. Вспышка фотоаппарата озарила тяжелую золотую цепь – знак должности – у нее на шее, когда она, региональный менеджер «Больше некуда», и я собственной персоной позировали для фотографий рядом с медной табличкой.

«Дом Джанин Томсон, – гласила надпись на ней. – В память о друге и коллеге».

Небольшая группа волонтеров из нашего офиса и ряд незнакомых мне личностей из филиалов соседних графств присоединились к нам в оплакивании потери. Я стояла на ступенях перед зданием. Не была уверена, чувствую душевный подъем потому, что меня попросили выступить с речью перед собравшимися, или же потому, что Тони стоял всего в нескольких метрах от меня. Лишь второй раз я увидела его после внезапной кончины бедняжки Джанин. Пыталась связаться с ним в мессенджерах и оставила несколько голосовых сообщений, но он так и не перезвонил. Когда я увидела его, по моей коже пробежали мурашки; одна лишь мысль о нашем будущем вызывала желание расплыться в улыбке. Но я удержалась: сейчас для этого было не время и не место.

Я гадала, почему Эффи и Элис не пришли с ним. Видела их месяц назад, когда присутствовала в церкви на похоронах Джанин. Распорядок заупокойной службы хорошо смотрелся в моей черной сумке среди аналогичных бумаг. Девочки сидели во втором ряду вместе с отцом неподалеку от родных Джанин. Немножко чересчур – как будто между ней и Тони действительно было что-то серьезное. Он просто использовал ее, чтобы позлить меня, чтобы преподать урок... показать, что я должна быть хорошей женой, лучшей женой.

Как только туша Джанин превратилась в груды пепла, я написала Эффи, предлагая помириться, но она по-прежнему оставалась погруженной в жалость к себе. Как будто не понимала, что выкладывание в соцсети ее разговора с Райаном было необходимой жертвой. Но сейчас улаживание наших с ней отношений не приоритет – Тони важнее. Как только мы будем вместе, остальные разрозненные части моей семьи тоже соберутся.

Я полагала, что ему сейчас надо поддерживать маску скорбящего любовника. Надела серьги и ожерелье медного цвета, что он подарил мне

на девятую годовщину нашей свадьбы, и черное платье, которое было на мне в последний раз, когда мы отмечали Рождество у него на работе. Тогда ему не терпелось снять его с меня; он прижал меня к каталожному шкафчику в своем кабинете и взял меня прямо там. Лицо его было искажено страстью – огромная разница с тем, как он выглядел сейчас. Только он и я знали, что это притворство.

Настала моя очередь произносить речь на церемонии в честь Джанин. Я достала из кармана листок бумаги, откашлялась и начала читать:

– Желаю всем доброго утра и от имени «Больше некуда» благодарю за то, что пришли сюда.

Я окинула уместно-торжественным взглядом собравшихся вокруг людей. Тони по-прежнему пристально и холодно смотрел на меня.

– Ужасная смерть нашей дорогой подруги Джанин потрясла как ее близких друзей и коллег, так и всех жителей графства, – продолжила я. – Она посвятила жизнь помощи другим от всей своей щедрой души и доброго сердца. Но за благие устремления была вознаграждена лишь жестоким нападением, прервавшим ее жизнь так преждевременно. К несчастью, мы, волонтеры «Больше некуда», не смогли помочь запутавшемуся человеку, который убил ее, и, как вы, без сомнения, знаете, он предпочел лишиться себя жизни, чтобы не столкнуться с последствиями своих действий. Но события того ужасного дня показали, насколько людям, отчаянно желающим, чтобы их выслушали, необходима такая безопасная гавань, как наша благотворительная организация. Именно поэтому мы назвали здание в честь Джанин Томсон – как напоминание всем о том, что мы всегда рядом и готовы выслушать вас.

Я промокнула бумажным платочком фальшивые слезы в уголках глаз, когда зрители вежливо зааплодировали. Уже в здании болезненное любопытство заставило всех обернуться в сторону закрытой двери комнаты, где Джанин сделала последний вздох.

Когда полиция в конце концов позволила нам вернуться туда, я организовала все, от профессиональной уборки до замены замков. Я также стала единственной, у кого были запасные ключи, и иногда по дороге на смену выкраивала время, чтобы присесть на диван – на то самое место, где умерла Джанин. Закрывала глаза и заново переживала нашу стычку. Удары молотка по голове и последняя отчаянная попытка глотнуть воздуха – иногда это вспоминалось мне так отчетливо, точно она все еще сидела рядом со мной.

В конференц-зале в дальней части здания я устроила небольшой банкет, использовав малую часть денег, пожертвованных нам в связи со

смертью Джанин. История о том, как милосердная волонтерка была забита до смерти молотком на рабочем месте, попала во все национальные газеты, и от сочувствующих хлынула помощь – более ста тысяч фунтов.

Сначала меня раздражало то, что ее прославляют как героиню и что меня никто никогда не поблагодарит за этот приток денег, но в конечном итоге я примирилась с этим. В конце концов, я выиграла.

В новостях мелькало и имя человека, обвиненного в преступлении. ДНК Райана Смита была найдена на орудии убийства и на смятой фотографии, обнаруженной в соседнем дворе. Предполагалось, что жертвой должна была стать я, пока на телефоне Джанин не обнаружили угрожающее голосовое сообщение, что та «в долгу» перед ним.

Позже машину Райана нашли брошенной на том же самом месте, где когда-то стоял автомобиль его жены; было сделано предположение, что он последовал по ее стопам за край обрыва. Я жалела лишь о том, что не смогла поймать его последний предсмертный вздох, как поймала вздох его жены.

Кевин и Зои подошли, чтобы сказать, как понравилась бы Джанин моя речь, но они не хуже меня знали, насколько отвратительно было бы ей то, что эта речь произнесена мной. Я окинула взглядом зал, чтобы проверить, не передумала ли Мэри и не решила ли все-таки присоединиться к нам, но она не могла заставить себя вновь переступить порог этого здания, с тех пор как здесь нашли труп Джанин.

Неожиданно я осознала, что Тони тоже отсутствует в зале. Выбежала на улицу и увидела его чуть дальше по дороге. В руке он держал ключи от машины.

– Тони! – закричала я. – Подожди, пожалуйста!

Он помедлил, стоя спиной ко мне, потом все же обернулся. Он выглядел рассерженным, и я не могла понять, почему.

– Ты не остался на банкет.

– Милая речь, – отозвался он.

– Спасибо. Я решила, что лучше сделать ее краткой.

– Жаль, что фальшивая до последнего слова.

Его прямота застала меня врасплох.

– Разве можно винить меня? – спросила я. – Я слышала, что ты встречался с ней за моей спиной. Но хотя мы с Джанин и не любили друг друга, сейчас это не имеет значения. Смерть уравнивает всех, и никто не заслуживает того, что случилось с ней.

– Избавь меня от своего лицемерия, Лора. Я знаю, что у тебя на уме. Ты едва могла скрыть торжествующую ухмылку, когда читала речь по

бумажке.

Я не хотела спорить с ним, несмотря на все его усилия затеять ссору.

– Как девочки? – спросила я. – Я словно не виделась с ними целую вечность... Оставляла голосовые сообщения, но они так и не перезвонили.

– И это ни о чем тебе не говорит?

– Я думала о том, чтобы заехать к вам...

Тони шагнул ближе ко мне.

– Ты не посмеешь приблизиться к ним, слышишь? – прорычал он. – Ты и так достаточно сделала, чтобы испортить им жизнь.

Я закатила глаза.

– Это все еще из-за Эффи и ее учителя?

– А из-за чего еще? Она рассказала мне все. Как он пытался обхаживать ее и как ты велела ей не говорить мне ничего. Я ее отец! Я имел право знать!

«Держу пари, она рассказала тебе не все», – подумала я. Если Эффи хоть в чем-то похожа на мать, то умолчала о том, с какой готовностью подставила Райана, отлично зная, что он не педофил.

– Я сама разобралась с этим, – ответила я. – Пыталась показать тебе, что готова снова стать хорошей матерью.

– Хорошая мать сказала бы мне об этом. Хорошая мать не стала бы унижать дочь, размещая ту запись в «Фейсбуке» напоказ всему миру.

– Школа слишком долго тянула с этим делом.

– Ты знаешь, что теперь Эффи на домашнем обучении, потому что травля стала для нее невыносимой?

– Нет. Но если бы ты ответил на мои сообщения, может, я смогла бы помочь ей.

Тони повысил голос:

– Как ты можешь помочь, если все это – в первую очередь твоя вина? Я знаю, в чем он обвинял тебя – в том, что ты подговаривала клиентов покончить с собой. И то, как этот ублюдок поступил с моей дочерью и с Джанин... все это из-за того, что начала ты.

Выражение его лица подсказывало мне – он о чем-то сожалеет, но о чем именно, я не могла понять.

– Все, что я сделала, я сделала потому, что люблю тебя и нашу семью. Хочу лишь, чтобы все мы снова были вместе. Неужели это слишком много?

– Нет, Лора. Все, что делаешь, ты делаешь ради собственной выгоды, и всегда поступала так. Все остальные для тебя – лишь побочный ущерб в борьбе за желаемое.

– Может, я и совершила в процессе несколько ошибок, – признала я. –

Но все это началось потому, что ты разрушил нашу семью.

– И это было лучшее, что я сделал, потому что и девочкам, и Генри безопаснее без тебя. Ты – злой рок наших жизней. Джанин была хорошей женщиной, в сто раз лучше тебя. Единственное хорошее в ее смерти – то, что люди запомнят, каким замечательным человеком она была.

«Ненадолго», – подумала я. Забрав «Айпэд» из ее сумки в день смерти, я получила доступ к списку всех паролей – она была слишком тупа, чтобы запомнить их. В числе прочих, к ее банковским счетам – и счетам «Больше некуда». Вскоре после того, как Джанин отправилась к создателю, я перевела сорок тысяч фунтов с благотворительного счета на ее собственный. Еще пять тысяч были переброшены на игровую учетку. Пройдет несколько недель, бухгалтеры начнут ежегодный аудит, и им не понадобится много времени, чтобы отследить, куда ушли деньги.

Я стиснула кулаки и сделала глубокий вдох.

– Тони, сейчас не время и не место для спора. Может, ты приедешь ко мне домой сегодня вечером и мы обсудим это как подобает?

– Нет, Лора. До тебя что, не доходит? – Голос его звучал устало. – Не хочу больше приезжать в тот дом, не хочу быть поблизости от тебя. Ты отравляешь все вокруг.

– В восемь вечера, – повторила я. – Приезжай к этому времени, и я приготовлю что-нибудь вкусное.

Тони покачал головой, потом сел в машину и уехал.

Глава 2

Лора – три месяца после Райана

На похоронах Райана почти никого не было – дюжина человек в лучшем случае, и вероятно, только его родные, судя по тому, что я видела. Хотя из машины, конечно, видно было не очень хорошо. На похоронах Шантель было по меньшей мере вдвое больше народа, – а ведь та была грязной наркоманкой. Но кто захотел бы прилюдно прощаться с человеком, обвиненным в педофилии и убийстве? Это не украсит ничью репутацию.

Когда в газетах сообщили, что труп, запутавшийся в рыбацкой сети, найден у побережья Восточного Сассекса, где Райан предположительно прыгнул со скалы, я скрестила пальцы и молилась, чтобы это был он. Только когда его действительно опознали по ДНК, я смогла по-настоящему расслабиться.

О дате и месте похорон не было объявлено, и мне понадобилось сделать множество звонков, представляясь его родственницей, желающей послать прощальный венок, прежде чем я выяснила, где и когда будет организована церемония.

Тело Райана не везли на катафалке, родные не ехали позади в черных лимузинах, не было ни отпевания, ни торжественных похорон. Вместо этого его привезли в непримечательном коронерском автофургоне прямо в крематорий в соседнем городке Кеттеринге.

Из цветов были только мои лилии, лично привезенные и оставленные у дверей с неподписанной карточкой, гласящей: «Я выиграла».

Возле крематория ждали операторы из новостных агентств и с местной телевизионной станции, которым я подбросила пару намеков. Они снимали, как гроб достают из фургона и вносят в здание. Я отняла у Райана не только жизнь, но и похороны.

Решила, что не буду присоединяться к кучке скорбящих, потому что тогда рискую выдать себя. Вместо этого осталась в машине, хотя, честно говоря, испытывала легкое разочарование от того, что после всех своих усилий не увижу, как занавес отделит его гроб от всего мира – перед тем как останки опустятся в пылающую печь. Интересно, что сделают с его пеплом, будет ли он развеян где-то рядом с прахом Шарлотты? Никогда прежде не режиссировала смерть жены и мужа. Вряд ли с последующими моими кандидатами удастся превзойти это достижение.

Когда все вошли внутрь, я вспомнила, как в последний раз была в

крематории, прощаясь с Олли. Народу там было еще меньше, чем на похоронах Райана, – я и шестеро его друзей-бездомных, которых я снабдила алкоголем на недельный запой. Я даже не уверена, что они вспомнили, кто такой Олли.

Я тосковала по разговорам со своим другом. Даже когда мы не общались, одно осознание того, что он где-то есть, вызывало чувство, будто я не одна. До сих пор не могла понять, каким образом коронер и полицейские могли так сильно заблуждаться относительно времени и места его смерти. Почему они так решительно отвергли мои слова? Я уверена, что встречалась с ним минимум шесть месяцев спустя после заявленного времени смерти. И все же была рада тому, что не слышала его последний вздох.

Когда я вернулась домой, там по-прежнему было пусто. Чисто, но пусто. Несмотря на открытые окна, автоматические освежители воздуха и ароматизаторы, размещенные в каждой комнате, маслянистый запах свежей краски все еще был силен. Польские отделочники проделали замечательную работу, заново оклеив стены и покрасив потолки. Все, от перил лестницы до плинтусов и дверных рам теперь было чистым, сверкающим и белоснежным, точно дом превратился в ледяной дворец.

Я нашла и распечатала примеры оформления комнат на «Пинтересте» и сайтах журналов по сетевому дизайну. Новые занавески, подушки и коврики были ярких цветов – желтого и зеленого, – чтобы внести в белизну отделки цветные акценты. Я заново распечатала и вставила в рамки семейные фото, чтобы повесить их на стену, расположить на подоконниках и комод. А еще купила новое постельное белье и мягкую мебель в комнаты девочек и Генри. То же самое сделала с комнатой Тони, хотя когда мы снова станем единой семьей, он вскоре вернется в нашу супружескую постель.

Светлыми весенними вечерами темнота не спешила наступать, и я открыла заново застекленные двустворчатые двери и села в садовое кресло, чтобы выкурить сигарету. Следует отказаться от этой привычки до нашего с Тони воссоединения, потому что он ненавидит запах дыма. Лужайки и кусты вокруг дома аккуратно подстрижены, старый негодный батут разобран и выброшен в мусорный контейнер, ограда отремонтирована, уложен новый газон, клумбы перекопаны и засеяны заново. Все вокруг меня разноцветное и свежее. Новое начало для всего и всех.

Я не могла не улыбнуться, думая о будущем. Теперь ни Райан, ни Джанин не могли вмешаться в нашу жизнь, и ничто не мешало нам восстановить то, что когда-то было между нами... ничто, не считая

упрямства Тони. После церемонии открытия таблички он так и не принял мое предложение навестить этот дом и обсудить наши проблемы. Оставался верен своему слову и не желал иметь со мной вообще ничего общего.

Сначала это меня обескураживало, но потом я осознала, что виной тому – моя собственная глупая ошибка. Надавила на него слишком сильно и слишком рано... Может быть, отчасти он действительно горевал о смерти Джанин. Когда-то я гордилась своей выдержкой, но теперь поспешила, пытаюсь поторопить его, пока он еще не пережил это. И я знала, что люди, испытывая боль, часто говорят глупые вещи, которые вовсе не имеют в виду.

Зазвонил мобильный. Я в панике поспешно затушила сигарету, словно провинившаяся школьница, и спрятала окурки за лейкой. Номер был скрыт, и я понадеялась, что звонит Тони или Эффи. Они недавно сменили номера, и я вынуждена была приехать к ним домой, когда пришло официальное извещение о разводе. Однако, к моему удивлению, они съехали куда-то из съемного жилья. А когда я как-то раз после обеда доехала до школы Элис, чтобы забрать ее, учительница сказала, что дочку перевели в частную школу в другом графстве – но не сказала, куда именно. В соцсетях Эффи не отвечивала, а Тони даже взял отпуск в собственной компании.

Единственным средством общения с мужем была электронная почта. За последние несколько недель я несколько раз попыталась связаться с ним, сообщив, что Генри болен тяжелой легочной инфекцией и что Тони просто обязан его навестить. Когда тот не ответил, написала снова, добавив несколько медицинских терминов и описав лечение в больнице – для лучшего эффекта. Еще прикрепила фотографию Генри, спящего в кровати, чтобы Тони стало окончательно стыдно.

– Алло, миссис Моррис? – произнес женский голос.

– Да. Кто это?

– Белинда из Кингсторпского пансиона.

Я сильнее прижала телефон к уху.

– Вы звоните насчет Генри? С ним всё в порядке?

– Да, все отлично. К нему пришел посетитель, и мне нужно ваше разрешение, чтобы впустить его.

– Кто пришел?

– Отец, Тони Моррис.

– Да! – быстро ответила я. – Да! И попросите его подождать. Я скоро буду!

Я повесила трубку, чувствуя, как мое лицо горит от возбуждения.

Знала же, что Тони не сможет вечно злиться на меня, и когда он поймет, что сын болен, конечно же, захочет увидеть его...

Я не понимала, за что хвататься сначала. Взбежала по лестнице, перескакивая через две ступеньки, и прополоскала рот бальзамом, чтобы отбить запах дыма. Натянула повседневную одежду – зауженные джинсы, футболку, подчеркивающую тонкую талию, и кеды-«конверсы». Затем поспешно нанесла макияж и прыснула на шею и запястья немного духов «Иссэй Миякэ», которые очень любил Тони.

«Хочу поскорее увидеть вас с Генри вместе, – набрала я сообщение. – Выезжаю. Целую обоих». Схватила ключи от машины и мысленно отрепетировала слова, что скажу ему, когда он обнаружит, что я немножко солгала ему о болезни Генри. Вероятно, сначала Тони рассердится. Но когда увидит своего сына и мою преданность ему, враждебность рассеется, и он простит маленькую невинную ложь.

Я остановила машину на подъездной дорожке возле пансионата; меня слегка подташнивало от нервов. Девушку, сидящую за стойкой в вестибюле, я не знала – на бейджике было написано «Стажерка».

– Скажите, пожалуйста, где сейчас мой сын Генри Моррис? – спросила я.

– Отец вывез его погулять на территории, – ответила она. – С вами всё в порядке?

До этого я даже не осознавала, что мои губы сжаты, а пальцы стиснуты в кулаки. Я едва сумела выговорить «да», потому что мне отчаянно хотелось плакать от счастья.

Прошло больше двух с половиной лет с тех пор, как я видела своего сына и его отца вместе, и иногда тревожилась – увижу ли когда-нибудь снова? Сгущались сумерки, и я не хотела терять ни минуты, поэтому выбежала из здания и окинула взглядом окрестности, желая поскорее снова увидеть их.

Здание пансионата было когда-то величественным домом-усадьбой, но для владельца наступили трудные времена, и он был вынужден продать его. Обширную территорию неизменно поддерживали в хорошем состоянии – клумбы, сады, игровые площадки, и все это в окружении небольшого, но пышного леса. Наконец я увидела вдали Тони, присевшего на корточки возле инвалидного кресла Генри. Оба смотрели куда-то вниз по склону, в сторону озера, наблюдая, как по водной глади скользит семейство белоснежных лебедей. Я прижала ладонь ко рту, глаза мои увлажнились.

Но по мере того как я подходила ближе, в идеальной картине, разворачивавшейся передо мной, начало появляться что-то не то. Я не

могла сообразить, что именно не так, пока не увидела руку Тони. У моего мужа тату-«рукав» от плеча до запястья, до места, где носят часы. Но у мужчины рядом с Генри татуировок нет.

Желудок сделал кувырок, и я со всех ног кинулась к ним.

– Прочь от моего сына! – закричала я и оглянулась по сторонам в поисках помощи, но никого вокруг не было. – Оставь его в покое!

Мужчина оглянулся на меня, и я остановилась как вкопанная.

Мой сын с мертвецом. С Райаном.

Глава 3

Джонни

Судя по тому, какое выражение приняло лицо Лоры, когда она меня увидела, ей показалось, будто перед нею призрак. Я рассчитывал на это – хотел устроить хаос в голове чокнутой суки с первого же момента, как ее взгляд упадет на меня.

– Прочь от моего сына! – заорала Лора Моррис, когда осознала, что я – не ее муж. – Оставь его в покое!

Она быстро вертела головой из стороны в сторону, выискивая, кто бы ей помог. Но место, куда я привез Генри, было уединенным. Кроме нас троих, здесь никого не было.

Ее лицо вытянулось, когда она присмотрелась ко мне. Я коротко постриг волосы, как делал мой брат, сбрил бороду, так что теперь у меня была такая же неровная щетина, как у него; надел его любимую футболку с надписью «Нирвана» и заменил очки на контактные линзы.

Лора выглядела озадаченной и явно не понимала, не обманывают ли ее глаза. Я отнял одну руку от рукояти кресла и сделал резкий жест, словно собирался столкнуть коляску вниз по склону прямо в озеро.

– Не хочу причинять вреда твоему сыну, – с нажимом произнес я, – так что советую отойти.

– Ты не Райан. – Наполовину вопрос, наполовину утверждение. Она колебалась, не зная, что предпринять дальше. То двигала ногу вперед, то отдергивала назад, точно танцуя странный танец. Рот ее то открывался, то закрывался, но из него не вылетало более ни звука.

– Можешь подойти ближе, – продолжил я, дразня ее. – Но Генри пристегнут к этому тяжелому креслу, и если я отпущу его и он окажется в озере, тебе придется потрудиться, чтобы вытащить его в одиночку.

– Ты его брат, – сказала она, наконец-то догадавшись. – Видела тебя на похो... – Она умолкла, не договорив.

– Джонни, – подтвердил я. – Спасибо за цветы и карточку. Не можешь оставить Райана в покое, после того как убила его, верно?

– Я не убивала его. Никого не убивала. Ты меня с кем-то спутал.

– Хочешь продолжать игру, Лора? Что ж, у нас весь вечер в распоряжении.

Райан рассказал мне о Лоре так подробно, что казалось, будто я знаю ее – особенно после прочтения длинного письма, отправленного мне перед

смертью. В нем он пересказал все, что рассказывал ему о Лоре ее бывший муж, о фальшивых обвинениях, которые Лора и Эффи выдвинули против него. Вся его жизнь пошла кувырком после того, что сделала Лора. Райан заплатил самую высокую цену, а ей все сошло с рук. Но я не собирался оставлять это так.

Генри начал беспокоиться и извиваться в кресле, вероятно, почувствовав враждебность, окружающую его. Мне было противно пугать мальчика, но, судя по тому, что я знал о Лоре, он – ее ахиллесова пята и нужен мне как рычаг давления. Я осторожно похлопал его по плечу, чтобы успокоить, но это не возымело эффекта.

– Не смей трогать его! – рявкнула Лора, но тут же сменила тон на куда менее агрессивный: – Пожалуйста, ты его пугаешь.

– А почему я не должен делать больно твоему сыну? Ты же не сдерживала себя, когда делала больно моим родным и отняла у Райана его сына. Шарлотта носила мальчика – ты в курсе?

Лора помотала головой, потом подняла руку, словно убеждая меня замолчать и не говорить больше ничего.

– Не знаю, что сказал тебе Райан, – начала она, – но он был не в себе, ему нужна была помощь. Мы с Джанин пытались что-то сделать, но он зашел слишком далеко. Ты знаешь, что он вломился в мой дом и собирался убить меня?

– Мы все знаем, что он сделал, потому что ты распространила это по соцсетям. Он вломился к тебе, потому что ты толкнула его на это. Не забыла, что облила кровью свадебное платье его жены и бросила рядомдохлого поросенка? Чего ты ждала после этого? Что он посмеется над твоей выходкой? Ты точно знала, как он отреагирует. Спровоцировала его, и он сыграл тебе на руку.

Она замотала головой.

– Нет, что бы он обо мне ни говорил, это неправда. Посмотри на меня. Я мать троих детей, я волонтерка на линии доверия, одна из тех, кому дороже всего благополучие людей. Как я могу быть угрозой для кого бы то ни было? Если вернешь сына, может, я смогу помочь тебе понять твоего брата...

Я презрительно засмеялся.

– Ну же, Лора, ты можешь играть убедительнее.

– В полиции тебе сказали, что есть улики, доказывающие, что он убил Джанин?

– Да, и я в это не верю.

– На месте преступления нашли его молоток.

– Тот самый, что лежал в квартире, когда ты шарилась там...
Совпадение, верно?

– Теперь ты обвиняешь меня в том, что я убила Джанин?

– А ты этого не делала? Разве Джанин не состояла в отношениях с твоим мужем?

Лора попыталась замаскировать проблеск изумления, потом закатила глаза, словно актриса.

– Понимаю, ты стремишься обелить имя Райана, – сказала она, – и на твоём месте я тоже не захотела бы верить фактам. Ты рос вместе с ним, любил его и не хочешь думать о плохих вещах, которые он сделал. Но разве ты не понимаешь, что сейчас принимаешь такие же дурные решения, какие принимал он? Пожалуйста, умоляю, ради Генри и тебя самого, не позволяй ошибкам Райана разрушить и твою жизнь тоже.

Если б я не был в курсе всего, то мог бы решить, что в словах Лоры есть зерно истины. Она умела убеждать и разыгрывать жертву. Но я знал своего брата.

– Расскажи мне о своём сыне, Лора. Расскажи, как Генри стал таким.

Резкая перемена темы застала её врасплох, и она на несколько секунд умолкла. Потом произнесла:

– Во время родов пуповина обвилась вокруг его шеи, и он пострадал от кислородного голодания.

– Вот только не было такого, правда же? Это ложь, которую ты вбила себе в голову, потому что думать так легче, чем признать истину. Я точно знаю, что случилось с Генри.

– Все из-за трудных родов, – твердо заявила Лора.

– Твой муж говорил Райану, что ты лжешь себе относительно своего прошлого и переписываешь события, чтобы выставить себя в более выгодном свете.

Она попыталась скрыть изумление.

– Не знаю, зачем Тони мог сказать подобное, но...

– И мне известно, что трудное рождение Генри – всего лишь одна из этих лживых выдумок, верно? Он родился совершенно здоровым.

– Это Тони так сказал?

– Нет, Эффи.

Лора слегка прищурилась, не в силах скрыть горечь от предательства.

– Когда Райан умер и его имя трепали во всех газетах, Эффи почувствовала себя настолько виноватой из-за сыгранной в этом роли, что после похорон пришла ко мне, – продолжил я.

– Не следует верить в то, что она говорит. Эффи – девочка со

сложностями.

– Мне она показалась совершенно нормальной. Девочка рассказала мне, как вы с ней сделали всё, чтобы запись ее разговора с братом была воспринята всеми совершенно неправильно.

– Но ты же наверняка поверил каждому слову, когда впервые услышал запись, верно? Могу предположить, что ты так же отвернулся от брата, как и все остальные, и именно поэтому он покончил с собой. Поэтому ты мучаешь меня и моего сына – чувствуешь вину.

Ее слова глубоко ранили меня, но я не мог этого показать.

– Эффи рассказала мне, что Генри был совершенно нормальным мальчиком в первые четыре с половиной года своей жизни. А потом ты сделала из него вот это.

– Нет! – вскричала Лора, сверля меня взглядом. – Неправда! Райан и Эффи задурили тебе голову своим враньем! Я никогда не сделала бы ничего плохого своему ребенку!

Я достал из заднего кармана джинсов фотографию, которую дала мне Эффи, и показал ей, другой рукой придерживая дергающееся кресло.

– Разве это не он задувает свечи на свой третий день рождения? Здесь он выглядит здоровым.

Лора уставилась на фотографию совершенно нормального с виду Генри, сидящего рядом с сестрами в окружении друзей. Затем, закрыв глаза, прикусила нижнюю губу.

– Генри был у своей подруги Меган, когда девочка заболела, – продолжил я. – Поэтому отец Меган довез его до вашего дома раньше оговоренного срока, а мама девочки осталась присматривать за ней. Но ты и Тони были слишком заняты своей ссорой, чтобы услышать, как он вошел в дом. Ваши крики напугали его, и он спрятался в своей комнате.

– Все было не так. – Ее голос звучал тонко, по-детски.

– Из-за чего вы ругались? Из-за того, что Тони прочитал отчеты, сделанные работниками соцслужб, и понял, что женился на психопатке? Или из-за того, что Олли – или Дэвид, если называть его настоящим именем, – убил свою мать ради тебя?

– Заткнись! Заткнись же! – неожиданно взревела Лора, зажимая уши ладонями. Генри начал визжать на высокой пронзительной ноте, словно испуганный зверек. Но я уже не мог остановиться и повысил голос, перекрикивая обоих.

– Когда Тони выбежал прочь, ты решила, будто это новый дом виноват в том, что ваш брак распадается, – а не твои собственные действия. Поэтому разлила по полу все горючие материалы, оставшиеся от

отделочных работ, и подожгла их. Пока рыскала по округе, пытаясь найти своего мужа, напуганный маленький мальчик оказался в ловушке в своей комнате. Ты когда-нибудь думала об этом, Лора? Как страшно ему, должно быть, было, когда густой черный дым начал просачиваться в щель под дверью!.. Как думаешь, он помнит об этом? Как полагаешь, снится ли ему каждую ночь, как он задыхается в этом дыму?

Лора продолжала зажимать уши, но по тому, как исказилось ее лицо, я понимал, что она слышит каждое мое слово.

– Соседи позвонили в «три девятки», и пожарные спасли Генри, – продолжил я, – но к тому времени как медики реанимировали его, он слишком долго пробыл без кислорода, и его мозг сильно пострадал. Твой некогда счастливый и здоровый малыш неожиданно стал инвалидом с разумом годовалого младенца – и все по твоей вине.

– Нет, нет, нет! – закричала Лора и упала на колени.

Я указал на Генри, продолжавшего визжать.

– Знаю, некогда в тебе было что-то человеческое, поэтому то, что ты с ним сделала, сломило тебя. Тебя увезли на «Скорой помощи» и держали в психиатрическом отделении больницы Сент-Эндрюс, пока ты наконец не выписалась. Но за время твоего отсутствия Тони уехал и забрал с собой девочек. Однако даже тогда ты продолжила лгать себе относительно причин госпитализации. Эффи рассказала мне, что ты приписала себе рак, от которого умерла твоя мать. Так?

Лора поднялась на ноги и принялась бродить кругами, словно собака, пытающаяся найти удобное положение, чтобы лечь и уснуть.

– Нет, этого не было. Ты ошибаешься, – бормотала она, вцепившись в бедра. Лора теряла разум буквально у меня на глазах.

– Твои дочери не хотели, чтобы отец сказал полиции, что это ты устроила пожар, поэтому Тони обещал не выдавать тебя, если они будут держаться от тебя подальше. Ты думала, что со временем муж одумается и вернется, но он не сделал этого, да? Вместо этого перевел Эффи в другую школу, поближе к новому дому, и старался не допускать тебя к девочкам. Они наслаждались новой жизнью без тебя, пока не вмешался мой наивный братец и не внес тебя в список рассылки школьных отчетов по Эффи...

– Пожалуйста, замолчи, – умоляла Лора, совершенно сбитая с толку; слезы струились по ее щекам. – Хочу, чтобы ты перестал...

Потом лицо ее стало пустым, словно она заново переживала тот момент, когда узнала, что Тони ушел от нее и забрал дочерей. Плечи поникли, она точно хотела сжаться в комок и исчезнуть. Генри раскачивался в своем кресле, и Лора потянулась к нему, желая его утешить.

Но я снова снял руку с рукояти, и она отпрянула.

– Знаешь, что больше всего ужасает меня в тебе? – спросил я. – После того, что сделала с ребенком, ты не усвоила урок и продолжала считать себя главнее всех. Пытаясь уничтожить Райана, ты бросила Эффи под колеса общественного мнения. Собственную дочь. Мой брат хотя бы пожалел о своей роли.

– Пожалел только потому, что проиграл, – ответила Лора. Но в ее словах не было гордости за победу.

– И что же ты выиграла, Лора? Уж точно не мужа и детей. У тебя нет ничего. Райан говорил, что ты бродишь по дому в одиночестве. Часами сидишь взаперти, ожидая, пока кто-нибудь войдет, – и готов поспорить, никто не приходит. И вот что: никто никогда не придет. Ты потеряла всех, даже Олли.

– Зачем ты вмешиваешь его? – всхлипнула она.

– А почему нет? Ты же втянула Шарлотту, когда Олли пожелал покончить с собой.

– Все было не так, это несчастный случай. Он сорвался и утонул.

– Снова переписываешь истину... За прошедшие годы Олли несколько раз пытался умереть, если верить отчету coronера. Пробовал передоз и повешение. Я сложил два и два – и предположил, что ты, специалистка по самоубийствам, вмешалась, чтобы помочь ему сделать все правильно. Так?

– Не знаю, что ты имеешь в виду... – Лора затрясла головой, словно воспоминания, которые она хотела вычеркнуть навсегда, оживали в ее мозгу.

– Ты сделала это, Лора. Просто скажи правду.

– Олли хотел, чтобы я была с ним, когда он умрет, но я не могла, потому что не хотела бросать Генри, – прорыдала она. – Поэтому нашла другую кандидатуру.

– Шарлотту?

– Да.

– Уязвимую и страдающую от предродовой депрессии. Ты решила, что она созрела для манипуляций.

– Пожалуйста, Джонни, – просила Лора, сложив ладони, словно в молитве. – Просто уходи, и я никому не расскажу, что здесь было.

– А потом что? Передумаешь и откроешь охоту на меня?

– Нет, обещаю, я этого не сделаю! – Она тыльной стороной руки утерла соплю под носом.

– Мне нужно от тебя кое-что, прежде чем я уйду. – Я достал из кармана телефон, вызвал приложение видеокамеры и включил запись. –

Поскольку ты поднаторела публично выставлять людей на позор и поскольку диктофон, который брат отдал Джанин, куда-то подевался, ты сейчас посмотришь в объектив и признаешься в том, что поощряла Шарлотту умереть. Потом сознаешься в том, что сделала с Джанин, что Райан не педофил и что это ты толкнула его навстречу смерти.

Лора отвела глаза от моего лица и посмотрела куда-то вдаль.

– Эй, слушай! – рявкнул я, и она снова уставилась на меня. – Я не даю тебе выбор. Даже не думай. Признайся во всем, что ты сделала, и тогда я уйду.

Я смотрел на ее изображение на экране. Лора вытерла глаза и откашлялась.

– Ни за что, – ответила она, и уголки ее губ на секунду изогнулись вверх.

Потом она открыла рот и издала пронзительный крик.

Я услышал позади себя торопливые тяжелые шаги – и не успел обернуться, как что-то твердое сбоку врезалось в голову с такой силой, что я рухнул наземь.

Глава 4

Лора

– Тони, спаси нас! – взмолилась я, когда мой муж появился позади Джонни. – Это Райан!

По выражению лица Тони я поняла: он думает, будто это ему мерещится. Каким образом мертвый учитель-извращенец, домогавшийся его дочери, мог воскреснуть и терзать жену и сына-инвалида? Поэтому я не дала ему времени подумать – просто воззвала к инстинкту, выработанному на боксерском ринге: реагировать на прямую угрозу немедленным ударом.

– Он похитил Генри!

Тони кинулся к нам и, прежде чем Джонни успел защититься, нанес ему сильный удар в голову. Тот потерял равновесие и растянулся на тропинке лицом вниз.

Телефон выскользнул из его руки и запрыгал по гравию – но и инвалидную коляску Генри он больше не мог удерживать. Я метнулась к ней, ухватилась за рукоятки и уперлась пятками в землю, потом изо всех сил откинулась назад, чтобы помешать коляске съехать в озеро. Тянула ее назад, пока Генри не оказался в безопасности, и тогда принялась его успокаивать.

Тем временем Тони, склонившись над Джонни, бил его по затылку и ребрам со свирепостью, которую я раньше видела в нем только на боксерском ринге. «Крак, крак, крак» – кулаки методично ударялись о череп. Ни один композитор не смог бы написать музыку, которая звучала бы для моих ушей слаще, чем этот звук.

– Я убью тебя за то, что ты сделал! – крикнул Тони, и у меня не было причин не верить ему. План Джонни – сбить меня с толку, симитировав внешность своего брата, – блестяще сработал против него самого. Но я не собиралась говорить Тони, что он напал не на того человека.

Я привлекла сына ближе к себе, чтобы он не видел – хотя он и не смог бы ничего осознать.

– Ш-ш-ш, всё в порядке, – прошептала я ему на ухо, глядя его по волосам, но он продолжал выть.

Однако вместо того чтобы сосредоточить все свое внимание на Генри, я не могла отвести взгляд от творящегося передо мной хаоса. Джонни беспорядочно размахивал руками, иногда задевая мужа, но ничего не мог сделать против ярости, силы и выучки Тони. Красновато-розовая слюна

пузырилась на его губах, когда он давился собственной кровью, текущей в горло из разбитого носа и десен. Его голос был невнятным и неузнаваемым.

– Я не... – прохрипел он, но Тони не собирался слушать.

– Лгал мне, чтобы добраться до моей дочери, извращенец! Терроризировал мою жену и убил Джанин!

«Он назвал меня своей женой!» Эйфорический прилив тепла прокатился по моему телу.

Я могла бы упросить Тони остановиться, сказать ему, что он бьет не того, и мы оставили бы все это дело полиции. Но промолчала. Если Джонни так же злобен, как его брат, он и дальше преследовал бы нас, а я жаждала заполучить обратно прежнюю жизнь и семью. Такие, как он, не перестают ненавидеть, пока живы.

Страсть и энергия, которые мой муж проявлял в гневе, оказались заразительными... и возбуждающими. В паху возникло приятное покалывание, и чем более диким становилось поведение Тони, тем сильнее делалась моя страсть. Я желала его, испытывала к нему влечение, хотела, чтобы он взял меня...

– Он сказал, что собирается утопить Генри, – сказала я, крепче обнимая сына.

– Я не... – начал Джонни, но ему снова не дали договорить. Тони схватил его за волосы на затылке, с силой дернул голову назад, а потом впечатал обратно в землю. Несмотря на сумерки, я увидела, как глаза Джонни закатились, оставив на виду только белки.

Казалось, будто я еду на «американских горках», взлетая вверх и предвкушая резкий спуск. Тони держал в руках чью-то жизнь и собирался принять единственное важное решение, способное изменить все. Я крепко сжала кулаки и изо всех сил пожелала, чтобы он сделал решительный шаг.

Никогда еще я не любила мужа так сильно и не чувствовала себя настолько близкой к нему, как в тот момент, когда он убил Джонни.

Глава 5

Лора – два месяца после Джонни

Я сидела в своем кабинете, горбясь над клавиатурой, и мрачно смотрела в монитор, пытаясь разумно составить рабочее расписание на следующий месяц. Все девяносто четыре волонтера требовали, чтобы их смены не приходились на ночные часы, и угодить желаниям всех и каждого не было никакой возможности.

Выглянув в открытую дверь, я окинула взглядом зал, где работала дневная смена. Кевин, Санджай, Зои и Джоэлла сидели в своих выгородках; половина отвечала на звонки, а вторая заполняла свободное время чтением журналов и электронных книг.

Прошло уже больше недели с тех пор, как у меня в последний раз нашлось время присоединиться к ним, и я ужасно тосковала по чувству предвкушения следующего звонка. Я была очень занята, к тому же стала намного осторожнее после победы над Райаном и Джонни, но мне не терпелось найти нового кандидата. Однако с тех пор как руководство головного офиса предложило мне должность менеджера филиала, которую прежде занимала Джанин, основная часть моего времени была посвящена скучным административным задачам.

На губах у меня появилась улыбка: я сидела в кресле Джанин, облокотившись на ее стол, и вместо составления расписания вынимала пинцетом для бровей из ее клавиатуры неподдающиеся крошки от безглютеновых бисквитов. Если б она видела меня сейчас, то перевернулась бы в гробу, куда я ее загнала.

За моим филиалом нынче наблюдали гораздо пристальнее, чем когда-либо прежде, и по отнюдь не радостным причинам. Сначала убийство Джанин прямо в здании, затем ее посрамление как главы филиала – когда вскрылось, что она перевела деньги с благотворительных счетов на свои личные счета, в том числе и на тот, с которого платила за азартные игры в сети. Когда было начато расследование, о ее воровстве узнали все благодаря «анонимному» осведомителю. Вскоре табличка с именем была втихомолку отвинчена от наружной стены. Я сама сделала это, я, испортившая репутацию Джанин.

«Больше некуда» потеряла общественное доверие, так что количество звонков резко упало – как и число пожертвований. Поэтому вполне разумно было попросить меня занять место главы. Я была отважной волонтеркой,

пережившей два нападения сумасшедших братьев, которые также избрали своей целью мою дочь и сына-инвалида. Я во всеуслышание простила их, и альтруизм сделал меня иконой милосердия и выставил в самом положительном свете.

Остальная команда была довольна моим продвижением – в том числе и Мэри, старейшая волонтерка и моя бывшая наставница. Я сообщила ей о повышении по телефону, поскольку она все еще не вернулась в офис: слишком тяжелым оказался шок от убийства Джанин. Мэри по-прежнему винила себя за то, что не предотвратила это убийство и не наблюдала за роковым визитом Райана через видеокамеры, – несмотря на то, что именно я сказала ей, будто он давний друг Джанин. Я с радостью позволила Мэри нести груз вины – столько, сколько ей будет нужно.

Сигнал телефона уведомил, что рабочий день заканчивается. Полтора часа спустя я шла по улице к нашему дому, неся пакеты, набитые продуктами; ручки впивались в ладони.

Иногда я ловила себя на том, что рассеянно окидываю взглядом улицу, надеясь увидеть Олли. Он всегда боялся Тони, поэтому, вместо того чтобы позвонить в дверь, часами слонялся поблизости, ожидая, пока я выйду из дома или появлюсь рядом. Я скучала по нему, но слова Джонни продолжали преследовать меня.

Я была совершенно уверена, что Олли и Дэвид являлись абсолютно разными людьми – до нынешнего момента, потому что, когда как следует подумала, поняла, что их голоса были одинаковыми, как и жизненные обстоятельства. Дэвид потерял всякую надежду, когда его жена была убита тремя мужчинами, вломившимися в дом; мать Олли умерла от его собственной руки, пока трое мужчин, которым она намеревалась сдать нас «в аренду», торчали в дверях. Или это тоже ложь? Неужели то, что я помнила о жизни в доме Сильвии, так сильно отличалось от настоящих событий?

Вероятно, в последнее время память снова начала играть со мной шутки, подсовывая противоречивые картины того, что я считала правдой. Неожиданно всплыло глубоко похороненное воспоминание полторалетней давности – о разговоре с Олли. Он сказал, что с него достаточно, что он устал бороться; и хотя то же самое Олли говорил и прежде, я поняла, что на этот раз он искренен. Он хотел моей помощи в смерти, но боялся и не хотел уходить один – и именно тогда в сценарии появилась Шарлотта.

Потом я вспомнила, как видела его в последний раз: он пришел в мой дом, чтобы помыться, и я помогла ему. Дала старый костюм и рубашку Тони, снабдила одноразовым телефоном и достаточной суммой, чтобы он

мог купить билет на поезд до Восточного Сассекса, а потом взять такси. Он выглядел невероятно красивым.

Потом я увидела, как стою одна на автобусной остановке после похорон Шантель, а потом – у стойки регистратуры в больнице, споря с врачом, поступал ли к ним такой-то пациент. Так вот почему я не была на похоронах Дэвида! Не потому, что мне было слишком грустно видеть их, а потому, что его никогда не существовало.

Сердитый гудок машины вернул меня к реальности, и я обнаружила, что стою посреди дороги. Тело покрылось холодным потом, и я поспешила укрыться в безопасности своего дома.

– Привет! – крикнула я, открывая входную дверь и извлекая ключ из замка. Перед этим я сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. – Кто-нибудь поможет разложить покупки?

Упоминание о покупках было не лучшим способом выманить детей и мужа в прихожую. Тем не менее Элис появилась из гостиной, неся под мышкой мерзкого кота, словно меховую сумку-клатч. Ожидание воссоединения с Бибером было одной из причин, по которым ей не терпелось вернуться в наш дом. Ни в одном из жилищ, что снимал Тони, не было позволено держать животных, и Элис тосковала по коту.

– Где твоя сестра? – спросила я, пока мы несли пакеты на кухню.

– Еще наверху, с миссис Хопкинсон. Когда мне будет столько лет, сколько ей, я ведь не буду на домашнем обучении, да? – Элис уронила кота на пол, и он зашипел на меня, неспешно выходя из кухни. Когда-нибудь сумка с кирпичами и вода в канале сотрут надменное выражение с его морды.

– Не думаю, милая. Если не наделаешь глупостей, какие натворила Эффи, у нас не будет причин забирать тебя из школы и нанимать частного учителя.

Довольная моим ответом, Элис начала в строгом порядке расставлять на полках банки с консервированными овощами и супами.

– Этикетками наружу, – напомнила я. – Папа уже дома?

– Угу. – Она указала в сторону сада. – Почему у него все время такой грустный вид?

Я увидела Тони, который стоял, расставив руки и упершись ладонями в садовую ограду высотой ему по пояс. Смотрел куда-то вдаль, за игровое поле. Со времени воссоединения моей семьи это зрелище уже стало привычным – он словно хотел оказаться за миллион миль отсюда. Я твердила себе, что так будет не всегда, но проходило время, и у меня начали зарождаться сомнения.

Я надеялась, что отнятие жизни у другого человека свяжет нас воедино, однако мы по-прежнему оставались порознь. Убийство Джонни до сих пор приводило Тони в содрогание; я же невероятно гордилась тем, что он защитил меня и Генри. Муж показал, что в глубине души готов сделать все ради любимых.

Вспомнилось, как два месяца назад Тони стоял над безжизненным телом Джонни, потом перевернул его лицом вверх. Вспомнила, как звериная ярость сменилась недоумением, когда он понял, что избитый, окровавленный, мертвый человек был совсем не тем. Его охватила паника, и Тони посмотрел на меня в поисках объяснений.

– Ты сказала, что это Райан, – начал он, подняв брови и наморщив лоб.

– Неважно, кто это, – без обиняков сказала я. – Он угрожал причинить нам вред.

– Но я убил его! На что ты меня толкнула?

– Это была самооборона. Ты спасал своих родных.

Адреналин в крови Тони рассеивался, поселяя в его руках слабость и дрожь. Я крепко обняла мужа. Рукава и манжеты его рубашки были измазаны кровью Джонни.

– Посмотри на меня, Тони. Я расскажу полиции о том, что брат Райана пытался сделать перед тем, как появился ты. Буду защищать тебя. Я твоя жена. И не позволю, чтобы с тобой что-то случилось из-за того, что ты пытался защитить нас.

Я подвела его к ближайшей скамье; он сел и уронил голову на трясущиеся руки, а я позвонила в полицию. Вскоре после этого машина «Скорой помощи» увезла тело Джонни, а Тони был арестован по подозрению в убийстве и сопровожден в полицейский участок на допрос. Я изобразила, будто нахожусь в шоке, и мне дали лекарство, а потом я отвезла все еще испуганного Генри обратно в палату, где персонал успокоил его и уложил в постель.

Настала моя очередь давать показания. Дважды я прерывала допрос, потому что меня тошнило, когда я описывала ужасы этого вечера. К тому времени как мне позволили уйти, у полиции почти не осталось сомнений в том, что Джонни угрожал мне и Генри в отместку за смерть своего брата. Мое слово и слово Тони против действий покойника.

Оставшись одна в допросной комнате, я возблагодарила бога за то, что, прежде чем уйти из дома, отправила мужу сообщение о том, что хочу как можно скорее увидеть его вместе с Генри. Это сообщение в сочетании с другими, посланными в ту неделю и утверждающими, будто Генри болен, ввели Тони в заблуждение и заставили поспешить в пансионат. Если б он

не нашел меня... страшно думать, какие свидетельства мог бы записать Джонни, чтобы использовать их против меня. Я мысленно сделала себе пометку прислать цветы на его похороны, как прислала их на похороны Райана, только на этот раз на карточке будет написано: «Я снова выиграла».

Тони остался под стражей на ночь, и полиция привезла испуганных и ничего не понимающих дочерей в наш дом – впервые за два с половиной года. Я мягко изложила сокращенную версию того, что произошло и какой отважный у них отец.

Элис немедленно поверила мне и попросила подтвердить, что теперь наша семья в безопасности. Эффи поняла, что что-то не так, однако оказалась достаточно умна, чтобы ни о чем не спрашивать. Она не призналась, что разговаривала с Джонни после похорон брата и выложила мои тайны, а я не собиралась говорить, что мне об этом известно. Я предоставила ей гадать и накручивать себя. Но даже если она заговорит о своем омерзительном предательстве, я ясно дам понять, что теперь на ее руках не только кровь учителя, но и его брата.

Когда на следующий вечер Тони выпустили, его объяснения полностью совпали с моими, и я с тихой радостью видела, как рушится уважение, которое Эффи питала к нему. Впервые в жизни она поняла, что он лжет. Теперь мы с Тони оказались в глазах дочерей на одном уровне.

– Что ты сказал полиции? – спросила я, когда девочки отправились в свои заново отделанные комнаты и оставили нас одних. Прячась в темноте неосвещенной столовой, Тони был похож на тень.

– То, что ты и велела мне сказать, – что пытался защитить тебя.

– И тебе поверили?

– Адвокат говорит, что они, вероятно, не сочтут это преднамеренным убийством, однако проведут расследование, не превысил ли я пределы самообороны. Меня все еще могут обвинить в убийстве по неосторожности.

Я смотрела на своего сломленного мужа и гадала, сколько времени может понадобиться, чтобы привести его в порядок. Тони повернул голову и взглянул на меня, но я не видела его глаз. Его голос был безэмоциональным и отстраненным.

– Зачем тебе было нужно, чтобы я убил невинного человека?

Я покачала головой.

– Не знаю, о чем ты...

– Нет, – прервал меня Тони. – Не делай этого. Прояви уважение.

– А много ли уважения ты проявил, когда рассказал Райану об отчете психиатров из соцслужб? – Он ничего не ответил. – Джонни ни в коей мере

не был невинным, – продолжила я, – он пытался заставить меня сознаться в том, чего я не делала. Он был таким же злым, как и его брат.

– И в чем он хотел заставить тебя признаться?

– Теперь это неважно.

– Ты сделала меня убийцей. И я имею право знать, почему.

Я подумала о том, чтобы излить перед ним душу до последней капли, упасть к ногам и сознаться во всем, что он хотел знать, и даже больше. Испытывала соблазн рассказать, как побуждала Шарлотту и множество других людей умереть, как с помощью Эффи подставила Райана, и даже о том, что убила Джанин. Но эта мысль исчезла так же быстро, как и появилась.

Я повернулась к кухонному уголку и включила точечные светильники на шкафчиках.

– Ты, должно быть, голоден. Посмотрим, что я смогу по-быстрому приготовить. – Достала из морозильника обернутый в бумагу филейный стейк и ссыпала в миску готовую картошку по-деревенски. – Знаешь, почему я не осознавала, что ты переехал... ну, как мне кажется? Потому что ты постоянно приходил в дом, когда меня здесь не было. Я находила в посудомойке кофейную кружку, которой не пользовалась; почта, оставленная аккуратной стопкой, оказывалась разбросанной, а двери комнат – закрытыми. Если бы ты не любил меня или не хотел вернуть прежнюю жизнь, не стал бы возвращаться. Так что, наверное, поэтому я убедилась, будто ты и девочки никуда не уехали. Забавно, какие трюки может выкидывать наш мозг, верно?

– Я возвращался, чтобы найти сохраненные тобой улики того, что мы использовали пожертвования «Больше некуда» для основания собственного бизнеса. Не хотел, чтобы ты и дальше шантажировала меня. Ты знаешь, что я вернул всю взятую взаймы сумму, когда мое дело начало приносить прибыль.

– Что ж, теперь это тоже неважно, потому что все мы снова вместе.

У меня за спиной ножки стула Тони проскребли по полу. Тон мужа был решительным и взвешенным.

– Если ты думаешь, что я проведу под этой крышей рядом с тобой хотя бы на секунду больше, чем необходимо, ты заблуждаешься, Лора. Я забираю девочек, и мы уезжаем.

Я покачала головой.

– Нет, ты этого не сделаешь, Тони. Теперь мы снова вместе, одна семья – как и должно быть, – и никто из вас не покинет этот дом.

Он неискренне рассмеялся.

– И что же может заставить меня остаться здесь?

– Может, вот это: перед тем, как ты до смерти избил человека, приняв его за другого, он пытался записать на видео мое признание, и когда его телефон упал, запись продолжала идти, пока ты не убил его, и я не нажала «стоп»? Телефон так и остался у меня вместе с видеороликом, который доказывает, что ты не просто пытался защитить нас, а потерял контроль и считал, будто мстишь человеку, домогавшемуся нашей дочери и вытянувшему из тебя наши секреты. Когда ты услышал в интернете запись его разговора с Эффи, ты разозлился на себя, тебе стало стыдно. Поэтому если снова бросишь меня или попытаешься отобрать девочек... как бы мне ни было это ненавистно, я передам телефон Джонни полиции. У них не будет сомнений в том, что были превышены пределы самообороны, и ты попадешь в тюрьму. И даже если дочери не откажутся от отца, они смогут навещать тебя только по часу раз в две недели – если я, конечно, дам им на это разрешение, в чем сильно сомневаюсь. Все остальное время они будут проводить со мной. Только со мной. Эффи уже раздавлена; то же случится и с Элис, как только ее друзья узнают, что ее отец – убийца. Ты этого хочешь, Тони? Мне так не кажется. И я прошу тебя не поступать так со мной.

Тони побледнел и заморгал, когда его мозг зафиксировал смысл моих слов. Неожиданно он ринулся ко мне через всю комнату. Я закрыла лицо и грудь руками, защищаясь от удара, и Тони с размаха прижал меня к холодильнику. Ухватил меня за горло, его пальцы сдавили мою гортань. Я пыталась вдохнуть – как пыталась Джанин, когда я ударила ее молотком по горлу. В тот момент она боялась меня, а вот я ничуть не боялась Тони. Говорят, можно причинять боль только тому, кого любишь: значит, он, видимо, по-прежнему питает чувства ко мне. Я не сопротивлялась.

– Продолжай, – хриплым голосом выдавила я. – Убей меня, пока дочери наверху. Ты знаешь, что сделала со мной система сиротского попечения – и с ними будет то же самое.

Я чувствовала на своей щеке горячее дыхание, но что бы муж ни хотел сделать со мной, он не мог заставить себя. Его удовлетворение от мысли о моей смерти было не так велико, как его любовь к дочерям.

Я сжала зубы; сердце неистово колотилось. Тони отпустил меня и отступил назад, пока я ощупывала шею и приходила в себя.

– Итак, – небрежным тоном продолжила я, – стейк и картошка тебя устроят? Есть пакет перечного соуса.

Он вернулся обратно на стул и сгорбился – побежденный...

Позже я решила дать Тони пару недель, прежде чем предложить, что в

его интересах переехать из свободной комнаты в нашу спальню. Но хотя теперь мы спали рядом, ближе не стали.

В следующие два месяца я делала все возможное, дабы сделать нас настоящей, образцовой семьей. К счастью, Элис не выросла настолько, чтобы понять, что же за человек ее мать на самом деле, и как будто не замечала враждебности, которую проявляла по отношению ко мне Эффи. Я чувствовала злость старшей из-за того, что та не в силах рассказать правду отцу или сестре, не утопив при этом себя. Точно так же Тони никому не мог признаться в том, что в слепой ярости убил человека. Я была хранительницей их тайн. У меня было множество своих секретов – включая то местечко на игровом поле за домом, где зарыт герметичный пищевой контейнер с телефоном Джонни, перчатками Тони и кроссовками – теми, что были на мне, когда я убила Джанин. Я надеялась, что это все никогда мне не понадобится, однако подстраховаться никогда не вредно.

В поисках новой нормальной жизни я объявила воскресенье «семейным днем». По утрам мы навещали Генри, потом ехали в пригородный паб, чтобы пообедать ростбифом и йоркширским пудингом. Вернувшись домой, до вечера валялись на диванах и смотрели фильмы на DVD.

Сначала мне было совершенно неважно, что только мы с Элис получаем наслаждение от такого времяпрепровождения, но постепенно это начало доставать меня. Муж по-прежнему был не похож на прежнего Тони, которого я любила. Королевская прокурорская служба все еще решала, выдвигать ли какие-нибудь обвинения против него, что действовало ему на нервы. Он больше не работал сверхурочно, не ходил в спортзал, а когда по вечерам возвращался с работы, почти не выпускал девочек из поля зрения. Как будто боялся, что, если не будет присматривать за ними, что-то – или кто-то – может повлиять на них неприемлемым образом.

– Можешь доверять мне, – говорила я ему. – Ты знаешь, что я не сделаю им ничего плохого.

Он лишь молчал в ответ.

Теперь, пока Элис доставала покупки на кухне, я наблюдала за Тони, одиноко стоящим в саду. Он закрыл глаза и помотал головой; вид у него был измученный. Впервые я заметила, как сильно он потерял в весе. Некогда широкие плечи поникли, мускулистое тело стало просто угловатым. Я злилась, видя сильного, энергичного мужа таким слабым и непривлекательным. Я так долго ждала его возвращения... но мое терпение небесконечно. Он стал таким же неприкаянным, как отец после смерти матери.

«Если ему не станет лучше, понадобится переосмыслить всю ситуацию».

Мысль пришла мне в голову ни с того ни с сего. Я хотела избавиться от нее, даже запрещала себе проигрывать ее. Но потом, как это бывает, она перешла в другую мысль, пока в голове не развернулся полномасштабный замысел.

«Всегда есть выход, избавление от страданий. Кто поможет ему лучше тебя?»

Совершенно не хотелось терять Тони, но он был уже не тот человек, за кого я вышла замуж.

«Пока не спеши с решением. Просто знай, что следующий кандидат может находиться куда ближе, чем ты думала».

Я начала гадать: неужели я всегда должна страдать, чтобы другие были избавлены от этого?

Я уже собиралась присоединиться к Тони в саду, когда завибрировал телефон. На экране появилось оповещение почты. В поле заголовка ничего, но, увидев адрес отправителя, я похолодела. JanineThomson@gmail.com.

Я бросилась в гараж, спеша остаться в одиночестве, и открыла сообщение. Всего два слова: «Продолжение следует».

– Продолжение следует? – вслух произнесла я. Что это может значить? Уже собиралась удалить письмо, когда увидела вложение – звуковой файл.

Флуоресцентная лампа над головой начала мигать, словно передавая сигналы азбукой Морзе. Я нетерпеливо ждала, пока скачается файл, и гадала, что это. Но к ответу не была готова совершенно.

«Я это сделаю, – услышала я собственный голос. – Если вы серьезно настроены покончить с собой, то я лично буду присутствовать при этом. Я буду с вами с самого начала и до конца. Но это – деловые отношения. Мы оба должны выполнить свою часть работы, Стивен. Ваша задача – рассказать мне о себе, а моя – сделать так, чтобы ваш уход был мирным».

Телефон выскользнул из моих пальцев и упал на пол. Защитный пластик помешал экрану разбиться, и я схватила мобильник и снова прослушала файл. Неужели слух обманывает меня? Может, мерещится? Снова нажала на кнопку воспроизведения. Нет, все так.

Кровь бросилась в голову, затуманивая разум. Казалось, будто меня шатает туда-сюда, хотя тело оставалось неподвижным. Я боялась упасть, поэтому слишком сильно ухватилась за полку, выдрав крепления из стены и обрушив на пол все, что на ней стояло. Краска растеклась по бетону, словно лава, забрызгав обувь и голые лодыжки. Нужно было успокоиться. Но я не могла. Запись могла разрушить все, над чем я так долго трудилась.

Я удалила с диктофона все файлы; так откуда же это взялось, черт побери?

И почему сегодня, пять месяцев спустя?

«Думай, Лора, думай. Должен быть какой-то выход».

Но его не было.

В мгновение ока кто-то обрел власть надо мной.

«Что тебе нужно?» – набрала я и нажала кнопку «отправить». Прошло десять тревожных минут, но ответ не пришел. Трудно было дышать, словно при панической атаке.

«Якорь, Лора, – твердила я себе. – Думай о своем якоре».

Зажмурилась так крепко, как только могла, и представила лицо Генри – но даже он на этот раз не мог удержать меня. Я зажала рот ладонью, согнулась пополам – и кричала изо всех сил, пока не сорвала голос.

Эпилог

Эффи

Я притаилась за шторой в своей комнате на втором этаже и смотрела из окна на папу, стоящего в дальнем конце сада; он выглядел ужасно одиноким и погруженным в раздумья.

Папа уже в который раз бесцельно смотрел на другую сторону игрового поля, как будто хотел быть где угодно, только не запертым в этой тюрьме, которую нам полагалось считать домом. Не помню, когда он в последний раз улыбался кому-либо из нас той широкой яркой улыбкой, от которой вокруг него становилось тепло и радостно. Сейчас он выглядел так же жалко, как я чувствовала себя. И это сделала с ним мама. Превратила его в едва узнаваемый призрак.

Невозможно видеть его таким, невыносимо. Пора начать действовать и положить делу конец, пока она не убила его. Я прикрепила к электронному письму файл, хранившийся в моем «облаке», и нажала кнопку «отправить». Легла на кровать, надела шумоподавляющие наушники и выбрала на «Спотифай» плей-лист «Лучшее из R&B^[22]». На самом деле мне хотелось бесшумно прокрасться вниз и посмотреть, как мама психует из-за того, что мертвая женщина присылает ей выдержки из разговоров, которые сама же мама вела много месяцев назад с мертвым мужчиной. Увидеть, как долго она сможет продержаться, прежде чем сломается. Такое случалось и раньше, когда мама свихнулась из-за Генри. Но я надеялась, что она не сойдет с ума сразу, – хотела, чтобы помучилась. Хотела, чтобы ее жизнь стала таким же адом, как моя и папина.

Я тосковала по тому времени, когда мы жили только с папой и Элис. Без мамы все было намного проще. Хотя так было не всегда. По правде говоря, в самом начале с этим тяжело было смириться, особенно Элис. В последний раз, когда мы видели маму – до того, как она неожиданно вернулась, – папа удерживал ее, пока два санитары укладывали полуживого брата на каталку. Мама была в истерике, кричала, из ее рта летели брызги слюны, словно маленькие белые пули.

– Я убила его! Убила моего мальчика! – повторяла она и издавала ужасный низкий вой, какого я никогда прежде ни от кого не слышала. Полагаю, именно такая хрень и должна происходить, когда едва не сжигаешь своего сына заживо. В конце концов ее накачали успокоительным и увезли на «Скорой».

Мы с Элис остались на ночь у пожилой четы напротив. Они постоянно предлагали нам газировку, чай и сладости, как будто это что-то могло исправить. Поставили для нас в свободной комнате две раскладушки, но посреди ночи Элис заползла под мое одеяло и прижалась ко мне.

– Нас она тоже сожжет? – спросила она, и я не могла искренне ответить, что нет, такого не будет.

В течение следующих нескольких дней папины глаза делались все краснее и краснее. Мама оставалась в психиатрическом отделении, а Генри вышел из комы, и нам сказали, что он, скорее всего, никогда уже не станет тем младшим братом, которого мы помним. По настоянию папы мы не навещали ни Генри, ни маму. Надо отдать папе должное: он обращался с нами как со взрослыми и обсудил с нами то, что натворила мама. Папа объяснил: она призналась, что устроила пожар, поскольку винила этот дом во всех ссорах, но не знала, что Генри находился наверху. И папа пока не рассказал о ее признаниях полиции.

Я всегда была больше папиной дочкой, чем маминой, но мне было неприятно думать, что она попадет в тюрьму из-за несчастного случая – пусть даже ужасно тяжелого. В результате все мы согласились на том, что папа солжет полиции и скажет, что Генри любил играть со спичками. Но в обмен на это он попросил не общаться с мамой, и мы пообещали, что близко не подойдем к ней, пока не станем достаточно взрослыми.

После этого все изменилось. Мы переехали в другой дом – я перешла в другую школу, – сменили номера телефонов и оставили позади всех и все, пострадавшее от пожара.

Мне кажется, я скорее скучала по самой идее о том, чтобы у меня была мама, чем по ее настоящему присутствию в моей жизни. В отличие от папы, она никогда не была заботливой родительницей, и мы с Элис быстро научились не ждать от нее многого. Иногда она смотрела на нас так, будто не совсем понимала, откуда мы взялись в ее жизни. Но не на Генри. Она обожала его. Я тоже его любила. Он был милым и забавным и всегда пытался развеселить нас с Элис, корча смешные рожицы или танцуя дурацкие танцы. Теперь он во всех отношениях почти ничем не отличался от овоща.

Мы довольно быстро привыкли к тому, что теперь наша семья состоит не из пяти человек, а из трех. В прошлой школе я видела, как Фарзану Сингх постоянно высмеивали за то, что ее мать, страдавшая биполярным расстройством, отказавшись от таблеток, начала танцевать на родительском собрании индийские танцы, как в кино. Я не хотела допустить, чтобы подобное случилось со мной в новой школе. Поэтому с первого же дня

была настороже, вела себя заносчиво и самоуверенно и окружала себя такими же надменными сучками. Сказала всем, что мама вышла замуж за другого и уехала в Австралию, но все то время, пока царила в школе, боялась разоблачения.

Когда папа начал встречаться с Джанин, я не знала, что думать на ее счет. Слышала от своих друзей множество ужасных историй о том, как новые партнеры родителей буквально переворачивали вверх дном жизнь всей семьи, и не хотела, чтобы Джанин поступила так с нами. Но она не пыталась занять место мамы, а еще действительно хотела проводить время с нами – что само по себе было куда больше, чем делала мама. Я знала, что Джанин работает вместе с ней в «Больше некуда», но ни я, ни Элис ни разу не спросили о маме. Даже между собой редко говорили о ней. Джанин несколько раз пыталась поднять тему, но меняла ее, когда становилось ясным, что нам не по себе от подобных упоминаний. Пару раз я подслушала, как папа говорил с Джанин о маме, и отчасти мне даже было любопытно: выздоровела она или же свихнулась окончательно. Но в конечном итоге оказалось проще вообще не думать о ней, чем помнить, что она сделала с Генри.

Потом, после двухгодичного отсутствия, мама без предупреждения снова ворвалась в нашу жизнь. Надо отдать ей должное, она хорошо рассчитала время. Я сильно влюбилась в своего учителя английского, мистера Смита, и была уверена, что эти чувства обоюдны, но он развернулся на сто восемьдесят градусов и послал меня. Я была раздавлена, и мне не с кем было поговорить: я потеряла много друзей, когда Том развонил всем, будто я отослала его голое селфи родным и начальству, и его из-за этого уволили. Потом мои оценки внезапно сделались совсем дерьмовыми, и мне стало на все наплевать.

Сначала я была настороже, потому что мама, которую я помнила, не стала бы особо волноваться о том, что случилось между мной и мистером Смитом. Но эта новая, улучшенная версия ужасно интересовалась всем, что происходило в моей жизни. Я решила, что могу довериться ей. Рискнула и рассказала, какой дурой выставила себя перед учителем. Думала, она скажет, будто я все неправильно поняла и навоображала его интерес к себе, но она поверила каждому моему слову. Была убеждена, что он педофил и просто обхаживал меня. Я так не считала, но была так зла, что подыграла ей и начала преувеличивать случившееся. Думала, именно это мама и желает услышать.

К своему изумлению, я была ужасно рада тому, что в моей жизни снова есть мама и что она на моей стороне, так что когда ею был составлен

план, как отомстить мистеру Смиту, я с готовностью поддержала его. Но потом постепенно стала замечать перемены в ней. Как будто вместо того, чтобы просто преподать мистеру Смиту урок, она с наслаждением разрушала всю его жизнь. Месть для нее словно значила больше, чем я и мои чувства. Это не помешало мне сделать то, о чем она просила. Я даже не стала задавать вопросы, когда она велела мне украсть мертвого поросенка из школьного биологического морозильника.

Потом мама передала мне флэшку и велела перенести все файлы с нее на рабочий компьютер мистера Смита. Вот тогда мне стало страшно. Мама говорила не открывать эти файлы, но любопытство оказалось сильнее. Там были десятки фотографий юных девушек в школьной форме – некоторые в одних юбках, другие с задранными юбками и без трусов, так что видны интимные места. В глубине души я знала, что мама зашла слишком далеко и что я должна прекратить это здесь и сейчас. Но не прекратила. Не хотела разочаровывать ее.

Когда мама сказала, что мистера Смита арестовали за проникновение в ее дом и угрозы убить, мне стало нехорошо, буквально до тошноты. Потом, когда мы прокрутили мистеру Аткинсону запись, как мистер Смит извиняется передо мной, и учителя выгнали, я поняла, что это уже чересчур. Его обсуждала вся школа, но никто не знал, почему его уволили, пока полиция не приехала и не забрала компьютер. Поползли слухи, что он педофил.

Домогался ли он кого-нибудь в школе? Это хотели знать все. Мое имя всплывало несколько раз – всем было известно, что он давал мне личные консультации из-за снизившихся оценок. Я отрицала, что между нами что-то было, а поскольку меня считали крутой сучкой, то не стали прессовать и оставили в покое.

Тем временем папа согласился на то, чтобы Элис начала общаться с мамой. Сначала только текстовыми сообщениями, потом разрешил провести вместе выходной. В тот же день ранним вечером я застала Элис роющейся в сумке Джанин, пока та была в туалете.

– Ты что, воруеть деньги? – спросила я.

Элис сердито зыркнула на меня и покраснела.

– Нет.

– Тогда что ты делаешь?

– Я никому не могу сказать, это секрет.

– Лучше расскажи мне по-хорошему, а то я расскажу папе.

– Мама хочет, чтобы я кое-что взяла на время у Джанин, – неохотно созналась Элис. – Эту штуку для записи звука. – Она показала мне

диктофон.

– Зачем он ей?

– Не знаю. Наверное, хочет разыграть Джанин... Я должна отдать его маме утром перед школой, а потом, в обед, она вернет его обратно, и я положу его туда, откуда взяла, когда вернусь домой. Это плохо?

– Если ты сначала ненадолго одолжишь его мне, ничего плохого не случится.

В своей комнате я нажала на диктофоне кнопку воспроизведения. Не могла понять, зачем кто-то записал, как мама разговаривает по телефону в «Больше некуда». Потом до меня дошло, с кем она разговаривала, – то был мистер Смит, хотя он называл себя Стивенем. Я посмотрела на дисплей – запись была сделана десять месяцев назад. А потом поняла, зачем маме понадобился диктофон.

Она пыталась уговорить мистера Смита покончить с собой.

Я слушала, наполовину замороженная и наполовину шокированная. Разговор за разговором: мама согласилась посмотреть, как он умирает, потом начала перечислять лучшие способы, как это сделать... Меня тошнило. Она абсолютно чокнутая. Постепенно я поняла, что между мамой и мистером Смитом шла какая-то игра и оба они использовали меня, чтобы добраться друг до друга.

Я перенесла все файлы на свой ноутбук через блютуз, потом вернула Элис диктофон, чтобы та отдала его маме. Попросила не слушать, что на нем записано, и не говорить никому, что я застала ее роющейся в сумке Джанин. Она пообещала. Хорошая девочка. Честная. Невинная младшая сестренка понятия не имела, насколько важны эти записи.

Сначала я не знала, что делать с этими разговорами, теперь лежащими в моем «облачном» хранилище. Могла лишь предполагать, что это мистер Смит передал их Джанин. Она явно знала их содержание, так что, может быть, папа тоже это знал. Я не была в этом уверена.

Но прежде чем я успела спросить папу, мама подставила меня: опубликовала во всех соцсетях запись извинений мистера Смита передо мной. К обеду уже вся школа считала, будто я занималась сексом с учителем английского. Видя меня в коридоре, все выкрикивали «шлюха», «шалава», «учительская подстилка» и другие грязные слова. Я изо всех сил старалась их игнорировать. Потом, по пути домой, парни из одиннадцатого класса зажали меня в парке. Хватали меня грудь и за промежность, обзывали «давалкой». Я боялась, что они меня изнасилуют, но сумела вырваться и убежала домой. Позвонила маме и, плача, накричала на нее по телефону, но она даже не извинилась. А когда я пригрозила ей рассказать

папе о том, как мы поступили с мистером Смитом, она предупредила, что тогда случится. Я едва не проговорила о диктофоне, но придержала язык. Я собиралась бороться с нею ее же методами. Поклялась раздавить ее, как она раздавила меня.

Позднее, когда я уже думала, что хуже не будет, папа вернулся с работы раньше обычного, и по щекам его текли слезы. Какое-то время он просто плакал и только потом смог рассказать мне, что случилось. Джанин убили прямо в офисе «Больше некуда», и полиция теперь охотилась за мистером Смитом.

У меня немедленно возникло ужасное, тошнотворное чувство, что мама сыграла в этом роль. А если есть ее вина – то и моя тоже есть. Я бросилась в туалет и безостановочно блевала в унитаз. День спустя, когда мистер Смит покончил с собой, на моей совести оказалась еще одна смерть.

Я не могла жить с этой виной. Потеряла аппетит, почти не могла спать, заперлась в своей комнате и ни с кем не хотела говорить, кроме папы и Элис, – и уж точно не с этой сукой. Мне некому было выговориться. Мама и мистер Смит использовали меня, но я сомневалась, что мой учитель был способен на убийство. А вот она способна на все. Нужно было кому-нибудь рассказать то, что я знала.

Я вспомнила, что у мистера Смита есть брат. Видела его фото на телефоне учителя, когда тот подвозил меня домой. Поэтому после его похорон я связалась с Джонни Смитом в «Фейсбуке», и несколько дней спустя мы встретились. Мистер Смит рассказывал ему о том, как поступил со мной, поэтому Джонни, вопреки ожиданиям, не разозлился, когда я с раскаянием призналась, какую роль сыграла в смерти его брата. Он задал кучу вопросов про маму, и я рассказала про все – кроме тех записей на диктофоне. Они были нужны мне самой. Как только я сообщила ему достаточно сведений про маму и про то, что она сделала с моей семьей, просто вернулась домой и стала ждать. Но никаких вестей от него не получила.

Со временем я немного отошла и уже подумывала оставить все это позади. Мама снова исчезла из нашей жизни, мы опять переехали в другой дом, мне наняли частного учителя, а Элис перешла в другую школу. Мы больше не жили под тенью мамы.

Но все изменилось, когда приехала полиция и сказала, что мама и папа задержаны из-за инцидента в пансионате, где живет Генри, и что при этом умер какой-то человек. Их допрашивали, и маму отпустили первой, поэтому она забрала нас в наш прежний дом, где жила сама.

Мама рассказала нам о том, что случилось. Папа защищал ее и Генри

от брата мистера Смита. Сказала, будто Джонни угрожал причинить вред Генри. Ситуация вышла из-под контроля, и папа, защищая их, убил Джонни. Мама твердила, что папа – герой, но я знала, что она скрыла от нас изрядную часть истории. Как всегда.

Бедная Элис не могла осознать случившееся, и я держала ее за руку, пока она плакала. Сама же старалась изо всех сил не показывать маме никаких эмоций и ждала, пока папу освободят из-под ареста. Знала, что он скажет правду. Вот только он тоже солгал. Я поняла это, потому что он не смотрел нам в глаза, пока говорил, и его версия практически слово в слово совпадала с рассказом мамы.

Позже в тот вечер я притаилась на верхней площадке лестницы и подслушала их ссору. Папа хотел забрать меня и Элис домой, но мама не позволила. И у нее была видеозапись, из-за которой папа попал бы в тюрьму за то, что он сделал, хотя мама сама подтолкнула его, солгав, будто Джонни – это сам мистер Смит. Судя по звукам, доносившимся снизу, он напал на нее, и я всей душой желала, чтобы папа ее убил. Но он не такой, как она. У него не было другого выбора, кроме как остаться в этом доме и защищать нас от нее.

Мама и Элис, похоже, были довольны тем, что все мы снова живем под одной крышей, – но мы вовсе не семья. Мама обращалась с Элис ласковее, чем когда-либо со мной, но меня не одурачила. Она просто запускала когти в мою сестру, чтобы добраться до меня.

* * *

В течение нескольких недель я наблюдала, как папа медленно угасает у меня на глазах – и все из-за мамы. Я дико ненавидела ее. Долгое время верила, что мистер Смит, Джонни и Джанин умерли из-за меня. Но в конце концов осознала: виновата не я, а женщина, называющая себя моей матерью. Она манипулировала всеми нами. Но она не единственная, кто может превратить чью-то жизнь в ад. Сегодняшний день был ничем не хуже любого другого, чтобы начать постепенно стирать с ее лица это самодовольное, надменное выражение.

Я сняла наушники и проверила папку «Входящие» в созданной мною учетной записи почты. Мама уже ответила на письмо «Джанин Томсон», спрашивая, чего та хочет. Потеха началась.

Я подумала о том, чтобы ответить ей, но решила пока этого не делать. Куда забавнее потянуть с ней как можно дольше. Поиграть, как косатки,

которых я видела в роликах на «Ю-тьюбе»: они подбрасывают тюленя, ловят его пастью, потом выплевывают и повторяют все снова, прежде чем наконец убить.

Через несколько дней пошлю еще один файл, через неделю-полторы – еще. Может, скрою номер и начну звонить, прокручивая выдержки из ее разговоров с Райаном.

Надеюсь, ее разум не выдержит, потому что тогда ее, наверное, снова запрут в психушке, и мы сможем уехать из этого дома. Но если это не сработает, обнародую записи и уничтожу ее.

«Тебе следует помнить, Эффи: мы с тобой скроены из одного материала, – сказала она однажды. – Ты дочь своей матери, и многому можешь научиться у меня».

Она права. Я кое-чему научилась у нее.

И настало время применить эти знания на практике.

Благодарности

Прежде всего спасибо Джону Расселу за всю поддержку, оказанную во время написания этой книги и других. Твое понимание и терпение делают мою работу намного легче! И благодарю за то, что ты сидел на страже перед кабинетом, чтобы меня пореже отвлекали.

Спасибо также моей маме, Памеле Маррс, за неустанное ободрение.

Хочу выразить благодарность Крису Джеймсу, который заронил зерно идеи, легшей в основу этой книги. Спасибо, что позволил воспользоваться твоими знаниями о том, каково быть волонтером на линии доверия. Твой вклад бесценен.

Спасибо первым читателям Джиму Райану и Эндрю Уэбберу, а также королеве грамматики Кэт Миддлтон за то, что помешали мне выставить себя безграмотным дураком уже на стадии черновика. Спасибо Риану Моллоу за сведения о школьном антураже и Рейчел Моллой – за то, что не позволила мне передавать речь подростков старческим языком.

Спасибо Кэрол Уотсон за то, что указала мне на точку, где должно начинаться повествование. Надеюсь, оно доставило тебе настоящее удовольствие.

Спасибо Трейси Фентон за поддержку – и за имя^[23]; как и всей тысяче участников «THE Book Club» на «Фейсбуке». Ваша постоянная поддержка продолжает изумлять и радовать меня, и я предвкушаю новое совместное путешествие.

Также выражаю признательность Джейн Снелгроув из издательства «Томас энд Мерсер» за возможность публиковаться там и моему редактору Иэну Пиндару за его бесценную помощь в том, чтобы сделать Лору чуть более отвратной.

Спасибо Маргарет Маккаллох-Кибл за поддержку в изучении похоронных дел и Ли Робертс – за рассказ о полицейских процедурах. Также спасибо моему другу Линдси Уилс, которая помогла понять, каково быть родителем ребенка с особенными потребностями. Ты даже не представляешь, как сильно я тобой восхищаюсь.

Посвящаю книгу миллионам добрых, хороших, замечательных людей по всему миру, тратящих свободное время на помощь другим – в личных беседах, в телефонных разговорах, на форумах. Вы – невоспетые герои.

И наконец, спасибо тем, кто приобрел эту книгу, кем бы вы ни были. С самого начала ли вы со мной, или же только сейчас узнали обо мне, –

глубокая вам благодарность.

От автора

В мире более 400 организаций, состоящих из волонтеров, которые уделяют свое время беседам с людьми, склоняющимися к самоубийству. Чтобы узнать контакты ближайшей к вам организации, зайдите на www.befrienders.org.

notes

Примечания

1

Имеются в виду песни Джорджа Майкла «*Kissing A Fool*» и Мадонны «*Into The Groove*».

Адель Лори Блю Эдкинс (р. 1988) – популярная британская певица.

Хранящиеся на индивидуальных устройствах файлы веб-профиля с разного рода данными, по которым конкретного пользователя идентифицируют веб-серверы.

4

По британской шкале 10-й размер соответствует 44-му российскому.

Имеются в виду песня Уитни Хьюстон «*How Will I Know*», песня британского поп-дуэта «Юритмикс» «*Who's That Girl?*», песня популярной в 70-80-е гг. автора-исполнительницы Карли Саймон «*Why*».

Дженнифер Шрейдер Лоуренс (р. 1990) – популярнейшая американская актриса кино и телевидения.

Патентованная программа танцевальных фитнес-тренировок под латиноамериканскую музыку.

Коктейль, приготовляемый при помощи опускания («сбрасывания») рюмки ликера «Егермейстер» в стакан с энергетиком.

Аликанте – испанский город на берегу Средиземного моря в регионе Валенсия.

Комплексный психотерапевтический подход, основанный на допущении, что психологические проблемы являются следствием неверного осмысления окружающего, поэтому пациент прежде всего должен изменить свои взгляды в нужную сторону.

Женский вид спорта, ведущий происхождение от самой ранней версии баскетбола.

Отсылка к названию фильма с А. Джоли «*Girl, Interrupted*» (1999; в русском переводе – «Прерванная жизнь»), посвященного проблеме самоубийств девушек.

Так в Великобритании обозначаются ассоциации любительского футбола.

Размер 8 в английской системе соответствует российскому 42-му.

В Великобритании буквенная система оценок. «А» – отлично, «В» – хорошо, «С» – удовлетворительно, «D» – неудовлетворительно, «Е» – очень плохо.

Произведение Джона Стейнбека (1937).

Здесь: центральный сектор храма.

Легочное заболевание, масштабное разрушение дыхательных пузырьков-альвеол.

Итальянское сухое игристое.

Тосканское красное сухое.

Телефон экстренной помощи в Великобритании.

Так называемый современный ритм-энд-блюз (стилистика Майкла Джексона, Уитни Хьюстон и подобных исполнителей), имеющий мало отношения к оригинальному.

В книге так зовут адвоката Райана Смита.